

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

16

ФИЛИП ФАРМЕР

WORLDS OF PHILIP FARMER

DARE
NOVELLAS AND SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

ДЕЙРА

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Филипа Фармера. Т. 16 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 415 с.

В очередной том собрания сочинений известного американского фантаста вошли фантастико-приключенческий роман «Дейра», а также повести и рассказы разных лет.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Dare
Copyright © 1965 by Philip José Farmer
© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997
© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1996

ISBN 5-88132-290-8

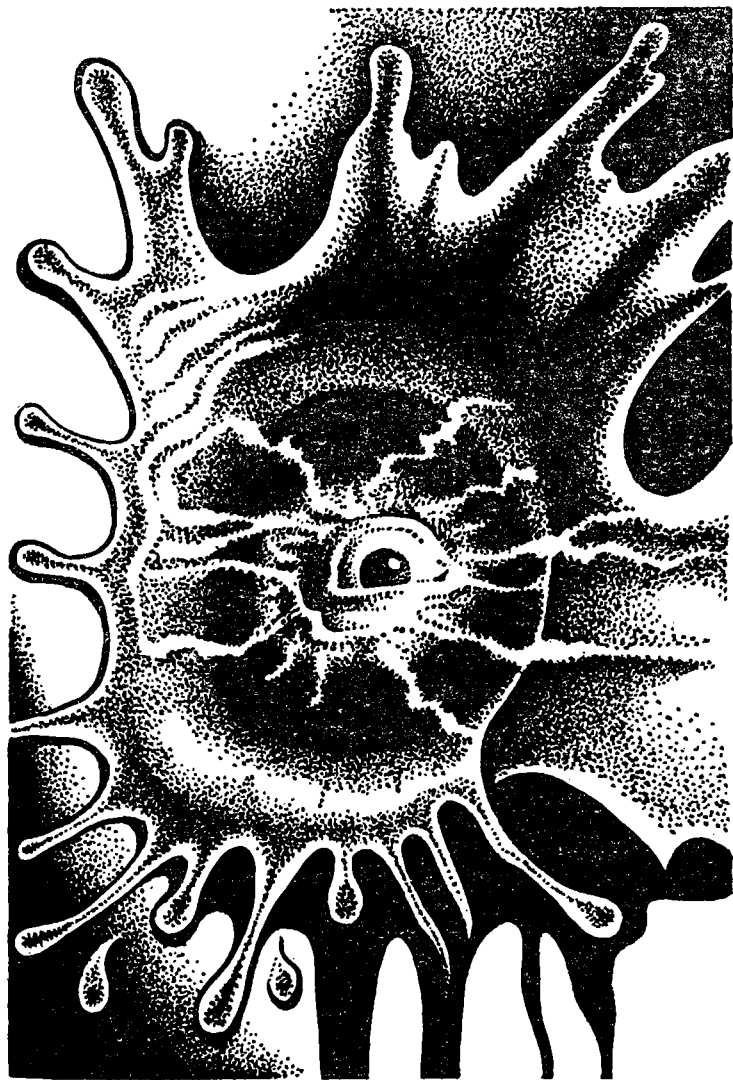
В очередной том собрания сочинений Филипа Хосе Фармера вошли роман «Дейра» и рассказы, объединенные темой религии и веры.

История романа «Дейра» запутана, а путь его к читателю — на удивление тернист даже для книги, созданной автором столь скандальной известности. Написанная одновременно с первым вариантом «Мира Реки» в середине 50-х, «Дейра» разделила его судьбу. Из-за внезапного банкротства журнала «Startling Stories» он так и не был напечатан и впервые попал к читателю десятью годами позже, в сильно переработанном варианте.

Филип Фармер способен самую заезженную идею повернуть необычной стороной. Вот и в «Дейре» он пользуется этой способностью с большим успехом. Загадочные инопланетяне, похитившие в XVI веке несколько сот землян и переселившие их на планету Дейра в системе тау Кита, и не предполагали, наверное, что их жестокий эксперимент приведет к таким результатам. Лишенная запасов металла планета стала полем боя на стеклянных мечах. А две расы — люди и «жеребяки», — которые должны были бы жить в мире и согласии, находятся на грани истребительной войны, разжигаемой сторонниками воинствующего христианства в его таукитянском варианте — ведь у жеребьяк нет душ, а значит, и убивать их не грех.

Автор смело соединяет жанры. Романтическая история любви Джека Кейджа и сирены Р'ли переплетается с политическими интригами районного масштаба, начинающейся войной... а затем с далекой Земли прибывает звездолет, экипаж которого готов вступить в контакт с обитателями Дейры — как с потомками невольных переселенцев, так и с жеребяками, которых тоже нельзя назвать аборигенами планеты. Но какова будет цена земной помощи? Что станет с культурой Дейры? Не станет ли она, приняв помощь пришельцев, бледной копией Земли? Найти ответы на эти вопросы героям придется самим.

Вторую часть книги составляют рассказы и повести, посвященные религиозной теме — в расширительном ее понимании. Тут и детективно-приключенческая повесть «Дочь капитана», в которой обычаи неопуританской секты становятся причиной эпидемии, и юмористический и одновременно серьезный «Божий промысел» — рассказ о том, как богом стал университетский профессор литературы, и жутко-затые библейские фантазии «Чаша больше, чем Земля» и «На пути к Возлюбленному городу». И, конечно, сюда мы должны отнести и рассказ, посвященный другой разновидности веры — веры в героев масс-культуры. Вниманию читателей представляется уникальное интервью, взятое автором у лорда Грейстока, более известного публике под псевдонимом Тарзан.

ДЕЙРА

ПРОЛОГ

Бог весть куда все они подевались!

Более сотни мужчин, женщин и детей — сто восемь, если быть совершенно точным, — никак не могут исчезнуть бесследно.

Но обитатели колонии Роанок, штат Вирджиния, похоже, как-то исхитрились. Среди них, канувших в Лету, оказалась и малышка Вирджиния Дейр, первая белая уроженка Северной Америки. Никто никогда более не встречал ни Вирджинию со всею многочисленной ее родней, ни других англичан из Роанока, равно как и никого из находившихся при них индейцев племени кроу. Они исчезли — испарились, пропали, как сквозь землю провалились — между 1587 и 1591 годами от Рождества Христова.

Чарльз Форт, известный летописец неординарных событий — тех, что маститые академики от историографии предпочитают оставлять без внимания, а то попросту и опускать, — толкователь самых загадочных, порой и вовсе необъяснимых явлений, о вышеупомянутом случае был осведомлен. Но от его пытливого взора, от его неусыпного внимания ускользнули некоторые иные, не менее интригующие факты. А жаль — они привели бы исследователя в неумный восторг. Какие изящные гипотезы, затейливые домыслы и блистательные парадоксы, исполненные едва уловимого сарказма, сошли бы с кончика пера неутомимого литератора!

Как досадно, например, что южноамериканские корреспонденты не осведомили его об одном любопытном случае из средневековой истории — бесследном исчезновении генуэзского корабля «Буона-Вита». В последний раз он был замечен испанской каравеллой «Тобоза» в виду Больших Канарских островов, в шестидесяти лигах от ближайшего берега.

Пассажирами генуэзского судна, ходившего под португальским флагом, в том приснопамятном рейсе были сорок миссионеров из Ирландии, а также трое итальянских монахов. В Бразилии они собирались с помощью Божьей заняться обращением

дикарей в благочестие и истинную веру. Но до конечной цели своего путешествия так и не добрались. Никто не встречал их более — ни в христианском мире, ни среди краснокожих язычников.

Диковинны дела Твои, о Господи!

Само по себе исчезновение это ничуть не выходит за рамки привычных представлений. Как это ни печально, корабли имеют обыкновение время от времени тонуть без свидетелей в безбрежном океане. И «Буона-Вита» не удостоилась бы специального упоминания в церковных хрониках и отдельной строки в анналах бразильской истории послеколумбова периода, когда бы не одна весьма немаловажная деталь: обязанности аббата у миссионеров, направлявшихся в Бразилию, отправлял некто Марко Сузини, более известный под именем преподобного Маркуса Социнуса — кровный родич, точнее, родной племянник еретика Фаустуса Социнуса. В Бразилию, кораблю вослед, была направлена из Рима депеша, в коей Маркусу повелевалось безотлагательно предстать перед Святейшим престолом на предмет разбирательства и вынесения высочайшего вердикта.

Но ни папскому посланию, ни легату, его доставлявшему, не суждено было сыскать указанного адресата — даже будь всем известно местонахождение последнего.

И еще одно событие того же исторического периода, дознайся о нем Форт, заставило бы писателя запрыгать от радости.

Книга, опубликованная в 1886-м и уже успевшая стать библиографическим раритетом, содержала перевод фрагментов трактата достопочтенного Ибн Кхулейля «Из истории мусульман». По забавному (а может, и не случайному?) совпадению переводил книгу однофамилец Чарльза — методистский священник, преподобный Карл Форт. Подстрекаемый любознательностью и столь же неумной тягой ко всему из ряда вон выходящему, как и его литературный потомок, святой отец приводит сделанное арабским историком описание исчезновения в одну ночь большого арабского каравана.

Вкратце суть произошедшего такова: в год 1588-й по христианскому летосчислению девяносто бесценных черкесских наложниц, предназначенных для гаремов богатых мусульманских шейхов, и до сорока стражей различного происхождения при них разом пропали, исчезли с глаз людских. Остались лишь стреноженные на ночь лошади да натянутые шатры, внутри которых еще остывала нетронутая вечерняя трапеза.

Единственная примета беспорядка — окровавленный ятаган на песке. Дюжину длинных и грубых рыжеватых волосков, приставших к лезвию, знатоки не сумели соотнести ни с одним известным им обитателем Земли. Некоторые приписывали все

же принадлежность волосков огромному медведю, ибо рядом с шатрами обнаружился отпечаток в песке — всего один — след, оставленный чудовищной лапой, несколько схожий с необычно большим медвежьим.

Куда же могли подеваться все эти люди? — задается вопросом высокочудный Ибн Кхулейль. Быть может, их унес злой джинн — в свой неприступный, окруженный пылающим рвом дворец? Не его ли волосы и прилипли к окровавленному клинку?

Ответов на эти вопросы не больше, чем в истории о жителях Роанока, штат Вирджиния, а также и в случае с теми, кто был на борту «Буона-Виты». Все упомянутые события окутаны равно плотным покровом мрачной тайны.

И вот еще один любопытный штрих на замету неугомонному Форту. Не существующее ныне парижское издательство «Эжилетт» (в переводе с французского — «Игла») некогда выпустило в свет сборник эссе китайского мудреца Хо Ки, сочиненных им в середине восемнадцатого века. В главе «Леденящие мысли» мудрец мимоходом упоминает жителей деревушки Хунг Чу, решившихся в один прекрасный день, а вернее, ночь отправиться всем скопом невесть куда — в путешествие, возврата из которого уже не было.

Это все, что сообщает на данную тему мудрец, и не стоило бы заострять внимание читателя на его фантастической зарисовке, когда бы не одно интригующее обстоятельство: случилось упомянутое Кхулейлем событие в год 1592-й по григорианскому календарю.

Год 1592-й отделяют от 2092-го пять столетий — не столь уж долгий для истории срок. Но от Земли до планеты Дейра и путь весьма неблизкий — даже для светового луча.

Дейра — вторая планета в системе звезды, именуемой нынешними астрономами тау Кита.

Население планеты говорит на английском, на весьма архаичной латыни, а также по-жеребьяски.

На древней карте, рисованной самим почтенным Хананом Дейром, отцом Вирджинии, до сих пор можно разобрать очертания континента, на который высадили похищенных землян. Имя этой земле — Авалон. Грубые линии, начертанные неумелой рукой за то короткое время, пока планета вырастала в иллюминаторах, изображают неправильный четырехлепестковый контур, небрежно брошенный на шар. Остальная поверхность планеты — сплошной океан.

Жирный крест на карте пометил место первого поселения, названного поначалу Нью-Роанок и переименованного в Неблизку сразу же после вопроса, заданного маленькой Вирджинией: «Это ведь далеко от места, где я родилась, папочка?»

Древняя карта также пестрит весьма однообразными пометами мифологического толка — о местах, где люди впервые столкнулись с неведомыми тварями, окрестив их с ходу на привычный земной манер: «Здесь водятся единороги... Здесь встречаются оборотни-людоеды...», и прочее в том же духе.

И, разумеется, великое множество раз на карте повторяется одна и та же краткая надпись: «Жеребяки».

По старинному тысячелетнему большаку, залитому лучами не по-весеннему жаркого солнышка, шел человек. Шагал он не спеша, то и дело окидывая внимательным взглядом карих глаз из-под полей шляпы с высокой тульей заросли по обочинам. Левая рука Джека Кейджа — а именно так величали нашего путника — сжимала упругий лук из ветви дерева татам, на спине висел полный стрел колчан, на левом боку — ятаган в ножнах, справа на широком ремне — кожаный футляр с толстой стеклянной колбой, доверху наполненной черным порохом. Из узкого горлышка бомбы торчал короткий фитиль. Рядом с футляром с ремня свисал еще и кинжал медного дерева.

Джек был готов к отражению атаки дракона, откуда бы тот ни напал: сверху ли, сзади, или из чащи вдоль дороги. Первым делом — всадить стрелу чудищу в глаз. Именно в глаз, ибо целить куда-либо еще — бесполезная трата стрел и драгоценного времени. Кремневому наконечнику никак не пробить двухдюймовую ороговевшую кожу.

Поговаривали, что живот у дракона вроде бы помягче, но полагаться на досужие домыслы в его положении — непозволительная глупость. Слухи, как гласит народная мудрость, сгубили кошку. И хотя сам он далеко не безобидная кошка — что бы там это древнее словцо ни означало на самом деле, — испокон веку охота на дракона оставалась занятием весьма и весьма рискованным. И с досадной возможностью быть съеденным самому считаться следовало всезвезд.

Словно прочитав мысли Джека, трусивший впереди, шагах в десяти, Самсон — огромный рыжий пес львиной породы — застыл как вкопанный и, косясь на хозяина, глухо заворчал на заросли по правую от дороги сторону.

Джек мигом извлек из колчана стрелу и изготовился. Повторил свой незамысловатый урок: стрелять только в глаз и — независимо от того, попал или промахнулся, — сразу бросать лук. Выхватить из футляра бомбу, поднести к запалу люциферку и швырнуть чудовищу в морду — авось расчет оправдается и кожу разворотит взрывом или хотя бы как следует посечет острыми осколками.

Затем, не дожидаясь результата, повернуться и бежать, на ходу выхватывая ятаган из ножен. У первого же толстого дерева на обочине занять оборону. Уж там-то, отмахиваясь дамасским клинком и уворачиваясь от бешеных, но легко предсказуемых наскоков — может ли дракон быть вертким при его-то туше? — Джек как-нибудь сумеет за себя постоять. Самсон же тем временем не даст чудишу покоя, нападая с тыла.

Джек осторожно поравнялся с застывшим псом. Сквозь просвет в чаще мелькнуло нечто светлое, и охотник расслабился, перевел дух. Что бы там на поверку ни оказалось, но по цвету это безусловно не дракон. Либо человек, либо жеребьяк — одно из двух.

Бесполезную в густых зарослях стрелу Джек вернул в колчан, лук закинул за спину и обнажил ятаган.

— Тс-с-с, Самсон! Молчок, — шепотом приказал он. — Давай вперед, но только без лишней суеты!

Огромный пес, бесшумно переставляя мохнатые толстые лапы, метнулся вперед по едва различимой в зеленой чащобе тропинке. Собачий нос в поисках следа то приникал к земле, то вздымался — точь-в-точь рыбацкий поплавок на прибрежной волне. И след этот определенно обнаружился — вместо того чтобы направиться по тропке напрямую, Самсон, как заправский охотник, стал петлять в густом подлеске.

Ярдов через тридцать—сорок, передвигаясь медленно и почти беззвучно, друзья выбрались к небольшой поляне.

Самсон остановился. Нутряной низкий рокот исторгла отнюдь не глотка пса, послушного хозяйскому запрету шуметь — казалось, заклокотали сами собой напрягшиеся могучие мышцы и даже волоски ошетилившейся шкуры.

Джек глянул поверх вздыбившегося собачьего загривка. И тоже застыл. И невольно содрогнулся. От леденящего душу ужаса.

Впереди, сидя на корточках над поверженным телом сатира, самозабвенно трудился Эд Вонг, кузен Джека. Из тела, повернутого спиной к победителю и невольным зрителям, всю хлестала кровь. В крови была вся гривастая спина жеребьяка и вся трава поблизости.

А Эд, грубо орудуя кинжалом медного дерева, срезал хвост вместе с изрядным куском кожи. Закончив, вонзил на мгновение кинжал в почву, чтобы очистить лезвие от крови, и выпрямился с жутким трофеем в руке, не отрывая от него завороченного взора.

— Давно ли в цирюльники записался? — взяв себя в руки, спросил Джек слегка охрипшим, но ровным голосом.

Обронив добычу, Эд круто развернулся, продемонстрировав отвисшую от испуга челюсть и выпученные глаза, и угрожающе

взметнул руку с кинжалом. Разобрав, что нарушитель уединения всего-навсего Джек, малость расслабился, но прятать кинжал в ножны пока не стал. Искажённое лицо мало-помалу приняло нормальное выражение.

— О, святой Дионисий! — выдохнул он. — Я едва не принял тебя за жеребяка.

Джек тронул Самсона коленкой. Пес послушно выпрыгнул с тропы на прогалину и занял выжидательную позицию в стороне. Хотя он и знал Эда, дальнего родича хозяев, тому сейчас лучше бы избегать резких движений.

Джек опустил ятаган, но прятать в ножны тоже пока не собирался.

— Ну а окажись я жеребяком, что тогда? — полюбопытствовал он.

— Пришлось бы тоже убить, за компанию. — Эд ловил настороженным взглядом впечатление, какое произведут на родственника его слова, но лицо Джека оставалось непроницаемым. Пожав плечами, Эд медленно, косясь на пса, повернулся, склонился над телом и еще раз отер лезвие — на сей раз о пышную пшеничную гриву убитого.

— Первый жеребяк на моем счету, — хрипло выдавил он, — но клянусь, не последний.

— Даже так? — откликнулся Джек, вложив в короткую реплику весьма сложный букет чувств: отвращение, ужас и даже некий недвусмысленный намек.

— Да, именно так! — злобно рявкнул Эд. И повторил уверенней: — Клянусь, этот сатир далеко не последний!

Затем медленно выпрямился и вызывающе уставился на родича.

Джек видел, что тот близок к истерике. Он помнил Эда в подобном состоянии — в пьяной кабацкой потасовке. Суматошные бешеные удары кузена тогда причинили своим ущерба не меньше, чем тем, кому на самом деле были адресованы.

— Остынь, Эд! Неужто я похож на жеребяка? — примирительно произнес он и сделал шаг к распростертому телу. — А кто это здесь?

— Вав.

— Вав?

— Да, Вав. Из той семейки вайиров, что проживают на ферме твоего отца. Я долго его выслеживал — шел по пятам, пока не убедился, что он один-одинешенек. Затем под предлогом, будто собираюсь показать гнездовые мандрагоров, заманил на эту полянку. Никаких мандрагоров здесь, понятное дело, и в помине нет, но, пока он озибался и соображал, я ударил в спину.

Это оказалось чертовски несложным делом, Джек! Он даже и пикнуть не успел. И это после всего того звона, будто

врасплох жеребяка никогда не застать! Завалить его оказалось легче легкого, уверяю тебя! Буквально раз плюнуть!

— Ради всего святого, Эд! За что? Что он тебе такого сделал?

Кузен грубо выругался и, взметнув блеснувшее матово-красным лезвие, шагнул навстречу. Угрожающе рыча, Самсон ощерился и подобрался для прыжка. Его хозяин почти машинально взмахнул клинком — с тихим свистом сверкнула безупречная дамасская сталь, готовая отразить любую угрозу.

Но Эд даже и не думал нападать. Словно не заметив эффекта, какой возымело неосторожное движение, он продолжил разговор — уже тоном пониже. Джек опустил ятаган; похоже, они с Самсоном поторопились с выводом — темпераментный кузен просто подкреплял свои слова выразительным жестом.

— Разве мало тебе уже того, что он жеребяк? — выдохнул Эд. — А мы с тобой люди? Послушай, Джек! Ты ведь с Полли О'Брайен знаком?

Джек мигнул от неожиданности при таком резком повороте разговора, но ответил кивком. Разумеется, он прекрасно помнит Полли. Девушка живет в приграничном городке Сбейптаху (названном так по вине неисчислимых стай крохотных крылатых разбойников — сбейпташек), куда недавно переселилась из столицы — Сент-Диониса — вместе с матерью, вдовой аптекаря. На новом месте мать сразу же открыла лавчонку и вовсю торгует целебными снадобьями, винцом, притираниями и, ходят слухи, чуть ли не приворотным зельем. А дочка помогает.

Встретив Полли впервые, он и сам разве что не влюбился — настолько хороша показалась девушка. Точеная фигурка, нежный овал личика, на котором полыхали магическим светом невинно-шаловливые серые глазища.

И невзирая на риск получить втык от Бесс Мерримот, за которой ухлестывал уже давно, а с родителями ее так даже собирался приступить к обсуждению приданого, Джек навряд ли удержался бы от соблазна приударить за Полли, когда б не кузен Эд. За кружкой пива в таверне «Алый рог» тот исповедался в самых серьезных намерениях по отношению к девушке. И как друг и брат Джек вынужден был отступить. К глубочайшему своему огорчению.

— Разумеется, знаком, — ответил он. — Ты ведь, когда положил глаз на нее, распространялся об этом чуть ли не на каждом шагу.

— Она попросила убежища, Джек, — глухо вымолвил кузен. — Полли в кадмусе.

— Постой, постой! Что ты мелешь такое! Когда это могло произойти? Ведь я провел в горах всего ничего — не больше пяти дней!

— О, святая Вирджиния! Да за это время весь мир мог бы встать на уши! Мамашу О'Брайен застукали за торговлей жеребякскими снадобьями и упрятали за решетку. Претензий самой Полли сперва не предъявляли; не было бы их и после, не дай она деру, когда появился шериф. Сыскать ее нигде не смогли; но Винни Арчард — помнишь ее, старушка божий одуванчик, день-деньской в окошке торчит — сообщила, что видела Полли. Наблюдала свидание ее с сатиром на окраине города. С тех пор никто больше Полли не видел, и нетрудно сообразить, что она уже в кадмусе. — Эд перевел дыхание и пригорюнился.

— Ну и?... — с деланным равнодушием спросил Джек.

— Ну а на следующий день шериф издает приказ об аресте Полли. Как тебе этот анекдот? Смех! Слыханное ли дело, объявлять в розыск попавшего в подземелье к жеребякам! Разве кто их встречал когда потом?

— Думаю, что нет.

— И это гнусная, поганая правда! Никто не знает, что ожидает людей в кадмусе. Может, как уверяют некоторые, жеребяки пожирают их живьем. А может, как болтают другие, утаскивают в Социнус. Лишь одно я знаю твердо: Полли на этот раз от меня не уйти!

— Ты так сильно втрескался, Эд?

— Нет!!!

Эд иступленно уставился на родича; затем смущенно потупился:

— Ладно, твоя правда — я чертовски любил ее. Но с этим все. Точка. Перегорел. Теперь я только ненавижу. Она поганая ведьма и трахалась с этим мерзким сатиром. И не смотри на меня такими глазами, Джек! Сомнений никаких нет! Полли встречалась с Вавом тайком, под предлогом покупки запретных снадобий, и трахалась! Нет, ты подумай только, Джек! Вообрази себе такое! С этой дикой, тупой, заросшей скотиной! Она трахалась, а я... я подышал от тоски по ней!

— А кто выдвинул обвинение против миссис О'Брайен?

— Понятия не имею. Кто-то письменно известил епископа и шерифа. А они не выдают своих информаторов, сам понимаешь.

Джек задумчиво потерел кончик носа, покусал губы и сказал:

— Не потому ли Нейт Рейли и закрыл свою аптеку, что не мог тягаться с мамашей О'Брайен?

— А тебе, как я погляжу, пальца в рот не клади! — криво усмехнулся кузен. — Быстро соображаешь. Чуть не каждый второй в городе по зрелом рассуждении пришел к такому же выводу. Тем более что у супруги Рейли самый длинный в

Сбейптаху язык. Пусть даже так — и что с того? Если мамаша О'Брайен приторговывала этими дьявольскими снадобьями, тю-ряга самое что ни на есть место для таких, как она. Так что Рейли тут особо ни при чем.

— И какое же наказание светит мамаше О'Брайен?

— Светит? Да ее уже приговорили — к пожизненной каторге на золотых копиях, что в Хананийских горах.

Джек недоуменно поднял брови:

— Уже? Не слишком ли резво для нашего правосудия?

— Ничуть! Она созналась спустя всего шесть часов после ареста, а по этапу ее отправили лишь через два дня.

— Шесть часов на дыбе развяжут язык любому, не только пожилой женщине. Что, если об этом прознает местный Блюститель Завета?

— Ты что же, защищать ее взялся, что ли? Ты ведь знаешь, когда вина подсудимого бесспорна, можно чуток и поприжать. Правосудию от этого никакого вреда — кроме пользы. И жеребьям никогда не проведать, какие устройства есть в наших тюремных подвалах. А даже узнай они что, чего нам бояться? Ну, нарушили мы маленько договор. Так что теперь, вешаться, что ли?

— Стало быть, ты все же уверен, что Полли прячется в кадмусе на нашей ферме?

— А где же еще? Собственно, этого, — Вонг махнул рукой в сторону тела, — я собирался сперва припереть к стенке и выведать всю подноготную, но, когда остался с ним с глазу на глаз, так меня разобрало! Удержаться не смог. И вот в результате... — Он присовокупил к последним словам еще один выразительный жест.

Машинально проследив взглядом линию жеста, Джек заметил нечто, всмотрелся, нервно шагнул вперед и ткнул кончиком клинка:

— А это еще что такое?

Вонг нагнулся и приподнял голову сатира за густую гриву. На каждой щеке мертвого алели грубо вырезанные ножом письмена.

— Разобрал буковки? — спросил Эд. — Это УЖ. Отныне будешь встречать их часто. Наступит день, они украсят щеки каждого в Дионисии жеребьяка. А если нам удастся сговориться с остальными народами, то и во всем Авалоне. Каждый сатир и каждая сирена будут помечены этим знаком, и каждый по-смертно!

— Слышал я в таверне какую-то болтовню, — протянул Джек, — о некоем тайном обществе, посвятившем себя борьбе с жеребьяками. Но не поверил, решил — пьяная блажь. Во-

первых, какая уж там тайна, если о ней болтают последние пропойцы. А во-вторых, подумал, что байками подобного сорта люди всегда тешились, обсуждая Преткновение. Одни лишь разговоры. Никогда никаких поступков.

— Во имя всего, что людям свято и дорого — отныне ты увидишь множество поступков! — Эд сбросил с плеча котомку. — Пойдем, поможешь захоронить останки.

Он извлек из мешка короткий заступ со штыком каленого стекла. При виде его Джек ужаснулся еще сильнее. Предусмотрительность кузена красноречиво свидетельствовала о том, что случившееся можно трактовать лишь как преднамеренное и хладнокровное убийство.

Эд принялся нарубить дерн и складывать его в стороне. Копая затем неглубокую могилу, он продолжал просвещать родича, не давая тому и словечка вставить:

— Ты пока еще не член нашей организации, но сейчас уже влип по уши — не меньше меня. Я так даже рад, что столкнулся здесь с тобой, а не с кем другим. Хватает у нас еще таких, что готовы чуть ли не лизаться с жеребьями. Такой холуй, вместо того чтобы руку мне пожать, того и гляди за шерифом поскочит.

Но ничего, их время уже на исходе. И надпись эту ты увидишь вскоре не только на мордах жеребьяков. Кожа предателей под ладно заточенным ножом ничуть не тверже, чем у сатиров. Ты вполне просек, что я имею в виду?

Джек ошеломленно покачал головой. Ничего себе выбор предлагал родственничек: либо присоединиться к хладнокровному убийце, отождествляющему себя со всей человеческой расой, либо записаться в предатели рода человеческого! Мог ли он выбрать последнее? Джек и так уже чувствовал себя чуть ли не больным после случившегося; как он досадовал на чуткий нюх и острый слух верного Самсона, посадившего хозяина в такую глубокую и грязную лужу! Развернуться бы и улепетнуть очертя голову и забыть напрочь обо всем увиденном. Уверить себя, что ничего не видел, а если даже и видел что, ничего поделать не мог. Но куда теперь денешься?..

— Давай берись за ногу, — велел Эд. — Я за другую, и оттащим тело в яму.

Джек нехотя вложил ятаган в ножны. Вдвоем с кузеном они поволокли через поляну увесистого вайира; его безвольно раскинутые руки тянулись по траве, как брошенные весла за дрейфующей лодкой. Кровь оставляла на примятой зелени отчетливую бордовую дорожку.

— Придется и травку схоронить, — деловито заметил Эд, отдуваясь.

Кейдж кивнул. Он уже давно перестал удивляться, отчего кузену — невысокому, но на редкость крепко сбитому парню — понадобилась его, Джека, помощь. И почему место для могилы тот выбрал аж в тридцати ярдах от трупa. Все понятно — Эд втягивает его в дерьмо по самые уши, делая соучастником грязного преступления.

Но хуже всего, что он не мог отказаться. Не страх или сила кузена тому причиной, лихорадочно утешал себя Джек. Не боялся он Эда; не пугала его и огромная мрачная тень у того за спиной: призрак тайного общества «УЖ» — убей жеребьяка. Вся беда в нем самом, в его собственной неколебимой вере, что жеребьяки — не люди. Нелюди. Нет у них бессмертной души, пусть и смахивают чем-то на род человеческий.

И расправу над жеребьяком убийством не назовешь. Убийством в полном смысле этого слова. Хотя юридически оно было именно таковым. Но в глубине души никто из людей, даже самый строгий крючкотвор, с законом не согласится. Разве прикончить пса — убийство? А чем вайир лучше пса?

Но по целому ряду причин суды рассматривали дела иначе. И наиважнейшей из них было элементарное законопослушание. Правительство Дионисии строго соблюдало соглашение, установившее порядок судопроизводства в тяжбах меж людьми и вайирами. Но люди, замешанные в преступлениях против вайиров, виновными себя все же не ощущали — ни юридически, ни перед Богом. Убийство жеребьяка — отнюдь не смертный грех.

«Тогда почему же так муторно у меня на душе?» — хмурился Джек.

Совершенно машинально он заметил:

— А не кажется ли тебе, что могила мелковата? Дикие собаки или оборотни легко доберутся до трупa.

— Вон оно что. Так ты этим так озаботился, Джек? А я уж было решил... Ну, не бери в голову. Естественно, собакам не составило бы труда докопаться до тела. Но не тут-то было. Глянь-ка! — Сунув руку в котомку, Вонг извлек небольшой прозрачный пузырек. — Антипах. Новинка! Уничтожает все запахи на круглые сутки. А за это время с трупом успеют разобраться поминальщики — ничего, кроме начисто обглоданных костей, и не останется.

Вонг побрызгал тело жеребьяка жидкостью из бутылочки. Она растеклась тонкой пленочкой и бесследно впиталась в кожу. Эд сделал круг по полянке, роняя где каплю, где две на примятую и окровавленную траву. Вполне удовлетворенный проделанной работой, он поднял с травы отрезанный хвост, побрызгал и его и сунул свой злоеший трофей в котомку.

Затем деловито поинтересовался:

— Тебя не затруднит засыпать могилу, Джек?

Скрипнув зубами, Кейдж застыл в нерешительности. На кончике языка завертелись слова категорического и грубого отказа. Сильное искушение — заорать: «Убийца! Кровавый попрошитель!», а затем удрать, — пришлось в себе подавить. Сейчас следовало подчиниться — в надежде, что после удастся как-то разойтись с кузеном или посчитаться, а то и — воображение, невзирая на протесты желудка, с готовностью подсовывало картинку следующего возможного шага — прикончить того и схоронить в одной могиле с жеребяком.

Каким бы чудовищным все это ни представлялось, выбор был весьма незамысловат. Присоединиться сейчас к «ужам» — или умереть. Или самому стать убийцей.

Тяжко вздохнув, Джек взялся за лопату.

— Эй, Джек, ты только погляди! — радостно воскликнул кузен.

По палой листве, извиваясь, уже поспешал крохотный, не больше фаланги большого пальца, поминальщик. Ввинтившись тонким клювиком-сверлом в почву, он тут же исчез — Джек не успел и глазом моргнуть.

— Готов биться об заклад на последние штаны, — прибавил кузен, — что он с тысячей своих сородичей уже к ночи справится с работенкой!

— Пожалуй, — кисло согласился Джек. — Но боюсь, ты не учел одно немаловажное обстоятельство. Стоит этим маленьким могильщикам закончить трапезу, рыхлая почва даст усадку. Возникнет впадина. И когда ее заметят вайиры, то, выкопав останки, не усомнятся в убийстве сородича. Пожалуй, разумнее было бы не закапывать тело. По голым костям на траве вряд ли можно определить, как погиб их владелец. И смерть списали бы либо на несчастный случай, либо на что другое. А сейчас никаких сомнений — сразу видно, что произошло убийство.

— Вот черт! — ругнулся Эд. — А у тебя котелок что надо! Вот бы с тобой раньше посоветоваться! Как погляжу, ты сможешь принести «ужам» немалую пользу.

Досадливо крикнув, Джек добавил:

— Но, с другой стороны, изрезанная спина тоже может выдать. Оставим, пожалуй, все как есть.

— Понимаешь, что я имею в виду? — не дал сбить себя с мысли кузен. — Ты молоток, тебе, в отличие от меня, хватило бы смекалки не прикасаться к его хребтине, не резать хвост — оставить все части на месте. Уверен, быть тебе выдающимся «ужом», одним из первых!

Джек уже не соображал, то ли смеяться, то ли плакать.

Эд неотрывно следил, как родич заравнивает могилу. Затем заговорил резко и отрывисто, словно внезапно на что-то решившись:

— Джек, должен кое в чем тебе признаться. Ты мне по душе, но в нашем деле личные чувства побоку. Когда мы сегодня встретились, могло повернуться и так, что пришлось бы заткнуть тебе рот — и навсегда. Рад, что не пришлось. Ты молодец, Джек! Настоящий человек, с большой буквы.

— Разумеется, человек, — хмуро отозвался Кейдж. И продолжил трудиться. Пока Эд собирал по полянке окровавленные травинки, Джек успел разложить поверх притоптанной земли куски дерна и впустил напоследок траву. Закончив, поднялся и оценил результаты работы.

Удовлетворен он отнюдь не был. Если вайир, опытный лесовик, окажется вблизи, он вмиг распознает в травяном покрове некую искусственность. Оставалось надеяться на везение — авось, жеребяки-охотники минуют крохотную полянку или пронесутся по ней, озабоченные другими своими делами. Но, зная дотошность и обстоятельность жеребяков, Джек испытывал безрадостные предчувствия.

— Скажи-ка, Эд, — поинтересовался он. — Это убийство первое лишь для тебя? Или для всего УЖа?

— Это не убийство! Это война! Усвой и заруби себе на носу — война! Для меня — первое. Но не для остальных. Мы уже прикончили как-то парочку жеребяков в окрестностях Сбейптаху. Сатира с сиреной.

— А из членов УЖа никто еще бесследно не пропадал?

Эд дернулся, как от удара:

— Почему ты спрашиваешь?

— Видишь ли, жеребяки — народ дошлый и соображают не хуже нашего. Неужели же вы возомнили, что они не раскусят вашу игру? И не затеют собственной?

Эд звучно сглотнул слюну:

— Не посмеют! Жеребяки связаны договором с нашим правительством. Если нас и схватят, то вынуждены будут ограничиться экстрадицией — передадут нас нашим же властям, под собственную нашу юрисдикцию.

— А что, в ряды общества уже входят и члены правительства?

— Знаешь что, Джек? Не забегай вперед. Поспешай медленно. Такие вещи знать небезопасно.

— Ну так уж и сразу! Я к чему ведь клоню — вайиры тоже понимают всю эту нашу хитрую механику. Они знают, что человек, виновный в смерти вайира, официально подлежит казни. Но понимают и то, что добиться приговора по подобному обвинению в нашем суде практически невозможно.

Это верно, что слово жеребьяков крепче стали, — продолжал Джек. — Но в договоре с ними есть крохотная оговорка, клаузула, которая гласит: если противная договаривающаяся сторона проявляет вероломство, соглашение автоматически расторгается.

— Да, но им прежде следует представить доказательства.

— Тоже верно. Однако напряженность в отношениях постоянно растет. Все идет к неизбежному разрыву. И жеребьяки не слепые, они это видят. Может статься, они уже организовали собственную лигу «УЖ», вернее, «УЧ» — убей человека.

— Да ты рехнулся! Они никогда не станут действовать подобными методами. К тому же никто из «ужей» пока не исчезал.

Кейдж решил, что информации на первый раз достаточно.

— Здесь поблизости протекает ручеек, — сообщил он, меняя тему. — Нам, пожалуй, не вредно ополоснуться. А затем побрызгать на себя твоим чудотворным снадобьем. Знаешь ведь, какой у жеребьяков нюх.

— Как у диких зверей, — с готовностью подтвердил Эд. — Они и есть дикие звери, Джек.

После того как родственники смыли с себя кровь и замели следы на глинистом берегу, они решили разделиться и выбираться порознь.

— Я дам знать, когда у нас ближайшая встреча, — посулил Вонг. — Неплохо бы, кстати, и меч твой туда прихватить. За исключением стального клинка, что хранится во дворце лорда Хау, твой, пожалуй, единственный на всю страну. Сталь могла бы сослужить организации неплохую службу — стать символом, что ли, эдаким цементирующим началом.

— Это же отцов клинок. Уходя на дракона, я рискнул позаимствовать его без разрешения. И даже не представляю, что услышу от отца по возвращении. Но готов поспорить, что он запрет ятаган надежнее и мне не видать его больше, как собственных ушей.

Эд пожал плечами, многозначительно хмыкнул и распрощался.

Джек проводил родственника неприветливым взглядом. Затем тряхнул головой, как бы отгоняя от себя кошмарное наваждение, и тронулся в путь.

Уолт Кейдж выбрался из амбара и широкими шагами двинулся через двор. Утопая на каждом шагу во влажной унавоженной почве, громко зачавкали тяжелые башмаки. Из-под ног брызнули гоготунчики, будоража все поместье заполошными воплями. Вдали от страшных великанских ног они останавливались и пилили на миновавшую их опасность свои огромные голубые, почти по-человечьи укоризненные глазища. Гоготунчики шатко переступали на своих длинных голенастых ходулях,

вскидывая рудиментарные крылышки, по виду схожие со слегка увеличенными лягушечьими лапами, и жалобно задирали к небу мокрые перемазанные клювики. Кормящие мамы оглашали воздух своим скрипучим зовом, скликая птенцов на очередную трапезу к разбухшим вислым сосцам между ног. Ревнивые несушки, наскакивая на кормилиц, покусывали их мелкими острыми зубками и, спасаясь от петушиного гнева и праведного возмездия, сломя голову неслись обратно к гнездам. То тут, то там вспыхивали петушьи бои; самцы кружились в ритуальном танце, щипались и, сшибаясь, лупили друг друга лапами и крыльями, но не всерьез — природную их агрессивность смягчили века мирной домашней жизни.

Над всем хозяйством витал неистребимый густой дух — нечто среднее между запахами бидона с требухой, забытого на жарком солнце, и мокрой собачьей шерсти. Он перешибал все прочие и перехватывал даже самое закаленное дыхание. Но безмятежные пичуги жили в самом эпицентре и чихали на смрад с высокого своего насеста.

Уолт Кейдж тоже не удержался и чихнул. Раздраженно плюнув в направлении смердящего птичника, он тут же устыдился своего поступка. Бессловесные твари ни в чем не виноваты — тем более что их мясо и яйца пахнут вполне приятно, хороши на вкус, а уж о пользе — в смысле звона наличных — и говорить не приходится.

Кейдж уже поднимался по ступенькам крыльца, когда вспомнил о грязи на башмаках. Кейт просто убьет, если снова натаскать ей навоза в прихожую. И Уолт свернул прямо в контору. Билл Камаль, экономя поместья, наверняка давно ждет там.

А тот, сидя в хозяйском кресле и водрузив загаженную обувь прямо на конторку, безмятежно попыхивал трубкой. Заслышав шаги, вскочил, да так стремительно, что опрокинул кресло на пол.

— Можешь продолжать! — буркнул Уолт. — Мне это ничуть не помешает.

Пока Камаль неловко поднимал кресло, Кейдж протиснулся мимо и тяжело плюхнулся на стул.

— Что за ужасный день! — простонал он. — Все прямо из рук валится. Как я ненавижу стрижку этих мерзких единорогов! А жеребяки! Ежеминутно устраивают передышки, чтобы хлебнуть винца нового урожая!

Билл, сделав вид, будто поперхнулся, откашлялся и деликатно выпустил струйку дыма в сторону.

— Да не тревожься ты так за мои легкие! — проворчал Уолт. — Или боишься, учую запах? Не волнуйся — я и сам уже принял сегодня стаканчик-другой.

Билл зарделся от смущения, а Уолт потянулся к столу и сграбастал карандаш:

— Что ж, давай приступим.

Вдохновенно закатив глаза, Камаль принялся рапортовать:

— Все плуги уже оснащены новыми лемехами медного дерева. Наш поставщик из Сбейптаху обещал прислать на пробу несколько новых — из каленого стекла. Весьма недорого. Их доставят сюда примерно через неделю — как только прибудет торговое судно. Уверяет, что они прослужат вдвое дольше, чем деревянные. Я намекнул, что возможен оптовый заказ — если оправдаются ожидания... Не возражаете? А он обещал дополнительно скостить десять процентов стоимости заказа, если мы порекомендуем новый материал всем в округе.

Гуртоправ сообщает, что из тридцати жеребят-единорогов он отобрал всего лишь пяток. Да и в этих-то не уверен пока — удастся ли поставить под плуг. Вы же знаете, как своенравны и недоверчивы эти твари.

— Разумеется, знаю! — брюзгливо вставил Уолт. — Ты что же, полагаешь, двадцать лет на ферме меня ничему не научили? О Дионисий, до чего ненавижу я весеннюю пахоту, как отвратны мне все эти единороги! О, будь у меня хоть одна скотина, способная работать, а не рваться в лес всякий раз, когда над ее головой мелькнет тень сбейпташки!

— Пасечник доложил, что, судя по гулу в ульях, рой уже проснулся. Общее количество пчел по его оценке — пятнадцать тысяч. Вылет ожидается на следующей неделе. Взятки зимнего меда на сей раз поскромнее — детва расплодилось, пришлось выкармливать.

— Меньше меда — меньше денег. Нет ли известий повеселее? — скривился Кейдж.

— Ну, пожалуй, через год мы с лихвой вернем нынешние потери — пчел-то станет больше.

— Пошевели малость мозгами, Билл. Новые пчелы ведь не перестанут плодиться — и новая детва сожрет весь заготовленный мед. Так что не рассказывай сказок о грядущем медосборе.

— Но Пасечник считает иначе. Он уверяет, что раз в три года матки пожирают избыточный приплод и меда остается больше. Следующий год как раз такой.

— Ну и ладно! — подвел черту Уолт. — Рад, что хоть что-то идет на лад. Но наверняка на будущий год опять поднимут подать, и на уплату за большой взятки мы денег не наскребем. Последние годы просто подорвали хозяйство.

Билл глянул невыразительно и продолжил:

— Птицебой извещает, что сбор яиц ожидается примерно такой же, как обычно — около десяти тысяч. Разумеется, при условии, что не натворят бед василиски и прочие оборотни.

Если же вся эта нечисть сильно размножится, удачей станет и половинный сбор.

— Так я и знал! — схватился за голову Уолт. — Вот как чуяло мое сердце! Чем только расплатимся за новые лемеха? А ведь я надеялся еще и экипаж прикупить!

— Но ведь мы пока не знаем — может, сбор будет не хуже прошлогоднего! — удивился Билл.

— Послушай, эти сатиры спят со старушкой Природой! Они знают ее, как человек свою жену! — разгорячился Кейдж. — И даже лучше! — прибавил он, припомнив собственную супругу. — Если Птицебой только предполагает, что оборотни расплодятся, то так тому и быть — можешь не сомневаться! Мне еще предстоит, кроме всего прочего, платить за сторожей из гарнизона Сбейптаху, а может, даже раскошелиться на большую псовую охоту!

Камаль сморщил лоб и выдул большое дымовое колечко, как бы в знак протеста против излишнего хозяйского доверия к приметам вайиров.

А Кейдж глубокомысленно прищурился и принялся пощипывать свою густую черную бороду, точно избавляясь с вырванными волосками от дурных вестей и тревожных мыслей.

— Лорд Хау имеет награды за борьбу с оборотнями и снижение их поголовья, — раздумчиво протянул он. — Он мог бы издать и официальный билль. Вот кабы удалось подкинуть ему мыслишку-другую на эту тему да дожждаться, пока он представит все дело как собственную затею... А ведь может и получиться. Лишь бы не мне платить за прокорм загонщиков да собак... — Кейдж облизал пересохшие губы, улыбнулся и потер широкие ладони. — Ладно. Поживем — увидим. Проехали. Дуй дальше.

— Садовник заверяет, что урожай с дерева татам превысит обычный. Прошлогодний был шестьдесят тысяч клубков. Нынешний он оценивает в семьдесят. При условии, что не налетят новые стаи сбейпташек.

— Что еще? Всякий раз, когда ты сообщаешь новость, я богатею на вдохе и нищаю на выдохе. Ну, что ты вдруг так раздумился! Что говорит о сбейпташках Птицебой?

Билл пожал плечами:

— Он считает, что их может стать больше примерно на треть.

— Вот не было печали!

— Но не наверняка. К тому же Слепой Король обещал прислать нам в подмогу кочевой табор, который потребует лишь содержания и обойдется недорого. Король, кстати, готов разделить даже и эти расходы.

Билл сделал паузу, прикидывая, не пора ли уже выкладывать действительно скверные новости, приберегаемые напоследок, но начать не успел.

— А ты проверял подсчеты Садовника лично? — поинтересовался хозяин неожиданно.

— Нет. А зачем? Разве есть в том необходимость? Вайиры ведь никогда не врут. — Билла уязвило такое недоверие.

Побагровев, Кейдж заорал:

— Разумеется, не врут! Пока знают, что мы приглядываем за каждым их шагом!

Щеки у Камаля зарделись от обиды; он открыл было рот, чтобы ответить колкостью, но передумал и лишь пожал плечами.

А Кейдж продолжил уже тоном помягче:

— Билл, ты слишком легковерен. С таким доверием к жеребякам и до беды недалеко.

Билл уставился в некую точку на стене над хозяйской плешью и выпустил в ответ вереницу колечек.

— И ради всего святого, прекрати всякий раз, как я что-то скажу, пожимать плечами! Ты меня этим с ума сведешь!

— Извините, хозяин.

— Ладно, проехали. Но я свое сказал. Прости, если порою с тобой резковат. Не один я сейчас такой. В воздухе носятся ветры решительных перемен. Все, как струна, натянуто... И хватит об этом! Ты позаботился уже о ночной засаде на дракона?

— Жеребяки уверяют, что он возьмет лишь парочку единорогов и поминай как звали — на целый год. Если дракона не трогать, вреда не так уж и много. Может, оставим в покое?

Тяжелый кулак Кейджа грохнул по столу:

— Ты что же, предлагаешь холить зад и отсиживаться в кустах, любуясь, как это чудище разоряет мое достояние?! Немедленно пошли Джоба с Элом копать ловушки!

— А что слышать нового о Джеке? Может, он уже прикончил дракона?

— Джек глупец! — прорычал хозяин. — Я велел ждать, пока не устроим большую охоту. После стрижки единорогов и весенней вспашки, разумеется. Раньше я ни людей, ни жеребяков выделить не смогу. Но этот кретин проклятый, безмозглый романтик — позор моим седидам — возомнил о себе невесть что и решил в одиночку справиться с тварью, которая одним нечаянным движением хвоста может перешибить его пополам. Дураку, как и пьяному — море по колено! Он ведь у нас один такой герой! Только вот отчего этот ленивый верзила-переросток уродился еще и бесчувственным болваном! Джеку наплевать, что, лишись он своей тупой башки, горе сведет в могилу мать и старика-отца!

Слезы внезапно покатались по щекам, теряясь в густой бороде Кейджа. Задыхаясь, он вскочил и, ослепляемый слезами, выбрался из конторы. Смущенный Камаль остался созерцать свои дымовые колечки и гадать, как же все-таки сообщить хозяину воистину скверные новости.

В рукомойной Кейдж поплескал на лицо свежей холодной воды, утерся. Слезы вскоре иссякли, и плечи перестали трястись. Скинув безрукавку, Кейдж как следует вымыл шею и руки. Заглянув в зеркало, увидел там свои воспаленные припухшие глаза. Не беда, можно списать на пух, реющий в воздухе по всей округе — привычное дело в пору стрижки единорогов. Билл парень что надо и о нервном срыве хозяина болтать не станет. Никто ничего знать не должен. Это не прибавит ни уважения, ни послушания. Хозяйством и в равной мере семьей должно управлять железной рукой в ежовой рукавице. А слезы — удел слабых женщин.

Кейдж расчесал бороду и возблагодарил Господа, что сохранил ее — не поддался новомодной дури брить щеки. Мужчина не может походить на бабу или босолицего сатира. Этот несуразный крик моды, как и прочие штучки, — результат тлетворного влияния поганных жеребьиков!

Едва успев облачиться в свежую фланелевую фуфайку, плохо, однако, скрывавшую волосатую грудь и солидное брюшко, Кейдж услышал обеденный гонг. Сменив грязные башмаки на домашние шлепанцы, он направился в столовую. Войдя, остановился и обвел всех долгим взглядом.

Сыновья: Уолт, Алек, Нэл, Борис, Джим и их сестры Джинни, Бетти, Мэри, Магдалена — все дети как один послушно ожидали отца, стоя за спинками своих стульев. Раз и навсегда установленный порядок требовал, чтобы хозяин усадил первой мать — во главе стола. Два места за столом оказались пустыми.

Упреждая вспышку хозяйского гнева, Кейт быстро доложила:

— Я послала Тони к тракту — проверить, не идет ли Джек.

Уолт досадливо крикнул и усадил супругу. Он заметил, что багровая сыпь, усеявшая нежную молочно-белую кожу жены, снова воспалилась. Если не уймется сама по себе, придется захватить Кейт в Сбейптаху и показать доктору Чандеру. Разумеется, не раньше, чем закончится стрижка единорогов.

Когда Кейдж сам занял место рядом с хозяйкой и жестом позволил садиться остальным, из кухни вышел, нет — скорее вывалился Ланк Кроутан, прислуга за все. Пошатываясь, как тростник на ветру, он едва не вывалил на колени хозяину блюдо дымящегося жаркого из единорога.

— Опять надрался? — принялся Уолт. — Снимал пробу с нового урожая татам? Когда только ты прекратишь околачиваться возле сатиров!

— Почему бы и нет? — икнув, дерзко отвечал слуга. — Они готовятся к большому празднеству. Слепой Король получил известие, что сегодня к вечеру его сын и дочь возвращаются домой с гор. Ну и понятное дело — будет много музыки, песен, плясок, шашлык из единорога, жаркое из псины, море вина, пива и занимательные истории. И, — нагло икнув, добавил он, — и никакой стрижки. Дня три, самое малое.

Уолт замер с набитым ртом:

— Это невозможно! У меня с вайирами-стригальями договор. Три дня отсрочки означают потерю чуть не половины настрига. К исходу недели единороги начнут линять — и тогда конец всему!

Изрядно покачнувшись, Ланк утешил его:

— К чему волноваться, хозяин? Вайиры позовут на помощь сородичей-лесовиков и уложатся в срок. Не впадайте в уныние! После доброго веселья и работа спорится...

— Заткнись! — рявкнул Кейдж.

— А вы мне рот не затыкайте! — парировал Ланк с достоинством, несколько смазанным пошатываниями из стороны в сторону. — Моя кабала уже истекла, если вы забыли. Долг я покрыл и могу отчалить, когда заблуга... заблагорассудится. Буду говорить, что хочу и когда захочу! И вы мне в этом не указ. — Продолжая покачиваться, он удалился на кухню.

— Куда катится наш мир! — Вскочив в негодовании, Кейдж опрокинул стул. — Где уважение к сединам и заслугам? Чернь совсем отбилась от рук... А молодежь! — Он с трудом подбирая слова. — Безбородые! Любой недоросль нагло бреет рожу и вместо пристойной шевелюры отращивает патлы! А женщины! Даже придворные дамы начали носить лифы с таким вырезом, что груди только что не вываливаются — прямо как сирены! А жены чиновников в Сбейптаху, разумеется, обезьянничают — дурацкое дело нехитрое. Благодарение Господу, что у меня дочери прилично воспитаны и такую срамоту носить никогда не станут!

Уолт обвел мрачным взглядом дочерей. Те быстро переглянулись из-под потупленных век — теперь уж ни за что не удастся принарядиться к ежегодному армейскому балу! Разве только закрыть декольте кружевами. Счастье еще, что кутюрье не успел доставить новые наряды в усадьбу!

Взмахнув ножом, отец забрызгал подливкой новехонькую фуфайку Бориса и проорал свою пламенную тираду до конца:

— Это все жеребьянская зараза, вот что это такое! Ей-Богу, будь у людей здесь стальное оружие, мы давно стерли бы в порошок эту нечестивую, дикую, развратную и ленивую расу, эту непотребную породу пьянчуг! Вы посмотрите только, что сделали они с нашим Джеком! Он водится с ними; он освоил не

только детский язык, он зачем-то нахватался даже взрослого жеребяцкого. Сатанинские их речи, мерзкие их нашептывания сбили мальчика с пути истинного — он забросил работу на ферме, на ферме своего отца и своего родного деда, да почит тот в мире! Зачем, вы думаете, Джек рискует жизнью, гоняясь за драконом? Думаете, получив премию, вложит деньги в хозяйство? Как бы не так, ему свербит податься в Неблизку, записаться в ученики к Рудману — еретику Рудману, подозреваемому в сношениях с самим дьяволом... Ну зачем, зачем ему все это? Даже если Джек вернется с головой дракона, а не сложит собственную в глухой чашобе... На корм стервятникам...

— Уолт! — вскрикнула Кейт. Джинни и Магдалена громко всхлипнули.

— ...Почему бы не использовать премию — если еще удастся ее заработать, — чтобы просить руки Элизабет Мерримот? Объединить ферму Джека и его удачливость с хозяйством Мерримотов — что может быть лучше? Бесс — первая на весь округ красавица, ее отец — богатейший после лорда Хау собственник. Женился бы на Бесс, жил себе на славу и растил детишек — для страны, для церкви и к вящей славе Божией! А уж для нас, стариков, какая бы сердцу утеха на склоне лет!..

Ланк Кроутан вернулся в столовую с большим блюдом яичного пудинга. Выслушав последние слова Кейджа, он содрогнулся, воздел очи горе и заявил во всеуслышание:

— Господи милосердный, спаси нас и помилуй, и оборони от лукавого, и от гордыни сатанинской избави... — Не договорив, Ланк зацепился за расстеленную по полу шкуру медведжинна — огромного хвостатого зверя, по повадкам и внешнему виду слегка схожего с земным топтыгиным, — и рухнул навзничь. Пудинг густой горячей волной накрыл Уолта и потек с плешивеющей головы по бороде и по фуфайке.

Взвыв от боли и ярости, Кейдж подскочил на месте, готовый разорвать паршивца на мелкие куски.

Но в этот момент с улицы донесся пронзительный вопль, а мгновением позже в столовую вихрем врвался малыш Тони.

— Джек вернулся! — радостно возвестил он. — Он уже совсем рядом, он свернул с дороги! И мы сказочно, сказочно богаты!..

Джек Кейдж услышал пение сирены.

Волшебный голос доносился издалека и звучал в то же время как бы совсем рядом. Его обладательница незримо, словно некая тень, осеняла собою чарующие звуки, порождая в случайном прохожем неодолимое желание отыскать ее саму во плоти.

Джек сошел с большака и нырнул в заросли. Верный Самсон, схожий в полумраке чащи с большой желтой кляксой, бежал чуть впереди. Переливы далеких лирных струн среди вековых стволов стали чуть глуше. После нескольких крутых извивов малоприметной тропки Джек остановился.

Он стоял на краю небольшой поляны, залитой нестерпимо ярким солнечным светом. В самом центре поляны чернел огромный гранитный валун — вдвое выше самого высокого из людей. У верхушки каменной глыбы было высечено каменное сиденье.

На этом необычном троне восседала сирена. И выводила свои неземные рулады, одновременно расчесывая длинные золотистые косы гребнем, вырезанным из озерной раковины. Сидя у подножия валуна на корточках, молодой сатир перебирал струны лиры.

Взгляд сирены был устремлен вдоль лесной прогалины — туда, где стена деревьев, расступаясь, открывала обширную панораму гор к северу от городка Сбейптаху. Виднелась отсюда и родная ферма Джека, на таком удалении точно игрушечная. Единороги, пасущиеся на просторных зеленых лугах, окружающих его отчий дом, казались отсюда в лучах жаркого солнца глянцевыми белыми комочками с булавочными искрами рогов.

Тоска по родным пенатам накатила невольной и на время отвлекла Джека от мыслей о жеребьях. Главная усадебная постройка — хозяйский дом — вспыхивала красным, когда лучи солнца падали на кристаллы, врезанные в бревна медного дерева. Двухэтажный с плоской крышей дом сооружен был столь основательно, что запросто мог выдержать длительную осаду. Посреди внутреннего двора бил родник, по углам крыши были установлены четыре мощные бомбарды.

Рядом с домом — амбар, за ним прямоугольные лоскутки полей и садов. А дальше к северу, на самом краю отцовских владений, вздымались из земли рога кадмусов — дюжиной сверкающих клинков цвета слоновой кости.

Тракт, ведущий мимо родной фермы, убегал в густо заросшие холмы, где и начинались предместья Сбейптаху. Самого города отсюда было не разглядеть.

Сирена поднялась, чтобы стоя пропеть заключительный куплет величальной песни — привета родным краям, куда вместе со спутником возвращалась после трехлетней отлучки для отправления обрядов в далеких горах, — и это вернуло Кейджа к реальности.

Изящный силуэт на пронзительно-голубом фоне в разрыве леса заставил Джека затаить дыхание. Сирена — великолепный образчик своей расы, результат многих тысячелетий отбора — была не просто прекрасна. Кроме гребня, согласно обыча-

ям вайиров, на ней ничего более не было. И сейчас она пропускала медно-золотистую роскошь гривы сквозь зубы озерной раковины. Упругая левая грудь колыхалась в такт изящным движениям, точно мордочка некоего симпатичного зверька, питающегося чистым воздухом абстрактного обитателя евклидовых пространств. Джек не в силах был оторвать глаз от подобного зрелища.

Нежный ветерок, шевельнув пушистый локон, приоткрыл по-человечьи изящное ушко. Но вот сирена повернулась спиной и открыла взору нечто совсем иное, людям неприсущее — густая грива, начинаясь с головы и пробегая вдоль хребта, ниспадала с крестца настоящим конским хвостом.

Но ни точеные ее плечики, ни остальная часть спины растительностью затронуты не были. Джек не мог сейчас увидеть сирену спереди, но знал, что ее лоно поросло волосами. Волосяной покров у жеребьков здесь был достаточно густ и длинен, чтобы не шокировать даже самых стыдливых из землян — казалось, будто на аборигенах плотные набедренные повязки.

Самцы, покрытые густыми длинными космами от пупка до середины бедер, в точности как мифические сатиры с планеты Земля, им и были обязаны своим прозвищем. У сирен же, напротив — бедра шелковисто-гладкие. Манящий пушок на лобке, плавно сужаясь, доходил почти до пупка, обрамленного пушисто-золотистым колечком волос — точно волшебный глаз на вершине таинственной золотой пирамидки.

Именно таков и символ женственности у вайиров — кольцо омикрона, пронзенное копьем дельты.

Застыв в восхищении, Джек ждал последнего аккорда волшебной лиры и последних отзвуков магического контральто.

Воцарилась тишина. Сирена выпрямилась и замерла — бронзовое, увенчанное червонным золотом изваяние; сатир, отрешенный от всего окружающего, страстно припал к своему драгоценному инструменту.

Выступив из-за толстого ствола греминдаля — дерева, плоды которого выстреливали вкусные зернышки, — Джек громко хлопнул в ладони. В эти первые мгновения трепетной тишины хлопок прозвучал настоящим святотатством. Он грубо разорвал тонкую мистическую нить, соединившую вдохновенных исполнителей.

Однако ни один из вайиров не вздрогнул, как надеялся Джек. Оба повернулись к пришельцу с такой грацией и спокойствием, что тот даже устыдился слегка своего мальчишества. И испытал при том некоторую досаду — неужели жеребьков вообще невозможно смутить или напугать?

— Мое восхищение и мои приветствия вайирам! — учтиво поклонился Джек.

Сатир поднялся и пробежал пальцами по струнам. Лира откликнулась певучей имитацией людской речи:

— Доброго дня и тебе, человек!

Сирена, заколов кудри гребнем, взмахнула, точно ныряльщица, руками и мягко приземлилась на траву. От легкого толчка пышная грудь всколыхнулась так соблазнительно, что смотреть Джеку стало просто нестерпимо. А она уже стояла вплотную, приветливо глядя своими фиалковыми глазами — в отличие от по-кошачьи настороженного шафранного взгляда сородича.

— Здравствуй, Джек Кейдж! — проворковала сирена по-английски. — Не узнаешь меня?

Джек мигнул ошеломленно, а затем просиял:

— Р'ли! Малютка Р'ли! Но ты — о святой Дионисий! — как ты переменилась! Ты выросла...

Сирена кокетливо поправила прическу.

— Естественно. Три года назад, когда я отправлялась в горы для совершения обрядов, мне было всего четырнадцать. Теперь все семнадцать, и я уже взрослая. Ты находишь это странным?

— Да нет... То есть... Ты прежде напоминала... черенок метлы... так сказать... А теперь... — Рука Джека невольно описала выразительную кривую.

Р'ли просияла в ответ:

— Не смущайся! Я знаю, что тело у меня красивое. Тем не менее люблю комплименты — можешь отпускать их сколько угодно. При условии, что от чистого сердца, разумеется.

У Джека запылали щеки:

— Ты... ты неправильно меня поняла... Я... — Он подавился словами, ощущая полное бессилие перед ужасающей прямоотой собеседницы.

Сжалившись, Р'ли сменила тему беседы:

— Нет ли у тебя в запасе курева? Наше кончилось, и мы мучимся уже несколько дней.

— Как раз три штуки осталось. Пожалуйста!

Джек извлек из кармана куртки драгоценный медный портсигар, подарок Бесси Мерримот, и вытряхнул последние коричневые самокрутки. Первую непроизвольно протянул Р'ли — как даме. Рука наотрез отказалась подчиниться принятой среди людей грубости в обращении с жеребьяками.

Однако, прежде чем предложить закурить брату сирены, вторую взял сам. Сатир отметил людское пренебрежение мягкой загадочной улыбкой.

Наклоняясь над вспыхнувшей люциферкой, протянутой Джеком, Р'ли невольно подняла взгляд. Эти нежные фиалки, отметил юноша, покрасивее глазок Бесси, пожалуй. Он никогда не

соглашался с отцом, утверждавшим, что встретиться взглядом с жеребяком — все равно что заглянуть в глаза дикому зверю.

Глубоко затянувшись, сирена закашлялась и выпустила дым через ноздри.

— Вот же отрав! — усмехнулась она. — Но мне нравится. Один из немногих даров, которые люди принесли с собой с Терры. Даже не представляю, как мы когда-то могли обходиться без курува!

Если в словах Р'ли и прозвучала ирония, то лишь едва уловимая.

— Похоже, что это единственный порок, который вы у нас переняли, — откликнулся Джек. — И единственный дар нашей цивилизации. К тому же не слишком существенный.

Р'ли улыбнулась:

— О, не единственный! Мы еще, как ты знаешь, едим собак. — Она перевела взгляд на Самсона. Тот, словно чувствуя, что речь о нем, плотнее прижался к ноге хозяина. Джек, не сдержавшись, содрогнулся. — Можешь не волноваться, большой лев. Твою породу мы не трогаем. Только упитанных и глупых столовых собак. А что до даров, — обратилась она к Джеку снова, — вам не в чем себя укорять. Не думай, что люди пришли с Терры с пустыми руками. Мы многому от вас научились — гораздо больше, чем вы сами полагаете.

Р'ли снова чистосердечно улыбнулась. Джек чувствовал себя по-дурацки — можно вообразить, что уроки землян несут исключительно характер чужих ошибок и заблуждений, на которых учатся, чтоб самим не повторять! Юноша даже слегка обиделся.

Сатир заговорил с Р'ли по-жеребячески. Она ответила краткой невнятицей — Кейдж знал, что в переводе на английский разговор этот отнял бы уйму времени — и снова обратилась к юноше:

— Мой брат Мррн хочет остаться здесь в одиночестве, чтобы сложить песню, которую задумал уже давно. Завтра, по возвращении домой, он собирается ее исполнить. Я же, если ты не против, могла бы составить тебе компанию — до дома моего дяди нам ведь по пути.

Джек недоуменно пожал плечами:

— С чего бы это мне возражать?

— Я могла бы перечислить с полдюжины причин. Например, и это самое существенное — увидят и обвинят в панибратстве с жеребяками.

— Совместная прогулка по общественному тракту — вовсе не панибратство. Это вполне законно.

Молча миновав зеленый лабиринт, они вышли к дороге. Самсон, как заведено, трусил чуть впереди. Воздух позади них

взорвался могучими аккордами; в отличие от мелодичного и одухотворенного пения сестры, сатир исповедовал иную музыку — неукротимую и яростную, поистине дионисийскую.

Джек предпочел бы задержаться и дослушать. Он боялся признаться в этом даже самому себе, но музыка вайиров его просто завораживала. Но не подобрав никакого благовидного предлога для остановки, он продолжал шагать рядом с хвостатой спутницей. За поворотом тракта искустительные аккорды почти заглохли — могучие деревья погасили их своей густой листвой.

Широкий древний тракт — а существовал он по меньшей мере тысячелетие — плавно огибал пологое подножие горного хребта. Сплошная, точно отливка, дорога была выстлана неведомым людям серым веществом без швов и стыков. Не ведающее износу, прочнее гранита, ее полотно, казалось, слегка пружинило под ногами путника. В жару дорога приятно студила босые пятки; в морозы — наоборот, согревала. Складывалось впечатление, что серый материал летом впитывает, а зимой отдает тепло — в самые лютые холода полотно оставалось сухим и теплым. Талые воды не задерживались на его чуть выпуклой поверхности.

Тысячи таких трактов густой сетью покрывали все пространство Авалона — это и позволило людям столь стремительно расселиться по всему материку.

Р'ли прискучило затянувшееся молчание спутника, и в поисках темы для разговора она попросила показать саблю. Не без удивления Джек обнажил и протянул сирене драгоценный клинок. Бережно приняв в руки эфес, Р'ли осторожно коснулась пальчиком острой дамасской стали.

— Железо, — вымолвила она задумчиво. — Жуткое название для жутких предметов. Думаю, наш мир мог бы попросту рухнуть, сохранись их побольше...

Джек внимательно наблюдал, как сирена обращается с ятаганом. Мигом развеялось еще одно поверье о жеребьях, знакомое Джеку с младых ногтей — они, оказывается, могут прикасаться к железу! Пальцы у них не отсыхают, руки не скрючиваются — и никаких страданий они не испытывают.

Р'ли указала на затейливо изукрашенную гарду:

— А что здесь написано?

— Честно сказать, не знаю. Говорят, это по-эребски, на одном из древних земных языков. — Джек забрал ятаган и, повернув, показал другую надпись: — Первый год АГД. Анно гомо дейрус. Год, когда мы сюда прибыли. Утверждают, сам святой Хананий вырезал. Этот ятаган достался моему далекому предку, Джеку Кейджу-первому, от тестя — Камалья Мусульмани-

на, перешел прямо из рук в руки. Своих сыновей у того не было.

— А правда ли, что таким клинком можно перерубить подброшенный волос? — спросила Р'ли.

— Не знаю, не пробовал.

Р'ли тут же выдернула и пустила по ветру длинный волос. Просвистал клинок, и на дорогу плавно легли две медно-золотистые нити.

— Знаешь, — протянула она, — будь я драконом, я бы как следует призадумалась...

У Джека отвисла челюсть; пока Р'ли затаптывала мозолистой ступней дымящийся окурочок, он даже пару раз икнул.

— Как... как ты узнала, что я выслеживал дракона? — выдавил наконец юноша.

— Она сама сказала.

— Она? Кто... она?

— Дракониша.

— Дракониша? Сказала тебе?

— Ну да! Ты разминулся с нею всего минут на пять, не больше. Дракониша отдыхала рядом с нами, когда почувствовала твоё приближение. Ты не представляешь, как она устала бегать! Она беременна, голодна и совершенно измучена. Я посоветовала ей скрыться в горах — там труднее читать следы.

— Ну спасибочки! — дрожащим голосом протянул Джек. — И все же какого черта! Как могла ты узнать, что она знает, что я... Тьфу! Я хочу сказать, она знает, что я иду по следу, и собирается... Короче, как ты узнала обо всем этом? Может, ты и по-драконьи говоришь? — последний вопрос Джек попытался напиться сарказмом.

— Разумеется.

— Что?! — Джек заглянул в фиалковые очи. Что за нелепые шуточки! Никогда не угадаешь, когда этим вайирам придет охота дурачиться.

Ответный взгляд был спокоен, но загадочен. Этот мгновенный обмен взглядами что-то означал. И Джек начал догадываться, что именно, когда рука Р'ли потянулась к его руке. Но не завершив жеста, она словно опомнилась — к чему людям ласки сирен? Тем более что верный Самсон, глухо заворчав, вздыбил шерсть на загривке. Р'ли отдернула руку. Ничего не случилось.

Они продолжали свое путешествие.

Р'ли как ни в чем не бывало весело щебетала — ни о чем и обо всем понемножку. Джека вдруг стало раздражать, что она перешла с английского на детский жеребяцкий, так называемую «лепетуху». Юноша прекрасно знал, что взрослые вайиры прибегают к ней для выражения презрения или злости да еще в

разговоре с ребенком или возлюбленным. Ни тем ни другим он не был.

А сирена делилась переполнявшими ее сердце чувствами — восторгом предстоящей встречи с родными и близкими после затянувшейся разлуки, незамысловатой радостью побродить знакомыми с детства тропками в окрестностях Сбейптаху. Р'ли беспрестанно смеялась, глаза светились счастливым упоением, руки порхали, словно отмахиваясь от уже сказанных слов, как от мух — уступите, мол, дорогу следующим! А ее спелые, сочные губы, изливая непрерывный поток восторгов, складывались обворожительным колечком.

Незаметно с Джеком случилась загадочная перемена — недавнее раздражение на спутницу обернулось вдруг неодолимым желанием. Прижать бы ее к груди, впустить золотистый водопад за спиной и запечатать жарким поцелуем сладостные уста! Предательская мысль была мимолетной, но от нее закипела в жилах кровь, сбились мысли и затуманилось в глазах...

Джек отвернулся, опасаясь выдать себя. Жаркий медовый ком набухал в груди, пульсировал мучительно-сладкой болью и, казалось, вот-вот прорвется сквозь ребра — сию минуту, немедленно.

Он должен взять себя в руки!

С девушкой из окрестностей Сбейптаху — а у Джека уже накопился кой-какой опыт по куртуазной части — он отнюдь не стал бы мешкать, изведая подобное чувство. Но с этой!

Р'ли и манила, и отталкивала. Она сирена, существо, которое никто из мужчин женщиной не назовет. Она нелюдь, как и те легендарные обольстительницы с берегов Средиземноморья и Рейна, приблизиться к которым — значит рисковать жизнью и бессмертной душой. Не случайно же и церковь, и светская власть в своей беспредельной мудрости запрещают мужчинам даже близко подходить к сиренам!

Но и духовные владыки, и ревнители правосудия сейчас далеко, они лишь туманная абстракция. А сирена — вот она, рукой подать! Золотисто-смуговая кожа, сверкающий фиалковый взгляд, вишнево-спелые губы, тяжелые косы и магнетические округлости — все рядом! Да еще стрельба глазками, игривое покачивание крутых бедер, колыхание тяжелых грудей, весь прочий арсенал кокетливой шалуньи...

Р'ли нарушила тягостную паузу:

— И о чем это ты так глубоко задумался?

— Ни о чем.

— Потрясающе! Вот бы и мне научиться такому — думать ни о чем, да еще так сосредоточенно!

Ее шутка помогла Джеку совладать с собой. Грудь отпустило, и он снова мог смотреть в лицо спутнице. Она уже не

казалась самым желанным на свете созданием; просто существо женского пола, воплотившее в себе все, о чем только может мечтать мужчина, обуреваемый плотской страстью.

А ведь он только что чуть было... Нет! Никогда! Не смей даже думать об этом! Но где гарантия, что удастся сохранить самообладание? За мгновение до вспышки всепоглощающего пламени страсти он был в ярости, готов был чуть ли не придушить Р'ли. А потом? Искры гнева обратились пламенем неистового вожделения...

Как такое могло с ним случиться? Уж не чары ли тому виной?

Джек рассмеялся и наотрез отказался объяснить Р'ли причину веселья. Он лукавит, пытаясь списать на чары свою собственную слабость. Какое, к дьяволу, колдовство! Какая волшебба! Навести на мужика такие чары способна любая смазливая бабенка. И без всякой дьявольщины, одним неувловимым движением бедер!

Дай искушению имя, и оно угаснет. Похоть — это просто похоть и ничего, кроме похоти. В какие пестрые одежды ее ни ряди.

Джек на ходу перекрестился и дал себе слово сходить исповедаться. И тут же понял, что опять нечестен с собой — никому он не сможет рассказать о столь черных помыслах, даже своему духовнику, отцу Таппану. Сраму не оберешься!

Просто по возвращении домой, уладив прежде всего отношения с отцом, надо съездить в город и навестить Бесс Мерримот. Пообщавшись с привлекательной девушкой, он запросто забудет о прогулке с сиреной. Если только... не осквернит ли невинную душу Бесс случившееся с ним? Черные его мысли? Нет, это уж полная чушь! Такое непозволительно даже в воображении. Джеку всегда были отвратительны кающиеся нытики, слоняющиеся повсюду со скорбным ликом, предаваясь самобичеванию и не позволяя отпустить свою вину ни слугам Господа, ни кому-либо иному. Им, похоже, просто нравится пребывать в центре безразличного внимания окружающих. Так стоит ли превращаться в им подобного?

Затянувшееся самокопание наскучило, и Джек, принудив себя проявить вежливость, заговорил со спутницей. Вспомнив, с какой горечью Р'ли вела речь о драконе, он поинтересовался причиной этого.

— Все дело в том, — ответила сирена, — что ты, в сущности, обязан нам жизнью. Дракониha жаловалась, что ты выслеживаешь ее, чтобы убить. И не раз и не два сама могла подстеречь тебя и прикончить. Со спины. И все же удержалась, хотя искушение, поверь, было велико. Тебя спас драконий

договор с вайирами — он гласит, что убийство человека допустимо лишь как крайняя мера самозащиты...

— Договор? С драконами? — изумился Джек.

— Именно. Неужели вы не замечали определенной последовательности в ее так называемых набегах? Один единорог из поместья лорда Хау — первая неделя. Следующая — один из усадьбы Чаксвилли. Затем один у О'Рейли. Через недельку — животное из монастырского стада филиппинцев. Затем, в порядке очереди, у твоего отца. И все снова. Так и идет ее охота — по кругу. Последний набег был пять дней назад — на ваши конюшни. Кроме того, драконы по соглашению не должны трогать самцов, пригодных под хомут, и дойных или жеребых кобыл — лишь тех, что и так на убой. По возможности им следует избегать людей и собак. Не более четырех животных в год с одной фермы. И не больше одного дракона на целый округ. Перезаключение договора производится ежегодно, с учетом приводящих обстоятельств...

— Постой! — перебил Джек. — А кто позволил вам, жеребьякам, — он чуть ли не выплюнул это слово, — распоряжаться чужим добром как собственным?

Р'ли потупила взор. Только теперь до юноши дошло, что пальцы сирены оказались в его собственной ладони. И кожа на ощупь была столь нежной и гладкой, что — Джек не сумел удержаться от крамольной мысли — куда там Бесс!

Когда Джек поспешно отдернул руку, Р'ли лишь мигнула. И, безмятежно взглянув прямо на зардевшееся лицо юноши, спокойно произнесла:

— А ты вспомни, что по договору, который твой дед, испрашивая право аренды, заключил с моей семьей, ваша ферма должна поставлять нам четырех единорогов в год. Мы, между прочим, уже лет десять не настаивали на этом своем законном праве — нам хватает и собственных стад. Мы не настаивали, потому что не жадные. — Тут Р'ли выдержала красноречивую паузу. — Между прочим, мы также скрывали от сборщика податей, что твой отец несправедливо включает в графу расходов четыре головы ежегодно.

При всей охватившей Джека досаде он не мог не заметить настойчиво повторяемого местоимения «мы», которое книгочеи рода человеческого определяли как «выразитель скрытого презрения». К тому же в доводах Р'ли сквозила очевидная брешь. Если уж лижутся вайиры с драконами, заключают договоры и прочее, то почему бы не забирать причитающихся им единорогов и самим не передавать чудищу, не прикрываясь пусто-порожней болтовней? К чему людям эти жуткие ночные набеги? Что-то здесь не так, неувязка.

Правда, жеребяки почти никогда не лгут. Но ведь время от времени такое все же случается. Рассказывая небылицы, взрослые используют лепетуху — как Р'ли с ним сейчас. Но означает ли это, что она морочит ему голову? Ведь она сама учила его разговаривать на языке жеребяков, когда они вместе играли в окрестностях фермы. И вроде бы нет веских причин избегать пользоваться им и сейчас...

Игстоф, Смотритель моста, с кистью и палитрой в руках стоял перед гигантским грунтованным холстом, водруженным на прочный мольберт, и ожидал прилива вдохновения. За ним, у самой дороги на Сбейптаху высился дом — круглая башня серого камня с кварцевыми вкраплениями. Поодаль, сидя на корточках у ручья, Вигтва, супруга питомца муз, потрошила только что выловленного двухфутового чешуйца — двуногого обитателя речных вод. Рядом с матерью весело плескалась детвора. Пятилетнюю Ану, если не приглядываться, вполне можно было принять за человеческое дитя — настолько неуловимы пока ее отличия от рода человеческого. Лишь едва заметный золотистый пушок вдоль позвоночника, и никакого еще хвоста. Ее десятилетний братец Крейн уже мог похвастать неким подобием гривки, сиявшей в радужных брызгах, а вот старшее чадо смотрителя, Лида, тринадцатилетний подросток, воплощала собой процесс созревания вайиров во всей его полноте. Медно-золотистая гривка вдоль спины завершалась пока коротким аккуратным хвостиком. Вкупе с намечающейся внизу живота растительностью и набухающими бутонами грудок все это являло свету зрелище выходящей из пены ручья новой сирены, обольстительной и проказливой.

При виде сородичей Р'ли испустила пронзительный восторженный клич и перешла чуть ли не на галоп. Мигом отложив палитру, Игстоф помчался навстречу племяннице. Вигтва, обронив и нож, и чешуйца, тоже устремилась к мосту. Следом из ручья в фонтанах брызг с радостным визгом повыскакивала малышня.

Звонкие поцелуи, родственные объятия, детские нетерпеливые вопли, первые торопливые расспросы, ответы ни в склад ни в лад — все смешалось в единый радостный вихрь. Р'ли настолько истосковалась по дому, что пыталась излить душу, поделиться наболевшим уже в самые первые сумбурные мгновения встречи...

Джек держался поодаль, пока Игстоф, не забывавший о светских приличиях даже в разгар бури родственных чувств, не приблизился и на прекрасном английском не предложил гостю отведать хлеба свежей выпечки и стаканчик-другой вина. Он даже не преминул извиниться за то, что жаркое из чешуйца

чуть-чуть запоздает. Столь же любезно Джек отвечал, что ломтик хлеба и стакан вина были бы в самый раз, сердечное спасибо, а дожидаться жаркого он, увы, не сможет — дела.

— Одиноко вам здесь не будет, у нас уже гостит один человек, — деликатно заметил Игстоф. Он помахал мужчине, вышедшему на шум и стоявшему на пороге дома-башни.

Джек удивился и внутренне подобрался. В их приграничном округе к чужакам всегда относились с любопытством и легкой брезгливостью, если не подозрительно. Особенно к таким, что запросто вхожи в жилища аборигенов.

— Познакомьтесь, пожалуйста: Джек Кейдж, Манто Чаксвилли, — не преминул исполнить формальный долг хозяина Игстоф.

После обмена рукопожатиями Джек любезно поинтересовался:

— Не доводите ли вы родичем Элу Чаксвилли? У него ферма по соседству с нашей.

— Все люди — братья, — глубокомысленно изрек незнакомец, — а что до Эла, то мы с ним только ведем род от общего предка — если не ошибаюсь, от земного горца по имени Джугашвили. Первое же мое имя, насколько удалось раскопать, происходит от Мантео, одного из индейцев племени кроу, прибывших в Авалон с колонией Роанок. А ваш род, простите?..

«Вот же дьявольщина!» — мысленно выругался Джек и решил свести беседу с чужаком до вежливого минимума. Он терпеть не мог умников, забивающих себе и другим голову вопросами происхождения и тратящих уйму времени на бессмысленные путешествия по стволу, ветвям и самым тончайшим веточкам, вплоть до отдельных листочков, генеалогического древа. Подобный интерес Джек считал сегодня никчемным и занудным — нынче ведь каждый может провозгласить себя потомком одного из Первопоходных.

Собеседнику было под тридцать. Смуглый, чисто выбритый, с массивной челюстью, пухлыми губами и крупным хищно изогнутым носом, Чаксвилли был весьма наряден — пожалуй, даже слишком для здешнего захолустья. Если белая фетровая шляпа, широкополая и с высокой тульей, да синяя куртка из дорогой, тщательно выделанной шкуры оборотня еще не слишком бросались в глаза, то столь короткий аккуратно выглаженный кильт из полосатой красно-белой ткани носили лишь при дворе и среди высшего офицерства. На широком поясе с пряжкой подлинной меди висели деревянный нож и настоящая рапира. Гардероб дополняли высокие отличной выделки кожаные сапоги.

Джека заинтересовала рапира, и он учтиво попросил позволения ее рассмотреть. Чаксвилли выдернул клинок из ножен и

чуть ли не метнул оружие юноше. Джек без труда поймал рапиру за рукоятку. Ох уж эти столичные штучки! Вечно стараются выставить нас, провинциалов, на посмешище... Джек пожал плечами.

Это не ускользнуло от внимательных черных глаз горожанина. Пухлые губы, приоткрыв неестественно белоснежные — прямо как у вайиров — зубы, растянулись в ухмылке.

Отсалютовав чужаку по всем правилам, Джек стал в позицию — уроки Фехтовальной академии в Сбейптаху дались ему не просто и не прошли даром — и сделал несколько молниеносных выпадов. Затем провел краткий «бой с тенью», после чего вернул рапиру владельцу.

— Потрясающая гибкость! — восхитился он. — Клинок из недавно изобретенного упругого стекла, не так ли? Вот бы и мне такую. Ничего подобного в наших краях пока не купить. Но, слышал я, гарнизон Сбейптаху ждет новую экипировку — по самому последнему слову... Шлемы, кирасы, поножи, щиты — все из стекла. И даже наконечники для копий и стрел — тоже! Поговаривают, появилось стекло, выдерживающее пороховой удар. Может, будут и ружья такие? Конечно, стволы придется делать сменными — никакое стекло не выдержит больше дюжины выстрелов, и все же... — Джек запнулся, заметив легкий кивок собеседника в сторону приближающегося Смотрителя.

— Все это одни лишь слухи, — широко улыбнулся чужак. — Но жеребякам и слухи наши ни к чему, не так ли?

— Понимаю... — смешался Джек и, ощущая себя чуть ли не изменником, сболтнувшим врагу о государственной тайне, поспешил сменить тему. — А каков род ваших занятий? Что привело вас в наши края?

— Как я уже рассказывал нашему любезному хозяину, — громко продолжал Чаксвилли, — я один из тех помешанных, что вечно ищут Священный Грааль, стремятся к недостижимому и... словом, я рудозналец и разведываю залежи железной руды. Поиски этого мифического минерала оплачивает королева, и оплачивает пока неплохо. Но до самого сего дня, как и следовало ожидать, не нашлось ни крупинки железа — ни в здешних краях, ни где-либо еще. — Он хитро улыбнулся Джеку, собрав вокруг пронизательных глаз сеточку морщинок. — Кстати, если вы собираетесь донести на меня за вход в жилище жеребяков, не тратьте попусту время и чернила — как Королевский рудозналец я имею на то право. При условии, разумеется, что пригласил хозяин.

— У меня и в мыслях подобного не было! — вспыхнул Джек.

— А между тем это прямая ваша обязанность, долг перед законом и Господом.

«Вот же мерзкий тип!» — отшатнулся Джек. Он едва было и вовсе не показал новому знакомцу спину, но желание взять реванш, произвести на столичную штучку сильное впечатление превозмогло и брезгливость, и обиду. Не бывать Кейджу посмешищем! Джек выхватил ятаган и полоснул сверкающим клинком воздух — только зайчики брызнули Чаксвилли в глаза.

— Что вы скажете об этом?

Разинув рот, Чаксвилли застыл в благоговейном трепете. Наконец-то Джеку удалось осадить столичного щеголя.

— Сталь! Настоящая земная сталь! Вы позволите... прикоснуться, поддержать в руках?

Клинок сверкнул в стремительном полете, но смуглолицый ловко поймал ятаган за рукоятку. Опять разочарование — Джек надеялся, что гордец промахнется, ухватит лезвие, а то и порежется. Что за мальчишество! Надо быть выше этих дурацких фокусов.

А горожанин упоенно рубил воздух вокруг себя:

— Вот это да! Успевай только шеи подставлять! Вжжжик! Вжжжик! Да будь у королевских гвардейцев такое оружие, кто бы остановил их?

— Никто, пожалуй! — сухо проронил приблизившийся хозяин дома; сумрачным взглядом он проследил, как ятаган перекочевал в руки законного владельца и вернулся в ножны. — Говоря по чести, я был бы неискренен, пожелаю я успеха в ваших минералогических изысканиях — отыщись железо, не расхлебать потом дурных последствий. Но не думаю, что это удастся. Ваша попытка — далеко не первая. Впрочем, по соглашению с вашим правительством любой рудознатец, получив на то разрешение местного вайирата, вправе отправиться в горы. Что до меня — вот перед вами Тхаракийское нагорье, ступайте и ищите себе на здоровье! На свой страх и риск. Учтите, местность там кишит оборотнями, да и драконы согласно договору вправе атаковать в горах любого. И каждый вайир, вздумай он там прикончить вас, будет в своем законном праве, никто из соплеменников его за то не осудит. Ведь в определенном смысле Тхаракийское нагорье — святыня нашего народа. Иными словами, никто не удерживает вас от рискованной затеи. Но и помощи вам ждать не приходится. Я высказался достаточно ясно?

— Вполне. А что гласит ваш закон о попутчиках? Я имею в виду допустимое их число.

— Не более пяти в одной группе. Превышение хотя бы на одного аннулирует соглашение. Вынужден напомнить: в прошлом уже случались попытки направить в Тхаракию большие отряды воинов. Никого из них более не видели — ни живым, ни мертвым.

— Да, я слышан. Значит, если я вас правильно понял, найди вайиры в горах следы железа, будоражить нас, людей, радостными вестями никто не станет? На такой вопрос вы ведь вправе ответить?

— Совершенно верно, вправе. Но мне не хочется, — и Игстоф расплылся в улыбке, по-детски шаловливой.

— Премного вам благодарны, о гостеприимный Смотритель моста! — Чаксвилли изогнулся в подчеркнуто церемонном поклоне.

— Всегда к вашим услугам, о бесстрашный Искатель Приключений! — не остался в долгу Игстоф.

Рудознатец едва заметно нахмурился и, подойдя к Кейджу вплотную, тихо процедил:

— Ну, жеребяки... Вы у нас допрыгаетесь!

Скользкую тему Джек не поддержал — его внимание всецело было захвачено появившейся из дверей башни Р'ли. В ее руках юноша заметил зеленый шарик мыла из смолы дерева татам и пушистую мочалку — охапку свежесрезанной духовитой трун-травы. Джек не в силах был оторвать взгляда от дразнящего покачивания ее хвоста и бедер, неодолимое желание проводить сирену до ручья обуяло его...

— Остерегайтесь всей этой нечисти, мой юный друг! — вкрадчиво посоветовал Чаксвилли, перехватив затуманившийся взгляд Джека. — Не подпускайте ее близко к сердцу, помните — это всего лишь дикие бездушные нехристи. И не забывайте также, какое наказание ожидает мужчину, застигнутого с сиреной...

— Даже кошке дозволяется глазеть на королеву! — отрезал Джек.

— Но чрезмерное любопытство сгубило ту самую кошку! — парировал смуглолицый горожанин.

— На чужой роток не накинешь платок! Кто не встречается в чужие дела, тот и сам здоров, и мощна цел! — машинально подхватил Джек и снова сконфузился — настолько глупо прозвучал этот обмен народными премудростями. Вот уж это точно: перевес в бессмысленной пикировке богатства не принесет.

От срама подальше, Джек отошел к мольберту и уставился на холст.

Живописец, польщенный вниманием к своим скромным потугам, деликатно остановился за спиной и принялся давать пояснения на лепетухе:

— Перед вами арранин, показывающий нашу планету одному из Первопохищенных. Он наставляет землянина — говорит, что тому и всем его соплеменникам выпал счастливый шанс начать новую жизнь. Избавиться наконец от мора и глада, от

позора угнетения, невежества и войн — чудовищных язв на лике родной планеты землянина. Суть предложения в том, добавляет арранин, что землянам предстоит научиться жить совместно с извечными обитателями новой для них планеты. Если люди сумеют позаимствовать опыт вайиров и, в свою очередь, поделятся с ними своим, то докажут тем самым, что вправе развиваться и дальше — навстречу великим свершениям.

Как мы видим, арране задумали нечто вроде грандиозного космического эксперимента, более или менее контролируемого. Обратите внимание на угрожающий жест левой руки арранина. Он передает предупреждение и намек на грядущие грозные последствия, ожидающие людей как здесь, так и на родной Земле, если к моменту возвращения арран они не успеют перестроить свое сознание. Четыре столетия отводится землянам на создание общества, основанного на терпимости и взаимопомощи, а не на ненависти и предрассудках.

Арранин поясняет, что здесь у людей не будет оружия, которое позволило бы уничтожить «отсталых» туземцев, как принято на Земле. Практически все железо Дейры, равно как и прочие материалы, пригодные для создания оружия, исчезли с планеты тысячелетие тому назад. На Дейре уже тогда существовало развитое общество, сверх всякой меры возлюбившее сталь, огонь и прочие разрушительные стихии. Вайиры тогда умели летать на огромных аппаратах тяжелее воздуха, мгновенно передавать сообщения на колоссальные расстояния и еще многое такое, что нынешние люди Дейры сочли бы ведьмовством. Но цивилизация была сметена ужасным взрывом, уцелела лишь горстка вайиров — к счастью, из самых мудрых. От оружия, природа которого ныне нам неведома, погиб практически весь животный и растительный мир планеты.

Уцелевшие вайиры сумели создать — не возродить, а именно создать — новый тип общественного устройства для нового типа расы разумных. Они осознали, что на грань полной и всеобщей гибели их привело непонимание собственного предназначения и места в мироздании. Поэтому, прежде чем выдвигать цель возрождения технологического общества, они все свои силы посвятили поиску ответа на главный вопрос. Познанию самих себя. Лишь затем, решили они, можно пускаться в исследование прочих загадок природы.

И мудрецы во многом преуспели. На обломках рухнувшей цивилизации им удалось выстроить мир, свободный от мора и глада, ненависти и войн. Свободный мир свободных личностей — насколько это вообще возможно даже при самом разумном общественном устройстве. И так было, и так оставалось долго — до самого появления на планете землян.

Джек молча проглотил горькую пилюлю, скрытую в последней реплике. Он знал — когда у вайира на кончике языка правда схватится с деликатностью, то последняя обычно обречена на поражение. Пусть даже разговор идет на лепетухе.

Юноша внимательно вглядывался в блеклое, неяркое изображение (может быть, потому, что краски на бедной железом планете влетали в копеечку). Он распознал, однако, силуэт арранина, знакомый по хрестоматийным описаниям и угольным копиям знаменитого портрета, исполненного по памяти вскоре после высадки на планету как раз прапрадедом Кейджа. Внешне инопланетянин напоминал помесь человека с огромным медведжином; отец Джо называл арранина «гомурсус».

— Можно также отметить, — продолжал между тем Игстоф, — что милосердный лик могущественного арранина, чуждый всему человеческому, внушает и благоговейный трепет. Я попытался передать в его образе некий универсальный символ Вселенной, объединяющий как физическое, материальное начало, так и нечто надреальное, скрытое за внешним обликом предметов и явлений. Многие вайиры уже научились распознавать эти сверхъестественные — в ином, нежели употребляют это слово люди, смысле — начала и силы, могучие и благотворные. Вайиры-мудрецы даже близки к тому, чтобы научиться управлять ими и использовать — исключительно на благо всех разумных обитателей Дейры, даже если такие попытки внушают порой людям суеверный страх. И людям еще предстоит воспринять горькие, но целительные уроки — тот, кто ничему не учится, неизбежно терпит фиаско.

Прошу понять меня правильно: арране — отнюдь не какие-то сверхъестественные существа, они из такой же плоти, как вы и я. И таинственные Высшие силы, столь любезные вашему человеческому сердцу, абсолютно здесь ни при чем. Просто арране используют как ту часть реальности, что хорошо нам знакома, так и ту, что пока еще недоступна. Я не слишком вас запутал?

Нет, Джек понял практически все. Но мысль, что человек на Дейре — как бы начинающий школяр, которому предстоит учиться жизни у жеребьков, была отнюдь не из самых приятных.

Чаксвилли что-то неодобрительно буркнул и отправился восвояси; Игстоф проводил гостя вежливой полуулыбкой. Джек тоже собрался в путь. Поблагодарив любезного Смотрителя за хлеб-соль, за интересный и поучительный рассказ, он вновь с сожалением сослался на дела, не терпящие отлагательств. Это не было простым соблюдением этикета — Джеку и на самом деле не хотелось так скоро покидать гостеприимный дом. Тем более что каждый шаг к дому отнему приближал неминуемую

выволочку за отлынивание от работы на ферме в самый разгар стрижки да еще в придачу за вынос бесценного клинка без спросу из дому.

Решив, что дальнейшие проволочки — лишь свидетельство собственной трусости, Джек свистнул Самсону и поспешил вдогонку за Чаксвилли. Неприятный попутчик лучше, чем одиночество в пути. Не так скучно, а кроме того, можно расспросить о предстоящей экспедиции в Тхраракийские горы. Интересно, где чужак собирается вербовать себе компанию? А вдруг и впрямь найдут что-либо?..

Услыхав сзади оклик, Джек обернулся. Его нагоняла Р'ли, на ходу вытираясь остатками душистой трун-травы.

— Немного провожу, не возражаешь?

Громкий жалобный вой заглушил ответ Джека: трехколесная повозка, запряженная парой беснующихся единорогов, вырвалась из-за каменной стены в дальнем конце моста. Завидев двух пешеходов, сидящий на козлах Чаксвилли попытался осадить единорогов; как обычно, норовистые животные подчинились далеко не сразу — туго натянутые поводья действовали слабо, пришлось добавить кнута по бокам вкупе с порцией отчаянной брани. Остановившиеся наконец единороги, всхрапывая и косясь на кучера миндалевидными сверкающими глазами, ожидали, казалось, лишь малейшего послабления, чтобы пуститься вскачь.

— О святой Дионисий! — перекрестившись, возопил Чаксвилли. — За какие только прегрешения ниспослана нам кара в лице этих сосудов тупости и бешенства! Как славно бы здесь жилось, захвати мы с Земли легендарную лошадь! Вот, говорят, было животное!..

— Если это не сказка, — рассудительно заметил Джек. — Позвольте составить вам компанию?

— Нам обоим? — вставила Р'ли.

— Забирайтесь, забирайтесь! А то упустите чудный шанс свернуть себе шею! Эти твари понесут нас, не разбирая дороги!

— Да уж! — подтвердил Джек. — Но вам еще грех жаловаться. Вот попробовали бы пахать на них!

— Пытался, а как же! Лучше уж впрячь в плуг дракона — и силы, и ума у него больше.

— Что?!

— Шучу, шучу, Кейдж. Неплохо бы отправить назад вашего зверя. — Чаксвилли указал на Самсона. — Пусть приотстанет чуток, а то как бы мои скакуны вконец не свихнулись!

Джек пытливо уставился на рудознатца. Нет, определенно этот тип не вызывает доверия. И юмор какой-то странный — драконий!..

Зычно гаркнув на единорогов, тот полоснул кнутом по гривастым спинам. Однако своенравная упряжка на сей раз едва ползла, и все старания погонщика никакого эффекта не возымели. Тогда, пожав плечами, он предоставил единорогам выбор аллюра по собственному усмотрению. Некованные копыта глуховато зацокали по полотну древнего тракта.

Королевский рудознавец поинтересовался ближайшими жизненными планами Джека. Тот вежливо отвечал, что, закончив минувшей зимой монастырскую школу, определиться пока еще не успел и помогает отцу по хозяйству.

— А с призывом-то как?

— Отец выложил отступное. Что в армии даром время терять? Вот если бы запахло войной!..

— Ты разве уже не собираешься поступать в столичный колледж? — спросила Р'ли.

Джек удивленно обернулся. Не виделись они уже полных три года, и юноша никак не мог вспомнить, говорил ли ей об этом до разлуки. Наверное, да — известно ведь, что у жеребьков необыкновенная память. А может, Р'ли провела об этом, уже живя в горах? Слухи среди вайиров распространяются тоже как-то по-особенному — и далеко, и быстро.

— Нет, не собираюсь. Хотелось бы продолжить образование, но только не в Сент-Дионисе. Дело в том, что меня интересует исследование сознания, вопросы, связанные с человеческой психикой. И мой научный руководитель, брат Джо, поддержал меня в этом. Он советует продолжить учебу в Неблизке — считается, что тамошние ученые превосходили своих коллег из Сент-Диониса.

— Ай-ай, как непатриотично! — бросил Чаксвилли с укоризной. — Негоже отечественную науку ставить ниже чужеземной.

— Хочется самое лучшее для себя выбрать, — сухо ответил Кейдж. Теперь он уже не сомневался в характере своих чувств к смуглолицему — тот не нравился все активнее. — К тому же один священник много рассказывал мне о Рудмане. Уверяют, что так, как он, человеческий мозг не изучил больше никто.

— Рудман? Как же, как же — слышаны... А разве он не осужден за ересь? Не отлучен?

— Его судили, — вставила Р'ли, — но признали невиновным.

Джек поднял бровь. Опять эта их система связи...

— Я слышал лишь, что все обвинители исчезли при загадочных обстоятельствах до завершения процесса, — подлил масла в огонь Чаксвилли. — И что дело явно не обошлось без черной магии и демонов, выкравших врагов их подопечного — или же покровителя.

— Разве хоть один человек в целом свете видал демона? — спросила Р'ли.

— В том-то и сущность демонов, что они невидимы, — парировал Чаксвилли. — А вы как считаете, Кейдж?

Отвечать не хотелось. Похоже, этот тип — обыкновенный платный провокатор.

— Лично мне не доводилось сталкиваться с демонами, — осторожно промолвил Джек. — Скажу так: на ночной дороге я бы не устрасился остаться в одиночестве. И остерегался бы только оборотней да медведжинов. Да, и сбрендивших людей, впрочем, тоже, — добавил он, припомнив кузена. — Но не демонов.

— Позвольте дать вам один совет, мой юный провинциал, — всхрипнув, точно единорог, процедил Чаксвилли. — Никогда больше не произносите такое вслух! Сойти вам с рук это может лишь здесь, в пограничной глуши. В цивилизованной части страны подобное заявление прозвучит, как разрыв гранаты. И каждый второй побежит к серым палачам с доносом.

— Немедленно остановите повозку! — потребовал Джек. И сам гаркнул на единорогов. Бричка притормозила, продолжая медленно катиться. Джек спрыгнул и пошел рядом с козлами. — Слезай, Чаксвилли! Никому не спущу, чтобы меня называли деревенщиной. И забью поношения тебе обратно в глотку!

Блеснув в широкой улыбке зубами, особенно белыми на фоне смуглой кожи, Чаксвилли примирительно произнес:

— Не обижайтесь, юноша! Признаюсь, я был несколько несдержан на язык. Но ведь я только искренне хотел предупредить, предостеречь вас от неприятностей. Кроме того, позвольте напомнить, что я официальный королевский порученец. И пока нахожусь на задании, не вправе принять вызова, о каком бы оружии ни зашла речь. Прошу вас, усаживайтесь обратно и тронемся дальше.

— Без меня. Мутит от такой компании!

Джек повернулся и быстро зашагал по дороге. Щелкнул кнут, мимо процокали копыта, продребезжала тележка.

— Не держи на меня зла понапрасну, парень! — бросил напоследок Чаксвилли, уносясь вдаль.

Отвечать Джек не стал. Сделав шаг-другой, он остановился — сирены в бричке не было. Обернувшись, юноша бросил:

— А ты-то чего слезла! Из-за меня, что ли? Вот уж не стоило.

— Я поступаю так, как мне нравится.

— Всегда?

Действительно, почему Р'ли вдруг так привязалась к нему? Что за помыслы скрываются под копной золотистых ее волос? Не за красивые же его карие глазки она так внимательна!

Отвлекло от подозрений какое-то барахтанье в тени дерева на обочине. Не говоря Р'ли ни слова, Джек свернул с дороги и обнаружил зверушку, отчаянно сучащую недоразвитыми перепончатыми крылышками в тщетных попытках взлететь. Самсон, разумеется, успел опередить, но лишь обнюхал малютку — без команды хозяина воспитанный пес никогда и ничего не трогал.

— Подлесток синебородки, — сообщил Джек поджидавшей спутнице. Он осторожно поднял с земли крохотного зверька с забавной обезьяньей мордашкой, окруженной темно-синей бахромой. — Вывалился из гнезда. Подожди минутку, не переживай, вернем тебя на место!

Скинув пояс с оружием, Джек подошел к стволу греминдаля. Ветви могучего дерева начинались весьма высоко, футах в тридцати над землей. Отставив в сторону руку с оцепеневшим от ужаса живым комочком меха, юноша стал цепко карабкаться по гладкой коре. Лезть с занятой рукой было чертовски неудобно, но ведь недаром же он чуть не с полжизни провел на деревьях. Не давая себе послаблений и ни на минуту не останавливаясь, Джек достиг первой развилки, рывком подтянулся, забросил на ветку ногу, и вот уже подлесток присоединился к своим радостно потягивающим в гнезде собратьям. Беспечных родителей в поле зрения не оказалось.

Внизу Джека встретил сияющий взгляд сирены:

— Хоть и грубоват ты порой на словах, Джек Кейдж, а сердце у тебя все же доброе.

Джек пожал плечами. Интересно, что бы сказала она, узнай о его участии в захоронении Вава, своего кузена?

Путники двинулись дальше.

— Если собираешься учиться в Неблизке, — спросила сирена, — то почему до сих пор туда не отправился?

— Как старший сын я наследую хозяйство. Отец очень на меня рассчитывает. И если я разрушу все его планы ради учебы у человека, коего все как один почитают чернокнижником, это разобьет отцовское сердце. А кроме того, — добавил он менее уверенно, — чтобы учиться, нужны деньги.

— Вы с отцом, видно, частенько ссоритесь?

Обижаться Джек не стал — можно ли ожидать от жеребятков соблюдения человеческих приличий?

— Довольно часто, — признал он со вздохом.

— Именно из-за учебы?

— В основном да. Отец — далеко не бедняк и мог бы позволить себе потратиться на учение сына. Но делать этого не

станет. Порой начинает казаться, что лучше уж совсем уйти из дому и прокладывать путь в жизни самостоятельно. Вот только мать жалко — всякий раз, как заведу об этом разговор, ей просто дурно становится. Сестры в рев... Мать мечтает увидеть меня священником, но просто в ужасе от мысли, что епархия может достаться мне у черта на куличках.

Как священник я получил бы право претендовать на место в колледже Фомы Неверующего — там тоже бьются над тайнами человеческого мозга. Но где гарантия, что примут? А если даже и повезет — там же никакой свободы исследований, за каждым шагом следят. Лишь у Рудмана я мог бы совершенно свободно выбрать свой путь в науке.

И еще. Прежде чем стать священником, следует жениться. Жена, детишки, пеленки, сопли — не хочу торопиться со всем этим. А вступление в монашеский орден тоже не слишком меня прельщает...

Джек перевел дыхание. Поразительно, как легко он вдруг, ни с того ни с сего, выболтал Р'ли самое сокровенное. Словно кувшин опорожнил, перевернув вверх дном!.. И кому душу-то открывал — сирене!

Но ведь наболевшим делишься порой даже с Самсоном, утешил он себя. Сирена — существо того же порядка. И результат такой же. На душе полегчало, а до отца не дойдет.

— А если бы вдруг удалось обрести финансовую самостоятельность — тогда решился бы?

— Раздобудь я голову дракона, хватило бы с лихвой. Награда от лорда Хау плюс королевская премия — целая куча денег!

— Так вот почему ты так рассердился, узнав о нашем договоре с драконами!

Джек кивнул в знак согласия:

— В основном поэтому. Но еще и...

— Знаешь, — поспешила добавить Р'ли, — когда бы не договор, драконы уже давно бы разорили подчистую все фермы в округе. Ты даже представить себе не можешь, насколько беспощадно и неуязвимо такое чудовище. Дай дракону волю, он все разрушит, всех перебьет — камня на камне не останется. И никакие стены не спасут. Лично тебе тоже пришлось бы не сладко, когда бы не договор. Дракониха уверяла, что с полдюжины раз ты преспокойно подставлял ей спину...

Тут уж было задето самое сокровенное, самое уязвимое — гордость Джека за свое охотничье искусство. В ярости он выплюнул короткое словцо, пережившее без перемен многие столетия и выдержавшее даже долгое космическое путешествие:

— ...ть!!! Я и сам в состоянии о себе позаботиться! И никакие сирены мне в том не указ!

Дальше Джек брел молча, стиснув зубы в досаде и ярости.

— А что бы ты сказал о ссуде? — рискнула наконец нарушить молчание Р'ли. — О ссуде на образование?

Поистине невероятный выпал денек!

— То есть займы? У кого?! И что? Ведь у вас, жеребьяков, деньги не в ходу...

— Позволь объяснить все толком, по порядку. Во-первых, мы хорошо знаем Рудмана. Знакомы и солидарны с его учением и желали бы распространения оному. Чем больше людей избавится от своих психических недугов, тем слабее станет эта ужасающая напряженность между нашими расами. Наша цель в конечном счете — предотвратить угрозу неизбежного и чудовищного кровопролития.

Во-вторых, не обижайся только, вайиры давно уже присматриваются к тебе. Известно, что — сознательно ли, неосознанно, — но ты расположен к нам. И это чувство хотелось бы развить... Постой, не возражай! Мы знаем *точно*.

В-третьих, мы пытаемся получить представительство в вашем Парламенте. Нам нужен там свой человек, выразитель вайирских интересов. Кто знает — придет день, и ты станешь депутатом от вайиров округа Сбейптаху...

И, наконец, четвертое: тебе нужны деньги на образование. Мы дадим их тебе. Все, что нужно для этого, — так только то, что вы, люди, называете обычно устным соглашением. Пожелашь письменного — мой отец, Слепой Король, все оформит, как полагается. Или же кто-нибудь еще. Можно попросить подготовить документ и стряпчего из людей — если так тебе будет спокойнее. Нам все эти бумажки, сам понимаешь, ни к чему...

— Постой, постой! Погоди минутку! — перебил ее Джек. — Ты ведь не встречалась еще с семьей. Откуда же знаешь, какие у ваших виды на меня? И кто уполномочил тебя предлагать ссуду?

— Это не так сложно объяснить, как тебе поверить моим объяснениям. Хотя рассказ получился бы весьма долгим. Что же до полномочий — их имеет каждый взрослый вайир. А я уже взрослая.

— Тогда прекрати болтать на лепетухе! Я ведь тоже не ребенок. И кстати — ведь еще не придуман способ что-либо узнать, не задавая никаких вопросов.

— Тут ты, конечно, прав. И все же — каково твое решение?

— Я не... не знаю. Нужно время, чтобы обдумать. То, что ты предлагаешь, любому в диковинку. Надо обмозговать все детали.

— «Жеребьяк» принял бы решение с ходу.

— Я не жеребьяк! — окрылся Джек. — В том-то и штука! Я человек, и мой вам ответ — нет! Знаешь, как назовут меня,

если приму вашу подачку? Псоядцем! Все отвернутся, а родной отец вышибет из дому. Ничего не выйдет, один ответ — нет!

— А просто взаймы? На учебу в академии Рудмана? Без всяких на то условий?

— Нет, нет и еще раз нет!

— Ну, как знаешь, тебе видней! А мне пора возвращаться к дяде. До скорой встречи, Джек Кейдж!

— Прощай, — буркнул он и побрел дальше. Но, не пройдя и двух шагов, услышал оклик сирены.

Сделав знак соблюдать тишину, Р'ли приставила к уху ладонь:

— Прислушайся! Улавливаешь?

Джек замер и наострил уши. Почудился неясный низкий рокот с запада. Но не гром, точно. Звук был регулярным.

Самсон тоже весь обратился в слух, застыв недвижно, точно золотая статуя. Хриплый нутряной его рык был ответом на рокот из лесу.

— Что бы это могло быть такое? — удивился Джек.

— Не знаю... Вернее, не уверена.

— Неужто дракон? — Джек выхватил клинок из ножен.

— Нет. Будь там дракон, я бы и прислушиваться не стала. Но если это то, что я думаю...

— Что же?

— Погоди. — Р'ли нырнула под сень греминдалей и гигантских медных деревьев, густо обвитых плющом и лианами. Джек последовал за ней с ятаганом наготове. Петляя звериными тропами, они прошли с милю — по прямой не более четверти. Несколько раз Джеку пришлось буквально прорубать проход в лианах и кусачем терновнике. Чаша была необыкновенно густой, практически непролазной. Джек и не подозревал о существовании подобных зарослей в окрестностях фермы. Здесь явно не ступала еще нога человека.

Наконец Р'ли остановилась. Солнечный луч, пробиваясь сквозь густую листву, окружил волосы сирены фантастическим ореолом, настоящим радужным нимбом. Она стояла, напряженно прислушиваясь, а Джек в восхищении забыл напрочь о цели вылазки. Вот бы и ему стать художником, как ее дядя Игстоф!

Внезапно шум повторился — совсем рядом. Р'ли встрепетнулась и скользнула в тень, разбрызгав с волос все золото до последней капли.

Поравнявшись с ней, Джек шепнул:

— Ничего подобного никогда не слыхивал. Будто страдающий великан одновременно всхлипывает и горло себе полощет...

— Полагаю, тебе удастся попасть в Неблизку, Джек, — мягко ответила сирена.

— Ты думаешь, это все же дракон?

Вместо ответа Р'ли легко вспрыгнула на поваленный ствол. Джек придержал ее за руку:

— Откуда такая уверенность, что дракон тот же самый? Может, как раз другой, не связанный никаким договором!

— Разве я сказала, что это дракон? — Р'ли стояла теперь вплотную, прикасаясь к Джеку бедром.

Он попытался взглянуть в полумрак чащи.

— А что же тогда? Может, бешеный медведжик? У них сейчас как раз линька; ты же знаешь — один укус и... — Тихонько присвистнув, юноша сделал выразительный жест.

— О! — Затаив дыхание, Р'ли плотнее прижалась к Джеку; бессознательно юноша приобнял ее за талию — она так напоминала нуждающуюся в защите младшую сестренку! Р'ли даже глаза прикрыла, чтобы Джек не увидел их озорного блеска. Припоминая снова и снова в последующие дни эти мгновения, юноша сумел воскресить в памяти легкую улыбку, игравшую тогда на губах сирены. Не было ли это признаком розыгрыша? Свидетельством не испуга, но скрытой насмешки?

А может быть, проявлением совсем иного чувства?

Но что бы там ни пришло в голову впоследствии, в те судьбоносные мгновения Джеку было не до сомнений и колебаний. Притянув сирену к себе, он напрочь позабыл о неведомой опасности впереди, он задохнулся от нежности. Человек там она или нет — другой такой желанной в целом свете не сыскать!

Резкий рев прорвался сквозь пелену чувств. Отступив на шаг, Джек отвернулся, отвел глаза в сторону.

— Жди здесь! — глуховато, чужим голосом, вымолвил он. — Я не знаю, что там, но, судя по звуку, что-то очень большое...

— И не вполне здоровое, — добавила Р'ли с легким придыханием.

Джек раздвинул ветви зарослей. Где-то совсем рядом, под прикрытием густой зеленой тени, рыгал гиппопотам.

Тони вихрем ворвался в столовую.

Мать, братья и сестры едва только начинали привставать на своих местах, глаза на отца — кто в изумлении, кто в ужасе, а кто и едва сдерживая смех. Один лишь хозяин дома остался сидеть, точно разбитый параличом. Липкое желтое варено пудинга медленно стекало с залысин к густой его бороде и дальше, на одежду. Ланк Кроутан, виновник печального происшествия, застыл с опустевшим блюдом в руках — от восковой фигуры его отличала лишь идиотская улыбка, блуждающая по смуглому лицу, да блудливо бегающие глазки.

Кто знает, как завершился бы инцидент, ибо чувство юмора хозяина не распространялось на собственные конфузы, пусть даже случайные. А в непреднамеренности последнего он вполне мог усомниться, когда бесшабашный Ланк тотчас же сморщил нос, зажмурился и грубо заржал; обдав хозяина густым ароматом винного перегара.

Лицо Уолта — там, где еще оставалось свободным от желтой каши, — мгновенно побагровело. Вот-вот взорвется вулкан.

И вот тут-то раздался торжествующий вопль:

— Мы богаты! Мы сказочно богаты!

Одно лишь это магическое слово способно было унять гнев старого Кейджа. Мигом позабыв обо всем на свете, он обернулся к младшему сыну:

— Что? Что ты сказал такое?

— Мы богачи! — проорал Тони отцу в самое ухо и схватил его за руку. — Вставайте же, сэр! Там Джек! Он провонялся богатством! — Тони счастливо засмеялся. — Правда-правда! Джек весь смердит, как... как настоящий богач!

Хозяйка дома опомнилась первой — метнувшись мимо Тони, она ненароком задела ошеломленного мужа, как раз в тот миг, когда он стал отрываться зад от стула. Толчок оказался изрядным — массивный, на добрую сотню фунтов тяжелее супруги Кейдж потерял равновесие, тяжело плюхнулся назад на сиденье и ошалело захлопал глазами.

В любое другое время Кейт всплеснула бы руками и захлопотала над мужем; сейчас же, только коротко охнув, понеслась дальше, оставив поверженного властелина сидеть, лишенного дара речи.

Следом, сопя и пихаясь, понеслась вся орава. Ланк, уступив ребятам дорогу и сильно покачнувшись при этом, сграбастал с буфета большую салфетку и принялся втирать ею пудинг хозяину в бороду. Ни извиниться, ни прекратить свой идиотский смех ему и в голову не пришло.

Уолт выругался от души, выхватил салфетку из ослабевших рук слуги и поспешил на крыльцо вслед за остальными.

Его взору предстал уморительный вариант знаменитой сцены возвращения блудного сына. Джек стоял в плотном кольце родичей, каждый из которых мечтал бы прижать героя к груди, но никто, даже мать, не в состоянии был даже приблизиться вплотную. Наиболее чувствительные — сестры в частности — заметно побледнели и отшатнулись. И все без исключения куда больше внимания уделяли развязанному мешку на столе, нежели самому триумфатору.

Ступив на крыльцо, старый Кейдж приостановился, чтобы перевести дух — и чуть было снова не задохнулся. Теперь ему

во всей полноте стал ясен смысл восторженных воплей младшенького.

Впрочем, блудный сынок изумился ничуть не меньше самого патриарха.

— О великий Дионисий! — воскликнул Джек. — Что с вами стряслось, сэр?

— А!.. Это все паршивец Ланк, — пробурчал Кейдж-старший досадливо, как бы подводя черту и закрывая тему. — Не бери в голову! — Он указал на стол. — Глазам своим не верю! Неужто настоящий жемчужный студень?!

На столе возвышался ком студенисто-серой массы величиной с человеческую голову, который непрерывно подрагивал, словно обхвачен ужом.

— Точно, сэр! — гордо откликнулся сын. — Возвращаясь домой, я услышал, как в лесу, неподалеку отсюда, рыгает сблуд-дерево.

— Сблуд-дерево? Неподалеку? Уму непостижимо! Боже всемогущий, как мы умудрились прозевать! Чуть ли не под самым носом! И куда только смотрели жеребяки?

— Они-то, полагаю, смотрели как раз куда надо. Просто молчали.

— Ты думаешь? Что-то не очень на них похоже. Хотя... Это ж какие деньжищи! Неужто сами хотели все заграбастать?

— Не совсем так, сэр.

Пускаться сейчас в подробные объяснения — о встрече с Р'ли и чем ей обязан — Джеку вовсе не хотелось. Вот уляжется первая суматоха, он сразу все и расскажет. Тем более что сирена наотрез отказалась от своей законной половины выручки за редчайшее парфюмерное сырье. Не объясняя мотивов, она настояла, чтобы все досталось одному Джеку. О причинах, мол, позже.

Такой оборот дела пришелся Джеку не вполне по душе. Его не оставляли мысли об убитом вайире. Едва смыв с себя его кровь, принимать драгоценный дар из рук родственницы покойного! Но и отказаться свыше всяких сил. Теперь-то Джек уже не сомневался, что находка вовсе не случайна. По дороге домой он припомнил каждый шаг, воскресил каждый жест — свой и сирены — на пути к сокровищу. И понимал — ему, похоже, всучили взятку. Р'ли позаботилась, чтобы Джеку было на что учиться в Неблизке. По возвращении оттуда, видимо, сразу предъявят счет. И — куда тут денешься! — Джек как миленький будет представлять вайиров в Парламенте.

Вот что они, стервецы, затеяли!

— Видите ли, сэр, — сказал Джек отцу, — на самом-то деле вайиры прекрасно знали, что делали. Ведь чтобы отрыгнуть жемчужный студень вполне зрелым, сблуд-дереву потребно никак не

меньше трех десятилетий. А проведая кто, долго ли простоит такое дерево? Любой торгаш, любой разбойник с большой дороги свалит его, чтобы опередить других и разжиться хотя бы незрелым жемчугом. И нате вам — ни теперь нормального урожая, ни в будущем! Нет, отец, жеребяки по-своему вполне были правы.

— Может, и так, сынок, — радостно закивал Уолт. — Но какой же невероятный зигзаг удачи, какое неслыханное везение! Проходить мимо именно тогда, когда дерево начало отгрызывать студень! Потрясающе!

Джек смущенно кивнул. Отец, заметив на поясе сына свой ятаган, открыл было для нотации рот, но одумался и со счастливой улыбкой махнул рукой. Джек как бы прочел мысль, мелькнувшую в голове отца: «Не возьми сын клинок без спросу и не отправься на поиски приключений, что было бы сейчас со студнем? Верных три тысячи фунтов валялись бы себе на земле и потихоньку гнили...»

Выйдя вдруг из сладкого забытья, отец вспомнил о своей роли хозяина дома:

— Боже правый, сынок, как же от тебя разит! Но не переживай — это счастливый смрад, самый желанный в мире. — Хитро улыбаясь, Уолт потер ладони. Комок пудинга сорвался с кончика его носа. — Ланк! Тащите с Биллом этот стол в кладовую! Замокните на все запоры, тщательно, а ключи сразу же мне! Завтра, завтра поедем в город за деньгами! О, Джек, когда бы не вонь, я просто задушил бы тебя в своих объятиях! Подумать только! Ты запросто теперь можешь купить ферму у Эла Чаксвилли. И посвататься к Бесс Мерримот! А когда вы оба получите наследство, у вас станет пять процветающих ферм! Отец отписал ей целых три! Не считая уже дубильных мастерских, лавки в городе и таверны в придачу! Плюс ко всему — первая на весь округ красавица. Ах, какие губки, какие глазки! Как бы я завидовал тебе, сынок, когда бы не был женат. — Покосившись на супругу, Кейдж-старший поспешил поправиться: — Я имею в виду, что Бесс — красивейшая из девушек. Что же до зрелых женщин — само собой, твоей, Джек, матери равных в округе не сыщешь. Нет вопросов!

Улыбаясь, Кейт прокомментировала:

— Давненько не слыхала я от тебя ничего подобного, Уолт!

Сделав вид, что не заметил в ее словах шпильки, глава семейства запустил пятерню в бороду и яростно поскреб подборок:

— Послушай, сынок! А может, ну ее к дьяволу, эту ферму Чаксвилли! Может, подмазать кого следует при дворе да купить тебе рыцарский титул? Ведь со временем ты смог бы и в лорды

выбиться! Не мне тебе говорить, чего у нас тут добиться можно! Было бы только честолюбие! Мы живем на самой границе, а твоя фамилия — Кейдж! Кто остановит тебя!

В душе Джека росла досада. Но лицо оставалось непроницаемым. Почему отец не считает его взрослым и не спросит, чего хочет сам Джек? Ведь это же его собственные деньги! Или станут таковыми через пару лет, после совершеннолетия.

Вернулись запыхавшиеся Ланк и Билл. Нерадивый слуга торжественно вручил хозяину огромный медно-стеклянный ключ от кладовой; тот передал его на хранение супруге. И внезапно заорал:

— А теперь, Кейт и девушки, все в дом! Живо! И не выглядывать из окон! Сейчас Джек станет похожим на голого сатира.

— Что еще такое? — встревожился Джек.

Кейт и старшие сестры захихикали.

— Они просто помогут тебе избавиться от аромата, братец, — посочувствовала Магдалена.

С охапкой трун-травы и огромным бруском мыла из дому выскочил Ланк.

— Окружай его, ребята! — скомандовал Кейдж-старший. — Без приказа не выпускать!

— Эй! Что это вы собираетесь?..

— Срывай одежду! Не жалейте, рвите — все одно закопать придется! О-о-ох... Ну и душок! Крепче держите за руки! Теперь штаны долой! Вот чокнутый, ты же лягнул меня, Джек! Вот же единорог бешеный! Принимай процедуры, как подобает мужчине!

Смеясь, ругаясь и пытая, извивающееся смрадное тело потащили к огромному корыту перед амбаром. Джек вопил благим матом и вырывался. Тогда его окунули с головой.

На утро третьего дня Джека разбудил собачий лай да гомон из птичника. Он сел в постели и ухватился за голову — стены заходили ходуном. Во рту словно табун единорогов переночевал. Последние сутки прошли по принципу «потехе время, сну — час». Джек смутно припомнил завершающий набег на винный погреб, принесший в качестве добычи два бочонка выдержанного сока татам — судя по последствиям, явно лишним.

На удивление всем, Уолт Кейдж с доставкой жемчужного студня в город ничуть не спешил; лицезрение груди серой трепещущей слизи, казалось, приводило его в неописуемый восторг, суля некие неземные утехы. Сперва отъезд был назначен на ближайшее же утро, но, проведя в кладовой с полчаса, хозяин фермы объявил домочадцам, что спешить нечего. И уж совсем поверг всех в изумление решением обмыть как подобает привалившую удачу. Это в самый-то разгар стрижки!

Празднество назначили на завтрашний вечер; снарядив Ланка развозить приглашения по соседям и тяжело вздыхая, Билл Камаль отправился приглядывать за весьма поредевшей командой стригалей. Женщины занялись стряпней и уборкой, немало времени отняла у них и проблема нарядов. Сам Уолт, хотя и пытался участвовать в стрижке единорогов, помощником оказался никудышным — то и дело бросал ножницы и спускался в заветную кладовую к ненаглядному своему сокровищу.

Под вечер следующего дня начали прибывать гости. Вино и пиво полились рекой, над гигантской жаровней крутились на вертелах сразу два единорога, а прибывшие все как один сочли своим долгом взглянуть на сказочный жемчуг.

Хозяин витал в облаках — сгустившихся в значительной степени из винных паров с примесью жуткой гордыни. Он радостно вопил, что от частых посещений кладовой ноздри у него слиплись, а язык завернулся вовнутрь; что, мол, еще один такой визит — и сам он начнет блевать жемчугом, а все станут гоняться за ним с мешками. Тем не менее каждого нового гостя он хватал за руку и самолично сопровождал в сокровищницу, не выпуская оттуда до тех пор, пока несчастный не принимался молить о пощаде.

Случалось, хохочущий хозяин проявлял милосердие и отпускал бедолагу с миром. Но порой накидывал снаружи засов и предлагал покараулить сокровище до утра. Попавший в западню на потеху хозяину и остальным, уже пережившим подобные шутки гостям, начинал ломиться в дверь, взывать к помощи всех святых и требовать освобождения: у него, мол, уже легкие гниют! Когда наконец пленник с лицом в радужных пятнах выпадал наружу, все, хохоча, совали ему под нос пивные кружки и наперебой советовали тщательно сморкаться, дабы избавиться от вьевшегося смрада.

Мистер Мерримот прибыл вместе со вдовой сестрой и дочерью. Высокой темноволосой красавице Бесс, невзирая на поздний час, было дозволено принять участие в вечеринке.

Джек обрадовался встрече. Язык у него уже маленько заплетался. Обычно пил он немного, но не сегодня. Сегодня только вино помогало заглушить аромат, от которого до конца не избавило самое тщательное мытье.

Вероятно, поэтому он сразу же и пригласил Бесс полюбоваться находкой. На фоне запаха жемчуга его собственный будет неуловим. Парочка отправилась вниз по тенистой аллее, и впервые с самого начала знакомства тетушка-дуэнья не сопровождала девушку.

Почтенный мистер Мерримот воздел бровь вслед удаляющейся парочке и перевел взгляд на сестру — черт возьми, парень ведь еще не сделал формального предложения! Он даже

шагнул было следом, но непреклонная вдова удержала его и укоризненно покачала головой: ничего не попишешь, настает, мол, пора побыть девушке со своим избранником наедине. И мистер Мерримот смирился перед загадочной женской мудростью. Принимая из рук виночерпия очередную кружку, он не переставал дивиться, каким это чутьем сестра определила, что уже сегодня Джек сделает первый шаг на пути к ярму... то есть тьфу!.. к благословенным брачным узам.

Юноша продемонстрировал госте подрагивающий серый шар. Самому ему уже становилось невозможно от одного только вида собственной находки, но — положение обязывает. Бесс издала приличествующий случаю возглас — ужаса пополам с отвращением — и поинтересовалась ценой сокровища. Джек удивительно любознательность девушки и поспешил увести ее обратно в сад.

Северный ветер внезапно донес рокот барабанов и завывания охотничьих рогов; горизонт за лугом озарился сполохами.

— Вот Р'ли и дома! — почти беззвучно вымолвил Джек.

— Что ты сказал? — не расслышала Бесс.

— Не хочешь ли, спрашиваю, посмотреть, как жеребьяки встречают долгожданных гостей?

— О, еще бы! — загорелась девушка, хватая Джека за локоть. — Ни разу в жизни такого не видела. А разрешат?

— Мы украдкой!

Пересекая руку об руку с Бесс залитый лунным светом луг, Джек ощущал странное волнение в сердце. Что было тому причиной? Близость девушки? Лишняя кружка вина? То и другое вместе?

Барабаны меж тем приумолкли; эстафету приняли лиры, напоив хрустальными звуками серебристый купол лунной ночи. В волшебный хор включилась и сладкозвучная свирель. А над всем взмыл, подобно вновь воздвигаемой башне Давидовой, кристально прозрачный голос. Он журчал, звенел и переливался, чудесным образом меняясь каждое мгновение и оставаясь все тем же — голосом Р'ли, сладостным и опасным манком, столь же влекущим, как сама сирена.

Рокот басистых струн неведомого, очевидно, большого инструмента вступил в удивительный хор, вступил неожиданно, но мягко и властно. Влился — и подчинил себе все остальные, и повел за собой. Все прочие звуки уже иссякали, этот же новый звучал все уверенней, обретая мощь и силу как бы вопреки самому бегу времени и бренности бытия. И все держался, держался, держался. До мурашек по коже, до волос дыбом, до обнаженных нервов.

Но вот смолк и он.

Крепко сжав Джеку ладонь, потрясенная Бесс прошептала:

— Господи, как это было прекрасно... Что бы там ни думал кто о жеребьях, согласись — петь они умеют.

Не в силах вымолвить ни слова, Джек просто взял девушку под руку и повел дальше.

Как смутно припоминалось впоследствии, они с Бесс, хорясь в кустах, подглядывали за празднеством у костров, любовались ритуальными танцами, в которых принимала участие и Р'ли, а затем и свободными танцами-импровизациями. Когда сирена, от которой Джек так и не сумел оторвать взгляда, ненадолго скрылась в ближайшем кадмусе, он заметил еще кое-что, пронзившее сердце колючим холодком, — и запечатлелось это как раз вполне отчетливо.

Блики костров выхватили из мрака входной ниши кадмуса лицо. И хотя расстояние и стелющийся по лугу дым мешали разглядеть его отчетливо, эти огромные очи и капризно пухлые губки могли принадлежать одной лишь Полли О'Брайен.

Как только Джек уверился в том, что ошибки быть не может, он взял спутницу под локоток и повел обратно. А чтобы не капризничала, напомнил о возможном беспокойстве родичей. Возбужденная музыкой и зрелищем танцующих обнаженных вайиров, Бесс весьма неохотно позволила себя увести. И всю дорогу, делясь впечатлениями, щебетала без умолку; Джек почти все пропустил мимо ушей — перед его внутренним взором проходили собственные впечатления: гибкая Р'ли в огневой пляске, лицо беженки Полли в мрачной тени кадмуса... Картины эти настолько захватили Джека, что он не вдруг сообразил — Бесс стоит, опустив очи долу, а губки призывно приоткрыты для поцелуя...

Долой, долой все проблемы и переживания последних дней! Страстно целуя податливую и неумелую спутницу, Джек пытался позабыть обо всем; хватит, в конце концов, с него забот о чужих подружках! Они из другой реальности; все, что нужно сейчас, — так это Бесс — вот она, женщина из привычного мира. Женитьба, дом, детишки и все такое прочее... Вот единственный выход!

Когда они снова присоединились к остальным гостям, Бесс была уже связана словом. Правда, оглашать свою помолвку они пока не собирались. Вот закончится весенняя страда, все переведут дух — тогда можно и пир затеять. Так что все пока останется в тайне, хотя Джеку непременно следует переговорить с отцом Бесс — пусть разрешит встречаться. Такого рода прелюдии в матримониальных делах — обычное дело. Ведь если свадьба почему-то расстроится, парню еще куда ни шло, а вот невесте... Злые языки окрестят ее «чутьочку беременной», а то и похлеще... Попробуй потом отмыться и найти себе жениха

по соседству! А переезжать в город, где тебя не знают — хлопот не оберешься.

Такая тайна, собственно говоря, являлась лишь ее призраком. Джеку все это показалось смешным и глупым, но женщине лучше не перечить. Так будет вполне по-мужски.

Он видел, как сразу по возвращении в усадьбу Бесс на несколько мгновений приникла к уху своей вдовой тетушки. Обе сразу же стали бросать украдкой многозначительные взгляды, полагая, что Джек ничего не замечает.

Вечеринка затянулась чуть ли не до рассвета. Выспаться Джеку, естественно, не удалось; отсюда и в голове туман, и во рту опилки, и настроение гаже некуда. Пошатываясь, Джек кое-как оделся и направился в кухню.

За печью, на груде невыделанных шкур оборотней, дрых Ланк. Пьяный слуга даже не хрюкнул, когда Джек пнул его по ребрам. Поняв, что проще похлопотать самому, чем добудиться ленивца, юноша развел огонь. Залив кипятком три полные ложки листьев татам, он оставил чай настаиваться и отправился кормить собак. К возвращению с псарни бодрящий напиток поспеет в самый раз.

Но не тут-то было — вернувшись в кухню, Джек нашел свою кружку пустой. Озверев, он врезал слуге уже как следует. Но добился лишь невнятного мычания. Джек пнул соню еще несколько раз. Наконец Ланк сел с потным от жара печи лицом и захлопал глазами.

— Кто выпил мой чай?

— Не знаю... что-то такое мне снилось.

— Тебе снилось! Так пусть приснится теперь, что ты встал и приготовил мне новый. Отблагодарил за помощь, называется!

Вспомнив, что отец велел себя разбудить пораньше, Джек постучал в дверь спальни. Стучать пришлось и крепко, и долго — пока проснувшаяся наконец мать не выпихнула отца из супружеской постели.

После сервированного на троих легкого завтрака: отбивные, ливер, яйца, хлеб с маслом и медом, сыр, зелень, пиво и чай — хозяин послал Ланка запрягать, а сам вместе с сыном отправился с ежеутренним обходом фермы.

— Очень уж это унизительно и мне не по нутру, — начал Кейдж-старший, — принимать что-либо в дар от обитателей кадмуса. Но я почти не надеюсь отговорить Р'ли изменить решение — об упрямстве жеребьков анекдоты складывают. И пословицы. — Потирая переносицу и рассеянно на ходу насвистывая, Уолт вдруг застыл как вкопанный и ухватил сына за плечо. — Признавайся-ка, Джек, говори как на духу — отчего это сирена отказалась от своей доли!

— Не знаю, сэр.

Пальцы отца крепче впились в плечо:

— Ты уверен? И здесь не замешано ничего... личного?

— О чем вы, сэр?

— Ты не... — Старый Кейдж, казалось, подыскивал слово поприличнее. — Ты не был с ней... близок?

— Что вы такое городите, отец! С сиреной?! Да мы не виделись вот уже целых три года! И вдвоем оставались совсем недолго.

Отец расслабил железную хватку.

— Верю тебе, сынок! — Он провел ладонью по воспаленным глазам. — О таком не след и спрашивать. И я не вправе обижаться, отвесь ты мне сейчас оплеуху. Как только язык повернулся такое ляпнуть! Но ты должен понять, сынок, — такое все же случается. И куда чаще, чем многие думают. Человек слаб. А уж я-то знаю, какими соблазнительными бывают сирены. Лет двадцать назад, еще до женитьбы... как бы это сказать, сынок... я сам испытал... искушение.

Спросить, превозмог ли его отец, у Джека не достало духу.

Немного погодя оба Кейджа остановились поглазеть на группу сатиров-подростков, едва только начавших обрастать гривкой. Стоя на четвереньках и время от времени прикладывая ухо к земле, они крошили пальцами комья, как бы пытаясь что-то выведать. Затем постукивали по земле пальцами на манер лекаря, пользующего больного, и снова прикивали к ней ухом. С ними был и взрослый — рослый пожилой сатир с длинным, до лодыжек, хвостом, тяжело колыхавшимся при ходьбе.

— С добрым вас утром! — поздоровался он любезно по-английски.

Ни в шафранных его глазах, ни на широком открытом лице не было и следа похмелья или хотя бы усталости после бессонной ночи. «Реже, чем мигрень у жеребяка», — такое присловье бытовало у людей на Дейре.

— Приветствуем и вас, почтенный Чуткоух! — отозвался Кейдж-старший. — Что слыхать у нас новенького?

Завязалась степенная беседа, как обычно при встрече двух старых фермеров — добрых соседей, весьма уважающих друг друга. Они обсудили состав почвы, содержание в ней влаги, возможную дату начала вспашки; поговорили об удобрениях, о полях под паром, о набегах грызунов, о ливнях и засухах. Чуткоух поведал, что под поверхностью почвы слыхать много червей, и рассказал о новой их породе, куда более полезной, выведенной в одном из далеких кроутанских кадмусов. Он согласился с Кейджем относительно неплохих видов на зерновые, но не разделил опасений касательно сбейпташек, наглисок, медведжиннов и поминальщиков, которым, по мнению Уолта, и достанется львиная доля урожая. Ничего не попишешь, улыбнул-

ся вайир, придется уж с матушкой Природой поделиться. Но если бремя станет совсем неспособно, можно ведь поручить охотникам разобраться с мародерами, не так ли?

В заключение вайир сообщил, что отправил сыновей-громыхалов в горы за более длительным прогнозом погоды. И пообещал сразу же по их возвращении поделиться с Уолтом свежими новостями.

Раскланявшись с вайиром, оба Кейджа тронулись дальше.

— Если б все жеребяки были вроде этого, мы бы и горя не знали! — изрек Уолт.

Джек хмыкнул. Он размышлял об участии вайиров в собственной судьбе.

Поместье было обширным, а Кейдж — хозяином рачительным, поэтому добраться до кадмусов удалось лишь спустя два часа.

Даже после столь долгих лет соседства Джек был вновь очарован зрелищем изящных конусов цвета слоновой кости. Отец запрещал детям даже приближаться к ним. У Джека такой приказ вызвал обратное действие — он слонялся вокруг кадмусов чуть не все свое свободное время. Джек знал о них все, что только можно понять, наблюдая снаружи. И просто сгорал от желания выведать, что же творится там, под землей. Однажды Джек напросился было к одному из своих гривастых приятелей в гости. Остановил только страх перед последствиями. И не то чтобы страх наказания, хотя и оно обещало быть весьма и весьма суровым, — куда сильнее решимость подточили страшные истории о том, что ожидает посетивших «святылище». Джек наслушался их вдосталь с самых младых ногтей. Теперь, когда ему минуло девятнадцать, он мало верил в бабьи рассказы. Но переступить людское табу оказалось все же выше его сил.

Луг кадмусов представлял собой обширное поле, сплошь засеянное багряно-зеленой крой-травкой, неприхотливым бархатистым растением — только она способна была без видимого ущерба выносить постоянное вытаптывание сотнями мозолистых пяток. Картинку довершала дюжина разбросанных как бы без системы тридцатифутовых клыков кадмусов, своим людским прозвищем обязанных Кадму, по преданию основателю древнего земного города Фивы. Согласно той же легенде, он засеял поле драконьими зубами и собрал весьма неожиданный урожай — из земли появились десятки могучих воинов. Свое название кадмусы получили, вернее, заслужили после первых же сражений с людьми. Как только человеческая община на Дейре выросла настолько, чтобы ощутить себя силой, она немедленно атаковала ближайший поселок туземцев. В ответ из-под

земли высыпало несметное количество умелых бойцов, и землянам пришлось бесславно отступить.

Аборигенам тогда достаточно было бы поступить с землянами точно так же, как те сами собирались обойтись с вайирами, и проблема противостояния решилась бы раз и навсегда. Ведь пришельцы с далекой Терры собирались устроить поголовную резню, захватить подземные обиталища туземцев, а немногих уцелевших обратить в домашний скот.

К счастью для землян, им дали еще один шанс. Был заключен Договор, и следующее столетие прошло относительно мирно.

Затем внуки Ханания Дейра в оправдание собственной фамилии* нарушили слово и объявили туземцам беспощадную войну на их собственной территории. И оказалось тогда, что понятие границ жеребьям неведомо и вовсе, а против захватчиков готов выступить каждый взрослый обитатель кадмусов. Война в итоге продлилась всего лишь один день. Подточенное внутренней смутой, под ударом превосходящих сил вайиров государство Неблизка рухнуло, как карточный домик. Мятеж смел царствующую династию Дейров, а Неблизка стала чем-то вроде коммуны под управлением Гражданского комитета. Новый договор с туземцами узаконил практику предоставления людям политического и религиозного убежища в кадмусах и упразднил смертную казнь. Ведьм больше не сжигали.

Католическое и социнианское меньшинства, недовольные подобным оборотом дел, предпочли под шумок покинуть Неблизку и удалиться в неисследованные области Авалона.

Отделенные высокогорным плато от остальных людей, социниане отказались со временем от религии, от человеческих обиталищ, от ношения одежды и даже от родного языка. Они совершенно слились с туземцами.

Спустя тридцать лет после образования католического государства, названного в честь основателя Дионисия Харви-четвертого — впоследствии святого великомученика — Дионисией, там вспыхнула жестокая гражданская война. Причиной тому стал религиозный раскол — единая церковь разделилась на две: Церковь Упования и Церковь Преодоления.

Сторонники последней одержали убедительную победу. И вновь инакомыслящие сочли за лучшее отправиться в добровольное изгнание. Ведомые епископом Гасом Кроутаном, они переселились на большой полуостров, где и основали со временем новое государство.

И упованцы, и преодоленцы, каждые в своей столице, рукоположили собственных церковных иерархов, объявив их главами единственно истинной церкви.

* Dare (англ.) — отваживаться, пренебрегать опасностью.

Смеясь, жеребяки указывали на Неблизку, лидер которой также объявил себя единственным наместником Господа Бога на планете Дейра.

Вся эта история припомнилась Джеку на подходе к кадмусам. Воспоминания прервались возле ближайшего из них — Кейджам встретился О'Рег — Слепой Король. Стоя у входа, он посасывал самокрутку через длинный костяной мундштук.

— Мое почтение хозяину поместья! — откликнулся старый вайир на вежливое приветствие. — И мои поздравления с бесценной находкой вам обоим!

Медногривый, высокий и худощавый Слепой Король слепцом отнюдь не был, да и короли анархическому устройству вайирского общества были неведомы и чужды. Однако он действительно занимал в нем особое положение, достойное столь высокого титула, подлинное происхождение которого терялось в незапамятной древности.

Кейдж-старший попросил пригласить Р'ли для участия в разговоре.

— А вот как раз и она, — сказал О'Рег, указав за спину собеседников.

Джек обернулся к ручью, и сердце ухнуло — так хороша была в радужных брызгах выходящая из воды сирена. Нежно напевая, Р'ли грациозно приблизилась и поцеловала отца. Слепой Король приобнял дочь за осиную талию, она склонила влажную головку ему на плечо и простояла так все время беседы с людьми.

Глаза Р'ли то и дело обращались к Джеку, а губы всякий раз при этом расцветали в улыбке. К тому времени когда раскрасневшийся Уолт Кейдж оставил всякую надежду уговорить упряmicу принять законную долю находки или хотя бы объяснить причину отказа, Джек решился объясниться с сиреной. Когда отец с Королем переключились на вопросы стрижки шерсти и прочие хозяйственные дела, он отвел ее в сторону. Убедившись, что вокруг нет посторонних ушей, Джек спросил:

— Скажи-ка, Р'ли, тогда в лесу... Ты ведь прекрасно знала, что никакого медведжинна и в помине нет. Зачем же тогда ухватилась за меня как бы в испуге? Зачем почти повисла на мне? Ты ведь знала, что шум издает всего-навсего сбллой-дерево и опасаться нечего, не так ли?

— Так.

— Тогда в чем же дело?

— Все тебе объясняй! Сам, что ли, не понимаешь? — только и бросила сирена. И сразу же улизнула.

Кейдж-старший еще на день отсрочил вывоз жемчуга в Сбейптаху. Частые посещения кладовой сделали хозяина посмешищем не только для домочадцев, но и для последнего из

батраков. Он вел себя так, словно подрагивающий серый студень — плоть от плоти его. И расстаться с ним равнозначно продаже своей правой руки.

Джек, Тони и Магдалена, из всех детей наименее сдержанные на язык, отпустили за последний день столько шпилек по отцовскому адресу, что тот уразумел наконец всю несуразность своего поведения.

На утро четвертого дня после знаменательной находки торжественный выезд все же состоялся. Жемчуг сопровождали оба старших Кейджа, Ланк Кроутан и Билл Камаль — все облаченные в наборные костяные доспехи, в тяжелых шлемах медного дерева и боевых рукавицах. Уолт правил упряжкой, Джек и Билл устроились за ним с луками на изготовку, а Ланк, сжимая правой рукой тяжеленный дротик, точно скипетр, гордо, как на царском троне, восседал на сундуке с сокровищем.

Вопреки опасениям все двенадцать миль до центра округа они проехали без каких-либо особенных происшествий. Ни один самый завалающий лесной разбойник не покусился на их сокровище. Погода стояла замечательная, ярко светило солнышко, затмеваемое порой лишь стаями бесчисленных сбейпташек. Их незамысловатые, в четыре ноты мелодии заполонили все поднебесье. Помахивая зеленоватыми перепончатыми крыльями, они порой пронеслись совсем рядом и тогда угрожающе выпускали когти. Одна самочка пролетела так низко, что Джек сумел разглядеть детеныша — крохотный комочек шерсти, прильнувший к материнской утробе. Он ошарашенно пялился на людей черными бусинками, пока не скрылся за деревьями вместе с мамашей.

Однажды на дороге показался медведжинн. И без того нервные единороги едва не понесли. Уолт вместе с сыном повисли на удилах, пока страшный зверь, игнорируя их совершенно, снова не скрылся в чаще.

Они миновали семь усадеб, никого из людей на пути так и не встретив. Местность к северу от столицы обживали весьма скверно, и надежды на перемены к лучшему невелики — пока обитатели кадмусов не дадут на то своего согласия, ссылаясь на некий мудреный «экологический баланс».

Ферма Мюррея была последней перед мостом через речку Чешуйчатку. Смотритель моста Аум Игстоф помахал путникам из окна башни. Ланк и Билл ответили на приветствие. Джек, заметив, что отец нахмурился и крепче сжал вожжи, ограничился лишь легким кивком.

За мостом вайиры появлялись чрезвычайно редко и никогда без крайней необходимости — они предпочитали держаться в стороне от больших человеческих поселений.

С крутого косогора открывалась прекрасная панорама на Сбейптаху. Городок раскинулся меж рекой Рыбной и склоном высокого холма. Ничем не примечательный, состоял он из длинной главной улицы и череды поперечных переулков. Все торговые и официальные учреждения, таверны и бальный зал располагались вдоль тракта. Дюжину боковых улочек занимали жилые дома.

Приземистый форт прикрывал городок с юга. За багрово поблескивающими бревенчатыми стенами обосновался гарнизон в сотню рекрутов.

Река вдоль причалов кишела лодками и малотоннажными торговыми судами. По доскам причалов как угорелые носились матросы, занятые погрузкой мехов, кож, свежих яиц, бревен и целых штабелей зимнего урожая татам. Свободные от вахты разбрелись по тавернам, приставая к проходящим молодкам и задирая «сухопутных крыс» в штанах.

Полицейские были бдительны, и дальше грозных взглядов да ругани дело практически не заходило. Однако они никогда не упускали случая проверить прочность своей дубинки на твердой черепушке бедолаги матроса.

Экипаж Кейджей прокладывал себе путь по запруженной людьми и повозками улице. Неожиданно Уолту пришлось рвануть вожжи и заорать на кучера, перегородившего всем дорогу своим огромным пивным фургоном. Весь потный от напряжения, неудачливый возница соскочил с козел и попытался урезонить разбушевавшуюся четверку. Норовистые единороги лягали, кусали и бодали друг друга по одной только им ведомой причине. Вот в воздухе мелькнуло копыто, и оглушенный шальным ударом кучер повалился навзничь.

Несчастливого (одну из бесчисленных жертв вздорного характера подлых животных) отволокли на обочину, а следом, усмирив кнутами, вывели и его упряжку. Когда же Кейджи тронулись дальше, прямо под копыта сиганул какой-то пострел, чем привел единорогов в полное неистовство. Вовремя повиснув на сбруе, Джек с Биллом с трудом сумели удержать зловредную пару на месте. Дальше храпящих единорогов они уже вели в поводу — до самой коновязи перед Королевскими Палатами. Здесь, помимо правительственных учреждений города и округа, располагались также торговые агентства крупных компаний.

Тщательно взвесив жемчуг и выписав чек, представитель парфюмерной компании не преминул извиниться, что не в состоянии выплатить четыре тысячи фунтов наличными. Визировавший сделку податной инспектор нанес так называемый «королевский укус», — наложил подать, после вычета которой сумма похудела вдвое. Хотя и две тысячи оставались немалым

кушем, Джек до глубины души был возмущен «остротой зубов» королевы. Его отец, закатывая глаза и призывая в свидетели небеса, сетовал, что от налогов нет никакого спасу, и божился, что лучше уж пустить ферму с молотка, перебраться в город и жить подаяннием на паперти.

Только теперь до Джека дошло, отчего отец так рьяно настаивал на правах Р'ли, — вайирам не надо платить королевскую подать. Тогда она и с доли Джека, исчисляемая по прогрессивной шкале, уменьшилась бы на две трети. Позже Джек подсчитал, что по такой хитроумной схеме удалось бы сберечь от королевских зубов больше полутора тысяч фунтов. И даже зауважал отца. А также мысленно проехался по адресу упрямых жеребьяков. Неудивительно, что отец их так невзлюбил.

На выходе из Палат Кейджам встретился Манто Чаксвилли. Смуглолицый рудознатец сердечно всех поприветствовал и пригласил пропустить по стаканчику в таверне «Алый рог». Он заметил при этом, что там собираются лишь сливки общества, а некоторые уважаемые граждане уже ждут его в таверне. И добавил:

— А с вами, Джек, непременно — он настаивал на этом слове — хотел повидаться ваш кузен, Эд Вонг. Он тоже сегодня будет там.

У Джека екнуло сердце. Вот она, встреча «ужей»! Стало быть, приглашение следует рассматривать как приказ. Он глянул на отца — тот отвел глаза в сторону.

— Я приду, — пообещал Джек, — но чуть погодя. Сперва надо повидаться с мисс Мерримот.

— Святое дело, сынок! Но окажешься там — переверни полу часовую склянку. И как только песок высыплется, присоединяйся к нам. Договорились? — Отец переглянулся с кивнувшим ему Чаксвилли.

Озадаченный Джек отправился восвояси. Увязавшийся следом до ближайшей таверны Ланк, знавший все обо всех, сообщил по пути, что изыскатель, появившийся в Сбейптаху впервые недели две назад, успел перезнакомиться со всеми, кто того стоит. Тратит почти все свое время и силы на налаживание связей в обществе и крайне мало заботится о подготовке экспедиции в Тхраракию.

Насколько Джеку было известно, отец никогда прежде не встречал Чаксвилли. Правда, за время, проведенное Джеком в горах, в погоне за неуловимым драконом, папаша мог смотаться в город и познакомиться. Странно, что Джеку не сказали об этом ни слова. Жаль, забыл Ланка спросить... Как бы там ни было, отец определенно знает Чаксвилли и, похоже, встреча эта возле Палат неспроста...

Семейство Мерримот занимало большой двухэтажный дом у вершины холма, на самой окраине Сбейптаху. Своей пышностью их обитель уступала во всем округе лишь резиденции лорда Хау. В один прекрасный день, после женитьбы на Бесс, Джеку предстоит стать хозяином хором ее отца, равно как и ферм, сыромятни, богатой лавки и груды золота в банке. Его женой станет первая красавица на многие мили вокруг. Пожалуй, не найти в Сбейптаху юнца, который не позавидовал бы такой перспективе.

И все же спустя час он выходил из дома Мерримотов весьма раздосадованным.

Ничего вроде бы не стряслось. Милая и ласковая, как всегда, Бесс кошечкой устроилась у него на коленях и целовалась, пока за дверью не зашаркали тетушкины шаги — дуэнья была настороже. Тогда девушка перешла — почему-то шепотом — к обсуждению связанных с венчанием подробностей и прочих милых пустячков.

Джек не ощущал того волнения, которое вроде бы полагалось по роли. Равно как и не мог набраться мужества объявить девушке о намерении учиться в Неблизке. Несколько раз даже открывал было рот, но, представив, как потускнеет счастливое сияние в глазах Бесс от известия, что свадьба откладывается на четыре долгих года, давился невысказанным.

Они, собственно, даже точной даты помолвки еще не назначили. Но в Сбейптаху само собой разумеющимся считается жениться безотлагательно и тут же обзаводиться детишками. Совершенно немыслимо просить Бесс остаться дома в одиночестве на целых сорок восемь месяцев, пока Джек незнамо где, за тысячи миль от родных краев. Да и есть ли у него право на это?

Перед самым уходом Джека посетила счастливая мысль: а не предложить ли Бесс отправиться вместе с ним? Она, пожалуй, будет рада повидать свет. Настроение Джека мгновенно улучшилось. Но ненадолго — он тут же вспомнил о невероятной привязанности мистера Мерримота к дочери. Старик поднимет такой хай, что дочь почтет за благо остаться, лишь бы он успокоился.

В таком случае, решил Джек, это только докажет, что отец для Бесс дороже возлюбленного.

Почему бы не спросить ее прямо сейчас, не изводя себя понапрасну? Да, конечно, так и надо, хотя... лучше чуть погодя. Попозже, когда он сам как следует все взвесит, а ее тетушка не будет слоняться поблизости.

А не пытается ли он провести сам себя?

По чести говоря, вынужден был признаться себе самому Джек, мужчину не красит подобная нерешительность.

И он ускорил шаг по направлению к таверне — следовало срочно промочить пересохшую глотку.

Едва Джек переступил порог, Джим Таппан, хозяин заведения, с готовностью кивнул:

— Вас ждут в задней комнате.

Джек постучал. Дверь открыл Эд Вонг.

Вернее, не совсем открыл. Приоткрыв, высунул в щель голову и вроде как замешкался. Похоже, собирался сообщить Джеку нечто, явно не предназначенное для ушей остальных собравшихся. Впрочем, судя по гулу голосов, доносившемуся изнутри, подслушивания он мог бы и не опасаться.

— Послушай-ка, Джек! — выдавил он наконец. — Не подведи меня с... ну, насчет Вава, лады? Им известно, что он убит, это я, само собой, рассказал. Но... но не совсем то, что можешь припомнить ты...

— Ничего пока не могу обещать, — с прохладцей ответил Джек. — Посмотрим прежде, как оно там обернется. Лишнего болтать не собираюсь. А теперь — дай-ка пройти, кузен!

Эд многозначительно прищурился. Тогда Джек слегка надавил на дверь. Мгновение Эд, казалось, колебался — а не хлопнуть ли дверь и вовсе? — затем одумался. Странная гримаска пробежала по его широкоскулому лицу. Он отступил в сторону.

Около трех десятков собравшихся сидели на голых скамьях вдоль стен. Еще с двадцать — среди них и отец — устроились за массивным округлым столом в центре. Кейдж-старший махнул сыну рукой, указывая на место рядом с собой.

Гул голосов мгновенно стих. Все уставились на Джека, а ему прочесть что-либо на лицах, подернутых плотной пеленой табачного дыма, а порой и вовсе закрытых огромными кружками, не удавалось. Юноше стало как-то не по себе. Неужто обсуждали его кандидатуру?

Список собравшихся читался бы как практически полный регистр потомственной и чиновной знати Сбейптаху и округа: Мерримот, Кейдж, Эл Чаксвилли, Джон Мюррей, шериф Глейн, лесоторговец Ковски, док Джей Чаттерджи, отец Эда — Лекс Вонг, меховщик Ноконвуд...

Для полноты не доставало одного лишь лорда Хау, и это нисколько Джека не удивило — о старике издавна поговаривали, что тот слишком уж любезен с жеребьями, проживающими на его землях, а в молодые годы будто бы даже ухлестывал за сиренами. Зато фамилию представлял Хау-младший Джордж. Он отсалютовал Джеку глиняной кружкой и неряшливо отхлебнул из нее, оросив пивом пухлые щеки и двойной подбородок.

Джек улыбнулся в ответ. Несмотря на некоторую гастрономическую неумеренность, Джордж — парень свой в доску и

собутыльник что надо. Серьезный порок у него лишь один: к середине всякой попойки обязательно вскочит на стол, перебьет посуду и, сверкая очами и брызжа слюной, завопит о ненависти к отцу родному. А если уличит кого-либо из друзей в невнимании, так и на того обрушит гнев, приписывая жертве все реальные и мнимые прегрешения, и в конце концов пустит в ход кулаки. Впрочем, все приятели Джорджа были обычно готовы к подобным его выходкам. Нужно лишь придавить буяна к столу и поливать водой, пока не очухается. В крайнем случае — огреть кружкой по кумполу или пнуть в отвислое брюхо.

Вон на его лбу до сих пор две миротворческие отметины — это когда приятели малость переусердствовали. Пустяки, все одно Джордж наутро ничего не помнит и встречает друзей как ни в чем не бывало, с обычным своим радушием.

Усевшись рядом с отцом, Джек разглядел наконец единственного в комнате, кто стоял, — Манто Чаксвилли. По обе стороны от него сидели военные из гарнизона форта: сержант Амин и капитан Гомес.

Рудознавец и взял слово первым.

— Эта наша встреча, Джек Кейдж, не носит характера официальной, — заявил он. — Не будут зажжены свечи, надежды маски, не будет и торжественной присяги на мече. — Его губы сардонически скривились. — Так что можете расслабиться, юноша — вам не придется, подобно неофиту, выказывать уважение ветеранам.

Некоторые из сидящих окинули Джека невыразительными взглядами.

— Эд Вонг нам поведал, — продолжал Чаксвилли, — что на него набросился жеребьяк по имени Вав и в порядке самозащиты Эд был вынужден пустить в ход оружие. Он рассказал также, что вскоре после случившегося вы оказались на месте инцидента. Не затруднит ли вас описать все, что увидели там?

Джека не затруднило — он рассказал обо всем неспешно и очень четко. Закончив, взглянул на Эда — на лице кузена было написано примерно то же, что и тогда в лесу, когда он обернулся на оклик.

— Стало быть, вы заявляете, — уточнил Чаксвилли, — что видели на спине убитого сатира три раны. Господин Вонг, по-моему, в своем рассказе вы об этом забыли упомянуть!

Эд вскочил:

— Я нанес удар, когда этот трус ударился в бегство. Он понял, что я сильнее, и прочел в моих глазах приговор...

— Хм-хм. Джек Кейдж, вас не затруднит уточнить рост убитого?

— Шесть футов два дюйма. Вес порядка шестнадцати стонунов.

Смерив взглядом коротышку Эда, Чаксвилли сказал:

— Я ненавижу вайиров, но не вправе закрывать глаза на очевидное. Трусливого сатира никто еще не встречал. Равно как и не слышал о нападении сатира на человека. Неспровоцированном к тому же.

Эда бросило в краску:

— Похоже, вы назвали меня лжецом! Могу ли считать это вызовом, сэр?

— Сядьте, сэр! — хладнокровно ответил смуглолицый. — Когда понадобится, я попрошу вас подняться. А пока что позвольте, джентльмены, кое о чем вам напомнить. Общество «УЖ» — отнюдь не игра. Мы собрались по серьезному поводу, мы собираемся пролить кровь — много крови. И призвали вас, цвет округа, для создания местной ячейки.

Заметьте, джентльмены, — продолжал Чаксвилли, — я употребил слово «призвали», отнюдь не «пригласили». Нужды нет напоминать, что ожидает любого, кто откажется к нам присоединиться. Риск измены следует исключить. Несмотря на внешнюю неформальность, организация наша — военная. И я ваш командир. Вы должны беспрекословно подчиняться моим приказам. В противном случае незамедлительно понесете наказание.

А теперь... — Оратор смолк, нахмурился и рывкнул на Эда: — Я велел вам сесть, сэр!

Эд набычился и проскрежетал:

— Ну и что! Разве теперь мне уже нельзя и...

Чаксвилли коротко кивнул сержанту, тот взмахнул тростью с набалдашником, и в следующее мгновение Эд уже валялся с разбитым лицом рядом со своим опрокинутым стулом. Он поднялся лишь спустя минуту и сплюнул вместе с кровью три выбитых зуба. Из глаз потекли слезы; Эд спешно прикрыл лицо носовым платком.

— Теперь вы усядетесь наконец, господин Вонг? — невозмутимо поинтересовался Чаксвилли. — И на будущее — прошу всех это запомнить, джентльмены. Никаких убийств без приказа! Пусть вас не беспокоит и не раздражает кажущееся бездействие. Придет день — вы будете шагать по колено в крови. А если среди нас, — он обвел присутствующих хищным взглядом, — есть несогласные с подобной программой, они могут немедленно обратиться к властям. Шериф Глейн и капитан Гомес к вашим услугам, джентльмены. Вам даже не придется покидать помещение.

Комнату obeжал принужденный смех. Мерримот поднялся и устремил руку с кружкой к «изыскателю»:

— Вы по сердцу мне, мистер Чаксвилли! Побольше бы таких людей — решительных, волевых, твердо отстаивающих свои

принципы! Знающих, когда и где нанести главный удар. Ваше здоровье, сэр! И за «ужей»!

— За всех нас, сэр! — Чаксвилли поднял кружку и осушил залпом.

Все поднялись и выпили стоя. Однако, повторяя здравицу, голосовых связок никто особо не напрягал. В помещении вскоре воцарилась гнетущая тишина.

— А вы, Эд? Не соблаговолите ли и вы присоединиться к общему тосту? — поинтересовался Чаксвилли. — Никаких недо-молвок между нами! И камня за пазухой держать не следует. Когда я создавал ячейку в Олд-Сити, одного не в меру ретивого джентльмена, который настаивал на немедленном сведении каких-то своих личных счетов с сатирами, вообще прикончить пришлось. Умник не заглядывал дальше собственного носа.

Эд убрал платок. Медленно приподняв кружку, он качнул ею и хрипло выдал:

— За вечные муки для каждого жеребьяка, сэр...

— Ну вот и чудненько, Вонг! — улыбнулся Чаксвилли. — Когда-нибудь еще спасибо скажете за то, что крупицу здравого смысла я вколотил и вам в голову. А теперь, если не затруднит, поведайте-ка джентльменам то, что перед собранием рассказали мне.

Надломленный поначалу, голос Эда по мере рассказа обретал прежнюю звучность и силу:

— Значит, так... Сын мистера Мюррея, Джошуа, знает, какие чувства я испытываю, вернее, испытывал к Полли О'Брайен. Вчера он пришел и рассказал, что в ночь ее бегства возвращался домой с фермы Коспито. У него роман с Салли Коспито, и было уже весьма поздно, когда Джоша все же выпроводили — примерно четыре утра. Впрочем, луна еще не зашла. Он торопился — в округе опять видели стаю оборотней. Перед самым поворотом к дому услышал громохание возка на мосту через Чешуйчатку. Заинтригованный тем, кто бы это мог раскатывать в такую пору, Джош притаился за кустом. И правильно сделал — возница был в маске. Капюшон скрывал лицо сидящей рядом с ним женщины. А на заднем сиденье устроились два сатира. Людей Джош, разумеется, со всей уверенностью не признал. Но одним из сатиров был Вав — тут никаких сомнений.

Джош сказал также, — продолжал Эд, — что, невзирая на капюшон, готов присягнуть — то была Полли О'Брайен. Думаю, теперь уже для всех очевидно, что она попросила убежища в кадмусе на ферме Кейджа. А также полагаю...

— Полагаю, вы сказали достаточно, Вонг, — вмешался Чаксвилли. — Можете сесть на свое место. Мистер Кейдж! Судя по облаку, которое исторгла ваша трубка, вам есть что добавить?

Уолт Кейдж тяжело поднялся.

— Мне ничего не известно о пребывании беглянки на моей ферме, — хрипло выдавил он. — Уверю вас, сэр ..

— Никто вас ни в чем и не подозревает, — прервал Чаксвилли. — Она могла оказаться в угодьях любого. По сути дела, в характере обитателей кадмусов было бы спрятать беглянку под носом у Эда, прямо в усадьбе Вонгов. Но я ничуть не удивлен, что жеребяки выбрали вашу, Кейдж, — она находится ближе к горам, чем все прочие фермы.

Эд снова вскочил:

— Но раз так, то в одну из ближайших безлунных ночей Полли могут вывезти в Тхраракию! И поминай как звали! Не кажется ли вам, сэр, что жеребяков следует упредить? Нанести удар по кадмусу раньше, чем это случится? Схватить Полли и сжечь как ведьму? Покажем этим жеребякам, почем фунт лиха! И людей заодно обнадежим — есть, мол, еще ревнители истинного правосудия! Мы можем в масках атаковать кадмусы, залить их нефтью и закидать гранатами. Главное — заставить жеребяков врасплох, спящими! Выжечь кадмусы дотла...

— Последний раз повторяю: сядьте! — рявкнул Чаксвилли.

Но тут, тяжело навалившись на стол, саданул кулаком отец Джека:

— Протестую, мистер Чаксвилли! Если следовать плану Вонга, одним лишь истреблением жеребяков дело не кончится! Будет разорена вся ферма! Моя семья пойдет по миру! Кто отличит в потемках имущество вайиров от моего добра? Кто там разбираться станет?! И еще...

— Предлагаю и вам сесть, мистер Кейдж!

Поколебавшись, Уолт нехотя подчинился — с багровым лицом, тяжело дыша и теребя в волнении свою густую бороду.

— Вы абсолютно правы, — сухо подтвердил Чаксвилли. — Одним из последствий Дня «Ужей» станет полное разорение множества ваших хозяйств. И это еще мягко сказано. Прошу тишины! — возвысил он голос в ответ на прокатившийся ропот. — Позвольте объяснить все толком!

Чаксвилли повернулся к стене и неторопливо раскатал по ней огромную карту Авалона. Затем, пользуясь кинжалом как указкой, начал:

— Каждый из этих крестиков означает средоточие кадмусов, джентльмены. Кружками обозначены места компактного проживания людей. Как видим, кадмусов в окрестностях поселков и городов немного. Здесь соотношение численности людей и жеребяков — двенадцать к десяти. Совсем иначе дело обстоит в сельской местности. Если оставить все как есть сейчас, то в День «УЖ» там у жеребяков будет подавляющее превосходство.

В том числе и в округе Сбейптаху — вашей вотчине, джентльмены.

Но у нас есть элементарный план, как изменить такое положение вещей. В назначенный день, одновременно с ночной атакой отрядов «ужей» на каждый кадмус, из больших городов хлынет орда голытьбы, возбужденной пропагандой, бесплатным пойлом и посулами безнаказанных грабежей. Мы позаботимся и о вооружении доведенной до неистовства черни.

Когда битва разгорится, правительство будет вынуждено выступить в поддержку своих граждан. Особенно учитывая, что уже сейчас многие видные сановники входят в нашу организацию. Да и сама королева, ничуть не сомневаюсь, только и ждет повода разорвать позорный договор с кадмусами и ввести войска.

«УЖ» — организация международная. Чтобы объединить для решительной битвы всех людей планеты, мы даже пошли на альянс с вероотступниками. Естественно, что, покончив с жеребьями, мы сможем заняться и проблемой еретиков.

Вы жаждете безотлагательных действий, господин Вонг? Вы получите такую возможность. Мы готовим набег, но пока не против кадмусов. Намечена операция по захвату армейского обоза, направленного в здешний форт. Маршрут пролегает мимо Черной скалы. Обоз везет стеклянное огнестрельное оружие, множество взрывчатки и даже осадное орудие, которое просто незаменимо при штурме кадмусов. А также будет фургон с огнеметами, что позволит нам выжигать кадмусы, не спускаясь под землю.

Джек раскинул мозгами. Если бы правительство противостояло «ужам» и не готовилось втайне к войне с жеребьями, к чему бы отправлять тогда такие обозы с оружием, как нарочно предназначенным для войны с жеребьями? Ответ напрашивался сам собой.

А Чаксвилли тем временем продолжал:

— Встречаемся в десять вечера в лавке Мерримота. Там обговорим все детали предстоящей операции. Предупреждаю сразу: в задачу участников рейда входит нечто такое, что вам вряд ли придется по душе. А именно — замаскироваться под сатиров. Мы должны дать королеве удобный предлог для обвинения жеребьёв в нападении на армию. — Чаксвилли изобразил смехок; присутствующие принужденно поддержали. — И наконец последнее. О том, что так взволновало досточтимого мистера Кейджа. Вы опасаетесь, что в ходе боев лишитесь своего достояния. И отчасти правы. Мародерством толпы городской черни как раз и займутся в первую очередь. Живя вдали от столицы и иных крупных городов, вы, джентльмены, вероятно, и представить себе не можете, насколько ужасающе положение

городской бедноты. Загнанная в грязные трущобы, кишашие ублюдочными детишками, низведенная до положения скота, в своих бедах она винит аристократию и богачей. И, пожалуй, ненавидит их сильнее, чем жеребьяков — тех чернь практически не знает. Вполне вероятно, что, вкусив крови, плебс не захочет остановиться на истреблении обитателей кадмусов и грабеже их имущества, а попытается обратить оружие против всех, кто богаче. Секунду, господа! — Чаксвилли энергичным жестом погасил назревающие протесты. — Наш «УЖ» создан, чтобы решить разом несколько проблем! Разумеется, главная цель — жеребьяки. Но не менее важная — обуздание черни и поддержание порядка. Буйные толпы — противник не менее опасный, чем обитатели кадмусов. Поэтому — и это вполне логично — в сражениях с жеребьяками будет задействована лишь половина регулярных войск. Остальные части остаются в резерве для осуществления жандармских функций. Когда чернь сыграет свою роль в войне с жеребьяками, ее загонят назад в трущобы.

Итак, рекомендую вам в День «Ужей» не удивляться ничему, джентльмены. Будут немалые потери, погибнет, вероятно, и кое-кто из присутствующих. Не говоря уже о сожженных постройках, вытопанных посевах и забитом прожорливыми ордами скоте. Укрепляйте стены, отгоняйте стада — готовьтесь к настоящим сражениям! И не вешайте нос, джентльмены, — ведь предстоит раз и навсегда решить проблему опасных бездушных тварей! Чего стоит победа, если она не оплачена кровью, и кровью серьезной!

Какие будут вопросы, господа? — завершил речь оратор.

Снова поднялся старый Кейдж. Тяжело оперевшись кулаками о стол, весь в поту, сдавленным голосом он заявил:

— Таких последствий, уж простите меня великодушно, мы не ожидали. Никак не ожидали. И вот о чем я в особенности. Если я понял правильно, предстоит перебить всех жеребьяков до последнего. Мне это представляется не вполне разумным. Да что там — совсем неразумным! Я полагаю, достаточно было бы, пустив жеребьякам кровь, показать им, кто здесь настоящий хозяин. А уцелевших загнать на полевые работы — пусть вкалывают в качестве наших рабов. Без всякой там болтовни о положенной доле продуктов...

— Категорическое нет! — Чаксвилли как бы в качестве аргумента всадил перед собой в стол кинжал. — Никаких колебаний! Абсолютно никаких! Все жеребьяки из кадмусов должны быть перебиты, все до единого! Мы не можем позволить себе роскошь подменять одну проблему другой! Если действовать по-вашему, то куда мы расселим горожан? Как, скажите на милость, выгнать их из городов в сельскую местность, если в

кадмусах останутся жеребяки? Нет, нет и еще раз нет! Как только разберемся с вайирами, сразу же начнем неспешное, но планомерное переселение неимущих горожан на опустевшие надель. И взамен городского отребья страна получит тысячи новых фермеров.

— Но... но... — Старый Кейдж задохнулся от негодования. — Они ведь не сумеют вести хозяйство! Они же просто загубят землю, изведут посадки и заморят скотину! Тупые, грязные, ленивые и ни к чему не пригодные горожане! Никогда не получим мы от них того, что дают сегодня жеребяки! А если и вырастет что-то — попробуй добейся потом своей законной доли с урожая! Да разве можно довериться слову горожан? Они потащат нас за собой на самое дно! И мы все равно пойдем по миру!

— Что ж, в чем-то, может, и ваша правда, — невозмутимо отозвался Чаксвилли. — Но кто вам сказал, что с переселенцами придется делиться землей, пусть даже сдавая в аренду, или урожаем? Собственность целиком остается вашей, джентльмены. А переселенцы станут лишь простыми батраками. В сущности, бесхвостыми жеребяками. Только значительно скромнее в запросах. Ну разумеется, поначалу с ними будут некоторые трудности — и в плане дисциплины, и касательно их земледельческих навыков. Вот в этом-то ваша задача и состоит — привить им к труду на земле любовь, хотя бы на четверть такой, что была у их предшественников. Батраки непременно станут все путать, ошибаться, и ваши хозяйства понесут некоторый урон. Но только поначалу. Если железной рукой вести нужную линию, все скоро вернется на круги своя.

— А как же люди, что останутся в городах? — спросил Ноконвуд. — Мы и сейчас-то едва справляемся с поставками продовольствия для них. Затянишь вся эта передрыга, они попросту перемерут как мухи.

— Вы преувеличиваете. Если им и предстоит поголодать, то не более, чем сейчас. Спросите почему? Да просто потому, что кормить-то придется вдвое меньше народу.

— Что? Как это? Почему? — загудело собрание.

— Тихо! Тихо! — возвысил голос Чаксвилли. — Пошевели-те мозгами, джентльмены. По-моему, до сих пор вы оценивали свое будущее лишь в розовых, слишком розовых тонах — жеребяки, мол, исчезнут, и все без хлопот достанется нам. Не так-то это просто, джентльмены! Не приходило ли вам в голову, что жеребяки в свою очередь тоже в состоянии правильно оценить, куда ветер дует? Что сражаться станут они куда отчаяннее людей, зная, что ждет их в случае поражения. Что они, может статься, уже назначили дату своего дня — Дня «УЧ», «убей человека»! Что день этот может грянуть раньше нашего!

И тогда, вырезав прежде всего жителей ферм и сел, жеребяки двинут на города...

Джек уставился на Чаксвилли с невольно возросшим уважением. Под маской жестокого циника угадывался острый прагматический интеллект — такой, какого большинству собравшихся явно не доставало. Чаксвилли продолжал:

— Должен предупредить вас сразу, джентльмены, дабы слабонервные успели собраться с духом — мы потеряем в битве не меньше половины наших сил.

— Половины?!

— Да — цена ужасающая! Но, хотя и крайне неприятно говорить вам такое, есть в том и свои плюсы. Освободится пространство, и сменится еще несколько поколений, прежде чем перенаселение снова станет угрожать Авалону. Отпадет угроза городских бунтов, ныне причиняющих столько хлопот королеве.

Нас ожидает кровавое и трудное время. Готовьтесь к нему, господа! Готовьтесь как следует!

Тони притащил Джеку ленч. Старшего брата он обнаружил посреди пашни, где тот, налегая на рукоятки плуга, осыпал площадной бранью запряженных в него единорогов.

— Представляешь, от малейшей тени так и норовят ускатать в лес! Я с рассвета здесь, а наработал с гулькин нос — если не считать возни с этими тварями...

— Не надорви пуп, Джек! Заморишь червячка — легче станет!

— Да дело-то не во мне! В этих тварях! О, чего бы я только не отдал за одну легендарную лошадь! Вот, говорят, был настоящий друг человека — лежи себе в тенечке, прохлаждайся, а лошадь сама за тебя все и вспашет!

— А почему бы тебе, Джек, не нанять на пахоту батраков? Отец говорит, что так бы и сделал.

— Тони, когда распахиваешь целину, пахать надо глубоко, очень глубоко — иначе урожая не видать как своих ушей. Корни не примутся, и все пойдет прахом. А чего ради станет корячиться наемный пахарь? Ему-то на урожай наш начхать!

— Отец говорит, что у нас и зерно не то, что на Земле. Вроде бы жеребяки вывели его из какого-то местного растения, но жизнестойким сделать так и не сумели.

Джек выпряг единорогов и повел к ручью.

— Как я понимаю, и эти твари — всего лишь карликовая разновидность, — констатировал он. — Когда-то жеребяки запрягали в плуг могучих и послушных животных. Таких, как лошадь.

— А куда же те подевались?

— Как языком слизнуло в один прекрасный день. Как и многих других крупных животных — так утверждают. В тот самый день, когда Дейра лишилась своего железа. Ба-бах! И чуть ли не все живое сгнуло.

— И ты веришь в это? — усомнился Тони.

— Есть подтверждения. Рудокопы постоянно натываются на кости вымерших животных. Огромных. А еще — остались ведь руины гигантских городов, вроде того, что находится как будто за Черной скалой, — явный след катастрофы. Так что, может, и правда!

— Да, не слабо! Это случилось целую тысячу лет назад, так отец Джо говорит. Но все же не очень-то верится. А как думаешь, Джек, жеребяки тогда взаправду умели летать?

— Чего не знаю, того не знаю. В любом случае жаль, что после взрыва не осталось приличных пахотных животных.

— А ты запряги дракона! — с ухмылкой посоветовал братец.

— У-гу! — отозвался Джек с набитым ртом.

— Я сам читал, что святой Дионисий запрягал дракона, чтобы вспахать побольше земли...

— Ну еще бы! — закивал Джек. — Ты, парень, никак имеешь в виду предание об исходе из Неблизки? Как наши пришли сюда, в эти самые места, а жеребяки разрешили им занять столько земли, сколько способен от зари до зари обойти один пахарь с плугом?

— Ну да, ну да! А святой Дионисий запросто обвел их вокруг пальца — запряг христианского дракона и обошел с ним всю нынешнюю границу... Здорово, да? Хотел бы я увидеть тогда морды жеребяков!

— Братишка, да ты, гляжу, веришь всему, что услышишь! Хотя, конечно, — о такой пахоте только мечтать и приходится! Запряги дракона и смело загоняй плуг в почву по самую маковку!

— Джек, а живого дракона тебе видеть доводилось?

— Бог миловал!

— А если ты считаешь, что верить можно лишь собственным глазам, то откуда знаешь, что драконы на самом деле существуют?

Джек рассмеялся и ткнул зануду под ребра:

— А единорогов наших кто ворует, по-твоему? — Джек смотрел куда-то мимо брата. — И, кроме того, сирена рассказывала, что общалась как раз с тем самым драконом, который крал их. Да вот, кстати, и сама она идет. Можешь спросить, если не веришь.

— Мне, пожалуй, пора домой, — с недовольной миной ответил Тони.

Джек рассеянно кивнул, его внимание уже привлекло иное. Держа на плече амфору, сирена приближалась к нему быстрой и упругой походкой. Тони скорчил брезгливую рожицу и скользнул за деревья на краю поля.

— Привет, Джек! — сказала Р'ли по-английски.

— Привет, Р'ли! — ответил Джек на лепетухе.

Она улыбнулась, как бы угадав в выборе языка Джеком добрый для себя знак, некий тайный смысл. Юноша глянул на амфору:

— За медом собралась?

— Как видишь.

Джек огляделся — никого вокруг не было.

— Пройдусь за компанию, не возражаешь? Работа не единокор — в лес не убежит. Боюсь, что, если начну сию же минуту, просто поубиваю этих тварей на месте.

Р'ли в ответ тут же завела одну из модных песенок: «Запряги дракона в плуг, навек избавишься от мук...»

— Хм, вот бы и мне так! — вздохнул Джек.

Сняв шляпу и оголившись до пояса, он стал ополаскиваться над ручьем. А сирена тем временем, воткнув амфору в ил, с наслаждением растянулась в воде, как в собственной постели, прямо напротив Джека.

— Мог бы сделать так же! — поддразнила она. — Стыдливость не позволяет?

— Мне и самому порой это кажется нелепым, — ответил Джек, украдкой оглядевшись. — Во всяком случае, пока мы вдвоем...

— Удивительно еще, что признался...

— Ну, понимаешь... Я ведь что имел в виду... Людям одежда все же нужна, а когда вы ходите голышом, никакого срама вроде бы и нет.

— Ну да, ну да — мы ведь животные... У нас же нет души, как вы это называете. А вспомни-ка, Джек, разве ты в детстве прибегал к нам на пруд и купался в штанах?

— Я был дитя несмышленое!

— Верно, но не столь уж невинное, как возомнил теперь. Как ты думаешь, отчего мы частенько хихикали у тебя за спиной? Не потому ведь, что ты голый! У тебя на рожице читалась такая забавная смесь ужаса и восторга перед собственным грехопадением, что удержаться было трудно. Ты ведь нарушал категорический запрет! Представляешь, какую схлопотал бы трепку, если бы тебя родители застукали?

— Да уж конечно. Но когда мальчишке что-то делать не велят да еще страшат жуткими карами, так и подмывает нарушить запрет. Кроме того, это все же было чертовски забавно...

— Стало быть, тогда ты еще не считал, что своего тела следует стыдиться. Как думаешь сейчас. Ты просто позволил окружающим убедить себя в этом! — Р'ли помолчала. — Знаешь, — сказала она наконец, — я еще в состоянии понять ваших женщин. Богатыми нарядами они скорее скрывают недостатки фигуры, чем подчеркивают отсутствие оных...

— Да ты просто злючка!

— Вовсе нет. Говорю что думаю.

Джек выпрямился, нахлобучил шляпу и сгреб в охапку одежду с куста:

— Прежде чем отправляться за медом, ответь-ка на один только вопрос. Почему ты отдала мне свою долю жемчуга?

Сирена поднялась из воды и, плавно ступая, двинулась к Джеку. Крохотные хрустальные галактики срывались с ее упругих сосков. Целый их водопад низвергался с гривы. Левой рукой Р'ли взъерошила себе волосы — вспыхнув, они заиграли на солнце червонным золотом. Ее затуманившийся фиалковый взгляд встретился с карими глазами Джека. Правая рука нерешительно замерла на полпути. Джек потупился, но руки сами собою протянулись навстречу.

Она не отпрянула, не убежала. Подчиняясь нежной, но твердой мужской ласке, сирена упала в объятия Джека.

Нападение на армейский обоз состоялось спустя неделю. К девяти вечера «ужи» вырядились сатирами. Такая маскировка навряд ли провела бы кого-либо среди бела дня, да и ночью на нее не следовало слишком уж полагаться. Но никого особо это не заботило. Тщательно ли они сменят обличье или небрежно — предлог у королевы будет в любом случае и при любом исходе дела.

Когда в потемках они неслышно приблизились к таверне «Стекляшка», их встретил гул развеселых голосов и потоки яркого света. Разгулявшаяся вовсю охрана беззаботно дула пиво и резалась в кости. У фургонов, выстроенных цепочкой на заднем дворе, возился с упряжью одинокий сержант. Он даже не обернулся, когда первые «налетчики» вышли из-за амбара.

Снять часовых оказалось чертовски несложным делом. Выйдя из темноты, лжесатиры запросто окружили и обезоружили онемевших солдат, на удивление практически не встретив сопротивления. «А так ли уж это удивительно?» — размышлял Джек, затыкая рот одного из караульных кляпом.

На оглушительный в ночи скрип фургонов да на храп выбиравшихся на дорогу обозных единорогов таверна отозвалась лишь новым взрывом веселья. Выехав на тракт, похитители отбросили всяческую осторожность и стали понукать единорогов

в полный голос. Только тогда двери таверны распахнулись настежь, и наружу с криком высыпала толпа обозников, все еще с кружками в руках.

Джек решил, что актеры из военных — ни к черту. Слишком уж неубедительно звучали адресованные похитителям проклятия, а несколько раз — он готов был присягнуть в этом — донесся даже откровенный смех.

Весь долгий обратный путь его не покидало безрадостное чувство. Какой уж там боевой задор — сплошное разочарование! Даже не довелось опробовать в деле обновку — клинок упругого стекла. Обнажить и то не пришлось! А так хотелось себя испытать — скрестить шпагу с оружием достойного противника!

На плечи давила тяжесть, от которой вдруг не избавишься...

Даже во время нечастых свиданий с Р'ли он не мог освободиться от этой незримой ноши. Слишком уж многое напоминало о тех — самых первых — словах, сказанных после первого же поцелуя.

Никогда их не позабыть. Джек явственно помнил, как задыхаясь шептал о своей любви, неустанно повторял: любимая моя! единственная! и плевать, если узнают. Пусть знают все!

Он снова и снова сжимал Р'ли в объятиях и клялся в вечной любви.

— Я верю, Джек, верю, милый! Но ты ведь понимаешь — это невозможно! Церковь, закон, семья — все восстанут против тебя.

— Начхать мне на это, любимая!

— Есть лишь один-единственный выход. Уйдем со мной!

— Куда?

— В Тхраракию, в горы.

— Я... я не могу.

— Но почему, милый?

— Как оставить родителей? Это разобьет им сердце... Предать девушку, которой дал слово? Заслужить анафему?..

— Если любишь по-настоящему, то должен пойти со мной.

— Тебе легко говорить, ты ведь не... не человек.

— Если уйдешь вместе со мной, то там, в горной долине, ты обретешь не только меня. Куда больше. Ты станешь тем, кем никогда бы не стал здесь, в Дионисии...

— Кем же?

— *Совершенным* человеком.

— Не понимаю.

— Ты обретешь невиданное у людей душевное равновесие, власть над собственным рассудком. Твое подсознание станет действовать заодно с сознанием. Ты избавишься от сумбура в

мыслях, ты изведешь гармонию чувств, ты перестанешь наконец звучать, как расстроенная арфа...

— И все же никак тебя не понять...

— Пойдем, Джек, пойдем же со мной! В долину, где я провела три года в ритуалах Посвящения. Только там ты встретишь настоящих, цельных людей! Ты сам... только не обижайся, Джек, но ты ведь шероховатый, как неструганое полено. На нашем языке про тебя сказали бы — *«панор»*. Нечто вроде лоскутного одеяла. Набор разрозненных кусочков.

— Ну спасибо! Значит, я просто чучело какое-то...

— Можешь сердиться, если так тебе легче. Но, поверь, я не собиралась тебя обидеть. Хочу лишь, чтобы ты понял: ты сам еще не познал себя, подлинных своих возможностей. Они скрыты от тебя — в основном воспитанием. Перестань играть в прятки с самим собой, Джек! Не отказывайся от возможности познать себя.

— Если уж ты сама такая цельная, такая совершенная — почему же влюбилась в меня? Я ведь чурбан неотесанный.

— Джек, милый, ты в состоянии стать таким же совершенным, как любой вайир! Все зависит от тебя самого! Но только там, в Тхраракии, ты сможешь пробить собственную скорлупу и увидеть подлинный свет. Сегодня любой человек, преодолев барьер собственных страхов и ненависти, легко может получить то, на мучительные поиски чего вайиры затратили долгие века.

— Отбросив все, что имеет?

— Отбросив все, что брать с собой не стоит. Лучшее, доброе — сохрани. Но не делай выбор наспех — прежде уйди со мной!

— Я должен подумать.

— Думай и решай немедленно, Джек. Здесь и сейчас.

— Такое искушение...

— Пойдем, Джек. Оставь единорогов стреноженными, брось плуг в борозде. И никаких прощаний — просто идем со мной!

— Я... нет, так я не смогу. Прости... Все вдруг оставить...

— Не нужно никаких извинений, Джек... Ты сделал свой выбор.

С тех пор Джек не мог избавиться от чувства, что проморгал свой шанс ступить на путь к чему-то ослепительно прекрасному, проглядел дорогу к подлинному счастью. Сперва Джек убеждал себя, что превозмог сатанинский соблазн. Спустя несколько дней он уже честно признался самому себе, что просто трусил. Если бы действительно любил Р'ли так, как уверял, то бросил бы все и всех... Единым духом. И ушел бы.

Но мог ли такой брак быть освящен на небесах? Ведь его законность не признал бы ни один пастор!

Однако, если действительно любишь, так ли уж важно, что скажет другой человек, пусть и облаченный в сутану? Видно, необходимость венчания засела в Джеке глубоко, раз он не ушел с любимой. Поверку любовью не выдержал...

Он не ушел.

Выходит, не любит?

Да нет же, любит!

Джек саданул кулаком по стенке фургона. Любит! Любит! Он любит!

— Что еще за дьявол там в тебя вселился? — повернулся к соседу Джордж Хау.

— Отвяжись! Со мной все в порядке.

— То-то гляжу, и фургон ты решил привести в порядок! — хихикнул Хау и вынул флягу. — На вот, глотни-ка лучше!

— Спасибо. Ни к чему это.

— Ну как знаешь. А я пропущу глоток-другой. Твое здоровье! Уф-ф! Кстати, обратил внимание, что с нами не было Джоша Мюррея?

— Нет, не заметил.

— Вот, а Чаксвилли сразу усек. И поднял хай. А никто ничего и не знает. Или, может, прикидываются. Но я — я-то знаю!

Джек хмыкнул.

— Тебе разве не интересно? — спросил Хау.

— Да так, не то чтобы очень. Лично меня ведь это не касается.

— Да ты не в себе, приятель! В том-то и штука, что касается. Ладно, не стану больше темнить — Джош по заданию Вонга приглядывает за кадмусами на вашей ферме.

— Зачем это еще? — заинтересовался Джек.

— Эд уверен, что Полли все еще там. — Хихикнув, Джордж снова припал к фляге. Затем подхлестнул единорогов и, когда фургон снова набрал скорость, заорал, перекрывая стук колес: — Эд упрямец, каких свет не видывал! Что твой единорог! Увидишь, он еще схлестнется с Чаксвилли.

— Легко ему уже не отделаться. Для Чаксвилли кого-то прикончить, что раз плюнуть.

— Это если только Эд не сунет ему нож под ребра чуток раньше! Он притих сейчас, но овечкой только прикидывается. Своих выбитых зубов Эд никогда и никому не простит.

— Интересная у нас война! Я думал, с жеребьями, а выходит — друг с другом.

— Разногласия следует устранить до начала настоящих боевых действий.

— А ты, Хау, сам-то на чьей стороне?

— А мне что за дело? Пусть себе грызутся. Без меня. Я жду настоящей свары — с жеребьями.

Сделав еще один изрядный глоток, Хау уставился на Джека. Кейдж помнил этот его взгляд — обычно он предшествовал вспышке буйства. Джек подобрался.

— Хочешь, скажу тебе кое-что, Джек Кейдж? — продолжал Хау уже слегка заплетающимся языком. — В День «Ужей» немало собственности перейдет из рук в руки. Многим захочется под шумок свести кое-какие... личные счета. Как людям, так и жеребьям. Когда этот день настанет... — Он вновь надолго припал к фляге. — Может статься, вскоре я стану лордом Хау. Ох, и монументище же отгрохаю тогда своему бедному старикашке, не пережившему кровавой неразберихи!

— Неудивительно, что твой отец считает сына жирным и тупым вырождением! — процедил Джек.

— Прикуси-ка лучше язык, Кейдж! Став бароном, я никому из обидчиков спуска не дам! Даже таким, кто знал меня просто Джорджем. — Он отбросил опустевшую флягу. Вожжи в его руках провисли; единороги едва плелись. — Ты вот считаешь себя шибко умным, Кейдж! Хочешь, докажу обратное? Помнишь, я недавно сказал, будто мне все равно, кто в сваре среди своих возьмет верх над «ужами». И ты поверил мне. А ведь я солгал. Ха! Я всегда лгу. Обожаю водить людей за нос. И мне известно кое-что такое, о чем ты даже и не подозреваешь. О сумасшедшем Вонге и его большеглазой крале. А также об этом самодовольном плебее, наглom парвеню Чаксвилли...

— Что такого ты можешь знать?

Хау погрозил Джеку пухлым пальчиком и надул щеки:

— Не погоняй, пока не запряг! Попроси как следует. — Он дотянулся до куртки и извлек из кармана еще одну флягу.

Джек ухватил его за ворот и рывком притянул к себе:

— А ну, говори, раз начал!

Хау перехватил флягу за горлышко; не мешкая, Джек нанес резкий удар ребром ладони по заплывшей жирком бычьей шее. Хау без звука опрокинулся назад в фургон. Джек подобрал вожжи и буркнул через плечо:

— Жив он там еще?

— Дышит пока.

Сзади раздался смех. Джеку малость полегчало. Ударом по загривку пьяного болтуна он дал выход подавленной ярости. Жаль только, что так и осталось неясным, на что же тот намекал.

На протяжении всех шести миль от Черной скалы до предместий Сбейптаху единорогов нисколько не щадили. Джек поражался, как еще выдерживают они подобный аллюр — того и гляди падут, не дотянув до города. А ведь предстоит еще изрядный крюк, объезд окраинами, чтобы не обнаружить себя

раньше времени. Да добрых семь миль до родной фермы Кейджей, где и намечено схоронить до поры добычу. Сдюжат ли?

Но за полмили до Сбейптаху Чаксвилли остановил обоз. Только тогда Джек и остальные «налетчики» обнаружили, что посвящены далеко не во все планы командования.

Из лесу вынырнули люди с факелами, выпрягли замороженных животных, подвели свежих. Чаксвилли всем участникам рейда велел переодеться и вновь принять «человеческий облик». Пока приводили себя в порядок, Хау чуть не выпал из фургона. Он потирал шею и подслеповато шурился на факелы:

— Что со мной стряслось?

— Шмякнулся, и дух вон! — ответил голос из темноты.

— А разве не с Джеком я разговаривал, когда это случилось?

— Вроде того, — отозвался Кейдж.

— И что я говорил?

— Нес обычные свои бредни.

— Хо! — Джордж вздохнул облегченно и перестал с опаской коситься на стоящего рядом Вонга. Он заулыбался и даже хватил того по плечу. — Вот видишь, старина! Все в полном ажуре!

— Захлопни пасть! — буркнул Эд и скрылся в темноте.

Джек задумчиво проводил его взглядом. Какой-то странно дикий вид у кузена. Не иначе как что-то затевает.

Обоз снова двинулся — по дороге, оставившей Сбейптаху восточнее. Гряда холмов, заслонявшая городок, внезапно сменилась гладкой равниной. Они снова выбрались на главный тракт вдоль речки Рыбной до слияния с Чешуйчаткой. Не доезжая двести ярдов до моста, остановились.

— Большинство может разойтись по домам, — негромко объявил Чаксвилли. — Остаются ездовые, которые переночуют у Кейджа. И несколько человек на разгрузку.

После некоторой неразберихи стали расходиться. Те, кому было далеко до дому, предпочли составить компанию остающимся.

Чаксвилли уселся за вожжи на переднем фургоне, следующим правил Хау, за ним — Вонг. Остальных ездовых Джек видел впервые.

Под колесами загрохотал мост. Ездоки тревожно поглядывали на окна дома Смотрителя — не выглянет ли на шум. Все облегченно вздохнуло было, когда обоз миновал башню. Но тут прямо впереди на берегу ручья вспыхнул фонарь. Аум Игстоф с удочками на плече и плетенкой в руке спокойно шагал навстречу фургонам, возвращаясь с ночной рыбалки. Вот же невезение!

Джек устался на Смотрителя. Вонг, затормозив свой фургон, выпрыгнул с тяжелым стеклянным дротиком в руке.

Вырвав из рук Хау вожжи, Джек осадил единорогов и предупреждающе вскрикнул:

— Эй, Чаксвилли!

Чаксвилли тоже притормозил. Сообразив, что происходит, он буквально взвыл:

— Вонг, вы кретин! Немедленно вернитесь на место и трогайте!

Вонг ответил воплем ярости, адресованным, правда, отнюдь не командиру, но жеребяку. Не сбавляя шага, он с ходу метнул свой дротик.

Уронив фонарь и удочки, Игстоф мигом пал ниц. Копье прошелестело прямо над ним. В долгу вайир не остался — вскочив на ноги, он швырнул в Эда тяжелый фонарь. Увернуться набегающий с ножом в руке Вонг уже не успел — фонарь с силой ударил его по лицу, сбив с ног. Стекло лопнуло, огненные язычки разбежались по траве, пламя быстро подбиралось к лицу потерявшего сознание Вонга. Смотритель резво скрылся в гуще деревьев.

— Вот же кретин кровожадный! — бесился Чаксвилли. — Чтоб ты дотла сгорел!

Тем не менее, ухватив нарушителя дисциплины за ногу, командир оттащил его в сторону и сбил пламя с одежды. Эд с трудом сел и, прижимая ладонь ко рту, невнятно спросил:

— Что со мной?

— Ты опять за свое, идиот! Какого дьявола на него набросился?

Пошатываясь, Эд поднялся:

— Не хотел оставлять свидетеля...

— И поэтому он у нас сейчас появился! Вонг, я не отдавал приказа! Мне что, повыбивать вам все зубы до последнего?

Вонг угрюмо пробурчал:

— Думаю, жеребьяк уже постарался за вас. — Он сплюнул два зуба в ладонь и вынул из гнезда расшатавшийся третий.

— Лучше бы он вас прикончил! Отныне вы под арестом. Немедленно возвращайтесь в фургон. Тюрк, возьмите вожжи. Мистер Ноконвуд, присмотрите за Вонгом. При малейшей попытке к неповиновению — убейте! Без всяких колебаний!

— Есть, сэр!

Громко хлопнула дверь. Все дружно обернулись к башне Смотрителя. Оттуда донесся скрежет задвигаемого засова. Встретившиеся голоса. Окна второго этажа ярко осветились.

Эд Вонг прокомментировал:

— Пока мы тут ушами хлопали, Игстоф прокрался домой. Теперь нам его уже не достать!

Судя по перемещению света в башне, Смотритель поднимался вверх по винтовой лестнице. На шестом этаже, под самой крышей, он с фонарем задержался. Серебристый диск луны прорезала темная нить шеста, выдвинутого вертикально над крышей здания.

Цвет шеста в темноте не угадывался, но Джека видывал такие над конусами кадмусов раньше и знал — они из драгоценной меди. Никто не ведал подлинного назначения таинственных медных прутьев, но поговаривали, что те служат жеребьям для ворожбы.

И сейчас при виде этого демонического рога у Джека защемило сердце. Вонг же вообще ударился в панику — выпученные глазки суматошно забегали как бы в поисках укрытия.

— Да уж, наколбасили с лихвой, — бросил Чаксвилли. — Пора бы и удочки сматывать. — Он повернулся к своему фургону.

Эд пригнулся и подхватил с земли увесистый булыжник. Не успел Джек и рта раскрыть, чтобы остеречь, как Вонг набросился на командира со спины.

Чаксвилли, обладавший поистине жеребьяцким чутьем, успел, должно быть, что-то заподозрить — и до окрика Джека он уже начинал оборачиваться, мгновенно ухватившись за рукоять шпаги. Но обнажить клинок не успел — камень угодил точно в висок и швырнул Чаксвилли навзничь.

А в следующий миг кончик его шпаги, успевшей сменить хозяина, уперся Джеку в горло. Тот замер.

— Раньше или позже это все равно случилось бы! — заорал Эд. — Так что разницы никакой! Джордж, тащи веревку покрепче! Таппан, забережь Чаксвилли к себе в фургон, и про кляп не забудь!

— Ты не рехнулся, Эд? Что ты затеваешь? — спросил Джек.

— Вношу маленькие поправки в схему, братец! — ощерился Эд окровавленным ртом. — Махонькие такие поправочки. Всех, кто помоложе да погорячей, Чаксвилли уже достал своей сверхосторожностью. Мы начинаем действовать. Здесь и сейчас же. Никому не позволю становиться между мной и Полли! У меня двадцать пять бойцов, настоящих крутых парней, а не жалких слизняков, и мы хоть сию минуту готовы штурмовать ваш кадмус. Чаксвилли их домой отослал... Ха! Как бы не так — все они тут, только в тени пока держатся.

Вонг не соврал — уже минуту спустя раздался топот множества ног и собралась толпа распушенных по домам. Эд наспех ввел вернувшихся в курс дела, забрался в передний фургон, и караван тронулся.

Джека, связанного, но все же без кляпа, небрежно забросили за спину Вонга, на ящики с оружием.

— Чаксвилли вас не простит! — крикнул Кейдж. — Молись!

— Чаксвилли — это уже пройденный этап, битая карта! — отозвался кузен. — Знаешь, что ждет его вскоре? Героическая смерть на острие атаки! Да-да, Джек! Имя нашего храброго командира откроет мартиролог — список первых жертв войны с пожирателями собак. — Эд грубо заржал.

Он еще продолжал веселиться, когда вдали над деревьями всплыл яркий оранжево-сиреневый шар, озаривший поднебесье от горизонта до горизонта.

— Это сигнал Мюррея! — вскричал Эд. — Его ракета! Должно быть, из кадмуса увозят Полли!

Кнуты погонщиков сочлились кровью. Голоса сорвались до хрипа. Задницы от бешеной тряски покрылись синяками. Адский грохот колес, удары об острые углы ящиков да резкая боль в туго скрученных запястьях никак не позволяли Джеку сосредоточиться.

Гонка казалась бесконечной, однако закончилась довольно скоро. К моменту когда под веревками на запястьях у Джека обильно проступила кровь, а горло пересохло от проклятий, караван въехал во двор усадьбы. Во двор родного дома.

Спрыгнув с козел, Вонг заколотил в запертые ворота амбара. В окошко сеновала выглянул Зеб, один из дворовых, округлил глаза и уже через мгновение гремел засовами. Створки ворот распахнулись, и фургоны один за другим въехали внутрь. Вонг велел Зебу снова запереть.

С трудом встав на колени, Джек разглядел отца, который поднимался с тюка шерсти в самом углу. Старый Кейдж моргал спросонья — судя по отметинам на лбу и щеках, он в неудобной позе коротал в амбаре всю долгую ночь.

Где мать и сестры? Понятно, о налете им знать не полагалось, но разве в состоянии живой человек безмятежно почитать под весь этот трам-тарарам? И как отец объяснил матери, что ночь проведет не в своей постели? Пожалуй, вся секретность затей с самого начала шита белыми нитками — но какое это имеет значение теперь, когда верх взял Эд?

Раздался негромкий стук в ворота. Зеб приоткрыл калитку и впустил Джоша Мюррея. Обычно смуглый, парень был сейчас пепельно-бледным, губы тряслись, а зубы звучно лязгали.

— Вид-д-дели ракету? — с трудом выдавил он.

— Видели-видели! — нетерпеливо бросил Эд. — Что она означала?

— Я заметил спускавшегося с холмов Клиза, ну, Птицебоя то есть! Со стороны гор. Ну, ты ведь знаешь, он ушел уже две недели назад. А сейчас вот, понимаешь, вернулся. — Джош уставился на Эда, как бы ожидая одобрения; тот кивнул:

продолжай, мол, слушаем внимательно. — И вот он спускается в кадмус, этот, ну... второй слева, если лицом к ручью. Вот. Идет время, он все там; затем — где-то с час назад — появляется, понимаешь. А вместе с ним, сообрази, Р'ли и Полли О'Брайен тоже. Разводят костер, сидят, мясо жарят, понимаешь, треплются и треплются без конца... А рядом лежат такие большие сумки, вроде дорожных. Вот, значит, как. Смотрю-смотрю, а ничего и не происходит. Но я-то просек — если Полли показалась, да еще в такой компании, и сумки опять же... Это может означать лишь одно, понимаешь? — Внезапно Джош поперхнулся и мучительно закашлялся. — Черт побери, Эд, давай потолкуем снаружи! У меня снова астма разыгралась от этих поганых единорогов!

— Чтобы любой прохожий дотумкал, что здесь что-то затевается? Стой где стоишь и терпи! И давай без лишних подробностей — не роман сочиняешь!

Джош скривился:

— Ладно-ладно, только не пеняй потом, когда меня скрутит! Какой к черту я тогда боец? Ну, так вот... Как я врубился, Полли явно собралась податься в Тхраракию. А чего, спрашивается, тогда сидит и ждет? Не поймешь! А подслушать не могу, далеко. И подползти стремно... Эти жеребяки, ну, ты и сам знаешь, — за милю учуют, где кто глазом моргнет. Что, скажешь, не так?

— Ты потяни еще мне, потяни!.. — прикрикнул на него Эд.

Джош снова задохнулся:

— У, мерзкие твари! Не бесись ты, Эд! Ну, так вот, значит, решил я все-таки рискнуть и подобраться поближе. Ты знаешь, это я умею. Хорошо умею. Но тут смотрю — что-то в лесу шевелится. Идет, то бишь, по лесу. Что-то большое. А как разглядеть, не поверишь — волосы дыбом! Это я не для красного словца, Эд! Точно дыбом встали! И мурашки по коже! Просто счастье, что я еще не успел с места сдвинуться! Но и так чуть в штаны не наложил, понял! Тебе бы такое увидеть!

— Да что ж такое ты увидел-то, скажешь в конце концов или нет? — взвизгнул Вонг.

— Огромный, с башню... Зубищи — во! Каждый с три медвежьих! Хвостом хоть деревья валить! Я глазам-то своим не сразу поверил...

— Придушу просто тебя и сейчас же, чтоб мне провалиться!..

— Эд, да там был дракон! Настоящий дракон! — Джош обвел слушателей взглядом, проверяя произведенное впечатление.

А впечатление было, и немалое. Эд мигом сообразил, что, если немедленно не предпринять что-либо, ситуация может выйти из-под его контроля.

— Все в полном порядке! — гаркнул он. — Плевать нам на дракона, мы его раздраконим! Готовимся к штурму! Всем разгружать фургоны! Тем, кто с новым оружием обращаться не умеет, внимательно прочесть наставления! И шевелитесь, живее — рассвет на носу!

От воцарившейся суматохи Джека отвлекли два наблюдения разом. Он заметил Чаксвилли, выбиравшегося с чьей-то помощью из недр фургона, а также обратил внимание на странное поведение отца. Старый Кейдж, с обнаженным ятаганом в руке пробираясь сквозь толпу, направлялся прямоком к нему. Взгляд старика был замутнен слезами, да и борода — хоть выжимай.

— Сын мой, — заговорил Кейдж таким необычным тоном, что Джек вздрогнул. — Тони поведал нам: мне и твоей матери... Просто больше был не в силах это скрывать... держать в себе.

— Что-то стряслось, сэр?

— Он уверяет, что видел, как ты лобзал это... эту сирену — Р'ли. И миловался с ней.

— Ну?

— Ты признаешь это? — Голос старика звучал по-прежнему глухо, как из sklepa.

Джек выдержал мрачный взгляд отца:

— А почему бы и нет? Не вижу в том сраму!

Отец заревел, как взбесившийся медведжинн. И занес клинок. Вонг перехватил и резко вывернул карающую десницу. Сталь зазвенела по полу. Уолт даже не попытался поднять ятаган — скорчившись, он мычал от боли. Не теряя времени даром, Эд тут же завладел драгоценным клинком.

Только теперь, баюкая быстро распухающую кисть и растерянно оглядываясь, Уолт начал помаленьку приходить в себя. И кое-что замечать. До него дошло наконец, что Джек, равно как и его командир, скручен по рукам и ногам.

— Что это значит, мистер Чаксвилли? — воскликнул он.

Чаксвилли, с почерневшей от запекшейся крови щекой, кратко просветил хозяина. Уолт окаменел — для него это было уже чересчур. Удар за ударом, и не знаешь, на какой реагировать прежде. В результате старик и вовсе потерял способность соображать и действовать.

— Сейчас нам предстоит кое-какая работенка на вашей ферме, мистер Кейдж, — сообщил Вонг, многозначительно поигрывая сверкающим лезвием. — Надеюсь, мы можем рассчитывать на ваше содействие?

— Это мятёж, да? — бессильно выдохнул на глазах одряхлевший Уолт. — А почему Джек связан? За командира заступился?

— Джек у нас в полном ажуре! — добродушно улыбнулся Эд. Сталь в руках ошастливила его необыкновенно. — Просто на минутку потерял голову. Но сейчас-то он уже сообразил что к чему и мыслит, полагаю, в верном русле. А, братец? Что скажешь? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Конечно, близость с сиреной — вина нешуточная. Кто другой за это, глядишь, не погладил бы по головке — казнил на месте, без лишней волокиты. Но мы же не дикие звери! Ты, в сущности, ведь просто позабавился — а, Джек? Сирены такие аппетитные! Разве удержишься? Черт, одна только загвоздочка — как бы Бесс не прознала! Боюсь, может неправильно понять. Если кто-нибудь ей доложит, конечно. А кому это нужно, Джек? Ничего-то Бесс и не узнает. И знаешь почему, Джек? Потому что первым, кого ты прикончишь сегодня, будет... Кто? Ну, угадай-ка! Смелее!

— Р'ли, — глухо выдавил Джек.

Эд довольно кивнул:

— Ну вот! С первого раза и в яблочко! Он у нас большая умница. Понимает, чем искупить свои грехи! А замолишь грех, Джек, вернешь нашу с тобой дружбу. Не говоря уже о церковном отпущении... Моя дружба, Джек, дорогого нынче стоит. Да ты и сам прекрасно понимаешь. Не вчера на свет появился!

Пленников избавили от пут. С Чаксвилли, даже низложенным, рядовые заговорщики вели себя повежливей и не без опаски. Один из занятых на разгрузке поинтересовался:

— Ну и что нам делать теперь со всем этим добром — а, Эд? Столько оружия и боеприпасов, а с какой стороны братья, никто не знает!

— Естественно, — фыркнул Чаксвилли. — Шустряки недоделанные! Кровашки, видите ли, захотелось! А сообразить, что новое оружие без длительных тренировок — груда бесполезного хлама, так мозгов не хватило. Вы что же, полагаете, я против вашей затеи потому, что жеребьяков жалею? Вас, дурней, мне жаль! Что пользы в ружье, если зарядить его не умеешь и как правильно целиться толком не знаешь! А кто из вас сумеет управиться с осадным орудием? А с огнеметом? Пни вы стое-ровые, вы проиграли, даже не начав битву!

— А вот черта тебе лысого! — обозлился Вонг. — Братва! Кто прочел инструкцию, а ну, заряжай!

Назначив к орудиям канониров и выделив расчет — таскать стеклянного монстра, — он добрый час муштровал свое воинство.

— Стрелять только в упор и прямой наводкой! — поучал Эд тоном бывалого вояки. — От одного грохота жеребяки наложат в штаны, хотя откуда у них... Но навоняют точно!

— Твой-то вояки уж точно наложат, не промахнутся, и с первого же выстрела, — пробурчал Чаксвилли.

Наконец отряд двинулся в путь. Колонну возглавили Чаксвилли с Джеком, при шпагах, но у каждого за спиной по охраннику со взведенным пистолетом. Следом шагал Вонг, вдохновленный удачным пока оборотом дела. Прикосновение к стали словно подменило его, переполнило бесшабашной удачью. Пока путь пролегал по тракту, Эд даже подбадривал свое маленькое войско, затягивая песни и провозглашая звучные лозунги. Вскоре дорогу пришлось оставить — свернули на лесную тропу, ведущую к кадмусам. Почти немедленно оружейные колеса намертво увязли в грязи. Вытащить пушку явно было им не по силам, даже объединенными стараниями.

— Бросай ее к чертям собачьим! — велел наконец Эд, отдуваясь. — И без пушки управимся.

Несколько удрученные потерей, ослабившей и без того сомнительную огневую мощь, дальше «ужи» двигались навстречу битве без былого задора. На нарушителя тишины, хрустнувшего веткой или звякнувшего амуницией, хором шикали.

Наконец их от луга отделяла только последняя полоска кустов. У входа в один из кадмусов догорал костерок — и ни единого жеребья на часах.

— Огнеметчики — в первую шеренгу! — вполголоса скомандовал Эд. — Соблюдать тишину! — шикнул он на болезненно пыхтящего Джоша. — Всего кадмусов — двенадцать. По моему сигналу дадим прикурить восьми внешним. К двум из оставшихся — по два бойца на каждый выход. И чтобы живым никто не ушел! Остальные делятся пополам. Я с первой группой врываюсь в правый кадмус. Джош, тебе поручается левый. Чаксвилли — впереди нашей группы, Джек — точно так же у Джоша. Мистер Кейдж, вам чья компания больше по нраву?

Выпучив глаза, Уолт потерянно мотнул головой и прохрипел:

— Не знаю. Куда поставите.

— Тогда ступайте за сыном. Вдруг да сумеете удержать от измены и дезертирства! Если что, хватайте за воротник!

Прежний Уолт, каким Джек знал отца всю жизнь, за такое оскорбление тут же сшиб бы охульника с ног. Теперь же старый Кейдж лишь растерянно прохныкал, хлопая глазами:

— Ребятки, а стоит ли сжигать добро в подземельях? Там хватит на всех, да и мне еще останется! Это же, в конце концов, моя собственность. Зачем все жечь подчистую? Не по-людски это как-то...

— Ради всего святого, отец! — не выдержал Джек. — Что ты несешь? Какое еще добро? Подумай лучше о море крови, которая...

Увесистая зуботычина Эда заткнула Джеку рот. Отпрянув, он ощутил соленый привкус во рту.

Уолт растерянно заморгал:

— После всего, что сделал... что натворил... ты еще смеешь мне... О чем только ты думаешь?

Мгновение спустя отряд уже подкрадывался по лужайке к кадмусам.

Стояла полная луна. Единственными звуками, нарушавшими ночное безмолвие, были шорох осторожных шагов по траве, приглушенный кашель Мюррея да сиплое его же придыхание.

Черные провалы входов в кадмусы выглядели совершенно пустыми. Но Джека не покидало ощущение устремленных на него из темноты глаз, взгляда сквозь прицел. Заныло даже место на груди, куда вот-вот должна вонзиться стрела.

Вонг шепнул Мюррею:

— Где, по-твоему, Полли? Может, успела уйти, пока собиравшись?

Сверкая в потемках белками глаз, Джош, задыхаясь, ответил:

— Вот уж чего не знаю... того не знаю! Да и знать не желаю. А чего мне хотелось бы знать — так это... куда дракон подевался?

Эд фыркнул:

— Единственный дракон, которого ты мог видеть, Джош, прячется на дне твоей фляги!

— Ох, не говори! Когда пью, хоть одышка проходит. А сейчас — слышишь какая? Куда, черт его подери, мог он скрыться?

И тут, точно накликаемый, на слова Джоша пришел ответ — над полем прокатился чудовищный рев. Он прилетел сзади, из лесу. Это было нечто неслыханное — рык линяющего медведьинна на фоне этого пещерного баса показался бы сущим дискантом.

Бойцы обернулись — и ахнули.

Тварь, выбиравшаяся из-за деревьев, поражала самое смелое воображение. Массивное, в несколько раз выше человеческого роста туловище легко переносили гигантскими скачками могучие задние лапы. Трехпалые передние, каждая как бревно в обхвате, на фоне задних казались разве что не игрушечными. Да и зажато в каждой отнюдь не по игрушке — по великанской палице из ствола молодого греминдаля.

В лунном свете блеснули чудовищные клыки. Голова дракона — с жутким гребнем посреди высокого хитинового лба, крутыми надбровными дугами, острыми ушами, по-собачьи выступающей мордой, бульдожьей челюстью и в ужасных морщинах — все-таки отдаленно напоминала человечью. Из уголков ухмыляющейся пасти свисали длинные усы — каждый волосок толщиной с палец.

В ответ на раскаты драконьего рева, потрясшего, казалось, сами небеса, отдался эхом еще один, со стороны ручья — не менее зловещий. Те, у кого хватило смелости обернуться, увидели второго дракона.

Бешеный вопль Эда сумел привлечь внимание лишь ближайших к нему бойцов:

— Огнеметы! Огнеметы — к бою! Живее! Пламя их отпугнет!

Страх — плохой пособник в бою. С полдюжины огнеметчиков, побросав снаряжение, уже задали стрекача. Остальные пытались справиться с малознакомым устройством дрожащими непослушными пальцами.

Одному все же удалось поджечь сопло у аппарата: небеса озарила высокая струя жаркого пламени. Но пала она вовсе не на стремительно надвигающихся чудищ, под огнем оказались люди — из тех бедолаг, что еще не удрали. Огнеметчик суетливо повернул раструб куда следует, но, увы, слишком поздно! С полдюжины бойцов с истощными воплями катались по траве, догорая в своей одежде. Один попытался добежать до ручья, но затих на полдороге.

Струи огня все же задержали дракона. Чудище развернулось и, мгновение помешкав, бросилось в обход, предполагая напасть с тыла, где огнемет причинил бы больше ущерба своим, нежели противнику.

— Цельтесь из ружей в брюхо! — заорал Эд. — Там, где бело, там у гадов мягче!

Ухватив двумя руками двухствольный кремневый пистолет, он подал пример — нажав на оба спуска разом.

Грохот остановил чудовищ — приумолкнув, они ошарашенно озирались по сторонам. Однако вреда драконам выстрел как будто не причинил, крови на светлых их подбрюшьях не появилось.

Кое-кто из бойцов, сумев все же превозмочь панику, изготовился к залпу. Несколько стволов, заряженных неопытной рукой, дало осечку, но с дюжину выстрелов прогремело. Пораженный шальной пулей, упал один из своих.

Просыпая в суете порох, роняя пули, бойцы одеревеневшими пальцами перезаряжали ружья. Драконы надвигались молча, целые и невредимые. Они были уже слишком близко к людям, чтобы пускать в ход огнеметы. Тем не менее один из монстров швырнул бревно — чудовищная палица, просвистав над головами, с жутким хрустом врезалась в грудь единственного огнеметчика, отбросив его далеко на траву. Струя из беспризорного огнемета продолжала нещадно полосовать луг.

Дохнуло смрадом — кося людей ужасным хвостом, чудище пронеслось мимо Джека. Он чудом спасся, вжавшись в гладкую

землю. Над головой просвистела бронированная масса; позади раздался смачный удар и хруст костей. Кому-то повезло куда как меньше.

Несколько мгновений Джек лежал, утратив способность действовать и даже соображать и лишь мечтая слиться с травой. Затем оторвал от земли лицо, обернулся — позади лежал отец. Лежал на спине, на губах лопались кровавые пузыри, правый локоть вывернут под невозможным углом.

Но ничего более Джек разглядеть не успел — гигантская туша устремилась на него снова. Он опять вжался в содрогнувшуюся под ней землю. Огромная пятипалая ступня с когтями в человеческий локоть, мелькнув впритирку с его головой, унеслась, казалось, обратно к небесам, чтобы не появляться более. Но вскакивать Джек не спешил — он успел заметить, что след в след за первым драконом мчался и второй — с Джорджем Хау, неудачливым отпрыском древнего рода, в зубах. Тот истошно вопил и сучил ногами. Челюсти неумолимо сжимались. Толстяк хрустнул посередине, как галета, фонтаном брызнула кровь. «Папочка!» — прохрипел Хау напоследок и безвольно обмяк.

Первый дракон обернулся и заговорил — на лепетухе, — если только можно назвать этот громовой рык речью:

— Ну как, сестрица, всласть потешилась, отвела душу?

Второй не ответил — жевал. Несколько частей того, что еще недавно было наследником славного рода, пало на траву. Откатившаяся в сторону голова Джорджа оказалась у Джека под самым носом. В открытых глазах словно читался немой укор. И приговор: «Твоя очередь!»

Вскочив, Джек рванул прочь очертя голову. Он не сознавал, куда несут ноги, и очнулся лишь в проеме кадмуса. Нырнув в темноту головой, Джек ожидал чего угодно — вплоть до падения в глубокое подземелье — но только больно ушибся локтем о гладкий пол на уровне луга. Только тогда осмелился оглянуться назад.

Его примеру последовали другие. Точно замороженные все неслись к тому же убежищу. Отчаянно размахивая ятаганом, всех опережал коротконогий Эд. Когда беглецы уже вваливались в проем кадмуса, с земли поднялся еще один из бойцов, с опозданием собравшийся с духом, и попытался совершить спасительную перебежку к кадмусу. Но мало преуспел в том. Драконы как раз снова притихли; раненые, если и были, заткнули себе рты; воцарившуюся после кровавой какофонии звенящую тишину нарушал лишь доносившийся даже через пол-луга отчаянный свист из легких Мюррея.

Один из драконов в три огромных скачка настиг несчастную жертву. Гигантская тень накрыла отчаянно ковыляющего бедо-

лагу, дубина взметнулась к небесам и раздалось ужасающее чмокание. Это был Джош — свист из легких тут же затих. Он не страдал более своей астмой. Обезглавленный, он лежал в луже собственной крови — уже бездыханным...

Дальнейшего Джек увидеть не успел — толпа ворвавшихся в кадмус оттеснила его в глубь ниши входа. Джека бил озноб, голова шла кругом, но он сумел сообразить, что имеет перед остальными беглецами крохотное преимущество — их силуэты четко различались на фоне проема, а его видеть они не могли. И не составит особого труда вернуть себе отцовский ятаган — один резкий удар по руке Эда и готово!

Сказано — сделано: уже через мгновение клинок, не отлетев даже на пол, вернулся к законному владельцу. Эд взревел в ярости и, замахав кулаками, попытался дотянуться до обидчика вслепую. Джек отступил вглубь и крикнул из темноты:

— Осади-ка назад, Эд! А то враз порежешься!

В темноте грянул выстрел, ослепив на мгновение, — пуля с противным визгом оцарапала мочку уха. Джек мигом упал, опередив уже залп. Ринувшиеся во тьму вслед за пулями мстители тут же смешались в кучу малу. Никто толком не видел противника, никто ничего не разбирал — яростные удары вслепую тут же снова валили любого, кто поднялся, на пол.

Внезапно всех ослепил свет факела, просунутого в зев входа. О Джеке мгновенно позабыли — факел был зажат в огромной трехпалой лапе. Лапе дракона.

Стены помещения, где они оказались, выглядели, да и были, прочными. Никаких признаков хода в кадмус не угадывалось — похоже, строители отличались особым хитроумием. Подрывать стены бомбами, не выходя при этом наружу, — чистой воды самоубийство. А наружу носа не высунешь — дракон.

Тупик. Они в ловушке.

Ружья были всего у четверых. У одного порох кончился, остальные суматошно перезаряжали.

Не мужество, но отчаяние побудило Джека к атаке. Выскочив на освещенное огнем пространство, он отважно встретил изучающий мрачный взгляд дракона. Даже успел заметить, как вспомнилось впоследствии, почерневший гнилой клык в пасти чудища. И ударил бесценным клинком наотмашь. Сталь не подвела — большой палец дракона вместе с пылающей веткой шлепнулся оземь. Джек пригнулся, чтобы подхватить факел, — в затылок хлестнула струя прохладной драконьей крови. От страшного рева, отраженного стенами тесного помещения, едва не лопнули перепонки. Джек выпрямился — и тут же швырнул горящую ветвь в противников-людей. Он еще успел заметить напоследок, что драконий палец, глубоко засевший когтем в

древесине, отлетел вместе с факелом. Рев позади сменился громоподобным хныканьем на лепетухе:

— Мой пальчик! Коротышка! Верни мне мой пальчик!

Просьбу Джек разобрал, но отвечать дракону вовсе не собирался. Он застыл, глядя на стену за спинами сгрудившихся вояк. В прочной коричневой субстанции кадмуса плавно открывался проем в человеческий рост. Джек отказался от безумного намерения прорваться мимо подраненной твари в лес и ринулся к проходу, сильно надеясь, что ослепленные факелом враги дадут ему некоторую фору.

Так оно и вышло.

Преследователи взвыли, вслед грянул выстрел, но Джек уже сворачивал за угол. Он оказался в странном узком коридоре. Тишина позади свидетельствовала, что проход снова закрылся.

Очень скоро Джек понял, что на сей раз вляпался крепче прежнего. Стены странного коридора сомкнулись вокруг груди, мягко облепили, сдавили пожестче, почти до хруста в ребрах, как ладонь великана. Какой-то отросток из стены, точно живой, заткнул рот и нос, не давая дышать. Последнее, что Джеку запомнилось, — отчаянный приступ паники. И темнота.

Свет и звуки — как сквозь вату.

Голос Р'ли:

— Он умер?

— Джек Кейдж? — Мужской, незнакомый.

— Нет, его отец.

— Выживет. Если захочет.

— О, Исцелитель Душ, почему ты всегда говоришь, словно при Посвящении?

— Но ведь слова Посвящения правдивы, не так ли?

— Очевидно... но звучат весьма и весьма банально. Разумеется, Уолт Кейдж захочет умереть, когда узнает, кому обязан жизнью. Он ненавидит нас. Очень.

— Его собственный выбор.

Джек с трудом разлепил веки. Рассеянный свет струился из серых жемчужин, гроздьями свисавших с потолка и стен круглого помещения. Джек лежал подле зеленоватой стены на каком-то мягком возвышении. Он приподнялся и потянулся к ближайшей жемчужине. Джек ожидал, что ее поверхность раскалена, но пальцы обожгло холодом. Юноша обернулся.

Напротив стояли Р'ли и Полли О'Брайен. Рядом с ними, на таком же ложе, как и он сам, с закрытыми глазами и мертвенно-бледным лицом — отец. Поправляя повязки, над ним склонился Йат, лекарь местных вайиров. Он что-то нашептывал больному на ухо.

— Йат, как там отец? — дрогнувшим голосом спросил Джек.

— Не мешай ему сейчас, Джек! — прошептала Р'ли. — Когда Йат врачует, ему нельзя отвлекаться. Я могу ответить за него. У твоего отца тройной перелом правой руки, два треснувших ребра справа, очень сложный перелом правого бедра и, возможно, внутреннее кровотечение. Сейчас он в шоке. Мы делаем все, что только в наших силах.

Джек похлопал себя по карманам. Р'ли догадливо протянула самокрутку и поднесла огонек.

— Спасибо! — Джек выдохнул горький дым. — А теперь поведай, что за чертовщина стряслась со мной самим? Я помню лишь, как сомкнулись стены...

Р'ли с улыбкой взяла его за руку:

— Найди мы прежде время для разговоров о чем-либо, кроме как о себе, ты бы уже знал, что представляет собою кадмус. Это живое существо, Джек, полурастение-полуживотное. Вроде дерева татам. В незапамятные времена кадмусы — несколько меньше размерами, чем нынешние, — были гигантскими обитателями недр и жили близко к поверхности в симбиозе с медведжиннами или мандрагорами — с любым, кто добывал им пищу с поверхности: мясо и злаки. В обмен кадмус предоставлял кров и надежную защиту. Если жилец прекращал оплачивать свое пребывание, он сразу же сам становился врагом и рисковал войти в обеденное меню кадмуса.

Я сказала «предоставлял», Джек, но это лишь оборот речи, — продолжала Р'ли. — Раньше кадмусы разумом не обладали, во всяком случае в общепринятом смысле. А потом вайиры, восстанавливающие рухнувшую цивилизацию, вывели новую породу — огромных и почти разумных кадмусов, удовлетворяющих почти все наши потребности. Как этот. Он снабжает нас свежим воздухом, постоянным и ровным теплом, светом, а главное — гарантирует полную безопасность. В сущности, у нас здесь семейка из дюжины кадмусов — по числу рогов, которые выходят на поверхность.

— И все? Так просто? И весь мистический флер вокруг кадмусов ничего не значит? Никакой вековой загадки, одни лишь бабьи рассказы?

— Мы никогда и ничего не скрывали от людей, Джек! Это ваши собственные выдумки. Вашим вождям выгодно держать народ в тупом неведении, окутав кадмусы атмосферой черной магии и прочих кошмаров.

Шпильку в адрес человечества Джек пропустил мимо ушей:

— А как вы сноситесь с кадмусом? Как разобрал он, например, что я враг?

— Прежде всего кадмуса следует приручить. Вначале предлагаем ему пищу на пробу, причем через определенные устья.

Кадмус постепенно привыкает к твоему внешнему виду, запаху, весу — и раскрывает перед тобой свои стены. Потом мы еще долго приучаем его к определенным реакциям и остаемся хозяевами или партнерами, сколько этого пожелаем. Пока продолжаем кормить. Всех незваных гостей кадмус захватывает и терпеливо держит до нашего решения: выпустить или отдать ему на съедение.

Р'ли протянула руку к одной из жемчужин-светильниц:

— Взгляни-ка!

С приближением пальцев жемчужина ярко засияла, с удалением — померкла до прежнего рассеянного блеска. Но после трехкратного повторения процедуры свет все же усилился и уже не померк, когда Р'ли отвела руку.

— Видишь, его нужно еще и уговаривать! Таков уж характер у нашего кадмуса. Послушный, но после третьей просьбы.

Голова у Джека шла кругом, он уже не знал, о чем и спрашивать... Налет на обоз, Эд со своими сюрпризами, Полли, драконы, собственное будущее — Джек замычал, как от зубной боли.

Р'ли встревожилась — Джека это даже обрадовало, ибо косвенным образом отвечало на измучивший, самый больной вопрос. И побудило его задать:

— Что ты подумала, увидев меня среди нападавших?

Склонившись, Р'ли поцеловала возлюбленного в губы:

— Я все знаю. И раньше знала. У нас свои источники сведений.

— Я должен был послать их к дьяволу с самого начала!

— Ага, и разделить судьбу с Вавом!

— Так ты и это знаешь. Давно ли?

— Нет, не очень. Пойми, Джек, у нас есть определенные... каналы.

— Может, вам известно и о тайном обществе «УЖ»?

— Конечно, известно.

Йат поднял голову и сделал нетерпеливый жест.

— Мы мешаем ему врачевать твоего отца, — шепнула Р'ли. — Давай лучше пройдем в соседнее помещение.

Когда Джек следом за Полли переступил порог, Р'ли трижды провела ладонью по краю проема. Дверь исчезла — как бы стянулась в точку, как зрачок на солнце.

Джек застыл на месте, с интересом наблюдая за вайиром, который беседовал с загадочным металлическим ящичком, украшенным спереди кристаллами и необычными циферблатами. Когда вайир делал паузу, ящик отвечал мужским голосом. Джек остался бы здесь еще, но Р'ли мягко повлекла его дальше. В следующей комнате сидел за столом ее отец О'Рег. Казалось, он только и ждал их.

— Присядь, пожалуйста, Джек! Предстоит поговорить о твоём ближайшем будущем. И кое-что прояснить. Это чрезвычайно важно, особенно теперь, когда твоя судьба переплелась с жизнью моей дочери.

Джек открыл было рот, собираясь спросить, что известно О'Регу о его отношениях с Р'ли, но тот упреждающе выставил ладонь:

— Прежде всего о твоём отце. Он весьма и весьма обеспокоится тем обстоятельством, что оказался в кадмусе вопреки собственной воле, — но мы просто не могли позволить ему истечь кровью в ожидании лекаря-человека. Выбора не было: либо незамедлительная помощь, либо смерть.

Уолт Кейдж ещё не в состоянии принимать никаких решений. Придется подождать, пока придет в себя окончательно. Но вам — Полли и тебе — решение предстоит принять немедленно. Мы получили известие, что в Сбейптаху уже знают о ночном происшествии и гарнизон форта в полном составе направлен на вашу ферму. Десять минут назад его авангард в фургонах проследовал мимо поста Смотрителя Игстофа. Пехота движется следом. Значит, часа через полтора они появятся здесь и выставят оцепление.

Официальный предлог для демарша — защита вайиров от произвола разгулявшихся молодчиков из людей. Но фактически военные потребуют досмотра кадмусов. Им известно, что часть «ужей» попала в плен. Они предполагают, что мы уже успели выудить секреты тайного общества, и, возможно, предпочтут уничтожить заложников заодно со всеми вайирами и кадмусами.

Есть некоторая надежда, что без приказа из столицы они все же не решатся начать штурм. Сейчас день на дворе, и правительственный гелиограф перегружен. Плюс расстояние — полторы тысячи миль. Так что понадобится какое-то время, пока в Сбейптаху из Сент-Диониса поступят соответствующие распоряжения.

Но кольцо оцепления скоро замкнется. Солдаты напуганы и возбуждены случившимся не меньше всех остальных жителей. Не мне вам говорить, что случится, если они позабудут о дисциплине. Так вот, на тот случай, если они, не дожидаясь указаний из столицы, все же нарушат Право убежища, вам с Полли уже сейчас следует решить, как вы поступите. Выбор, собственно, невелик: либо рискнуть предстать перед судом, либо скрыться в Тхракии.

— То бишь, выбора и вовсе нет, — заметил Джек. — Ибо первое — это верная гибель на каторге.

Внимательно слушая Слепого Короля, краешком глаза Джек отметил несколько необычное поведение Полли О'Брайен. Очи

долу, рука что-то прячет под подолом юбки и сама как-то странно придвинулась... Первая мысль была: «Нож!» — и она прекрасно вписывалась в контекст последних событий. Однако у Полли вроде бы нет причин быть ему врагом. Надо взять себя в руки, нервы уже ни к черту!

Вошедший в комнату вайир коротко о чем-то доложил О'Регу. Встав, Слепой Король извинился перед гостями по-английски:

— Прошу вас немного обождать!

Проводив его взглядом, Джек обернулся к Р'ли:

— Есть ли у отца шансы выжить?

— Сейчас судить еще рано, — ответила она на лепетухе, — но Йат — отличный целитель. Он прикладывал свое ухо к лону самой Великой Праматери. Пожалуй, один из лучших в своем сословии.

В иное время Джек удивился бы и потребовал разъяснений — он и не предполагал, что вайиры знакомы с делением на сословия. Торговцы, ремесленники — это понятно, но слово, которое употребила Р'ли, в переводе означает совсем иное — не благоприобретенное, а врожденное право, право на особое положение в обществе, передающееся по наследству.

Если бы у Джека раньше спросили, что известно ему об устройстве вайирского социума, он отделался бы шуткой или отговорился незнанием. Если настаивать — сообщил бы, что считает его близким к полной анархии. Но сейчас его мысли были только об отце...

— Йат уже успел срастить все сломанные кости, — продолжала рассказывать Р'ли. — Когда бы не шок, требующий тщательного и кропотливого лечения, да высокая пока вероятность внутреннего кровотечения, Уолт уже сегодня мог бы встать на ноги.

— Чудеса! — воскликнула Полли и, вздохнув, прибавила: — Черная магия?

— Никаких чудес, — ответила Р'ли. — Элементарное знание, постижение законов природы. Йат аккуратно вправил кости на место и впрыснул весьма действенный натуральный клей. Сейчас кости мистера Кейджа прочнее, чем до несчастия. Ну, и еще Йат пользуется пациента весьма сложным составом для борьбы с шоком. Целитель погрузил твоего отца, Джек, в состояние «кипума». Это означает, что больной полностью открыт внушению и готов подключить внутренние ресурсы своего организма для скорейшего исцеления.

Так что никакого колдовства в человеческом понимании! Если бы Йат мог поведать все секреты своей профессии, все способы составления снадобий, все тайные рецепты, вы бы сами во всем убедились. Но разглашать секреты своего приви-

легированного сословия он не вправе. Целителю никогда не бывать королем, но и король мог бы кое в чем ему позавидовать. Это весьма почетная у нас профессия.

В комнату возвратился О'Рег.

— Чаксвилли каким-то чудом удалось выскользнуть из лап Мар-Кук и Киа-Нан. Он уже встретился с авангардом и сейчас направляется сюда вместе с солдатами. Остались считанные минуты — скоро узнаем, чего он хочет. — Выдержав паузу, Король добавил: — Предполагаю, Чаксвилли потребует выдать тебя, Джек. Тебя и всех остальных людей: Полли, Уолта, Вонга со товарищи.

Р'ли обратила к Джеку озабоченный взгляд фиалковых глаз:

— Ты понимаешь, что за этим последует? Всех вас, независимо от причин, которые привели сюда, засудят без разбору! Ты закон знаешь: вошел в кадмус — виновен! Отныне все вы — источник греха, сосуд скверны! Приговор подписан и утвержден заранее! Единственная альтернатива костру — горные копи!

— Я знаю, — криво усмехнулся Джек. — С Эдом получается чертовски забавно! Ненависть к вам да людям, к вам терпимым, заводит в ту же ловушку. Ему предстоит разделить общую участь...

— Вонг ситуацию забавной отнюдь не находит, — возразил О'Рег. — Когда он сообразил, что его ждет, то весь позеленел и едва не лишился чувств от бессильной злости. А также, думается, от страха. Я оставил его изрыгающим хулу и угрозы. — Лицо О'Реге приняло брезгливое выражение. — Эдакое ничтожество!

— Так как же ты намерен поступить? — Р'ли повернулась к Джеку.

— А что случится, если я останусь? Не слишком-то радостные, конечно, виды на будущее... Просидеть всю жизнь под землей!..

— Полагаешь, нам сидеть взаперти нравится? — заметил О'Рег с тенью досады в голосе. — Неужто позабыл, как любим мы простор, лес, луга, солнце?.. Хотя для дела и самозащиты спускаемся в кадмус, но высидеть здесь безвылазно долгое время для нас так же невыносимо. Как людям в тюрьме. Однако мы отвлеклись...

Я хочу объяснить тебе вкратце, Джек, что творится сейчас за этими стенами. Как ты и предполагал, правительство Дионисии решилось нарушить Соглашение и объявляет нам войну. Более того, Дионисия заключила пакт с Кроутанией и Неблизкой. Все три правительства собираются вести с нами войну на истребление. Поголовное, Джек, — всех: женщин, детей, стариков.

Мы провели обо всем этом сравнительно недавно. И пока не знаем, что делать, как найти выход из сложившейся ситуации. Ради мира мы готовы на любые уступки. Разве что кроме отказа от независимости и нашего образа жизни. Но правительство не идет на переговоры, как ваше, так и у соседей. «Проблему вайиров» намерены разрешить раз и навсегда. Вот такие дела...

— Но если война неизбежна, нанесите упреждающий удар! — перебил Джек. — Будьте же наконец реалистами!

— Мы готовы к войне, — вставила Р'ли. — И собираемся прибегнуть, если придется, ко всей мощи Байбай, нашей Великой Праматери!

Джек не знал, мистическую или реальную силу имеет в виду Р'ли. Как он полагал, Байбай — божество, лжекумир, ненавистный всем истинным христианам. Ходили слухи, что жеребяки приносят ей в жертву детей, но уж в это Джек никогда не верил. Никто, доподлинно знающий, как жеребяки относятся к кровопролитию, какими сложными ритуалами обставлен у них простой забой скота, злобному кровавому навету не верил. Пусть и не лишены они недостатков, не ангелы — но резать детей?.. Ни в какие ворота не лезет!

О'Рег грустно улыбнулся:

— Увы, пусть «УЖ» — организация и неофициальная, в ее составе слишком много правительственных агентов и военных чинов. Я думаю, Джек, властями она и инспирирована... И еще одна, совсем свежая новость: столица Дионисии охвачена пламенем.

— Каким еще пламенем?

— Пожар, Джек, огромный пожар! Занялся в трущобах, затем при сильном ветре огонь перекинулся на богатые кварталы. Сейчас, сию минуту, под угрозой оказались даже правительственные здания. Погорельцы тем временем покидают Сент-Дионис и грабят округу. Похоже, у правительства возникли заботы и помимо войны с вайирами.

— А кто поджигатели? — спросила Полли.

О'Рег пожал плечами:

— Какая теперь разница? Трущобы давно превратились в бочку с порохом. Так что взрыв, то бишь пожар был неизбежен. Но можешь не сомневаться — именно нас обвинят в поджоге!

Джек подивился, откуда у Короля столь свежие вести. Затем вспомнил о тайнственном говорящем ящике. Но ведь полторы тысячи миль!

— Если промедлить с решением еще несколько минут, — напомнил О'Рег, — вы окажетесь в окружении. Солдаты уже на подходе.

Снова появился вайир и заговорил с Королем на взрослом жеребякском. О"Рег отвечал, а Р'ли перевела:

— Эд Вонг со всей своей компанией покинул кадмус. Они направляются к лесу, предположительно, в Тхраракию. — Она возложила руку на плечо возлюбленного. — Джек, ты не можешь сдать! Это верное самоубийство! Не умирай, Джек...

— Но ведь отец все еще не может ходить! — сказал Джек.

— Он наверняка выздоровеет, и очень скоро. Полежит денек-другой...

— Я не могу бросить его! — заявил Джек и, упрямо поджав губы, обвел всех решительным взглядом.

— Ну а ты, Полли? — О"Рег повернулся к девушке.

Нежное ее личико с огромными глазами сейчас выглядело утратившим значительную часть присущей ему прелести: кожа поблекла, под глазами легли глубокие тени. Полли спокойно переводила взгляд с вайиров на Джека и обратно. Никак не решалась.

— Это твой выбор, Полли! Решай своим умом, — посоветовал Джек. — Я остаюсь присмотреть за отцом.

Он вышел из комнаты и зашагал в поисках отца по длинному округлому коридору, весьма узкому — только-только разминуться двоим. В сумрачном свете гладкие стены коридора отливали зеленью. Через неравные интервалы с потолка свисали гроздья жемчужин на розоватых отростках. Часть тускло светилась. Тишину нарушал лишь негромкий звук его шагов по прохладному упругому полу. По обе стороны коридора примерно через каждый десяток шагов встречались полоски, означавшие закрытый проход.

В одном, по правую руку, оказалась щель. Джек мимоходом заглянул вовнутрь. Просторное, залитое ярким светом помещение с оранжевыми в зеленоватых прожилках стенами, сплошь выставленное шкурами единорогов, медведжиннов и еще каких-то неведомых зверей. Посреди — низкий овальный столик полированного дерева, окруженный целыми охапками маняще мягких с виду шкур.

А в дальней стене — полностью открытый проход. За ним сирена-мать вместе с дочкой лет пяти. Джека поразила реакция хозяйки на его дружелюбный взгляд сквозь дверь. Он мог ожидать чего угодно: удивления, растерянности, смущения — но никак не ужаса! Мертвенно побледнев, сирена ухватила за горло, как при удушье...

Джек поспешил пройти дальше. Неужели ему случайно приоткрылось подлинное отношение к людям? Неужели под маской доброжелательности и неизменной вежливости таится настоящий страх?.. Или же чувство, подобное тому, какое испытывает к ним самим большинство людей?

Спустя мгновение удалось обнаружить вход в комнату, где лежал отец. Йат все еще возился со своим пациентом. И хотя Кейдж по-прежнему пребывал без сознания, его состояние внешне напоминало скорее глубокий сон — щеки порозовели, на губах играла мечтательная улыбка.

Завершив очередной сеанс внушения, Йат поднялся:

— Какое-то время больной будет спать, потом сможет встать на ноги и поесть.

— А когда сможет свободно передвигаться?

— Часов через десять, не раньше.

— Он настолько окрепнет? Мы сможем с ним уйти?

— Все зависит от человека, — пожал плечами Исцелитель. — У твоего отца на редкость крепкое сложение. Несколько миль пройти сможет наверняка. Но о путешествии в Тхраракию, если ты это имел в виду, пока не может быть и речи. Пройдет по крайней мере еще несколько дней, прежде чем кости окрепнут окончательно. Дорога через горы и для здорового-то нелегка.

— А когда я смогу поговорить с ним?

— Чуть погодя, — ответил Йат. — Но, боюсь, к тому времени луг вокруг кадмуса уже заполнят солдаты. Нет, мой мальчик, ждать отцовских советов тебе не приходится. Делай свой выбор самостоятельно. И поспеши!

— Джек! — донесся из коридора знакомый голос.

Джек вышел из комнаты навстречу Полли. Девушка протянула ему сверток — нечто округлое в белой некогда тряпице:

— Драконий палец. Р'ли собиралась выкинуть, да я не позволила. Она, конечно, может потешаться, сколько ей вздумается, но я сохранила палец этот для тебя отнюдь не случайно...

— А на что он мне? Засолить, что ли?

— И ты туда же! — обиделась девушка. — Думаешь от нечего делать Мар-Кук едва не свернула рог кадмусу, пытаясь возвратить утрату? Взломать кадмус ей не удалось, силенок чуток не хватило, но она поклялась выследить тебя во что бы то ни стало, оторвать голову и вернуть свой бесценный пальчик. Уж не знаю, откуда ей известно твое имя! Возможно, от жеребьков, с которыми она общалась прежде, когда совершала набеги на вашу ферму. Во всяком случае, встреча с драконихой тебе радости не сулит. Она исполнит угрозу, обязательно исполнит, если только ты не...

— Если только я... Что?

— Не будешь иметь при себе вот это, частицу ее тела. Уж я-то знаю. Не забывай, я дочь знахарки! Мать знала много жеребьяцких тайн, пожалуй, даже чересчур много для спокойной жизни. И сама использовала кости драконов для составления снадобий. Те кости, что находят рудокопы или зверобой. Они, правда, чертовски дороги, но снадобья с ними еще дороже.

Растертые и растворенные в вине, драконьи кости прекрасно исцеляют сердечные недомогания. А еще... еще годятся для составления чудодейственного приворотного зелья.

Мать рассказывала кое-что о драконах. Эти здравующие твари поразительно суеверны. Они уверены, что обладатель частицы их тела — все равно какой: зуба ли, волоска, чего угодно — имеет над ними власть. Разумеется, Мар-Кук надеется, что ты этого не знаешь, и жаждет свести счеты, пока не сведущ. Скажу больше — она уверена, что без пальца не сможет после смерти попасть в драконий рай и будет вечно скитаться в мире теней, как неприкаянный дух...

Джек с возросшим уважением оглядел ценный трофей и с трудом затолкал его в карман:

— Спасибо, конечно! Но вряд ли он пригодится мне здесь, в кадмусе. А уходить я пока не собираюсь. Ты полагала иначе?

— Ну конечно же! Нам обоим нужно немедленно сматывать удочки! И бежать слома голову! Солдаты скоро начнут подкопы для закладки мин. Они доберутся до нас, Джек, готова спорить на что угодно! И перебьют здесь всех! Ну, пожалуйста, Джек!..

Юноша был непреклонен:

— Я остаюсь! Не бросать же здесь отца одного.

— Отца? Или все же сирену? Неужели у тебя действительно любовь с нею? Ну как ты мог? Неужто и впрямь, как поговаривают знающие люди, сирены умеют искусно раскидывать амурные сети?

Джек вспыхнул:

— А тебе-то что за дело до этого? Короче — не могу я оставить отца, а ходить он еще не в состоянии!

— Это бессмысленный, пусть даже и благородный жест! Отца все равно не спасти, но себя-то — зачем губить? Я ухожу немедленно, Джек!

Подошел высоченный рыжий сатир с небольшим кожаным саквояжем:

— Пора, мисс О'Брайен! Солдаты совсем рядом.

Полли снова обратилась к юноше:

— Последняя возможность, Джек! Сайфай проведет через горы.

Джек упрямо помотал головой.

— Вот же дурень! — раздосадованно бросила на прощание Полли и поспешила за проводником.

Джек проводил девушку взглядом. А когда беглянка вместе с проводником скрылась за поворотом коридора, вернулся к отцу. Чуть погодя пришла Р'ли вместе с О'Регом.

— Солдаты завершили окружение кадмусов, — сообщил Слепой Король. — Капитан Гомес и мистер Чаксвилли выдвинули

ультиматум. Они требуют немедленной экстрадиции. Всех, получивших убежище, без исключения. Я отправляюсь на переговоры.

Обняв и поцеловав дочь, Слепой Король вышел.

— Почему вы ведете себя так, словно видите последний раз в жизни? — удивился Джек.

— Я всегда целую отца, даже расставаясь с ним всего на несколько минут. Как знать? Мы живем в таком беспокойном мире... А сейчас всем нам действительно угрожает серьезная опасность. Смертельная, Джек!

— Пожалуй, нам с отцом лучше сдаться самим, — заметил Джек дрогнувшим голосом. — Не хочу, чтобы из-за нас двоих убивали ни в чем неповинных...

— Не смей даже думать об этом, Джек! Да никого ты и не спасешь подобной жертвой! Эти *таррты* («пришедшие следом» на жеребякском; Джек знал это слово) жаждут как вашей, так и нашей крови. Они здесь, чтобы убивать.

Чтобы дать выход тревожным предчувствиям, Джек стал мерить помещение шагами. Р'ли, устроившись на шкурах поудобнее, достала гребень и принялась приводить в порядок прическу. Ее спокойствие и самообладание почему-то вызвали у Джека раздражение. Не сдержавшись, он бросил ей:

— Вы что, и в самом деле *не люди*? Как можно оставаться столь хладнокровным, когда там Бог весть что творится?..

— Именно сейчас и следует держать себя в руках и сохранять хладнокровие, — с улыбкой ответила Р'ли. — Что толку изводить себя понапрасну слезами да страхами? Если бы я могла что-то предпринять, то не сидела бы сложа руки. Но ничего сделать покуда я не в силах. Потому и сдвигаю тревоги в уголок своего сознания. Они со мной, они никуда не делись. Но я как бы набросила на них защитный покров.

Джек по-прежнему недоумевал.

— Милый, если бы ты прошел Посвящение, то вел бы себя точно так же, — пояснила Р'ли. — И стал бы куда счастливее, поверь.

В комнату вошла незнакомая сирена:

— Джек Кейдж, О"Рег настоятельно просит вас выйти из каdmуса, чтобы показаться на глаза людям. Чаксвилли и капитан Гомес утверждают, что вы мертвы, злодейски убиты нами, и грозят отмщением. О"Рег просил добавить также, что вы вправе отказаться, если не пожелаете.

— А они ведь знают, что Полли была здесь, — спохватился Джек. — Ее, надеюсь, не требуют?

— Полли уже там, снаружи. Солдаты появились раньше, чем предполагалось, и она не успела выбраться вовремя.

— Я с тобой, Джек! — вскочила Р'ли.

— Думаю, не стоит, родная! Это требование может оказаться обыкновенной ловушкой, предлогом, чтобы Полли и меня выманить наружу и арестовать. При этом могут пострадать и случайные свидетели. Лучше оставайся здесь!

— Я иду с тобой, и не спорь понапрасну!

По пути к выходу из кадмуса Джек спросил у посланной за ним сирены:

— А что осаждающие говорят о моем отце?

— Гомес требовал предъявить мистера Кейджа тоже. О'Рег отказался наотрез, сославшись на его нездоровье. И сумел склонить Гомеса к компромиссу. Тот согласился удовлетвориться заверениями сына, что с его отцом все в порядке и он в безопасности.

— Ох, чую, дело нечисто! — заметил Джек. — С чего бы это им вдруг за нас волноваться? Если уж мы попросили убежища, то тем самым вывели себя из-под юрисдикции дионисийских властей. Так что за дело им теперь до нас и нашей безопасности?

— Сомневаюсь, чтобы они так уж переживали за вас, — откликнулась Р'ли. — Просто ищут повод для ссоры, казус белли. А наша задача — постараться их умиротворить. Хотя на самом деле вряд ли это удастся.

— Мы не так уж беспомощны, — добавила провожатая. — Вместе со Слепым Королем наверху полсотни искусных воинов. Так что если *тарпта* вероломно попытаются схватить вас или предпримут атаку на кадмус, — они еще узнают почем фунт лиха!

Солнце поднялось уже над кромкой леса и заливало луг особенно ослепительным после сумрака кадмуса светом. О'Рег с группой вооруженных луками сатиров занимал позицию возле самого выхода. Полли держалась за спиной Слепого Короля.

Переговоры с О'Регом вели двое — командующий гарнизоном Сбейптаху капитан Гомес, светлоусый крепыш в полных боевых доспехах и уставном кильте и почему-то с обнаженной шпагой в руке, и Чаксвилли. Поодаль выстроились широкой дугой никак не меньше сотни солдат и почти столько же штатских, среди копий которых поблескивали кое-где и стеклянные стволы мушкетов.

Увидев Джека, капитан Гомес оживился:

— Вас удерживают там силой, против воли, мистер Кейдж? Жив ли ваш отец? Отвечайте смело и откровенно, как на духу!

Джек набрал в грудь воздуху и... Слова застряли в глотке. Лишь сейчас, под взглядом сотен человеческих глаз, он оконча-

тельно прозрел, в полной мере постиг наконец, что же с ним такое стряслось... Всего лишь несколько слов — и он изменник. Нет, куда хуже обычного предателя, ведь переметнулся-то он на сторону врагов рода человеческого, бездушных, отвергающих Господа тварей. Он будет отлучен от Церкви, предан анафеме, проклят навеки! Костра не миновать! Его имя отныне и во веки веков станет для людей бранным словом...

Р'ли мягко коснулась плеча Джека.

— Я понимаю, каково тебе сейчас, Джек, — шепнула она. — Разом утратить все, отрубить прошлое... Вряд ли такое по плечу человеку. Я пойму, как бы ты сейчас ни поступил.

Впоследствии Джек станет часто ловить себя на воспоминаниях о той минуте и гадать, осознанно ли это было сказано или же по наитию, от всего сердца, прозвучали слова сирены, побудившие на то, что он сделал... Разом задеть в его душе струны и любви, и гордости!

Но в те мгновения... Не находя единственно нужных слов, как бы онемев, он обнял сирену за плечи, вместе с ней повернулся к парламентарам, встретился глазами с пронизательным взглядом Чаксвилли и... жарким поцелуем надолго запечатал уста Р'ли.

Над лугом пронесся возмущенный гул толпы.

— Ах ты, сукин сын, ты, мерзкий ублюдок! — истошно зарорал Гомес.

И О'Рег не скрывал потрясения. Сделав шаг к Джеку, он гневно процедил:

— Глупец! Тебе не терпится развязать побоище? Ты что, как они — крови жаждешь? — И, отступив, добавил спокойнее: — Впрочем, сделанного не воротить! Тебе нет отныне пути назад, Кейдж! И всем нам — тоже...

— Джек, любимый... — только и сумела вымолвить Р'ли.

Ошеломленный собственной своей внезапной дерзостью, Джек не находил никаких слов вообще. Он вспотел, в ушах стоял отвратительный звон.

Зычный голос О'Рега перекрыл гвалт толпы:

— Вот вам ответ! Джек Кейдж явился к нам вполне добровольно и желает остаться! Что же до его отца — он сможет покинуть кадмус, как только встанет на ноги. Если, конечно, пожелает.

— Это чары, сатанинские чары! — разнесся крик Чаксвилли. — Бедняга околдован! В здравом рассудке он никогда не сделал бы такого! Я требую, чтобы его освидетельствовали лекарь и священник!

О'Рег холодно улыбнулся:

— А где гарантии, что, убедившись в здравом уме и твердой памяти Джека, вы отпустите его обратно? Вы можете это пообещать?

— Разумеется! Я готов поклясться хоть на Библии!

— Благодарим покорно! Цену подобным клятвам узнали еще наши праотцы. Когда люди только лишь появились на Дейре. Мы хорошо усвоили эти уроки. Извините!

Гомес, пощипывая усы, задумчиво молчал — искал решение. Но Чаксвилли ждать более не желал.

— Хватай еретиков и чародеев! Вперед! — заорал он.

Строй рассыпался, часть солдат подчинилась призыву и бросилась было к кадмусу. Но вмешался вышедший из оцепенения Гомес:

— Отставить! Встать в строй! Слушать только мою команду...

— Не вижу смысла в дальнейших переговорах, — тихо сказал Джек Королю. — Лучше бы нам вернуться в кадмус. Пока не поздно.

— А вот сейчас ты, пожалуй, вполне прав, — ответил О'Рег. — Вы с Полли уходите первыми. Мы вас прикроем. Р'ли, ступай с Джеком!

— Не выйдет! — завизжал Чаксвилли, заметив передвижение. Обнажив шпагу, он устремился на Джека. О'Рег немедленно выступил вперед и воздел перед собой жезл — символ своего статуса. Тот оказался слабой защитой перед разъяренным безумцем — стеклянный клинок, отстранив жезл, поразил Слепого Короля прямо в солнечное сплетение. Вскрикнув, О'Рег рухнул навзничь, увлекая за собой и убийцу.

Подтолкнув Р'ли к убежищу и выдохнув: «Живо в кадмус, обе!» — Джек бросился к месту схватки. Он подхватил выпавший из руки О'Рега массивный жезл и огрел им еще не поднявшегося на ноги Чаксвилли по кожаному шлему. Даже не всхрюкнув, тот уткнулся лицом в грудь собственной жертвы.

Возле самого уха просвистела стрела. Позади вскрикнул один из вайирских воинов. Тут же воздух заполонило заупокойное пение десятков стрел. Рывнуло несколько мушкетов. Припав на мгновение к земле, Джек тотчас же выглянул из-за тел — обе стороны уже заплатили дань костлявой, и немалую. Р'ли и Полли лежали на траве еще далеко от входа в кадмус — пока, к счастью, обе целые и невредимые.

— Уходите немедленно! — крикнул им Джек.

Подхватив оставшуюся без владельца стеклянную шпагу, Джек обратился к осаждавшим. И замер. Позабыв о воинской выучке и дисциплине, на защитников кадмуса неслась озверевшая орда. Быть может, они надеялись упредить рукопашной новый залп метких вайирских лучников. Если так, то напрасно.

Жеребяки, действуя под отрывистый лай команд, ничуть не промешкали.

Стрелы смяли переднюю цепь атакующих. Но по телам павших уже бежали следующие, надвигались неотвратно. Они брали числом.

Гомес увернулся от вайирского копья и ответил метким ударом. Джек подскочил с воплем и вонзил шпагу капитану в горло. Тот повалился, оставив Джека на миг безоружным посреди всеобщей свалки. Юноша еще успел заметить угасающий укоризненный взгляд капитана. Затем на него налетел солдат с коротким тяжелым копьем.

Вовремя вырвав шпагу из мертвой плоти, Джек отразил направленный в грудь удар, перехватил свободной рукой древко копья и рванул к себе. Противник накололся на острие шпаги, как жук на булавку.

Остальные детали боя как бы смазались, почти стерлись из памяти. Было много ударов и суматошной беготни. Но возросли счет побед, Джек впоследствии вспомнить не мог. Как только ему представилась возможность, он выскользнул из схватки и бросился ко входу в кадмус — как там Р'ли?

Но так и не добежал — увидел обоих, Р'ли и Полли, в стороне от заваленного трупами входа. Обнаружив среди сражающихся просвет, девушки очертя голову понеслись к лесу. Джек окликнул их, едва ли надеясь быть услышанным среди лязганья клинков, стонов раненых и частых хлопков выстрелов, и устремился следом.

Он был уже на полпути к цели, когда просвет захлопнулся, и пришлось прокладывать себе дорогу шпагой. Дважды его сбивали с ног; шальной удар клинком пришелся в левый бок — лишь чудом увернулся он от верной гибели. Удачливый солдат замахнулся было снова, но пошатнулся и рухнул бездыханный на Джека — из спины торчала рукоятка вайирского ножа. Фортуна, дама в бою особенно переменчивая, одарила на сей раз благосклонностью Джека.

Дальше он, даже не пытаясь отблагодарить своего спасителя, пробирался уже по-пластунски. Как ни странно, такая тактика оказалась действенной и почти безопасной. На Джека практически не обращали внимания, а если и замечали, принимали скорее всего за тяжело раненного и не представляющего ни малейшей угрозы.

Р'ли и Полли прятались под кустом. Джек обернулся назад — из кадмусов вырывались все новые и новые бойцы, и теперь уже людям приходилось жарко. Наконец, дрогнув, многие дали стрекача; заметив, что вайиры не преследуют и не добивают бегущих, их примеру последовали и остальные уцелевшие.

Сирена горько всхлипывала. Джек обнял ее, но унять рыдания оказался бессилён.

— Дай ей поплакать, Джек, — сказала Полли. — Ей надо выплакать горе. Ох, Господи мой Боже!

Джек обернулся на ее вскрик. И прибавил к нему свой. Подкрепление, числом в несколько сотен штыков, все как один при мушкетах, высыпало на луг из лесу.

Жеребяки, заметив новую угрозу, стали лихорадочно стаскивать к кадмусам своих раненых и мертвецов. Но мало что успели сделать. Солдаты резво выстроились в шеренги, офицер пролаял команду, первый ряд пал на колено и приник к прицелам.

— Огоны!

Залп скосил по меньшей мере три десятка вайиров. Остальные, пытаясь избежать той же участи, метнулись к входам в кадмусы. Новый залп по толчее у входов сразил не меньше.

Джек схватил Р'ли за руку:

— Мы отрезаны, нам уже не вернуться! Придется бежать в Тхракию!

Р'ли не шевельнулась — она, казалось, утратила слух. Джек нежно повернул ее к побоищу спиной и повлек к лесу. Вся в слезах, с отрешенным видом, она безропотно подчинилась. Полли куда-то запропастилась, и Джек понадеялся лишь, что девушка не настолько глупа, чтобы рассчитывать на снисхождение властей Дионисии.

Но Полли вдруг выступила из-за дерева впереди — с луком и полным колчаном в одной руке, окровавленным стеклянным стилетом — в другой. Странное выражение блуждало по нежному овалу ее личика.

— Где раздобыла? — спросил Джек.

— Понимаешь, я решила, что лучше уж помереть прямо здесь, на месте, чем отправляться в Тхракию безоружной! — ответила Полли. — И вернулась на край луга. Там и нашла вот это. — Она приподняла лук с колчаном. И перевела взгляд на стилет. — А это — в другом месте. У капеллана одолжила.

— Как это одолжила?

— Очень просто: заколола и взяла себе. Этот жирный слизняк, слуга Господень, любовался из-за дерева резней на лугу. Видать, ждал конца — готовился причащать умирающих. Я подошла со спины, тихонько вынула из ножен кинжал и воткнула в отвислое брюхо. Свиныя! Он один из тех, кто замучил мою мамочку до смерти!

Джек был ошарашен такими отчаянными поступками, хотя и рад, впрочем, что Полли не оказалась кисейной барышней, — для перехода через горы всем им потребуется немало сил и

мужества. А оружие как нельзя более кстати, что и говорить. За Р'ли Джек не волновался — придя в себя, закаленная сирена даст фору им обоим.

Они поспешно тронулись в путь. Джек постоянно на ходу оглядывался, но преследования не обнаружил. Пальба на лугу к тому моменту либо вовсе уже прекратилась, либо заглохла за густыми кронами.

Вскоре путники выбрались к бурной, но неглубокой речушке. Вода, пенящаяся на крутых порогах, была холодной и чистой, точно родниковая. Они утолили жажду, смыли с себя пот и кровь. Рана на боку Джека еще сочилась кровью. Заметив это, Р'ли словно очнулась, впервые после утраты пришла в себя. Она тут же отправилась вдоль ручья на поиски и вернулась вскоре с букетиком нежных цветков с темно-алыми лепестками. Промыв Джеку рану, сирена наложила на нее целебный компресс.

— Прижми локтем, — велела она. — Если заражения нет, через часок-другой затянется.

Ласково чмокнув Джека в щеку, Р'ли поднялась и обратила взор к заснеженным горным пикам на севере. Их невероятная высота как бы скрадывала расстояние. Но все трое прекрасно знали, что до подножия ближайшей из гор три дня пути скорым шагом.

— Черт, как жарко! — вздохнула Полли.

Поднявшись с травы, она медленно расстегнула пуговицы и скинула с себя свое длинное плиссированное платье. К немалому удивлению Джека под платьем на Полли ничего больше не оказалось. Теперь все ее облачение составляли лишь башмачки на высокой подошве.

— Ну, чего zenки-то вылупил! — цинично бросила она. — На голую Р'ли, небось, как-то иначе смотришь.

— Но ты ведь... ты же человек все-таки!

— Это если забыть о мнении матушки Церкви на сей счет. А она выводит нас, ведьм, за рамки рода людского.

Джек утратил дар речи, а Полли, встав прямо перед ним, сделала грациозный пируэт. И невзирая на смятение чувств, Джек вынужден был признать, что фигура у девушки под стать смазливой мордашке — статуэтка, да и только.

— А ты полагал, что Церковь преследовала нас с матушкой ни за что ни про что? — усмехнулась Полли. — Нет, на сей раз наши гонители, пусть и случайно, но угадали. Конечно, подонок Рейли правды не знал — свой донос он сочинил, чтобы устранить конкурента и остаться единственным аптекарем в Сбейптаху. Но неожиданно для самого себя попал прямо в яблочко.

Матушка умерла, но грядет и день смерти гнусного доносчика. Мой шабаш давно бы уже посчитался с мерзавцем, когда бы я сама не попросила подружек оставить его для меня. Это сугубо личное дело. Теперь, правда, выходит, что месть ненадолго откладывается. Но я доберусь, ох, доберусь до тебя, Рейли, доберусь до твоего мягонького горлышка... — Плотноядно облизнув свои губы сердечком, предназначенные, казалось бы, для одних лишь поцелуев, она добавила: — И смерть твоя будет, ох, до-о-олгой — много дольше, чем у моей матери...

Р'ли глядела на расхажившую Полли, точно на ядовитую змею.

— Скажите пожалуйста, какие мы нежные! — заметив взгляд сирены, бросила Полли. — Тебе-то уж точно не стоило бы кривиться, мехозада моя! Мало вы, жеребяки, натерпелись от христиан?

— Так это все же правда, — спросил Джек, разделяя слова выразительными паузами, — что среди землян, перевезенных на Дейру арранами, оказались и... ведьмы?

— А откуда еще, по-твоему, могли мы взяться! Конечно, правда. Но мы молимся отнюдь не Сатане, как полагают люди. Нет, вовсе не Сатана наше верховное божество, он лишь сын и любовник Великой Богини, чье имя Мать Блед. И религия наша уходит корнями в такую седую древность, какая и не снилась вам, скороспелым христианам. День триумфа Великой Богини все еще впереди. Вы ни на йоту не знаете подлинной правды. Все, чем пичкали вас с амвона жирные пасторы, — это ложь и гнусные байки. — Полли связала платье в узелок. — Теперь надену, лишь когда похолодает. Или же в зарослях терновника. Как приятно сбросить постылую одежду и снова почувствовать себя свободной!

— А правда ли, что ведьмы и колдуны владеют волшебными чарами? — спросил Джек.

— Мы ведаем многое, недоступное христианам, — ответила Полли и покосилась на сирену. — Но крайне мало по сравнению с вайирами. Они такие же ведьмы, как и мы. Поклоняются Великой Праматери, которая, собственно, и...

— Однако мы не приносим ей в жертву младенцев! — вскричала Р'ли.

Полли взбеленилась было, но быстро сумела совладать с собой и даже принужденно засмеялась:

— Откуда бы тебе знать? Неужто шпионила? Невероятно! Да нет, пожалуй. Наверное, какая-нибудь ведьма, из тех, что приютили у себя в кадмусе, проболталась. Ну и что, если даже и так — что из того? Не так уж часто это бывает, а дитя, которому посчастливится пролить во имя Великой Богини кровь, попадает прямиком в Ее Заоблачные Хоромы для вечных утех и

наслаждений. Кроме того, не тебе бы камни бросать. Ведь вы, вайиры, прекратили совершать жертвоприношения лишь после появления на планете первых христиан. Что, скажешь, не так?

— Не так! — хладнокровно ответила Р'ли. — Мы отказались от этого отвратительного обряда за полвека до появления здесь ваших праотцев.

— Не вижу в вашем споре ни малейшего смысла, — вмешался Джек. — Мы так или иначе нужны друг другу. Р'ли говорит, что до долины Тхрарак нам предстоит одолеть четыреста миль. Что пользы в разногласиях, когда впереди ждут крутые горы, изобилующие опасностями — знакомыми и неизвестными. Оставьте свой пыл для мандрагоров, оборотней, медведжиннов, лесных разбойников и Бог весть кого там еще!

— Например, социнианских патрулей, — подсказала Р'ли. — За последние месяцы они весьма оживились.

Разобрав оружие, они снова тронулись в путь. Шли прямо по мелководному руслу. Впереди как проводник двигалась Р'ли. Первая цель — долина Аргуль. Оттуда путь через горы знаком ей, как свои пять пальцев. Но до самой долины — куда хуже. Все, что Р'ли пока смогла предложить, — держаться поближе к горам. Им следует отыскать тропу на Идох. Это где-то за склонами ближайшей горы, пика Пхуль. Той, что вздымалась перед ними на высоту в шесть тысяч футов, закругляясь к самой вершине и напоминая издали гриб с изрядно недоразвитой шляпкой.

— По ту его сторону и лежит глубокая долина, — сообщила Р'ли. — Когда пересечем ее, столкнемся с подступами к кряжу Плель. Тропа на Идох чуть выше, в самом конце долины.

Джек вдруг остановился:

— Даже не знаю, что и сказать, Р'ли... Может, нам все же стоит задержаться еще ненадолго... Я решил на это бегство под влиянием минутного порыва, как-то не вполне обдуманно. Да и ситуация выглядела совершенно безнадежной. Ну а вдруг кадмус все же устоял и держит осаду? Может, мне удастся забрать отца? А ведь у меня еще братья и сестры! Что с ними будет?

Глаза у Р'ли с каждым его словом округлялись все больше и больше.

— Джек, милый! — Она взяла его за руку. — Да отдавал ли ты себе отчет в том, что натворил, когда поцеловал меня перед всеми? У тебя больше нет прежней семьи, любимый!

— Это ведь не значит, что я не должен о них заботиться!

— Понимаю. Но они не пожелают иметь с тобой ничего общего. И в первый же момент встречи попытаются убить.

— Я проголодалась! — встряла в разговор Полли. — Почему бы вам не отвлечься от ваших неразрешимых загадок и не

вспомнить о нуждах куда более насущных? Если не сыщем, чем набить желудки да где приклонить голову на ночь, вам скоро станет не до мировых проблем. Мы попросту сдохнем!

— Успокойся! — ответил Джек. — Давай сюда лук и стрелы и запасись, наконец, некоторым терпением!

— Не выйдет! — огрызнулась Полли. — Они мои. Я рисковала ради них жизнью и теперь легко с ними не расстанусь.

Джек начал злиться:

— Послушайте меня, вы, обе! Если мы хотим добраться до цели живыми, нам нужен старший. Мужчина здесь я! Оружие должно быть у меня, и будет именно так!

— Как-то не замечала еще, что с нами мужчина! — съехидничала Полли. — Ничем этот мужчина пока себя не проявил. Кроме того, предлагаю пари на все что угодно, что лучший здесь охотник — это я! Ты еще плохо меня знаешь...

— Что касается охоты, тут она не врет, — подтвердила Р'ли. — Мне доводилось видеть ее в деле...

Полли смерила сирену удивленным взглядом, но та лишь мило улыбнулась. Джек пожал плечами — что спорить с женщинами? — расслабился и, внимательно глядя под ноги, двинулся вдоль берега. Полли скрылась за деревьями. Наконец Джек отыскал несколько плоских кремней, смытых потоком с гор. После нескольких не слишком удачных попыток смастерил себе нечто вроде ножа. И отправился искать татам с веткой подходящей толщины. Очистив ее от листвы и заострив, он почти сгубил свой импровизированный нож, но взамен получил настоящее копьё.

— Еще бы отжечь острие в огне! — поделился он с Р'ли. — Но это вечером. А пока сыскала бы ты мне несколько подходящих для метания камушков. Если удастся подбить какую-нибудь зверушку, из шкурки я смогу соорудить себе и пращу.

Они бродили вдвоем по лесу битых три часа. И за все это время наткнулись лишь на единственную наглиску. Джек не сплеховал — камень, угодив в бок, опрокинул животное. Но подобрать подраненную добычу охотник уже не успел — верткая тварь, вереща, скрылась в непролазных зарослях. Несолоно хлебавши возвращались они к месту стоянки.

Полли в ожидании уже посиживала в тени дерева. Она даром времени не потеряла — с нижней ветки свисала ободранная и разделанная тушка дикой собаки.

— Ого! Поздравляю с удачей! — сказала Р'ли. — Этого нам хватит дня на три, пожалуй!

Джек с отвращением скривился:

— Если вы и собираетесь питаться псиной, то, надеюсь, от меня такого подвига никто здесь не ждет?

Полли обратила к нему саркастический прищур:

— Чтобы выжить, лично я готова съесть кого угодно. Без колебаний и без гримас. А псину, кстати, еще и люблю. Моя мать готовила из нее чудесное жаркое. Никогда не упускала случая подманить глупого пса. И о том, чтобы привить мне ваши странные диетические предубеждения, она как-то не позаботилась. А еще, разумеется, шабаш на полнолуние закатывал пиры, тогда тоже в основном готовили псину.

— Это ведь не чей-то там домашний любимчик! — внесла в увещевания свою лепту и Р'ли. — Этот пес — опасный лесной хищник.

— Нет! — отрезал Джек.

— Но тебе ведь случалось выбирать себе в любимчики единорогов, гоготунчиков и других животных, — не сдавалась подружка, — дрессировать, возиться с ними, а потом съедать со спокойной душой и чистой совестью. Да я сама видела такое не раз на вашей ферме!

— Нет! И даже не уговаривай!

— Тогда поголодай! — милостиво разрешила Полли.

— Псоядцы! — пробурчал Джек и отправился прочь. Еще битых два часа он прошатался впустую. В конце концов набрел на плоды дикорастущего татама. Так себе еда. В отличие от своих одомашненных сладких сородичей, эти клубочки обладали кисловатым с горчинкой привкусом. Но желудок все же наполняли.

По возвращении Джек нашел своих спутниц всюю уминающими мясо, поджаренное на небольшом и почти бездымном костре. Не говоря на сей раз ни слова, Р'ли предложила ломтик и ему. Голодный Джек даже принял было — запах как будто привлекательный. Но желудок воспротивился категорически.

— Может, завтра нам повезет больше... — утешила Р'ли. Она явно сочувствовала, зато уж Полли не преминула отвести душу — скалила зубы, всюю потешаясь над подобной разборчивостью как проявлением крайнего идиотизма.

Так прошло трое суток. Джек продолжал отказываться от жаркого, которое ему по три раза на день настойчиво предлагала Р'ли. Питаясь клубочками татама, он почти уже утратил надежду на встречу с настоящей дичью. Несколько раз, впрочем, ему доводилось видеть в лесу животных — то наглиску, то горного единорога, — но лишь издалека, а приблизиться на расстояние броска копья пугливые обитатели леса не позволили. Джек начал слабеть, ноги подкашивались, желудок бастовал против фруктовой кислятины.

Наконец на третий вечер, сидя возле костра, Джек нерешительно протянул руку за ломтиком мяса. Р'ли хранила полную невозмутимость. Полли же сразу заухмылялась и собралась

было открыть рот, но, перехватив взгляд Джека, прикусила язык.

Голод был так силен, что юноша даже не почувствовал вкуса. Зато желудок и сам все прекрасно сообразил — Джек метнулся к кустам, где его тут же и вывернуло.

Ночью Джек встал и развернул юбку Полли — в ней хранились остатки мяса. Недолго поколебавшись, он доел их. На сей раз ему удалось превозмочь свой капризный желудок, он одержал над собой эту вынужденную победу. До утра Джека терзали кошмары, проснулся он вялым — с гадким привкусом во рту и мерзким осадком на душе. Но когда Полли вернулась в тот день с охоты с очередной собакой, уже не капризничал, ел с аппетитом.

— Вот теперь ты настоящий мужчина, — отметила Полли одобрительно. — Или, по крайней мере, скоро им станешь.

Назавтра Джеку привалило и охотничье счастье — он завалил кобылу единорога. Та трусила звериной тропой к водопою в компании двух сосунков, и Джеку удалось подкрасться с подветренной стороны. Кобыла, казалось, совершенно утратила присущую всем лесным зверям чуткость — должно быть, очень спешила. Когда Джек вонзил копьё в бок, она взвилась на дыбы и рванула с такой силой, что древко вырвалось из рук. Но Джеку удалось, ухватившись за гриву, вспрыгнуть ей на спину. Он молотил кобылу кремневым лезвием по шее до тех пор, пока та не повалилась совершенно обессиленная. Всей своей тяжестью добыча грохнулась Джеку на ногу — к счастью, крепкие кости сдюжили и не сломались. Но несколько дней после того юноша все же ходил, сильно прихрамывая.

Теперь, кроме мяса, у них появились и сухожилия, пригодные для изготовления настоящей тетивы. Крепкий острый рог Джек примотал к шесту, получив грозное и прочное копье. Несколько дней ушло на изготовление луков, колчанов и стрел с наконечниками — выделка кожи для колчанов и сухожилий для тетивы требовала времени. И хотя Р'ли очевидно не радовалась задержке, она с ней смирилась: оружие в горах — вещь безусловно необходимая.

Мясо нарежали тонкими ломтиками и закоптили. Разумеется, не удалось избежать запаха, который привлек хищников. Дважды лагерь навестили медведжинны — они по-хозяйски шумно ломились сквозь заросли. Джеку и Полли сравнительно легко удалось отогнать незваных гостей, потеряв при этом всего лишь несколько стрел — их уколы убить могучих зверей не могли, но боль причиняли.

Затем явились более опасные гости — дикие псы. Эти всегда охотились стаями до двадцати особей и были куда осторожнее медведжиннов. Они усаживались на расстоянии, для стрел

недоступном, и, пуская обильную слюну, поглядывали как на мясо, свисавшее с ветвей, так и на людей под ним.

Разок-другой Джек предпринимал контратаки. Часть псов отступала, но остальные заходили сзади, пытаясь замкнуть кольцо. Полли вместе с Р'ли открывали пальбу; псы на время удовлетворялись пожиранием раненых сородичей. Затем все снова повторялось.

— Надеюсь, они не решатся напасть в открытую, — заметила Р'ли. — И не застанут нас врасплох. Нам пришлось бы весьма туго — эти твари такие верткие и сообразительные.

— Насколько я понимаю, эти еще ничто по сравнению с мандрагорами да оборотнями, — бросила Полли. — Те произошли от людей и куда умнее собак.

— Только не поминайте о драконах! — сказал Джек. — Еще, чего доброго, накаркаете!

Покинув наконец лагерь, они возобновили подъем к подножию пика Пхуль. Местность, хотя и гористая, сплошь была покрыта густыми зарослями. Пришлось и дальше брести по воде — метод, пригодный лишь для коротких переходов, ибо ледяная вода мигом сводила ноги. Спустя два дня крутые перекаты превратились в настоящие водопады.

— Придется покинуть ручей, — заметил Джек. — Так оно, впрочем, и безопаснее — с берега нас легко заметить и перестрелять.

Р'ли не спорила — путь в Аргуль лежал примерно на этой высоте. Им предстояло обогнуть гору кругом.

Спустя какое-то время Джек обратил внимание, что тропа под ногами стала довольно гладкой.

— Здесь под слоем почвы погребена одна из древних арранских дорог, — после краткого раздумья пояснила Р'ли. — Она загибается вдоль склона, поворачивает серпантинном и выводит, по-моему, вон туда. — Сирена указала на огромный скальный выступ высоко над головами. — За этой скалой, на огромном плато, — развалины древнего арранского города.

— Давай посмотрим! — загорелся Джек. — Такой небольшой крюк задержит нас совсем ненадолго!

Р'ли колебалась:

— Вообще-то, посмотреть, конечно, стоит. И есть на что. Но впереди у нас еще столько опасностей — разумно ли их умножать?

— Я столько слышал о великих городах арран! — настаивал Джек. — Хоть одним глазком поглядеть! Когда бы раньше знал, что один из них тут, рукой подать, — давно бы уже сходил.

— Ладно, не вижу для возражений каких-то особых причин, — сдалась Р'ли. — Мне и самой любопытно снова взглянуть. Но только обещаю быть крайне осторожным!

Полли, на удивление, приумолкла — казалось, ее тоже страстно манили древние руины. Джек поинтересовался, отчего это у нее так вспыхнули глазки, с чего она вдруг засуетилась?

— Поговаривают, что арранские города скрывают множество тайн, — честно призналась Полли. — Вот бы наткнуться там на что-то такое!..

— Не очень-то губы раскатывай! — охладила ее пыл сирена. — Там давно уже все копано-перекопано!

След древнего тракта вел их вдоль склона вверх, затем дорога плавно повернула в обратную сторону. Вскоре они оказались в сотне футов прямо над началом маршрута. Продолжая беседовать, путники следили за своим голосом — говорили лишь громким шепотом — и держали луки наготове.

Глазастая Р'ли первой заметила мелькнувшее среди кустов в стороне от тропы чье-то лицо. Но Джек тоже не осрамился — спустя мгновение он уже тихо, не разжимая губ, командовал:

— Виду не подавать, идти как ни в чем не бывало! Смотреть в оба! По-моему, это Джил Уайт, корешок Эда... — Выждав секунду-другую, резко добавил: — Ложись! — И сам, рухнув как подкошенный, подал спутницам пример.

К счастью, они успели вовремя. Стрела, коротко пропев над головами, впилась в ствол на обочине. Следом донеслись крики, и из-за деревьев на голый склон высыпало сразу шестеро — с Эдом Вонгом во главе.

Джек аккуратно прицелился и спустил тетиву. Половина атакующих залегла, но остальные уже поднимали луки. Джек вжался в землю, даже не успев проводить взглядом собственную стрелу, но по крику боли впереди понял, что потерял ее недаром.

Спутницы не сплеховали — пропустив жидкий залп из трех стрел над головой, тут же вскочили и выпустили свои. Поспешные выстрелы заведомо оказались неточны, но вынудили нападавших отступить за деревья. Похоже, Эд со своей ватагой рассчитывал на более легкую добычу — серьезного сопротивления он ожидал, видимо, лишь от одного Джека.

— А теперь — бегом! — скомандовал Джек и снова подал пример. Проскочив место одной засады, он сперва было опасался следующей, но тут же сообразил: для этого Вонгу просто не хватит людей — они же ушли из кадмуса вшестером.

За следующим куда более резким поворотом тропа пошла круче. Р'ли выдохнула Джеку в затылок:

— До развалин всего ничего — шагов двести! Там есть где спрятаться! Я знаю места...

Джек на бегу поглядывал вниз. Преследователи, надеясь успеть наперехват, карабкались напрямик по крутому заросшему склону. Пожалуй, шансов на успех у них немного и было бы

куда больше, не мудрствуй Вонг с тактическими приемами, а побеги прямо по тропе следом за беглецами. Джек на всякий случай оглянулся — позади никого! — и замедлил бег до скорого шага. Нужно сберечь дыхание для стрельбы.

— А где Полли? — вдруг остановилась сирена.

— Понятия не имею, куда снова запропастилась эта маленькая сучка! Ну и дьявол с ней! Опять эта ведьма что-нибудь затевает.

— Мне кажется, Полли захотела поупражняться в прицельной стрельбе, — сказала Р'ли. — Что ни говори, отваги ей не занимать. Храбрая до безумия...

— Ну, поквитаться с Вонгом — это еще куда ни шло! — согласился Джек. — Но себя-то зачем для этого подставлять?

Джек твердо решил не возвращаться — не рисковать же жизнью из-за чьих-то дурацких фортелей! Особенно жизнью Р'ли...

— Чтоб ей пусто было! Если попадется живьем, они затрахают ее до смерти. А может, Полли только того и надо?..

За следующим поворотом тропы перед беглецами во всем своем величии распахнулось плато с древними руинами. Они высились над головами. Повсюду громоздились развалины.

Позабыв на миг о преследователях, Джек просто остолбенел — он был почти раздавлен масштабом открывшегося. Должно быть, до Катастрофы здесь находился величайший из арранских городов. До сих пор высилось несколько циклопических сооружений, переживших и катаклизм, и неумолимый бег времени. Вершины зданий, сложенных из чудовищно огромных гранитных блоков, терялись в заоблачной выси. Некогда яркая облицовка стен почти не сохранилась — лишь кое-где виднелись пласты штукатурки с уцелевшими фресками. Джек разглядел на них знакомые силуэты полулюдей-полумедвеждинов — тех самых гомурсусов, что когда-то запечатлела кисть Клица Кейджа. Арранам с фресок прислуживали люди или жеребяки — отсюда разобрать было трудно. Еще встречались неведомые человекоподобные существа, сплошь покрытые шерстью и со звериными оскалами.

— Арране завозили сюда представителей различных рас как рабов, — прокомментировала изображения Р'ли. — После Катастрофы их потомки выродились и одичали. Это и есть так называемые мандрагоры и оборотни. Будь начеку. Они могут скрываться и в развалинах...

— Где же до сих пор шатается эта чертова кукла Полли? — спохватился Джек. И тут же получил ответ.

Со склона внизу донеслись бешеные вопли. Из лесу вырвался девичий силуэт, в сотне шагов за которым неслись четверо

преследователей. Выбравшись на тропу, Полли отчаянно прибавила ходу.

— Похоже, одним стало меньше, — заметил Джек. — Но Эду пока еще везет.

Заняв позиции для стрельбы за гранитными обломками, они принялись ждать. Джек надеялся, что преследователям хватит ума приблизиться на расстояние прицельного выстрела. Не тут-то было: Вонг не полез в западную очертя голову — сообразив, что беглянку на сей раз не достать, он с приятелями снова скрылся в кустах.

— Они, должно быть, пытаются пробраться по склону, — переведа дух, предположила Полли. — Хотят проникнуть в развалины чуть ниже.

Джеку отнюдь не улыбалась перспектива иметь за спиной в развалинах четверых озлобленных лучников. И они стали осторожно пробираться дальше, стараясь обходить большие завалы стороной, дабы не оказаться на фоне неба удобной для стрел мишенью.

Во время одной из кратких передышек Р'ли, приложив вдруг палец к губам, наострила уши:

— Тс-с-с!.. Тихо! Мне слышится... — Она припала ухом к гранитной плите.

От дурных предчувствий у Джека прошел мороз по коже. Он и сам уже осознал необычность воцарившейся вдруг тишины. А ведь еще минуту назад лес оглашался криками бесчисленных сбеiptашек.

Р'ли поднялась и изрекла на лепетухе:

— *Тхрарак!*

— Один или больше? — спросил Джек.

— Похоже, всего один. Пока прошел мимо. Сдается мне, что это Мар-Кук — свой палец ищет. А заодно и вора...

— Может, удастся с нею разойтись полюбовно? Отдам ей этот чертов палец — пусть лишь оставит нас в покое!

— Ой не советую! — встряла Полли. — Лучше припугнуть. Если настигнет, пригрози, что уничтожишь палец. Трудно сказать, как осуществить такую угрозу на самом деле, не имея под рукой хотя бы костра, но, думаю, рисковать Мар-Кук не станет.

— Полли права, — подтвердила сирена.

Р'ли предложила двигаться дальше. План был таков: добраться сквозь развалины до края плато, а уже оттуда спускаться в Аргуль. Конечно, спуск там не сахар — одно название, что тропа, — но назад дороги тоже нет...

Древний град был необъятен. К северной его окраине путники вышли лишь за два часа до заката. Как-то вдруг, уступив место иссушенной равнине, закончился гранитный хаос, сменился чахлой высокогорной растительностью. Расстояние с

мило отделяло путешественников от обрыва, за которым и скрывался спуск в долину. Отсюда, с окраины города, они могли видеть лишь дальнюю сторону Аргуля, плавно переходящую в подножие колоссального горного массива — кряжа Плель.

Добрых полчаса еще брели они по каменному крошеву. Джек нервничал — успеть бы дотемна! Внезапно Р'ли остановилась возле валуна конической формы:

— Вот, Джек! Отсюда начинается тропа. Этот камень — вешка.

— Ага! — Джек глянул на небеса. — До заката — часа полтора. Перед спуском придется малость перевести дух.

— Джек, я же говорила — это одно название, что тропа! По ней и днем-то не каждый рискнет. А уж в потемках!.. Не знаю. Давай, пока светло, спустимся хоть немного и заночуем где-нибудь на уступе. Там и защищаться легче, если что...

— Ладно, — горестно вздохнул юноша. — До обрыва с полими осталось. Рванем напоследок?

И они рванули.

Финиш забега еще даже не начал приближаться, когда из развалин позади донеслись истошные вопли. Джек на ходу оглянулся: Эд Вонг с тремя своими приспешниками взбирался на последние глыбы.

— Придется залечь до обрыва! — выдохнула Р'ли. — Если начать спуск, они запросто закидают нас камнями — не то что стрелами! Перебьют, как щенят!

Джек не ответил — сберегал дыхание. Остановил его знакомый грозный рев — так реветь мог лишь дракон, преследующий дичь. Спутницы тоже обернулись и замерли. Сбылось самое худшее — к ним приближалась беспалая Мар-Кук.

Теперь охотники сами обернулись дичью. Они отчаянно мчались к своим недавним противникам, что-то выкрикивая на ходу. И хотя за раскатами драконьего рева слов было не разобрать, Джеку не составило труда догадаться, о чем орет Вонг. Разумеется, просит перемирия, чтобы вместе защищаться от грозного чудища.

— Пусть подходят! — решил Джек. — Быть может, это наш единственный шанс!

А у Эла Мерримота, одного из приятелей Вонга, и такого шанса уже не осталось — он споткнулся и упал, когда ужасная Мар-Кук была совсем рядом. Эл успел еще, перекатившись на спину, закрыть глаза ладонями, чтобы не видеть чудовищной лапы, вмиг отнявшей у него жизнь.

Благодаря несчастному Элу, на считанные секунды задержавшему дракониху, Вонг и остальные успели достичь своей цели. Едва дыша после отчаянной гонки, они все же повернулись, встали бок о бок с командой Джека и натянули луки.

— Сперва я поговорю с ней! — заявила Р'ли, выступила вперед и закричала на лепетухе: — Мар-Кук! Заклинаю тебя Перемирием с народом кадмусов! Ибо сказано в нем: «Пусть мать моя и бабка моя, и все прабабки мои — до самого Яйца Изначального — и все духи народа моего проклянут меня, отныне и во веки веков, если посмею нарушить Перемирие первой!»

Мар-Кук прервала свой бег и, проскользив по траве, тяжело оперлась на могучий хвост.

— Я чту Перемирие, — загудел нутряной бас, — но лишь до разумных пределов!

— Чего же ты хочешь? — воскликнула Р'ли. Вопрос был чисто риторическим.

— Чего я хочу? — Голос Мар-Кука неожиданно подскочил до жуткого визга. — Клянусь Выходящим из Яйца, да пребудет он в вечном покое! — мне нужен мой палец! И труп ничтожного карлика, осквернившего мою плоть непристойным прикосновением вонючих лап самца!

— Он вернет тебе палец, чтобы ты смогла пройти Очищение и вернуться после смерти в благословенную утробу Величайшей Праматери. Но поклянись, что уйдешь и оставишь его и иже с ним в покое! Поклянись мукой Величайшей Праматери, которую та извела, снося Восьмигранное Яйцо Первого из Самцов!

Отвесив челюсть, дракониха тупо моргала и нерешительно потирала увечную лапу.

— Не думаю, что она согласится! — вполголоса сказала Р'ли. — Но если все же поклянется, то нарушить клятву уже никогда не осмелится. Клятвопреступника ждет безжизненный мрачный ад, лишенный материнской ласки и тепла. Никто из *тхрараков* еще не нарушил подобной клятвы. Ведь даже вернув себе палец, она обречена еще на долгие годы обрядов очищения. Если же погибнуть доведется раньше — ад неизбежен...

— Ну, так чего там она еще тянет? Палец-то, вот он!

— Будем надеяться на лучшее! А на всякий случай... — Понизив голос до шепота, сирена объяснила Джеку, что следует сделать.

Джек кивнул и небрежной походкой, отнюдь не соответствующей его намерениям — как бы по нужде, — двинулся к краю обрыва. Даже не оглядываясь, он воочию видел замершие в нерешительности на его затылке страшные глаза. За несколько шагов до края пропасти он услышал жуткий рев — дракониха сделала свой выбор. Обернувшись, Джек увидел, как Мар-Кук скачками несется к нему.

Сирена, как видно, успела предупредить лишь Полли — с натянутыми луками обе девушки очень вовремя отпрыгнули в

сторону. А вот Эд с компанией совершили роковую ошибку. Пытаясь удержать строй, они остались на месте, где каждый из троих успел выпустить по стреле. Промаяхнуться, стреляя в такую мишень, было непросто, но один из стрелков все же как-то исхитрился. Впрочем, две другие стрелы, отскочив от драконьей брони, тоже ничуть не задержали чудовище. Сразу после залпа лучники дали деру. Но уже было поздно.

Мар-Кук, лишь чуток изменив направление, вильнула хвостом — раздался жуткий хруст, и для двоих из беглецов героизм обернулся ужасной смертью. Эду снова посчастливилось ускользнуть.

Вблизи Мар-Кук была столь омерзительна, столь страшна, что Джек с трудом подавил невольный порыв к паническому бегству — вниз по тропе. Р'ли советовала держаться твердо и даже нагло — иначе все пойдет прахом! Драконы не ведают пощады!

Стоя над самой кромкой, Джек вытянул руку с драгоценным пальцем над бездной. Миг — и тот полетит вниз, на целую милю. Поди сыщи потом!

И снова дракониха осадилась сама себя, проскрежетав когтями по камням. На сей раз всего лишь в двух шагах.

— Не смей этого делать, карлик! — грянул рык.

Укоризненно покачав головой, Джек сказал ей на лепетухе:

— Гляди, Мар-Кук, внимательно гляди! И ни шагу больше, Мар-Кук! Стоит мне разжать пальцы, Мар-Кук — и твоя драгоценная плоть, ай! — улетит в бездну! Ищи — свищи! Здесь тебе никак за нею не спуститься, придется прогуляться в обход. А это далеко, Мар-Кук! И весьма, весьма долго! Много ли оставят от твоего пальца поминальщики к тому времени? А, Мар-Кук?

Дракониха разразилась невнятной тирадой — похоже, на древнем драконьем языке. Р'ли объясняла Джеку как-то, что некогда драконы говорили по-своему, но превосходство вайирского языка сделало свое дело — прежний был забыт. От него в нынешней драконьей речи остались лишь божба, заклинания да непристойная брань.

Джек попытался выдавить нахальную улыбку, свидетельствующую о том, кто, мол, здесь хозяин положения, да губы плохо подчинялись ему — вышла гримаса параличного. От близости драконьих клыков захватывало дух и поджилки тряслись.

К великому его облегчению, в разговор наконец вступила и Р'ли:

— Мы вернем его тебе, Мар-Кук, на перевале Идох и вернем. Но прежде дай клятву. И к тому, о чем уже говорили, добавь еще, что за перевал следом за нами не пойдешь, а до перевала будешь провожать и защищать.

Дракониха едва не задохнулась от ярости, но вскоре, проглотив злость, смирилась и прохрипела:

— Договорились!

Джек постоял еще с вытянутой рукой, пока Р'ли брала с драконихи страшную клятву по всем правилам. Лишь когда с формальностями было покончено, смог размять онемевшее плечо. Драконий палец он демонстративно засунул в дорожную сумку. Мар-Кук глаз с него не спускала, но больше никаких фортелей не выкидывала.

Тела погибших Джек с помощью Р'ли сбросил в пропасть. Он предпочел бы захоронить их по-христиански, но рыть могилу было нечем, да и некогда.

Мар-Кук стала ныть, что ее оставили без ужина, и заткнулась, лишь когда сирена напомнила ей о мандрагорах, которые могли бы сбежаться на запах мертвечины. Что же это за твари такие, поразился Джек, если даже неуязвимый дракон их побаивается?

Обезоруженный Эд стоял под прицелом лука Полли, безучастно наблюдая за происходящим.

— Лучше всего прикончить его прямо сейчас! — сухо порекомендовала Р'ли.

— Вот уж... от кого не ожидал, так не ожидал! — поразился Джек. — Да ты ли это, любимая?

— Его нельзя освободить с оружием. Эд будет выслеживать и подстерегать нас повсюду, куда не добьется своего. Ты не понимаешь, Джек, он болен, болен ненавистью. А если ты отпустишь его безоружным...

— Эд сделает себе другое, как сделал это.

— Не успеет. Ты разве не слышал, что говорила Полли? Она тоже больна, Джек, и пойдет за ним. И тогда он умрет такой смертью, какой ты и злейшему врагу не пожелал бы. Я знаю этих ведьм и знаю Полли...

— Досадно, что Эд не погиб в перестрелке, — сказал Джек. — А сейчас... вот так, хладнокровно... нет, просто не смогу!

— Помнишь, как тебе однажды пришлось прикончить взбесившегося пса? То был твой любимец, ты лелеял его и даже лизался с ним. Случай похожий — с той лишь разницей, что к Эду у тебя вряд ли подобная привязанность!

— У меня такое чувство, что в этой глухомани я оказался в компании двух самых злобных сук, каких только когда-либо натаскивали на травлю людей! — Выпалив это, Джек резко развернулся и зашагал прочь.

В глубине души он понимал, что Р'ли в чем-то права и предлагала это единственно из жалости к Эду. К тому же кузен уже столько раз сам пытался покончить с ними!

Сирена неспешно приблизилась к Полли и о чем-то заговорила. Джек подозрительно приглядывался издали. Что эти сучки там еще затевают? Вроде бы ничего серьезного — Полли так даже захихикала.

И тут Р'ли нанесла короткий удар. Снизу в челюсть. Ведьма рухнула как подкошенная. Добрых полминуты, стоя после того на четвереньках, она ошеломленно трясла головой.

Большого сирене и не было нужно. Подхватив лук и стрелу, выпавшие из рук Полли, она мигом прицелилась в Эда.

Выйдя из оцепенения, Вонг с воплем ударился в бегство. Он помчался к обрыву, видимо, в надежде соскочить на тропу и скрыться. И он почти успел. Почти. Стрела ударила его под лопатку уже в прыжке. Еще долго из бездны доносился его ужасающий крик. Наконец все стихло.

Джек подбежал к обрыву.

Пожатываясь, Полли поднялась на ноги, дотронулась до ушибленной челюсти и прошипела:

— Ты провела меня, сучка!..

— Эда больше нет, — спокойно ответила сирена. — Можно о нем забыть. Так и забудь!

— Зато о тебе не забуду! Ох, попомнишь ты еще у меня!

— Понятно. Мар-Кук, приглядывай-ка за ней впредь! Чтоб ничего не отчебучила, — хладнокровно ответила Р'ли.

Вчетвером они вернулись в развалины. Шлепавшая лапами впереди Мар-Кук вдруг замерла с негромким — по-драконьи! — восклицанием. Поравнявшись с ней, Джек увидел, что привлекло ее внимание — на камне перед драконихой чернела крупная пирамидка свежего кала.

— Мандрагор! — прогудела, понизив голос, Мар-Кук.

— Они всегда помечают свою территорию подобными кучками, — пояснила Джеку сирена. — Придется сыскать укрытие понадежнее. Поспешим же — солнце вот-вот зайдет!

— Вот подходящая нора, — сообщила вскоре Мар-Кук, пригнувшись к прямоугольному провалу в нагромождении глыб. За ним обнаружилось достаточно вместительное помещение. Отправив Мар-Кук за дровами, путники обследовали место стоянки — дыра, через которую они вошли, оказалась единственной.

Спустя четверть часа появилась дракониха с огромной охапкой бревен и хворосту. Свалив ношу перед входом, она с трудом протиснулась внутрь сама и втащила дрова. Джек споро высек огонь и развел у входа костер. В мрачном склепе сразу стало поуютнее, да и дым, задуваемый внутрь лишь редкими порывами ветра, дышать почти что не мешал.

Путники разложили припасы. Большая часть остатков единого досталась, разумеется, Мар-Кук.

— Не тревожьтесь, малютки! Завтра я поймаю вам другого! — утешила та.

— Разве мы сможем взять ее с собой? — шепнул Джек сирене. — Ведь ей же по тропе не спуститься.

— Пойдем с нею в обход — так дольше, но куда безопаснее. А почему ты шепчешь?

Джек кивнул на развалившуюся в сторонке тушу:

— Она действует мне на нервы.

Р'ли обняла и поцеловала Джека.

— Я вас не очень беспокою? — поинтересовалась Полли. — Чего там, не стесняйтесь, здесь все свои! Может, и мне чего перепадет... А нет, так хоть поглазею!

— Вот же сучка гадливая! — выругался Джек.

— Может, и гадливая, зато правдивая! — парировала та. — Нет, честно, я давно уже примечаю, как вы тискаетесь да милуетесь, когда полагаете, что никто вас не видит. Похоже, давненько уже спелись — так почему же Р'ли до сих пор не беременна? Не хочет разве?

— Почему... что?! — У Джека отвисла челюсть. — Беременна? От человека?! Сирена? Да ты в своем ли уме?

Полли расхохоталась и долго еще не могла успокоиться. Притихла, лишь когда в углу недовольно заворочалась Мар-Кук. И ехидно поинтересовалась:

— Так твоя милка забыла тебя просветить? И ты до сих пор блуждаешь во тьме и веришь всем этим поповским байкам? Разумеется, у вас могут быть дети. И очень даже миленькие. Метисы, они такие очаровашки — в Социнусе, говорят, их многие тысячи!

Джек перевел растерянный взгляд на подругу:

— Это правда, Р'ли? Мы можем иметь детей? Почему я не знал?

— Милый, мы так недолго были вместе. А когда говорили, то лишь о любви. Мы еще многого друг о друге не знаем... А кроме того, любимый, можешь не волноваться — вайиры не обзаводятся детьми случайно. Я забеременею, лишь когда мне захочется и с разрешения Попечителей Рода. Они стараются поддерживать равновесие числа родившихся с умершими. У вас, людей, такое не принято — именно поэтому вам тесно на любой земле и вы всегда стремитесь к новым рубежам...

— Нам, ведьмам, тоже известен секрет предохранения, — похвасталась Полли. — Заваришь в определенных пропорциях определенные травы, в нужное время примешь — и трахайся себе на здоровье!

Р'ли рассеянно уставилась в темноту за костром. Луна еще не взошла. Близки огня затеяли игру в пятнашки на нагромождении глыб за площадкой у входа.

— Джек, полагаю, настала пора поведать тебе подлинную историю вайиров — обитателей кадмусов, сатиров, сирен и даже, если угодно, жеребьяков-псоядцев. Чистую правду, которую веками от вас скрывали. Не мы в этом виновны, Джек, — ваша верхушка да духовенство. Хотя даже им, пожалуй, известно далеко не все.

Джек, вайиры, то есть люди, как мы сами себя называем, — тоже выходцы с планеты Земля.

Джек безмолвствовал.

— Это чистая правда, Джек! наших предков завезли на Дейру более четырех тысячелетий назад. По местному летоисчислению — но оно ведь весьма близко к земному. Тогда Дейра была процветающей колонией арран. Они похищали людей с Земли, дабы использовать их как слуг и рабов. Для удовлетворения обычных нужд им вполне хватало машин, и в «низших» они нуждались разве лишь для... престижа, что ли? Для большего самоуважения?..

Разумных существ завозили и с иных планет, не с одной лишь Земли. Так на Дейре появились предки нынешних мандрагоров и оборотней. Пожалуй, одни драконы здесь — настоящие аборигены. Слишком громоздкие и опасные для одомашнивания, они попали у арран в своеобразные резервации.

А примерно два тысячелетия назад вспыхнула война между арранами и иной звездной расой — эгзви. Чужаки воспользовались оружием, которое позволило им разом уничтожить все железо на поверхности Дейры. Возможно, не только железо — точно не знаю. Уцелевшие арране покинули колонию, а победителей захват новых земель, как видно, не интересовал. Из четырех разумных видов, обитавших на планете, лишь мы, люди, сумели избежать одичания. Это вполне достоверно. Мы воевали с расплодившимися мандрагорами и оборотнями, пока не оттеснили их в дикие горы, где и оставили в покое...

— А где доказательства столь невероятной истории? — недоверчиво перебил Джек. — Не лошадиные же хвосты да необычный цвет ваших глаз?

— По поводу этих отличий существуют различные гипотезы. Согласно одной — нас облучило при взрыве железа и мы видоизменились. Другая утверждает, что арране занимались принудительной человеческой селекцией и вывели нас искусственно. Трудно сказать, что ближе к истине, но то, что арране в принципе баловались расовой селекцией, уже не подлежит сомнению.

Тем не менее мы сохранили свои обычаи. Вряд ли они могли бы служить надежными доказательствами нашего происхождения — с таким же успехом подобные традиции могут зародиться на любой из планет, — когда бы не одно обстоятельство. Решающий фактор. Наша речь.

— Но ваш язык ничуть не похож на земной!

— Взрослый — да. Это древний язык арран, который приходилось изучать и рабам. Фактически — колоссальная таблица кодов, где один краткий звук может содержать смысл целых фраз и образов. Но детский — лепетуха, как прозвали его вы, *таррта*, — своими корнями восходит к одному из древних земных языков. Арране позволили нам сохранить язык для семейного общения, и мы берегли его как зеницу ока — последнее напоминание о днях нашей свободы. После взрыва язык стал играть роль классового водораздела. Вы полагаете, что нынче все вайиры пользуются взрослым вайирским. Но это не так — им владеют лишь ученые да аристократия.

Суть же в том, что лепетуха, равно как и большинство языков, завезенных людьми на запоздалом арранском звездолете, — одного древнего корня. Сейчас вы сохранили лишь английский, но наши ученые вовремя сумели составить словари каждого: немецкого, исландского, испанского, гэльского и прочих, и даже вашей литургической латыни. И доказали, что не в родстве с лепетухой лишь китайский, турецкий да еще, пожалуй, язык вашего индейского племени кроу...

— В такие новости как-то трудноверно поверить... — промямлил Джек.

— Любимый, а я еще думала порадовать тебя этим! Ведь речь о нашем с тобой родстве!

— Ну, не знаю. Не нахожу никакого сходства между английским, жеребякским и латынью. Кроме нескольких заимствований — в основном из латыни.

— Джек, я ведь тоже отнюдь не специалист. Но кое-что знаю. И могу свести тебя с теми, кто знает много больше. К тому же ваши собственные священники в различные времена приходили к подобным же выводам — обнаруживали поразительное сходство. Большинству заткнули рот угрозой отлучения, но один из непокорных укрылся в кадмусе.

— Хорошо-хорошо, ты только не волнуйся! Не думай, что это меня злит, я просто ошеломлен! Все так... неожиданно.

— Ученые знают сотни, тысячи примеров. Я приведу лишь несколько. У вас есть оскорбительное словцо «свинья». Никто уже не помнит, что это за животное такое, но все знают смысл — грязная тварь. На лепетухе схожий смысл выражают словечком «*суит*». Во времена Катастрофы оно звучало, как «*суис*». Эти

слова явно сродни латинскому «свинус» и немецкому «швайн» — и все наверняка от единого корня.

А возьмем имя О'Рег — Слепой Король. Слог «О» заимствован из арранского. Изначальный его смысл — совершать какой-либо поступок скоропалительно или даже опрометчиво. Но на лепетухе он означает «слепой». А слово «Рег» вайиры принесли с Земли. Сравни с латинским «рекс» — «король», родительный падеж в единственном числе — «регис».

— По-моему, связь несколько надуманная...

— Хорошо, возьмем *«тхрарак»*. Это слово возникло от того же корня, что и ваше «дракон», которое англичане позаимствовали у французов, а те в свою очередь — у древних греков. Погоди! Сейчас подберу пример побудительнее... Вот! Мать на лепетухе — *«меттра»*! О, я еще могу продолжать — при всей скудости своих познаний. Например, «вервольф» — одна из разновидностей оборотней. Знаешь, что означает в этом слове слог «вер»?

— Как-то не приходилось задумываться.

— Человек! «Вервольф» — человек-волк, человековолк в переводе с вашего немецкого. Потому-то вы так и прозвали эту породу. Ты же не станешь, надеюсь, спорить, что «вер» удивительно напоминает латинское «вир», некогда звучавшее, как «вийр». Оба, как «вер», так и «вир», сродни нашему *вайир* — и все означают примерно одно и то же.

— Уму непостижимо!

— Мне самой вначале верилось с трудом. Пока учителя не объяснили правила словообразования, изменения словоформ...

— У меня тоже есть славный примерчик, — вмешалась Полли. — Их словечко для мужского члена и наше бранное, весьма схожее по смыслу, звучат почти одинаково. Годится?

— И вряд ли это случайно, — с улыбкой поддержала Р'ли.

— Я всегда полагал, что это жеребякское ругательство и потому священники возбраняют им пользоваться.

Сирена вместе с Полли дружно прыснули. Чтобы скрыть румянец, Джек сдвинулся в тень и задел привольно раскинувшуюся Мар-Кук. Та вдруг зашевелилась, и юноша невольно отпрянул. Дракониha приподняла голову и уперлась гребнем в невысокий потолок.

— Тс-с-с-с!.. Тихо! — зашипела она. — Снаружи кто-то есть...

Все трое — Джек и спутницы — схватились за луки и напряженно уставились в непроглядную тьму за костром.

— Кто там может быть, как думаешь? — тихо спросила Р'ли у Мар-Кука.

— Пока не чую, — отозвалась дракониha. — Только звуки, шаги... Много шагов. Что-то мне не по себе в этом склеповушке. Даже не развернуться как следует...

Тут спутников оглушили дикие вопли, вой и визг. Отбрасывая жуткие тени, на свет выступило множество массивных длинноруких фигур. Незванные гости отдаленно напоминали людей, но лишь весьма и весьма отдаленно. Сплошь покрытые густой светлой шерстью, с необъятными плечами и уродливо выступающей челюстью, они уставились на костер жутко звериными взглядами.

В проем полетели длинные отоженные копыя — им ответили меткие стрелы. Каждая нашла свою цель, да и промахнуться было практически невозможно. Гнусаво взыв, нападающие скрылись.

— Мандрагоры! — выдохнула Р'ли.

Мар-Кук объявила, что выходит наружу — никто не возражал. Люди сгрудились у стены за ее спиной. Одним взмахом хвоста дракониха смела костер, разбросав головешки по всей площадке перед входом, и протиснулась в проем. Сверху на нее посыпались мохнатые туши; сопроводив шумную атаку мандрагоров боевым кличем, от которого заложило уши, Мар-Кук рванулась, перекатилась на спину, раздавив часть нападавших, и тяжело поднялась на задние лапы. Уцелевшие тут же набросились снова, они выскакивали, казалось, из каждой тени, но дракониха оказалась уже в родной стихии.

Команда Джека не упускала случая поддержать могучую союзницу меткими стрелами, но Мар-Кук устроила такую стремительную мясорубку, что им удалось сделать от силы три прицельных выстрела. Две стрелы, судя по завываниям, нашли свою цель.

Неожиданно бешеная атака разом захлебнулась — вооруженные дубинами, копиями и острыми клыками мандрагоры исчезли, разбежались, как по команде. Мар-Кук, только входившая во вкус, бросилась в погоню. Еще долго Джек слышал разносящиеся над бесконечным плато вопли преследуемых и рев вкусившего свежей крови дракона.

Наконец все смолкло.

Всю ночь путники караулили вход, по очереди. К рассвету вернулась сытая и довольная Мар-Кук. Когда с восходом солнца выходили в путь, дракониха вскинула на плечо одного из убитых мандрагоров — «на завтрак!» — пояснила она при этом.

Путешественники шли целый день, делая лишь краткие привалы. К полудню оставили развалины за спиной и взяли направление вдоль края плато. Преодолев множество подъемов и спусков, к сумеркам оказались, как прикинула Р'ли, примерно на полпути. Дальше перед путниками лежал весьма простой и пологий склон — так что в долину Аргуль, по расчетам сирены, им предстояло попасть к полудню или же чуть позже.

— Долина простирается миль на шестьдесят, вся в густых зарослях и изобилует опасностями. Даже единороги там куда крупнее и злее тех, с которыми мы привыкли иметь дело. Но с Мар-Кук нам бояться особенно нечего!

Утром третьего дня путники были уже в самом сердце долины. Ничто не задержало их в дороге, даже на охоту тратить много времени не пришлось: Мимоходом загнав в ущелье отбившегося от стада единорога, Мар-Кук прикончила бедолагу одним ударом хвоста. Костер они разложили на берегу мелко-водной речушки. К концу трапезы Мар-Кук начала беспокойно ерзать, побродила кругами по опушке и, тяжело вздохнув, изрекла:

— Мне бы отлучиться ненадолго...

— Кто-то из сестер по соседству? — уточнила Р'ли.

— Ага. Языки почесать маленько. И взять слово, что вас не тронут. Кто тронет — будет иметь дело лично со мной!

— Надеюсь, она действительно покинула нас ненадолго, — глядя драконихе вслед, сказала Р'ли. — Но вообще-то не удивлюсь, если и задержится. Драконьи сплетни не короче любых прочих, бабьих...

Спустя час Джек стал нервничать. Р'ли сидела молча, устремив немигающий взгляд на прутик, торчавший из песка. Похоже, погрузилась в транс. Это раздражало. Джек потихоньку начинал закипать — прутик ей, видите ли, важнее живого человека рядом, к тому же не случайного ведь прохожего! Хотя бы объяснила, о чем задумалась!

Полли распростерлась рядом на травке в весьма вызывающей позе, руки за голову. В последние дни она все чаще игриво постреливала глазками, и реплики ее становились все недвусмысленнее.

Р'ли не обращала внимания ни на то, ни на другое.

И хотя Полли вызывала у Джека лишь неприятное, безгневное чувство, он никак не мог отделаться от смутного ощущения вины перед Р'ли. Переходы утомляли его теперь не настолько, чтобы не чувствовать растущего в паху зуда. Недостаток уединения и странная холодность возлюбленной лишь усугубляли ситуацию — Джеку настоятельно требовалась разрядка.

Однажды, в одну из тех редких минут, когда они остались вдвоем, Джек спросил сирену о причинах такой перемены.

— Нет никаких перемен в моем отношении, милый. Просто сейчас у меня двухнедельный запрет. Каждая женщина-вайир соблюдает подобное воздержание. Отсчет им ведется с самого дня рождения. Это в честь Великой Праматери в ее воплощении в Богиню-охотницу.

Джек, как бы сдаваясь, поднял руки. Чуть ли не всю жизнь провести возле кадмусов — и так мало знать об обычаях вайиров!

— А как же я? — все же нашелся он с возражением. — Мне-то зачем страдать в честь вашей Богини?

— Ну... есть еще Полли.

— Что? — выпучил глаза Джек. — Ты хочешь сказать... Тебе все равно?

— Нет, милый, не все равно. Но я промолчу. Это тоже входит в мое табу. И мне кажется... я поняла бы тебя...

— Да я не притронусь к этой гадливой сучонке, будь она даже последней бабенцией на всем белом свете!

— Ну, это ты уж слишком, — улыбнулась Р'ли. — Ты явно переоцениваешь свою выдержку, милый. К тому же не забывай об обязанности продолжения рода!

Позднее Джек разобрался, что подруга отнюдь не подстрекала его к неверности — она и огорчилась бы, и разбиделась. Просто дала понять, что никогда и ни к чему не станет принуждать. Слава Богу, что устоял перед искушением, радовался Джек. Хорошо бы еще как-то заставить Полли вести себя поскромнее. Есть вещи, за которые мужчине невозможно ругаться...

Очнувшись от безрадостных дум, Джек грубовато ткнул Р'ли в бедро ногой:

— Может, двинемся? Мар-Кук нагонит, найдет по следам.

— Что за спешка? — мигнула Р'ли.

Покосившись на Полли, Джек ответил:

— Просто не выношу ожидания. Терпение лопнуло.

Тоже смерив взглядом вольготно раскинувшуюся Полли, сирена согласилась:

— Ладно, тронулись.

Уже через полчаса Джек клял себя за несдержанность — казалось, каждый шаг, отделявший маленький отряд от Мар-Кука, увеличивал опасность вдвое. Но признать неправоту оказалось не так-то просто. Лишь спустя еще с четверть часа Джек наконец остановился:

— Я был не прав. Давайте подождем здесь. Глупо рисковать понапрасну.

Женщины смолчали. Р'ли тут же воткнула в песок прутик, уселась, скрестив ноги, и снова впала в протрацию. Полли тоже приняла прежнюю позу с призывно раскинутыми бедрами. Все вернулось на круги своя, лишь опасности стало больше... Джек нервно мерил прибрежный песок шагами.

И вдруг замер.

Полли рывком села и вытянула шею. Р'ли тоже мигом пришла в себя — кто-то, даже не пытаясь таиться, шумно ломился сквозь заросли. Может, долгожданная Мар-Кук?

Из лесу вырвался сатир и бросился вброд пересекать речку. Он был всего в полусотне шагов, но ничего вокруг себя не замечал.

— Мррн! — ахнула сирена.

Теперь и Джек признал брата Р'ли.

С опушки грянул ружейный залп. Сатир как подкошенный рухнул лицом в воду, с трудом поднялся, сделал, пошатываясь, несколько коротких шагов и повалился снова, уже окончательно. Поток начал сносить тело вниз по течению.

Р'ли в ужасе вскрикнула.

— Быстро в лес! — скомандовал Джек.

Подхватив оружие и припасы, они тут же бросились под прикрытием ближайших деревьев, но далеко убежать не успели — навстречу из леса выступила группа людей с какими-то необычными мушкетами, среди них — Чаксвилли.

Старый знакомец приветливо улыбнулся:

— На ловца и зверь бежит! Твой братец, Р'ли, искал тебя, мы шли следом. Теперь все должны быть довольны — каждый нашел что искал! Я не ошибаюсь? Может, вы не рады нашей встрече?

— Я-то думал, что убил вас... — выдохнул Джек.

— Убил? Меня? — изумился тот. — Ну что вы! Не так-то это просто! Шишку, правда, поставили изрядную — ох и промучился же я с нею всю ту неделю, что провел на гауптвахте в Сбейптаху...

— На гауптвахте?! — в свою очередь изумился Джек.

— Ну да. В застенке, если так вам понятнее. Правительство решило, что время для штурма кадмуса выбрано было не вполне удачно. Королева выразила свое «фе!» по поводу событий на ферме Кейджей, и меня тут же арестовали. Чтобы доказать жеребякам совершенную непричастность к прискорбному инциденту, власти собирались отдать меня под трибунал. Дело могло обернуться и плахой, но для чего на свете друзья? На третью ночь они ворвались в каземат и сломали запоры. Что ж, решил я, похоже, моя миссия в вашей стране завершается — можно отправляться наконец и домой, в благословенный Социнус. По пути вот наткнулся на патруль, а уж вместе с этими бравыми вояками — на Мррна с компанией. Сдается мне, сатиры разыскивали именно вас.

Джек притянул к себе и обнял за плечи бледную, с остановившимся взглядом Р'ли. Бедняжка! Столько горьких утрат и в столь краткие сроки!

— Вы — социнанин? — Джек вложил в голос весь сарказм, на какой только был способен в данную минуту.

— Специальный агент свободного Социнуса — к вашим услугам!

— А что тогда делали в Дионисии?

— Так, пустячки! В мою задачу входило всего-навсего развязать войну между вашим правительством и кадмусами. Может, полагаете, на вашей ферме я потерпел фиаско? Как бы не так — обитатели всех кадмусов в трех странах всполошились, мобилизовали все свои силы и готовятся к отпору. Так что результат налицо! И будьте уверены — я не единственный агент в Дионисии. Другие тоже не упустят случая подлить масла и поднести фитилек... Скоро, скоро уже заполыхает весь Авалон, попомните мои слова! Весь — кроме благодатного Социнуса, разумеется. А вот когда вы порядком обескровите друг друга, вступим в дело и мы — введем миротворческие войска. И на всей Дейре установим новый — лучший! — порядок.

А теперь вернемся к нашим единорогам. Вкратце выбор у вас, Джек, такой: либо присягаете на верность Социнусу и отправляетесь со мной, либо... Ну, сами понимаете — извините, я слишком многое вам выболтал. Беда мне с моим языком!

Двое солдат тем временем извлекли из воды тело Мррна. К общему удивлению и немалой радости Р'ли он оказался жив — с трудом усевшись, принялся мучительно откашливать воду из легких. По лбу Мррна сбегала струйка крови — видимо, пуля задела вскользь, лишь контузив сатира.

Спецагент, не утруждая себя разнообразием, почти в тех же выражениях повторил свое предложение каждой из спутниц Джека. Затянувшуюся тягостную паузу первым прервал очухавшийся сатир:

— Мы с сестрой предпочтем смерть позору!

— Где же ваша хваленая жеребякская сообразительность? — обернулся к нему Чаксвилли. — Нет бы дать присягу, а потом, выждав случая, наострить лыжи. Но вы же не можете опускаться до подобной низости — как же, аристократия! Или все же можете?.. — Он перевел взгляд на сирену. — А сама за себя ты ничего не желаешь добавить? Кстати, вовсе не обязательно выбирать смерть лишь на том основании, что вы вайиры. Двое в моем патруле — тоже родом из кадмуса, один — метис. Да я и сам метис! Социнус — наглядный пример того, как две культуры, сливаясь воедино, порождают мощь и гармонию третьей, подлинной.

— А почему бы вам не взять да не отпустить нас подобру-поздорову? — спросила Р'ли. — Идем себе в Тхраракию, никого не трогаем, собираемся жить там в мире и согласии, растить детей. Какой вам от нас вред?

— Жить в мире?! — Чаксвилли удивленно поднял брови, затем добродушно усмехнулся. — Ну разве что ненадолго — у Социнуса есть планы, связанные и с Тхраракией. После того,

как мы освободим от гнета невежества народы Дионисии, Кроутании и Неблизки...

Р'ли скептически фыркнула:

— Долина неприступна! Вы потеряете сто тысяч бойцов, а к перевалам даже близко не продвинетесь.

— Господи, что стряслось такое с вайирской контрразведкой? Вы что, ребятки-жеребятки, не слыхали о новых орудиях и новых снарядах, по сравнению с которыми дионисийская артиллерия — игра в деревянные солдатики? А наш воздушный флот? Сотни боевых аэролетов с мощными пропеллерами пролетят мимо ваших укрепленных перевалов и разбомбят долину в пух и прах, камня на камне не останется! А уцелевших добьет мощный десант — выкосит, как сорняк с поля!

Всхлипнув, Р'ли теснее прижалась к Джеку.

— Ну, с которой же из вас начнем? — поинтересовался социнианин. — Надеюсь, вы понимаете, что в случае отказа я не сумею отстоять дам от не вполне деликатного обращения своих подчиненных. В отрыве от цивилизации они несколько одичали и давно уже жаждут женской ласки...

Р'ли попросила дозволения переговорить с Джеком наедине. Чаксвилли не возражал, но проследил, чтобы обоих как следует стянули по рукам и ногам — на всякий случай.

— Что будем делать? — спросила Р'ли, когда их оставили.

— Соглашаться. Он сам предсказал наши дальнейшие действия: для виду присягаем, а при первом же удобном случае даем деру.

— Джек, как ты не понимаешь! — возмутилась Р'ли. — Мы из рода Слепых Королей, мы не вправе лгать даже ради сохранения жизни.

— Проклятье, я же не склоняю тебя к измене! Просто подыграй немного... Ладно, не лги совсем! Лишь уклонись от прямого ответа. Скажи этому спецагенту, что поступишь в точности как я. А мои намерения тебе известны.

— Такой ответ будет косвенной ложью.

— Ну, не подыхать же нам здесь из-за таких пустяков?

— Это совсем не пустяки, Джек! — жестко сказала сирена и тут же смягчила тон: — Но я так люблю тебя, милый! Ты столь многим пожертвовал ради меня... Сделаю как скажешь.

Джек с облегчением подозревал социнианина:

— Мы присоединяемся. Р'ли станет делать все что я велю.

Чаксвилли расплылся в улыбке:

— О, как погляжу, она у вас не только смазливая, но еще и себе на уме! Прекрасно. Ноги вам развяжут, руки же — чуть погодя.

Как и следовало ожидать, Полли без всяких колебаний и по всей форме принесла присягу на верность великому Социнусу.

Чаксвилли, правда, не преминул сперва намекнуть, что знает о ее прошлом кое-что эдакое... Но поскольку никаких иных мотивов, кроме одной корысти, за девушкой не усматривает, то присягу примет, не сомневаясь в ее искренности, — такие причины ему самому близки и понятны. В конце концов, девушки вроде Полли О'Брайен любят победителей — стало быть, в победоносном Социнусе ей самое место и есть. Вскоре сама убедится.

Более того, в этом благодатном краю Полли не придется прятаться по углам, ибо веротерпимость — один из краеугольных камней великой социнианской культуры. Запрещены лишь человеческие жертвоприношения. Когда Полли разберется что к чему, она и сама сообразит, что нет никакого смысла участвовать в этих пренеприятных обрядах. Те, кому сообразительности не хватило, давно уже сгнили в медных копиях...

Единственным ответом Полли на последнюю реплику была просьба закурить.

Джек тем временем успел уже совершенно успокоиться и даже заинтересовался невиданным вооружением социнианского патруля. Стволы, изготовленные из незнакомого материала, не уступали в прочности земной стали, а пули в одной оболочке с порохом вставлялись в ствол с казенной части. Джек обратился за разъяснениями к новому своему командиру.

— Вы попали в самое яблочко, Кейдж! — любезно ответил Чаксвилли. Он снова вернулся к обычной своей вежливости. — Благодаря этому нарезному оружию один социнианский солдат обладает огневой мощностью десяти солдат противника, уже не говоря о точности. Видите цилиндры на поясах? Это гранаты, и куда мощнее дионисийских стекляшек, к тому же руками махать не надо — выстреливаются при помощи вот этого подствольника. Так что появившись здесь ваш дракон, живым ему не уйти...

Джек невольно вздрогнул от последней не вполне дружеской реплики, но тут же сообразил, что солдаты вполне могли прочесть следы на песке.

А социнианин уже обращался к брату Р'ли:

— Вайир, даю тебе последний шанс. Мне твоя смерть ни к чему. Любая культура на планете, кроме социнианской, сегодня обречена. Мы искореним кадмусы и вынудим вас тем самым изменить свой образ жизни. Тот, что вы ведете сегодня, пригоден лишь для закосневших в невежестве земледельческих общин. Это прошлое, вайир. Надвигается новая эра — эра технического прогресса. Он сметет все отжившее, как бы там кто ни упирался...

Социнианин обратился к Джеку с Р'ли:

— Ну хоть вы разжуйте ему! Социнус уже не остановить. Мы должны стать развитым технологическим обществом в кратчайшие сроки, и мы им станем! Иного пути просто нет. Арране были здесь дважды, и когда они, или кто-нибудь вроде них, появятся снова, мы должны быть готовы к отпору. Не дадим поработить себя снова! У арран межзвездные корабли? Что ж, прекрасно — они будут и у нас! В один прекрасный день мы нанесем им визит и сразимся тогда уже на их территории...

Монолог социнианина не на шутку взволновал Джека — он обнаруживал в словах Чаксвилли ответ на свои самые потаенные чаяния. Юноша не раз уже задумывался над вопросом, что станет с людьми, когда вернуться арране. И даже спрашивал о том высокоученого отца Патрика. Ответ священника: «Господь не оставит возлюбленных чад; испытания — это благо; так будем же смиренны...» — совершенно его не удовлетворил, даже раздосадовал. Впрочем, тогда Джек смолчал. Но теперь — неужели появилась надежда?

— Не думай, что мне доставит великое удовольствие прикончить тебя, вайир, — продолжал Чаксвилли. — Мне грустно даже подумать об этом. Но приходится быть безжалостным. У нас нет времени на долгие уговоры, у нас вообще мало времени! Корабли арран могут появиться над нашими головами в любой момент, и тогда — все пойдет прахом, всему конец!

— Мне легче умереть, чем жить по вашим законам. Я вайир, сын Слепого Короля, а теперь и сам Слепой Король, говорю тебе — нет!

Чаксвилли спокойно извлек из кобуры необычного вида короткоствольный пистолет, приставил дуло ко лбу сатира и нажал спуск. Грохнул выстрел — над правым глазом сатира образовалась страшная дыра. Он умер мгновенно.

Отчаянно вскрикнув, Р'ли забилась на груди у Джека. Слезы хлынули у нее по щекам. Хладнокровный палач обернулся к ним:

— Мне следовало проверить вашу лояльность, Кейдж, предложив спустить курок вам. Но не дикие же мы звери, в конце концов! Я вас — *пожалел*.

Джек безмолвствовал. Он никого и никогда не сумел бы прикончить при подобных обстоятельствах. Тем более — брата возлюбленной.

Уняв рыдания и потупив очи, сирена спросила сдавленным голосом:

— Вы позволите мне совершить над покойным установленные обряды? Брат был Слепой Король — негоже оставлять его тело на растерзание собакам...

— Это что же — отчленение и сжигание головы, что ли? Увы, мы не можем позволить себе никакого огня. Ограничимся

преданием тела земле — на полный ритуал просто нет времени...

Неожиданно загрохотали выстрелы — троица драконов, Бог весть как сумевших подкрасться бесшумно, стремительно на-двигалась на людей. Ружьям ответил оглушительный клич атакующих чудищ.

Стрельба велась уже в упор, без промаха, и один из драконов сразу же рухнул с развороченным брюхом. Два других, испещренные кровавыми пятнами, продолжали атаку. Лишь связанный, исключенный из суматохи боя Джек вовремя сумел углядеть четвертого. Мар-Кук — то была она — бесшумно под-кралась к солдатам с тыла и первым же ударом хвоста смела четверых. Чаксвилли обернулся и с невероятной быстротой всадил в нее три пули кряду. С ходу ударив агента плечом, Джек рухнул вместе с ним на песок — и очень вовремя. Брони-рованная масса драконьего хвоста тут же свистнула над голо-вой у вжавшихся в землю. Пытаясь обезвредить Чаксвилли, Джек спас жизнь как себе, так и ему заодно.

Но теперь, со связанными руками, Джек оказался совершенно беспомощен — он не мог помешать противнику подняться. Выпавив снова, тот попал Мар-Кук в изувеченную ятаганом лапу. Наконец пистолет дал осечку; Чаксвилли бросился к воде. Извернувшись, Джек провел подсечку по всем правилам. Под-няться снова социинианин уже не успел — лапа драконихи под-хватила его и вознесла выше деревьев.

Мар-Кук явно намеревалась разموжжить свою добычу о ближайший ствол — но внезапно обмякла, как гигантская во-лынка, и повалилась. Земля сотряслась от тяжелого удара; голова драконихи едва не прихлопнула Джека.

Лишь две девушки остались стоять, как стояли до начала схватки — Р'ли по-прежнему со связанными руками.

— Полли! — окликнул Джек. — Развяжи нас, сперва меня!

И не без труда поднялся на ноги. Поле сражения представ-ляло собой жуткое зрелище — все солдаты либо погибли, либо были насмерть искалечены. Чаксвилли валялся на песке без сознания. Три дракона лежали поодаль бездыханными, лишь Мар-Кук подавала еще слабые признаки жизни. Ее открытые глаза были устремлены на Джека; из многочисленных ран хлестала темная кровь.

Подхватив лук и стрелы, Полли замерла в нерешительности. Затем бросила привычное оружие на песок и принялась соби-рать ружья. За минуту-другую она стащила в одну кучу под деревом всю амуницию. Сразу приладила на себя пояс с кобу-рой, проверила пистолет, вытащила обойму, перезарядила. Сде-лав контрольный выстрел в воздух, Полли спрятала оружие назад в кобуру.

Наконец очнулся Чаксвилли. С легким стоном он уселся, оперся спиной о тушу Мар-Кук и принялся наблюдать за действиями девушки.

— Перипетии войны, а? Трофеи и все такое... — бросил он после непродолжительной паузы. — Ну и что теперь?

— Дайте же наконец нам уйти! — взмолился Джек. — Мы не можем причинить вам никакого вреда! Вас двое, у вас груды оружия...

Ответ Полли потонул в отчаянном стоне драконихи:

— Мой палец! Верните палец! Я умираю!

— Я обещал, Полли! — сказал Джек.

После секундного колебания девушка пожала плечами:

— Почему бы и нет? Драконы истари помогали ведьмам... К тому же я ничего от этого не потеряю...

Раскрыв сумку Джека, она извлекла сверток, сбросила тряпицу и поднесла палец драконихе. Та схватила добычу и, страстно прижав последним усилием к окровавленной груди, тут же испустила дух.

Чаксвилли тем временем уже сумел встать на ноги.

— Пусть их уходят себе, Полли! Они действительно никому не опасны и не смогут причинить Социнусу ни малейшего вреда. Когда наши силы вступят в Тхрарак, они еще горько пожалеют, что отказались от моего предложения. Но до тех пор — пусть вкусят толику простого семейного счастья! Поставим их в нашем списке последними...

— Вы здесь командир, сэр! — отчеканила Полли.

Разрезав узлы на запястьях пленников, она отступила, не сводя с них настороженных глаз. Затем вытащила из груды амуниции солдатскую флягу и утолила жажду — вода в речке все еще клубилась стекавшей с берега драконьей кровью.

Размяв затекшие кисти, Джек вяло поинтересовался:

— Надеюсь, вы не оставите нас совсем безоружными?

— Нет, — опередила Чаксвилли с ответом девушка. — Я не столь мстительна, как полагают иные. Ведь без оружия вам просто не добраться до родного кадмуса...

— О чем ты, не понимаю? — вздрогнул Джек.

— Ага, ты по-прежнему плохо знаешь обычаи своих любимых вайиров! — ухмыльнулась Полли, указывая на сирену. — Ей предстоит вернуться домой. Отец, дядя и брат — все погибли. Она глава рода, отныне и до самой смерти. Или же до рождения наследника. Священный долг вайиров!

— Это правда? — повернулся к подруге Джек.

Сирена пыталась было что-то сказать, но не сумела. Просто кивнула.

— Проклятье! — возмутился Джек. — Ведь некуда же возвращаться! Кадмусов больше нет! А даже если бы они и

уцелели — это самоубийство! Я отрекся от всего, чтобы следовать за тобой, — отрекись же и ты! Ради нашей любви!

— Пока живы были... мой отец, дядя... мой брат... я бы могла. Я решила выйти за тебя, Джек, хотя отец тщился отговорить меня, упирая на то, что нам не будет места в родном кадмусе — это слишком осложнило бы отношения с *таррта*. Из-за того мне и пришлось отправляться в Тхраракию. Я все могла бросить — пока был жив Мррн... Но теперь... — Сирена захлебнулась горьким рыданием. — Теперь должна... Таков обычай. Я не смею оставить мой народ... мой кадмус...

— Начинаете наконец прозреть, юноша? — вмешался Чаксвилли. — Вайиры живут согласно традициям предков, и не в их силах что-либо изменить. Они погрязли в предрассудках внутри своих кадмусов, покрылись вековой плесенью и закрыли створки, как озерная ракушка. Лишь нам, социнианам, по плечу сломать эти застывшие формы...

— Мне... так больно!.. — Джеку не хватало воздуха, социнина он даже не услышал. — Ты... ты хоть представляешь, чем я пожертвовал... ради тебя?

Р'ли снова кивнула, черты лица ее заострились и отвердели, приняв знакомое уже Джеку непреклонное выражение — податливая и ласковая сирена становилась порой тверже гранита.

— Ты пойдешь со мной! — неожиданно жестко отчеканил Джек. — Я твой муж, ты должна подчиниться!

— Твоя жена, Джек, в первую очередь сирена и дочь Слепого Короля! — с ухмылкой вставила Полли.

— Может, это не навсегда, Джек... — умоляюще произнесла Р'ли. — Если сын О'Рега из другого кадмуса согласится принять титул, я получу отставку...

— Как же, держи карман шире! — взорвался юноша. — Когда там творится суший ад! Сомневаюсь, чтобы он отошел от своего кадмуса хотя бы на шаг.

— Тем более я должна идти!

— Не желаете ли заставить подружку силой, Кейдж? — снова вмешался социнианин. — Время идет, скоро ей и вовсе будет некуда возвращаться.

— Нет, я не насильник, женщин не... — Джек осекся. Жуткая мысль обожгла его: да разве может Чаксвилли позволить ей спокойно вернуться в Дионисию? Вправе ли агент враждебной державы так рисковать? Ведь сирене известно о планах социнианского вторжения!.. Джек лихорадочно перебирал варианты, понимая уже, что от любви ему самому никуда не деться — даже если сирена наотрез откажется следовать за ним. Иначе — к чему бы все эти волнения? И все же — мужчина здесь он, а женщина обязана всегда повиноваться мужу...

Как бы прочитав мысли Джека, социнианин добавил:

— Если вас волнует, Кейдж, не собираюсь ли я навсегда заткнуть рот вашей подружке, то можете расслабиться. Мне это ни к чему. У нее нет ни единого шанса пообщаться в Дионисии с людьми. А если бы даже и удалось — кто поверит словам сирены?

Больше говорить было не о чем, зато спешных дел — невпроворот. Работы хватило всем — Чаксвилли показал, как собираются складные походные лопатки, и вскоре в песке уже зияли две могилы, большая и маленькая. Мужчины поскидывали трупы солдат в большую и забросали землей. Пришлось еще как следует потоптаться и присыпать сверху камнями, чтобы уберечь от вездесущих стервятников.

На туши драконов махнули рукой — кроме одной, докатившейся до воды. Ее с превеликим трудом вытащили на берег.

Р'ли отказалась от всякой помощи. Вырыв могилу, она сперва отрезала у покойного Короля голову и вопреки протестам Чаксвилли развела костерок. Кремацию головы она сопровождала молитвами на лепетухе и псалмами на арранском. Затем закидала могилу, а обугленный череп, раздробив булыжником в прах, рассеяла по реке.

Солнце уже изрядно перевалило через зенит, и социнианин с каждой минутой нервничал все сильнее. С недовольной миной он провожал взглядом уходящий за кроны деревьев дым, и мысли его не составляли загадки ни для Джека, ни для Полли: каких еще врагов на свою голову они желают накликать? Кому подают сигнал?

Наконец Чаксвилли не выдержал:

— Нам пора, здесь становится слишком опасно.

Он выдал подчиненным, Полли и Джеку, оружие, патроны и научил заряжать. Остатки амуниции заботливо обернули кожей и схоронили под деревом.

Удаляясь, Джек еще раз оглянулся — возлюбленная, обратив к уходящим свой гривастый затылок, стояла в одиночестве над рекой, уносящей прах Мррна, недолго носившего столь обременительный титул. Мгновение он колебался — не попытаться ли еще? — но нет, она сделала выбор, по-иному уже не бывать.

— Прощай, любимая... — тихо вымолвил Джек. И, сглотнув горький ком, отвернулся. И бросился догонять своих спутников.

В тот же вечер у костра на привале Чаксвилли сказал ему:

— Возможно, вы, Кейдж, замыслили некую патриотическую эскападу — например, разведать тайну военной мощи Социну-са и осчастливить ею родную Дионисию. Я бы не советовал. У вас нет теперь дома, Кейдж. Вам не отмыться: еретик, сиренолюб, изменник и прочая, и прочая. Вам поверят не больше, чем

любому жеребяку, даже меньше, Кейдж, — про тех хоть известно, что они, случается, не умеют лгать. Не успев прочухаться, вы превратитесь в барбекю, Кейдж, и без всяких там канцелярских проволочек...

Поверьте, меня больше беспокоит ваша собственная судьба, чем риск завезти на родину шпиона-энтузиаста. Пожив хоть немного в Социнусе, вы и сами убедитесь в тщетности попыток сопротивления новому. Нашу великую державу не разбить объединенными усилиями всех прочих государств даже в союзе — весьма, впрочем, маловероятном — с собственными вайирами. Увидев все своими глазами, вы скоро станете думать лишь о грядущей битве с арранскими захватчиками, вы поймете, что лишь Социнус — единственная надежда этого мира на свободу и независимость. Да чтобы только помочь родной Дионисии, уберечь ее от нового рабства, вы уже должны стать социнианином! И вы им станете... Я о вас приличного мнения, Кейдж, что бы там вы обо мне ни думали.

Джек слушал и не слышал собеседника. Все мысли его были с потерянной возлюбленной. Каково ей там сейчас одной, в окружении неведомых опасностей? Он невыносимо страдал, защемило сердце, по щеке скатилась непрошенная слеза...

Пять дней они двигались по лесной тропе. Дважды за это время им пришлось пускать в ход оружие. Сперва с трудом отбили от стаи злобных мандрагоров; во второй раз — обезкуражили пару драконов первыми же прямыми попаданиями. Тропа вывела путников к подножию горного пика; два весьма утомительных дня ушло на его преодоление. Целый день они набирались сил в крохотной долине перед очередным трудным восхождением. Пять миль перевала, преодоленные за три дня, привели маленький отряд к началу древнего арранского тракта.

Здесь, за стенами небольшого, но прилично укрепленного форта, занимала оборону социнианская пограничная застава. Чаксвилли представился коменданту и вкратце поведал о своих похождениях. Всех троих незамедлительно усадили в невиданный колесный экипаж, приводимый в движение силой пара, и отправили в путь. Уже в дороге Чаксвилли обратил внимание Джека на показания циферблата, отмечавшего скорость — пятьдесят миль в час. Сперва ошеломленный и несколько скованный, юноша скоро привык к такой сумасшедшей гонке и устался в окно. Внимание Джека привлек гигантский летающий шар, от восторга и изумления он даже ахнул.

Социнианину доставляли очевидное удовольствие наивные восторги молодого спутника. За окном кабины с ошеломляющей скоростью сменялись пейзажи; когда экипаж пронеслся

мимо луга, утыканного высокими косяными рогами, заметно обугленными, Чаксвилли прокомментировал:

— Последствия нашей внутренней войны — люди с метисами против цепляющихся за прошлое вайиров.

Движение паровиков по тракту заметно усилилось, и они снизили скорость до более привычной гостям. Проехав еще с десяток миль, паровик вкатился в ворота очередного форта.

Здесь Джек и приступил к изучению азов военного искусства.

Вскоре, обратившись по команде, он уже был назначен в экипаж большого бронированного паровика — «медведжинна», как прозывали их солдаты. Каждый такой «медведжинн» был оборудован могучим орудием и двумя «пулеметами» — скорострельными ружьями, вернее, целыми пакетами стволов, ужасающего калибра. Заряжались пулеметы при помощи специального устройства, стрелку оставалось лишь вертеть ручку да следить, как бы не оглохнуть от грохота. Скорострельность этих пулеметов была поистине ужасающей — почти десять выстрелов в секунду.

Вообще, разных диковин хватало, Джеку удалось повидать их далеко не все. Служба да муштра почти не оставляли свободного времени, а увольнения рядовым полагались не чаще, чем раз в две недели. Однако до него весьма скоро дошло, кому именно обязан великий Социнус своими удивительными достижениями — местным археологам некогда посчастливилось раскопать уцелевшую арранскую библиотеку.

Наступила зима. Ни мороз, ни пурга не влияли на темпы боевой подготовки соцининских войск. Занятия шли своим чередом, сменяясь на время полевыми учениями.

Едва повеяло весной, батальон получил приказ. Маршрут движения пролегал по уже знакомой Джеку дороге — пути, которым он и прибыл в Социнус. Перевалив через горы, ревущие «медведжинны» вкатились в долину Аргуль. Древний арранский тракт, недавно еще занесенный слоем земли, был здесь уже аккуратно расчищен, вдоль пути возвышались свежесозданные укрепления. Уничтожив множество мандрагоров, оборотней и драконов, уцелевших оттеснили к дальнему краю долины.

Армия разбила лагерь на самой границе священных вайирских земель с Дионисией.

Здесь впервые с самого начала своей службы Джек увидел Чаксвилли. Сбейпташка у того на кокарде означала звание полковника, цвет погон свидетельствовал о принадлежности к генеральному штабу.

Джек откозырял по всей форме. Моложавый полковник заулыбался и отдал команду «вольно»:

— Ага, вы уже стали капралом, юноша! Мои поздравления! Ну, не стану врать, я знал, знал — старый хитрец наслышан об этом. Малость присматривал за вами, Кейдж, следил за успехами! Ну, признайтесь мне, старику, откровенно: дезертировать все еще собираетесь?

— Никак нет, сэр!

— А почему нет? Вот она, Дионисия, доплунуть можно!

— Причин много, сэр. Они вам в основном известны. И есть одна, о которой вы, возможно, еще не слыхали. Встретился мне тут один паренек, из разведчиков... Действовал в городке Сбейптаху. Говорит, что и мать, и сестер, и братьев — всех до одного, сэр, — отправили в рудники. Отец покинул кадмус, чтобы вернуться к людям. Так его тут же приговорили к аутодафе и отправили ждать костра в тюрьму. Но отец не смирился — выломал решетки и убил голыми руками двух надзирателей, прежде чем погиб и сам...

— Мои соболезнования, Кейдж, — после краткой паузы сочувственно вымолвил Чаксвилли. — Самые искренние соболезнования. Не хотелось бы внушать вам напрасных надежд, но я распоряжусь по штабу, чтобы занялись поисками вашей семьи, и занялись как следует. Уже завтра мы освободим от тирании несколько дионисийских городов. Возле одного из них как раз есть такие рудники. Если ваша родня там, я позабочусь, чтобы с ней обошлись как следует.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Кейдж дрогнувшим голосом.

— Не спешите благодарить. Вы мне приглянулись с первой же нашей встречи, юноша, хотя вовсе и не подозревали об этом. Не перейдете ли ко мне в адъютанты? Если дело пойдет на лад, очень скоро станете унтер-офицером. К тому же не понадобится стрелять по соотечественникам, разве что придется совсем уж туго.

— Благодарю за доверие, сэр. С большой охотой, сэр. Хотя, признаться, в Дионисии есть несколько типчиков, лица которых я бы не прочь рассмотреть повнимательнее сквозь оптический прицел своего карабина...

— Ну-ну, мой мальчик. Я вас понимаю лучше всякого другого, но мы не можем позволить себе такую роскошь, как личные счета. Каждый уцелевший дионисиец — будущий гражданин великого Социнуса, не так ли?

— А вы быстро продвинулись по службе, сэр, — рискнул заметить Джек. — Когда нас развело в разные стороны, были, если не ошибаюсь, лишь капитаном?

Чаксвилли странно улыбнулся и даже малость покраснел.

— Вы, очевидно, ничего не слыхали о моей женитьбе, капрал? Я подобрал себе в жены вашу старую знакомую — ту

самую ведьму, Полли О'Брайен, смазливую сучку, как порою хочется ее величать. И, как вы, наверное, помните, ни тщеславия, ни напора ей не занимать стать. Исхитрилась — при обстоятельствах, о которых лучше и не задумываться, — привлечь к моей скромной персоне внимание фельдмаршала. Старик Хананий Кроутан, не для чужих ушей будь сказано, всегда питал слабость к смазливым мордашкам, и не только лишь к мордашкам... Я действительно продвинулся несколько быстрее положенного, но ничуть этим не тягочусь. Вы меня знаете, Кейдж, я способен на куда как большее, хоть и не кричу об этом на каждом углу.

От смущения Джек залился краской. Хохотнув, Чаксвилли хлопнул Кейджа по плечу:

— Не смущайся, сынок! Я знал что делал, когда женился!

Вторжение началось на рассвете, едва лишь развиднелось. Невеликая числом по сравнению с силами противника армия Социнуса была оснащена по последнему слову военной науки, обладала сказочной мобильностью и практически не зависела от тылов. Суммарная огневая мощь сил вторжения была поистине чудовищной.

План кампании был продуман и разработан стратегами из штабов до последней мелочи. Никаких тактических приемов и скрытных маневров — ставка делалась лишь на демонстрацию подавляющего технического превосходства. Против пятидесяти тысяч дионисийских гвардейцев Социнус выставил ударный корпус в восемь тысяч бойцов — восемь из двадцати, составлявших всю численность армии. И дал войскам королевы достаточно времени, чтобы зарыться в землю на подступах к Сбейптаху.

Чтобы достичь окрестностей фермы Кейджей, колонне потребовалось менее часа. Стоя в открытом люке своего паровика, Джек помертвевшим взглядом наблюдал царящее кругом запустение. Обугленные, частью поваленные рога кадмусов, чудовищные язвы воронок. Похоже, осаждавшие вели здесь минные галереи. И повсюду под снегом — скелеты, скелеты...

От отчего дома остался лишь забеленный снегом покореженный каркас. За ним, как забытые в поле заснеженные стога, стояли покосившиеся амбары, возле одного валялся вдребезги разбитый фургон.

Джек прикрыл глаза, чтобы избавиться от кошмарного зрелища. Увы, он не мог так же просто избавиться от саднящих мыслей. Где ты сейчас, Р'ли, где ты, любимая, что с тобой случилось?

Ровно в полдень развернулась генеральная битва. Главный и сокрушительный удар по силам противника нанесли бронированные «медведжинны» и «гусеницы». Спустя полчаса, строго по расписанию, к гавани Сбейптаху подошел социннианский флот и начал бомбардировку форта. Три десятка аэролетов с новейшими нефтяными двигателями принялись утюжить позиции королевских войск тяжелыми бомбами.

К двум часам пополудни город пал. Остатки разбитой королевской армии, побросав снаряжение, спасались паническим бегством.

Оставив за спиной батальоны жандармерии, ударный корпус возобновил стремительный марш. Заграждения на дорогах попросту обходили кругом, не снижая темпа движения, — стратегия предусматривала прорыв лишь сильно растянутой обороны противника и непрерывное развитие наступления.

Стрела на штабной карте утыкалась в порт Мерримот, куда столица государства была перенесена после пожара в Сент-Дионисе. Ударный корпус катил вперед строго по графику, не беспокоясь о деморализованных остатках разбитых войск противника и толпах перепуганных штатских — ими впоследствии займется жандармерия, — не беспокоясь о тылах и коммуникациях — еще до того, как боезапас выйдет, он будет пополнен молниеносными поставками с воздуха.

Следом за корпусом уже катит вторая волна вторжения — для расширения прорыва и зачистки территории. И для ее действий нужно успеть подготовить место. Марш-марш вперед!

По пути Джек навидался следов планомерной осады кадмусов и наслушался рассказов об ответной жеребянской герилье — беспощадной партизанской войне. Об этом красноречиво свидетельствовали руины сожженных придорожных ферм и уничтоженных минными галереями обиталищ вайиров. Жеребяки держались отчаянно — призвав на помощь драконов, они нанесли людям страшный, невосполнимый урон. Лишь потеряв драконов всех до последнего, отступили. Поговаривали, что отдельные кадмусы все еще продолжают держать осаду...

Сейчас унтер-офицер Кейдж ехал уже в огромном штабном паровике. Работы было невпроворот. Сидя за персональным столом в весьма просторном помещении, Джек в основном принимал и передавал приказы и донесения по дальнотону — устройству, способному поддерживать связь на расстоянии до двух тысяч миль. Но случалось бывать и в передрягах — вчера, например, сопровождая полковника к переднему краю, довелось поучаствовать в жестокой рукопашной. Теперь вот снова черед донесениям.

«Тарану», так именовался ударный корпус на штабном языке, все же довелось изведать перебои в снабжении. Грозовой

фронт надолго задержал аэролеты на дальних базах, отрезав корпус также и от связи с основными силами по дальнотону. Вчерашний неожиданно яростный прорыв королевских гвардейцев привел к незапланированному расходу боеприпасов. Понеся ужасающие потери, войска королевы смяли мощные огневые заслоны и даже сумели расчлнить на время главные силы корпуса.

Но вот снова развиднелось, засияло солнышко, улегся ветер. Снабжение сразу же наладилось, королевские подкрепления за час-другой были отброшены с отвоеванных рубежей, и «Таран» вновь устремился вперед. До самого Уитторна корпус практически более не встречал сопротивления. Дионисийцы, как видно, стягивали остатки армий на защиту последнего своего стратегического оплота — порта Мерримот.

В Уитторне объединились в мощный кулак четыре группировки войск вторжения, прорывавшие границу с различных направлений. Пять дней объединенная армия перегруппировывалась и отдыхала, пополняя боекомплекты как поставками с воздуха, так и поступлением подоспевших усиленных «медведжиннами» обозов.

В штабах остальных трех корпусов тоже пришли к выводу, что относительная легкость продвижения до Уитторна может оказаться чревата сильными заслонами и ловушками на подступах к столице.

Тем не менее спустя всего две недели последний оплот пал. Согласованными ударами с моря, с воздуха и по суше соцининские силы смяли оборону противника. Но город не сдавался — дионисийцы сражались как львы, до последнего вздоха. Казалось, каждый камень в разрушенном городе огрызнулся огнем. Когда у защитников кончился порох, они хватались за луки и копья.

Вскоре Джек Кейдж вместе со своим командиром и другими высшими чинами соцининской армии, стоя на макушке холма, наблюдал, как мимо них препровождают к специально сооруженному в центре лагеря шатру плененную королеву. Елизавета Третья, крупная, но изящно сложенная шатенка тридцати пяти лет, с помятой прической и пятнами грязи на холеном породистом лице, продолжала держаться весьма величаво для подобной оказии.

— Думаю, мы без особых трудностей сумеем убедить ее отдать своим подданным приказ прекратить бессмысленное кровопролитие, — заметил Чаксвилли. — Как только ключевые гарнизоны будут заняты нашими войсками, двинемся дальше. Впереди у нас еще немало работы.

При виде королевы Джек машинально обнажил голову — с молодых ногтей в него вколотили привычку делать это при одном

лишь упоминании высочайшего имени. Смущенно потеряв кожаный шлем в руках, вернул его на место, украдкой огляделся и снова предался лицемерию полыхающих развалин.

День стоял ясный, и солнышко пригревало уже не вовсе по-зимнему. Нежный ветерок сносил клубы дыма к востоку, очищая кругозор — с холма бывший город открывался, как на ладони.

Джек задумался: когда же удастся прознать что-нибудь о судьбе родных? Вроде бы теперь самое время побеспокоить Чаксвилли напоминанием. Прежде, когда у них сутками не случалось и минуты продыху, такая попытка была бы заведомо обречена на провал. Теперь же — другое дело...

Он отчеканил несколько шагов, отделявших от командира. Замер. И ахнул.

— Что случилось, дружище? — обернулся Чаксвилли. — Что это ты вдруг так побледнел и вылупил, как...

И осекся.

Задохнувшись, Чаксвилли и сам на глазах утратил весь свой лоск и весь сочининанский загар. И что было сил хлопнул полковничьей шапкой оземь. Бесконечная череда самых страшных проклятий, исторгшихся из его уст, незаметно перешла в слезы, простые человеческие слезы, настоящие ручьи слез — суровый полковник и безжалостный агент рыдал, точно оставленный без десерта младенец:

— Опоздали! Все-таки опоздали! Господи, начать бы на каких-то полвека раньше...

Голубое чрево небес разродилось поблескивающим темным сфероидом. Опускаясь, он стремительно вырастал в размерах, пока не завис прямо над догорающим городом во всей красе — сверкающий темный шар колоссальных размеров. Из лагеря у подножия холма донеслись крики ужаса. Солдаты, маленькие сверху, точно мурашки, брызнули по углам палаточного городка. Несколько боевых машин, отчаянно сигналив, рванули подальше от таких таинственных дел.

— Господи! — простонал Чаксвилли. — Когда победа была уже в наших руках! В день величайшего триумфа... Такое!!!

— Что арране теперь предпримут, как вы полагаете, сэр? — потерянно спросил Кейдж.

— Да все что заблагорассудится! Разве в состоянии мы им помешать?

Джека коснулась волна всеобщей паники — слишком уж наслушался он с самого детства грозных пророчеств, слишком часто попадались на глаза соответствующие картинки и скульптуры:

— Не пора ли убираться отсюда, сэр? Дорога в Тхраракию пока никому не заказана...

Чаксвилли заметно взял себя в руки:

— Нет, парень, рано еще нам сдаваться. Разве похоже это на начало вторжения? — В голосе полковника зазвенела надежда. — Может, всего лишь предварительная разведка? Может, им предстоит сперва вернуться домой, доложить об увиденном? О Господи! Сделай так, чтобы у нас остался наш последний шанс! Дай нам время!

Корабль бесшумно скользнул массивной тушей к подножию холма, завис на время над ровной пустошью и аккуратно приземлился, глубоко взрыв промерзший грунт выступившими из корпуса опорами.

Потянулись томительные минуты ожидания. Офицеры не сводили с корабля глаз. Наконец в борту судна обозначился широкий люк, сверкающий овал повернулся вокруг горизонтальной оси и лег на землю трапом. Джек, не в силах уже унять дрожь в коленях, затаил дыхание. С чего начнут свое пребывание на Дейре четвероногие монстры? Побродят для разминки ног по окрестностям? Или сразу кинутся отлавливать попавшихся на глаза человечков?

Из темного провала люка выступило первое существо. И было оно человеком.

— Это не арране! — возопил Чаксвилли. — И даже не эзви — те должны быть крупнее! Неужто рабов прислали?

Несколько затаившихся в ложине отважных солдатиков, с высоты холма точно игрушечных, стали подкрадываться к месту посадки.

— За баранку, Джек! — рявкнул Чаксвилли. — Мы должны их опередить!

Плохо соображая, что делает и чем рискует, Джек с трудом вписывался в сумасшедшие повороты ведущего к подножию серпантина. Наконец экипаж с почти животным визгом занесло в нескольких шагах от трапа.

Сомнений не оставалось — перед ними люди. За исключением одного темнокожего с густыми черными кудряшками, все остальные разительно напоминали дионисийцев. Правда, еще у двоих был чуть раскосый разрез глаз. Мерцающая одежда на каждом выглядела как отлитая одним куском, да и сидела как влитая. Грудь пришельцев украшала одна и та же эмблема. Каждый держал в руках неведомое оружие или нечто весьма с ним схожее.

Лидер группы обратился с речью к ближайшему социнианскому солдату — тот растерянно захлопал глазами. Чаксвилли тут же протолкался вперед, но и его попытка найти с гостями общий язык к успеху не привела.

Лидер обратился за помощью к одному из своих коллег — очевидно, толмачу. Тот определенно устроил хозяевам краткий

пробег по доброй дюжине известных ему наречий — и снова безуспешно. Темнокожий о чем-то заспорил с одним из раско-
сых.

Джеку бросились в глаза знакомые очертания на шее одного из гостей — полуприкрытое воротником комбинезона, там висело распятие. Распятие! Он сперва даже своим глазам не поверил. А вдруг символ креста универсален для всей Вселенной? — мелькнула следующая мысль... А, была не была, где наша не пропадала! И Джек громко и внятно произнес первые фразы из «Pater Nostrium». Тут же трое пришельцев уставились на него, как на ожившую мумию. Первым опомнился человек с крестом — он продолжил молитву с места, где закончил Джек. Произношение было весьма необычным, но вполне разборчивым. Джек судил в основном понаслышке — кроме нескольких расхожих молитв да двух-трех крылатых фраз, больше он по-латыни не разумел ни слова. И как только пришелец с крестом попытался завести разговор, сразу попал впросак.

Мигом разобравшись в ситуации, Чаксвилли срочно отправил в штаб нарочного за ближайшим священником. Пауза затянулась, лишь через час к трапу приволокли на смерть перепуганного дионисийского епископа Пассоса, духовника королевы. Поняв, чего от него ждут, он тут же успокоился. А тот факт, что пришельцы — христиане, вообще произвел на святого отца магическое впечатление. Вскоре он уже оживленно обменивался репликами с пришельцем — обладателем креста. Волей-неволей Чаксвилли назначил дионисийского пленника официальным штабным переводчиком.

— Они с планеты Терра! — возгласил епископ. — Хвала Всевышнему, они земляне, они наши соотечественники! А вот этот, — отец Пассос указал на гостя-латиниста, — этот — служитель Священной римско-католической церкви, и ему доводилось общаться с самим его святейством папой лично!

Как всегда, Чаксвилли за словом в карман не полез:

— Представляешь, какую скорчит он рожу, когда сообразит, что, с точки зрения земного священника, сам стал еретиком? — сказал он Джеку вполголоса. — Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять — за столь длительный срок вопиющие расхождения между материнской и дочерней религиями неизбежны. Епископ просто запечатовал об этом впопыхах...

— Отец Гудрих уверяет, что мы ошибаемся, — как раз объявлял очередную сенсацию новоиспеченный штабной толмач. — Язык наш — вовсе не английский! Это они по-английски говорят, а не мы!

— Две различные ветви, — продолжал свой негромкий комментарий Чаксвилли. — За пять веков даже языки изменились неузнаваемо. Спросите уважаемых гостей, — обратился он к

епископу, — не соблаговолят ли они нанести визит вежливости нашему командующему. Или же, если не вполне доверяют нам — а я удивился бы, будь оно иначе, — не позволят ли нам осмотреть корабль?

Капитан земного экипажа через двух толмачей изъявил готовность немедленно выказать почтение местной власти. Подобное бесстрашие со всей очевидностью свидетельствовало о неведомых дейрианам козырях в рукаве. У Джека крепла уверенность, что гости обладают каким-нибудь сверхоружием и потому ничего не боятся. И даже мелькнуло подозрение, что прибыли они с целью под стать арранской. Судя по выражению лица командира, тот тоже не исключал подобного исхода.

Беседа с землянами в шатре генерала Флортца затянулась далеко за полночь. Допущенный заботами командира к участию в ней, Джек не упустил ни словечка. Черед удивляться дошел на сей раз и до землян — когда стало ясно, что встретились они с потомками исчезнувших обитателей Роанока и иных мест родной планеты. А известия об арранах да эгзви буквально ошеломили — земляне, тревожно переглядываясь, стали задавать уточняющие вопросы. Старательно вслушиваясь в звуки невнятной речи пришельцев, Джек уже спустя полчаса различал многие слова и отдельные выражения.

И генерала, и Чаксвилли в первую очередь интересовал принцип действия звездолета. А также что представляет сейчас собой их общая родина? Земляне как будто ничего не скрывали, но многие из ответов совершенно обескуражили слушателей. Складывалось впечатление, что нынешние обитатели Земли совершенно слетели с катушек. Да разве могут люди в здравом рассудке вести подобный образ жизни? — дивился Джек. Пришельцы, однако же, уверяли, что очень даже могут и вполне счастливы.

По мнению командира звездолета «Юнайтед» Свенсона, Дейра, возможно, оказалась первой обитаемой из встретившихся планет. Возможно — потому что вскоре после отлета их корабля Земля предполагала запустить еще два звездолета-разведчика, в иных направлениях. Экипаж «Юнайтед» все тридцать лет, необходимых для полета к тау Кита, провел в замороженном состоянии. После того как автоматическое оборудование вывело людей из спячки, они принялись подыскивать пригодную для заселения планету. И очень скоро наткнулись на Дейру.

Разглядывая с орбиты ее поверхность сквозь мощные оптические приборы, земляне были потрясены сходством с ними обитателей планеты. Это казалось чистой воды мистикой. И такое впечатление даже усилилось, когда обнаружилось, что часть аборигенов с пышными лошадиными хвостами все же весьма отличается от жителей Земли.

Чаксвилли сообщил гостям, что, по преданиям, жеребяки также доставлены на Дейру арранами.

Тут-то капитан Свенсон и признался, что существование арран и эгзви — самый тревожный фактор. Они могут представлять реальную угрозу и для самой Земли.

— Чтобы предупредить Землю, вам придется вернуться? — как бы между прочим поинтересовался Чаксвилли. — Или же у вас есть средства для более быстрой связи?

Проницательный Свенсон мягко улыбнулся. Он догадывался, что Чаксвилли в первую голову озабочен отнюдь не проблемой безопасности Земли и ее обитателей. Но ответил совершенно честно: средства связи есть, но ответа с Земли пришлось бы ждать почти шестьдесят лет.

— Вам, видимо, следует как можно скорее предупредить землян об угрозе вторжения, — добавил Чаксвилли. — Тем более что арране как минимум уже дважды тайно навещали Землю. Следующий визит может носить уже не столь дружеский характер. И кто знает, когда он последует? Может, прямо завтра.

— Вы кажетесь мне весьма проницательным человеком, полковник, — ответил Свенсон. — Не стану лгать, мы обеспокоены. И уже сворачиваем программу пребывания, рассчитанную на несколько лет. Нам предстоит отправиться в обратный путь спустя самое непродолжительное время.

— Тогда, чтобы расставить точки над «i», хотелось бы узнать вот еще что, — сказал Чаксвилли. — Не рассматриваете ли вы, земляне, планету Дейра как свою собственность?

Прежде чем ответить, капитан Свенсон чуть замешкался.

— Отнюдь нет, — сказал он. — Земное правительство придерживается политики невмешательства в дела обитаемых миров. Колонизируются лишь пригодные для обитания ненаселенные планеты, да и то при условии, что на обладание ими иных претендентов не найдется. У нас нет никаких притязаний на Дейру. Желательно было бы только заключить договор, позволяющий основать здесь исследовательскую лабораторию. В конце концов, вам это лишь на руку. На нынешнем уровне своего технического развития вы явно нуждаетесь в поддержке Земли. Следующий же корабль доставит множество специалистов, которые ускорят ваш прогресс.

— Сомневаюсь, — сухо вато бросил Чаксвилли, — что вы учли бы наши возможные возражения.

— Уверяю вас, к силе мы не прибегнем, — улыбнулся Свенсон.

— Но известие об угрозе арранской агрессии может изменить планы земного правительства, — заметил Чаксвилли.

Свенсон пожал плечами и выразил намерение вернуться на корабль. На его в общем-то маловыразительном лице все же угадывалась явная готовность к отказу социнчанцев от сотрудничества. Чаксвилли и генерал ничуть не усомнились: будь у гостя хоть малейшая неуверенность в собственной безопасности, он не принял бы их приглашения. По всей видимости, все происходящее в шатре командующего каким-то образом передавалось на корабль.

После того как пришельцы удалились, Чаксвилли поделился своими опасениями с Джеком:

— Ох как все это мне не по нутру! Когда они вернутся и оборудуют здесь базу — для нашего же блага, разумеется, — мы неизбежно окажемся на вторых ролях. Их культура незаметно вытеснит нашу, и Дейра станет придатком Земли, колониальной окраиной — пусть не юридически, но по сути своей. Дейриане утратят самобытность и переймут земной образ жизни.

— Но у нас для рывка в запасе по меньшей мере шестьдесят лет, — возразил Джек.

— Что за чушь! — фыркнул полковник. — Будто они станут любезно поджидать нас все шестьдесят лет и сами не продвигнутся ни на шаг! К тому же мы практически не располагаем запасами полезных ископаемых.

— Не помешало бы отправить с ними несколько наших специалистов, — предложил Джек. — Пусть разберутся на месте. По возвращении с Земли они могли бы оказать Дейре неоценимую помощь.

— Клянусь головой дракона, парень, котелок у тебя варит что надо! Прости за фамильярность!

Вдвоем они вернулись в палатку, заварили листья татам и уселись чаевничать. Оставаясь с Джеком с глазу на глаз, полковник был вполне демократичен и позволял некоторые отклонения от устава.

— Порочный круг, Кейдж! — заметил Чаксвилли. — Мы не сможем обойтись без земной помощи. Но, приняв ее, перестанем быть самими собой. — Он саданул кулаком по столу. — Прах меня побери! И это в самый момент нашего первого подлинного триумфа!

— Вы частенько толковали о неизбежности и необратимости исторических процессов. О печальной судьбе тех, кто не впишется в них вовремя, — обронил Джек. — Об исторической миссии великого Социнуса. Сейчас сама История на стороне землян. Почему бы нам не смириться с неизбежным?

Чаксвилли скривился, но спустя мгновение лицо его разгладилось, он заулыбался:

— Один—один, парень! Побит собственным оружием.

Полковник глубоко задумался. Джек снова наполнил чашки.

— Если захватить команду, а затем и корабль, — стал вслух рассуждать Чаксвилли, — это тоже позволило бы нашей науке сделать грандиозный скачок. Не исключено, что следующий земной звездолет мы могли бы встретить минимум на равных. — Полковник порывисто встал. — Генерал Флортт сказался слишком усталым и перенес все совещания на утро. Клянусь драконом, я не дам ему и глаз сомкнуть! Сейчас не время дрыхнуть! — И Чаксвилли выбежал из палатки.

Сидя над чашкой, Джек обмозговывал ситуацию так и этак, пока его не одолела зевота. Тогда перебрался на койку.

Казалось, он едва лишь смежил веки, когда в лицо ударил яркий свет и кто-то затеребил за плечо. Над Джеком склонился знакомый вояка.

— Шило у тебя в заднице, что ли, сержант? — подслеповато мигая, пробурчал Джек.

— Ну ты и кобелина! — ухмыльнулся тот. — Там, за оградой, тебя поджидает смазливая бабенка. Уверяет, что срочно, просила разбудить. А теперь сознайся — когда, черт побери, ты только успел с ней снюхаться?

Джек мигом сел и схватил башмаки.

— Да ни с кем я не снюхивался! — Он поднялся в сильном волнении. — Должно быть, мать или одна из сестер! Всевышний, сделай так, чтобы все они уцелели, чтобы выбрались из рудников!

— Для матери слишком молода. — Сержант смутился. — Может, и впрямь сестра.

— И ничего не сказала?

— Сказала лишь, что с вашей фермы.

— Может, дочка Ланка? — второпях одеваясь, гадал Джек. — Смуглая, с крутыми скулами?

— Да нет, блондинка и очень симпатичная.

— Элизабет!

Джек выскочил из палатки и тут же, после окрика сержанта, вернулся за оружием. Поблагодарив служаку — разгуливать по лагерю без винтовки означало верный трибунал, — Джек помчался к ограде. У границы лагеря перешел на скорый шаг — не хватало ему еще поймать пулю от своих же караульных!

Лагерь по периметру плотно окружали паровики с выставленными наружу стволами орудий. Возле каждой третьей боевой машины в оцеплении горел костер и слонялось двое караульных. Джек назвал текущий пароль и спросил у часового, где женщина, искавшая Кейджа. Ему указали на костерок в отдалении — к самому лагерю гостью не подпустили.

Оскальзываясь на подмерзшей за ночь земле и выдыхая клубы пара, Джек помчался к костру и сгреб с ходу плотно закутанную женщину в объятия.

— Элизабет! — давясь слезами, воскликнул он.

В ответ прозвучал до боли знакомый ласковый голос:

— Не Элизабет, Джек. Я Р'ли.

Джек лишился дара речи.

— Но... Ты? — наконец выдохнул он. — Каким чудом ты здесь? А я уже было думал...

— Я вернулась домой, Джек. Вы все были правы — я опоздала. Кадмусы выгорели дотла, и никто из обитателей не уцелел. Пришлось уходить в Тхраракию. Но и туда доносились вести о войне между людьми и вайирами. Мы не могли отсиживаться там в безопасности, позволяя безнаказанно истреблять наших соплеменников, и организовали несколько летучих партизанских групп. Я командовала одной из них. После ряда рискованных операций, потерпев поражение, мы укрылись в осажденном кадмусе. И готовились к неизбежной гибели, так как люди уже завершали сооружение минных галерей.

И вдруг в самый последний момент осаждавшие нас покинули. Тогда-то мы и узнали о вторжении социнианских войск. И о том, что все свои силы Дионисия стягивает на защиту Мерримота. Я рассчитывала, что ты тоже в рядах социнианских солдат. И вот я... здесь.

Джек обнял ее и, неистово целуя, взволнованно лепетал:

— О Господи, как же я истосковался по тебе! Как я только мог жить все это время без тебя?

— Я боялась, что ты возненавидишь меня за нашу невольную разлуку...

— Да, я был зол на тебя, жутко зол и даже ненавидел, очень долго. Но в конце концов понял, что поступить иначе ты просто не могла. Ты слишком долго была настоящим вайиром. Тогда я стал тосковать по тебе, ночей не спал, все думал о тебе, не смыкая глаз, представлял себе, где ты, что с тобой... Собирался предпринять розыски сразу по окончании сражений. Но, признаться, уже не чаял увидеть снова. Я попросту ничем не заслужил подобного счастья — держать тебя снова в объятиях, воистину это дар Божий... — Джек стоял в нерешительности, не зная, что теперь предпринять. — Нельзя тебе здесь оставаться одной. Кто только не шныряет вокруг лагеря! Не для того я снова обрел тебя, чтобы потерять! Но в лагерь тебя тоже не пустят — там дьявольски строгая дисциплина. Хотя... чем черт не шутит? Ты слыхала о прилете землян? Похоже, они здорово изменят наши планы. Лагерь останется здесь до тех пор, пока все не образуется. И все же... где мне пока тебя спрятать? Где найти безопасное место?

— Наш кадмус всего в пяти милях отсюда. И хотя он близок к Мерримоту, расположен он на вершине крутого каменистого

холма так удачно, что люди понесли жуткие потери, прежде чем сумели загнать нас под землю. Я могу вернуться туда, там вполне безопасно.

— Я пойду с тобой, как бы далеко это ни было. Не дай тебе Бог столкнуться с каким-нибудь дезертиром! Дьявол, да лучше я сам им стану! Решено, остаюсь с тобой!

Покачив головкой, Р'ли нежно припала к груди возлюбленного:

— Не надо! К чему нам лишний риск? Социниане никогда не простят дезертира. Подождем еще немного.

— Все равно я должен проводить тебя.

— В этом тоже нет необходимости. Мой эскорт прячется неподалеку в тени. Ведь я как-никак дочь Слепого Короля, не забывай об этом.

В бессвязном нежном ворковании, постоянно прерываемом поцелуями и вздохами, час пролетел незаметно. Затем Р'ли мягко, но решительно попрощалась и скрылась в темноте. Проводив ее взглядом, Джек вернулся в лагерь и добродушно выслушал от часовых изрядную порцию весьма двусмысленных и завистливых шуточек. Когда же добрался до своей палатки, на востоке уже занималась заря. Полковник встретил Джека у входа.

— Где только тебя черти носят? — буркнул так и не сомкнувший этой ночью глаз Чаксвилли.

Джек рассказал. Полковник, казалось, сперва успокоился, затем раздраженно потребовал свежего чая.

— Старик Флортц слишком ошеломлен, чтобы решиться на что-нибудь путное. По-моему, он вообще уже не в состоянии ничего предпринять без указаний сверху. А ситуация не из тех, что позволяют отсиживать зад. Я связался по дальнотелу с генштабом в Социнусе. Там согласились, что действовать надо решительно и без промедлений. Главнокомандующий переговорил с Флортцем, поблагодарил за службу. Завтра генерала отзывают в Социнус для триумфального шествия, парадов, спичей, тостов, цветов... Командование войсковой группой принял я. — Чаксвилли поднялся из-за стола, сцепил пальцы за спиной и стал мерить палатку шагами. — Весьма, весьма ответственное решение... Если предпримем атаку, то страшно рискуем при этом. Кто знает, что там у них за оружие? С другой стороны, корабль запросто может улететь, оставив нас вот с таким носом. Если же ситуацию не менять, то придется довольствоваться крохами с барского стола. Но тут уж выбор, бесспорно, за ними — что дейрианам знать можно, а что пока рано. Вряд ли они сразу выложат все свои карты. Тогда к их возвращению мы могли бы стать настоящей силой.

Без земной науки нам уже никак не обойтись. Со дня на день, возможно, задолго до возвращения землян здесь появятся арране. Чем мы их встретим? Голыми руками? Нашими воздушными шарами? А если захватить корабль с экипажем, до следующего визита землян может пройти и шестьдесят, и сто лет... К тому времени мы, пожалуй, будем готовы к встрече с кем бы то ни было...

— Так вы планируете все же атаковать их, сэр?

— Разумеется. Вот только как? Пока корабль закупорен, ничего предпринять нельзя. Наши снаряды отскочат от его бортов, как горох — ставлю на это свой парадный кильт! Незаметно подкрасться к отпертому люку тоже навряд ли удастся — капитан Свенсон оказался столь любезен, что просветил меня и об этом. У них есть защитные средства, какие-то лучи, позволяющие фиксировать любое скрытное передвижение по соседству с кораблем. Черт побери, я уже не уверен в том, что он не слышит меня и сейчас при помощи своей дьявольской техники!

— Мне представляется, сэр, что есть лишь два способа действий — оба не из блестящих. Можно попытаться захватить капитана со свитой в заложники, когда они снова покинут корабль. Либо перед самым отлетом уговорить их принять на борт несколько наших рейнджеров под видом посольства Дейры. Рейнджеры захватят корабль и вернутся.

— Наши бойцы не управятся с эдакой махиной. Даже если они сумели бы подчинить землян и развернули звездолет с помощью пилотов, кто сможет поручиться, что среди экипажа не найдется герой-одиночка, который предпочтет эффектную смерть позорному плену и не взорвет судно?

— Тогда... Хм-м... Может, дожидаться приглашения на званый обед или на экскурсию по кораблю?

— Они наверняка примут меры предосторожности на случай вероломного нападения...

— Какое же это вероломство, если никаких обещаний мы не давали?

Пожав плечами, Чаксвилли плюхнулся в койку. Спустя минуту-другую его примеру последовал и Джек. Выспаться все же не удалось — уже через два часа их разбудили. «Юнайтед» снова спустил трап. На сей раз капитан Свенсон со спутниками воспользовались своим собственным транспортом — небольшая, сигарообразная машина, летя невысоко над землей, уже приближалась к социнианскому лагерю.

Чаксвилли развил бешеную деятельность. Проинструктировав на скорую руку дюжину офицеров, во избежание ошибок он заставил их немедленно повторить распоряжения. Действовать только по его условному сигналу. Скрутить землян в долю

секунды. Заткнуть рты кляпами. Самим при этом даже не дышать. На корабле ни в коем случае не должны ничего заподозрить! Капитана Свенсона изолировать, обыскать, избавить от лишнего оборудования и лишь тогда предъявлять ультиматум. В случае согласия подчиниться вернуть к основной группе. Да и каждому землянину в отдельности сделать тем временем то же предложение, что и капитану. Затем в сопровождении заложников как ни в чем не бывало подниматься на борт. Задача: удержать люк открытым до тех пор, пока скрывающаяся за деревьями абордажная команда не подоспеет на подмогу.

Попутно, разоружив землян, попытаться понять принцип действия их оружия. Внутри корабля это может весьма и весьма пригодиться.

Если условного знака не будет, обращаться с землянами как с почетными гостями.

— Затея почти что безумная, — признался Чаксвилли Джеку вполголоса. — Порожденная крайним отчаянием. Стоит кому-то из землян от неожиданности или из героизма хотя бы пикнуть, и пиши пропало. Даже проникнув на корабль, навряд ли мы сумеем захватить капитанскую рубку — или как там она называется. Даже найти ее там едва ли удастся.

Прибыли земляне. Несколько удивленные столь быстрым продвижением Чаксвилли по службе, они все же любезно поздравили свежее испеченного генерала. Свенсон проинформировал о решении экипажа «Юнайтед» стартовать через неделю. Новости об арранской и эгзвианской цивилизациях должны достичь Земли как можно скорее. Тем не менее он хотел бы получить разрешение высадить группу техников, инженеров и ученых. Им предстоит заняться не только изучением планеты, но и содействовать скорейшему прогрессу Социнуса. Убежденные, что победа Социнуса в нынешней кампании ведет к объединению всех людей планеты, экипаж «Юнайтед» в качестве полномочного представителя Земли принял решение признать правительство Социнуса правительством Дейры де-факто.

— Однако, — продолжал свою речь через священнослужителей Свенсон, — необходимо заключить официальное соглашение. Крайне важно, чтобы высаженный нами персонал трудился на вполне легальных основаниях. Мы хотим в кратчайший срок обустроить базу и смонтировать на ней оборудование. Мы просим вас, генерал, выделить нам официальный эскорт до столицы Социнуса. Мы будем также крайне признательны, если вы лично сочтете возможным сопровождать нас, представите главе вашего государства и объясните характер наших намерений.

Чаксвилли тонко улыбнулся. Один лишь Джек мог догадаться, что за мысли кроются за этой улыбкой.

— Войска должны вскоре выступить в направлении границы. Но ваш визит для Социнуса поважнее продолжения победоносной кампании. Решено — мой заместитель, начальник объединенного штаба, возглавит армию, пока я сопровождаю вас в Грейтхоупс.

— А не пожелаете ли вы свести неизбежное кровопролитие в нынешней кампании к минимуму? — поинтересовался Свенсон. — Если задержать выступление войск, то после заключения соглашения мы снабдим вас средствами для достижения подобных гуманных целей.

Чаксвилли буквально расшаркался от избытка признательности.

— Что же это за средства такие? — подивился он.

— Ну, что бы вам предложить для начала? — задумался на мгновение капитан. — Например, газ, лишаящий противника сознания на весьма длительный срок. Или же устройства, парализующие противника в ближнем бою, на расстоянии прицельного выстрела из пистолета.

— Потрясающе! — восхитился Чаксвилли. — Об этом, как и о других ваших предложениях, я незамедлительно переговорю с генштабом. Кстати, вы позволите мне взять с собой десяток штабных офицеров?

— Сожалею, — покачал головой Свенсон, — но у нас на корабле места маловато.

Чаксвилли ничем не выдал своего разочарования. Сошлись на четырех сопровождающих, и земляне удалились. Условного сигнала генерал так и не подал.

— Можно взять с собой Р'ли, сэр? — попросил Джек. — Так мне будет куда спокойнее.

— Интересная мысль, — рассеянно кивнул Чаксвилли. — Может статься, присутствие на борту женщины усыпит их бдительность...

— Вы все еще планируете захват?

— А как же, пусть только выпадет хоть малейший шанс! — Набросав на клочке бумаги несколько имен, генерал вручил список Джеку. — Прежде чем отправляться за сиреной, сыщика мне этих парней! Самые отчаянные рубаки!

Спустя несколько часов Джек уже крутил баранку, возвращаясь в лагерь. Р'ли, которой он объяснил, куда и зачем они направляются, тихонько сидела у него за спиной. Джек был с ней честен, предупредил о возможной опасности такого вояжа, даже пытался было уговорить ее переждать все в кадмусе, но она предпочла разделить все тяготы с возлюбленным.

Неподалеку от лагеря Джек притормозил паровик.

— Я много думал над словами Свенсона, — сказал он сирене. — Земляне теперь едины и сохраняют единство, что бы ни

случилось, куда бы ни занесла их судьба. А социниане жаждут совсем иного. Им нужна вся планета, но только для самих себя. Они лишь прикрываются утверждениями, что хотят объединить Дейру перед лицом грядущего вторжения арран или эзви.

После появления звездолета все решительно переменялось. Земляне могут объединить нас, и без всякого кровопролития. И нам без них не управиться, это ясно как Божий день. Что с того, если мы даже и утратим при этом свой язык, свои обычаи, религию? Так или иначе нам пришлось бы распрощаться с ними, даже под властью Социнуса. Да и не в том суть. Чаксвилли сам постоянно твердил, что под напором новой цивилизации наш образ жизни обречен. Суть перемен сейчас лишь в том, что это новое грядет с Земли, а не из Социнуса.

— Ты что-то намерен предпринять? — забеспокоилась Р'ли.

— Не знаю пока. Но у меня уже есть некоторый опыт измен. Когда я понял, что сохраняя верность Дионисии — зло, я переметнулся. Такое ведь трудно только поначалу. К тому же сейчас предательство представляется мне куда более оправданным — речь идет о судьбе всей планеты. И все же терзают сомнения — может, у меня планида такая, предательская? Или мои поступки были все же оправданы обстоятельствами?

В шатре командующего их любезно встретил сам Чаксвилли. Расшаркавшись перед сиреной, он отозвал помощника в сторону:

— Чтобы никакой мне инициативы, пока будем на корабле! Мы мирные гости, даже и не помышляющие о вероломстве. Кроме тебя с Р'ли, будем лишь мы с епископом.

— Что-то изменилось? — спросил Джек. Он уже неплохо изучил своего босса и не сомневался — у того в рукаве припрятана парочка-другая тузов.

— Рядом с Дворцом Народа большой газон, — понизил голос генерал. Имелись в виду апартаменты главы Социнуса. — Тысячи людей трудятся там сейчас точно кроты, закладывая фугас. Сверху все снова прикроют безобидной травкой. Я предложу землянам совершить посадку именно там. Никакой причины для отказа у них не будет — слишком уж упоены они собственной неуязвимостью. Сразу же после того, как мы вместе с земной делегацией покинем борт, мина взорвется. Не думаю, что взрыв способен причинить серьезный ущерб оборудованию или же оболочке звездолета — он, должно быть, рассчитан и не на такое, — но от резкого сотрясения все, кто внутри, должны как минимум потерять сознание. И наши солдаты без труда овладеют кораблем. — Чаксвилли расплылся в торжествующей улыбке.

— А вас не тревожит, сэр, как будет реагировать на то следующая экспедиция с Земли? — спросил Джек.

— Если успеем подготовиться, нападём и на нее. Если же нет, прикинемся невинными овечками — ничего, мол, и не слыхали про ваш «Юнайтед». А там, глядишь, и второй корабль захватим, как первый.

На генерала нашел стих красноречия — он сыпал и сыпал словами, говорил без умолку, пока с «Юнайтед» не пришло уведомление: Свенсон докладывал о готовности к вылету. Ссылаясь на неотложные дела, Чаксвилли попросил отсрочки, а сам тем временем связался с Грейтхоупсом. Закладчики фугаса требовали еще два часа, и генерал отправил к Свенсону вестового с сообщением, что президент совещается с кабинетом относительно условий соглашения с Землей. Как только совещание закончится, он известит. Да и к чему торопиться, располагая транспортом, способным проделать весь путь до столицы менее чем за час.

— Тэк-с, выторговал по меньшей мере часика три! — потирая руки, поделился с Джеком Чаксвилли.

Время тянулось бесконечно. Сидя за столом оператора, Джек ожидал известий из Дворца. Р'ли притулилась в уголке рядом. Станный вид был у нее в человеческой одежде; более того, некая печать отчужденности застыла и на лице. Улучив момент, когда Чаксвилли выскочил в нетерпении из шатра, Джек поинтересовался:

— О чем задумалась, родная?

— О многом. О нашем привычном, навсегда утраченном образе жизни. Ты даже не представляешь, как много он значил для вайиров. У человеческого общества множество недостатков, но в одном вы нас явно превосходите — вы умеете приспосабливаться к переменам. В самом широком смысле. Но я тоже смогу, я справлюсь. Иначе просто не выжить...

А еще я размышляла вот о чем. Идеалы, во имя которых ведет свои сражения Социнус, несут Дейре новое. Но это лишь пока. Стоит этим идеалам взять верх, и они сами по себе обратятся в косные догмы, обреченные уступить место новому, как расы людей и жеребьков уступают сейчас метисам-соцининанам. Это логично и неизбежно.

Джек глубоко задумался над словами сирены. Прошло два часа. Еще тридцать минут. Наконец дальнотелефон ожил. Квакающий голос сообщил, что «подготовка к встрече гостей полностью завершена».

Чаксвилли, епископ Пассос и Джек с Р'ли уселись в паровик и отправились на «Юнайтед». Отправились совершенно безоружными — Чаксвилли хотел этим окончательно усыпить бдительность пришельцев. Они поднялись по трапу, люк захлопнулся, и корабль плавно оторвался от земли.

Капитан Свенсон и отец Гудрих встретили дейриан, украшенные черными коробочками-кулонами. Выбегающая из каждой коробочки тонкая блестящая нить тянулась к небольшой затычке в ухе. Каждый из гостей получил такое же украшение. Свенсон через переводчика пояснил:

— Это устройство поможет нам общаться, не перегружая слишком наших почтенных священнослужителей. Мой конвертер воспринимает вашу речь, подбирает соответствия на нашем английском, и я слышу из него привычный для моего уха среднеамериканский акцент. Из своих вы тоже услышите привычную для вас речь. Возможно, кое-что в вашей речи окажется прибору и не по зубам. Вы сохранили множество слов и выражений, которые на Земле совершенно вышли из обращения. Некоторые слова приобрели у вас новый, порой весьма неожиданный смысл. Немало слов вы позаимствовали из речи жеребьков, к тому же изрядно изменив при этом грамматику. И все же не сомневаюсь, что эти приборы сослужат нам службу и процентов на девяносто разгрузят переводчиков.

Дейриане тут же испытали диковинку. И хотя слова из прибора выходили безжизненно-металлическими, да и смысл приходилось угадывать порой по контексту, Джек быстро приспособился и понимал практически все, что говорит капитан. Чуть труднее оказалось научиться не слышать голос самого Свенсона, заглушавший прибор, воспринимать его как посторонний шум. Но вскоре Джек справился и с этим.

Для начала капитан устроил гостям ознакомительную экскурсию. Никто, кроме разве что Чаксвилли, даже и не пытался скрывать чувства ошеломления. Да и генерал несколько раз не сумел сохранить совершенную невозмутимость и благоговейно ахал.

После осмотра Свенсон пригласил всех к обеду. Не угодно ли будет гостям перед едой ополоснуть руки? Похоже, у землян это было обязательным ритуалом. Пассос занял одну из умывален, Чаксвилли вошел в соседнюю, оставив Джека с Р'ли дожидаться своей очереди. Генерал заколебался было при входе, явно не желая оставлять подчиненного наедине с землянином, однако протокол есть протокол — а командир всегда первый.

Вот тут-то Джек и решился окончательно. Была не была! Бог весть, представится ли более удобная возможность. До посадки в Грейтхоупсе всего полчаса.

— Капитан! — обратился он к Свенсону. — Я должен вам кое-что сообщить.

Спустя две минуты Джек занял одну из освободившихся умывален и долго держал руки под горячей струей. Когда все

же вышел, встретил весьма красноречивые бледные лица. Улыбалась ему одна только Р'ли.

— Подлый изменник! — злобно прошипел Чаксвилли.

Хотя Джек и был убежден в своей правоте, избавиться от предательской внутренней дрожи оказалось не так-то просто. Но справиться с голосом он все же сумел:

— Я выдал ваши планы Свенсону, сэр, точно по тем же причинам, которые некогда заставили меня присоединиться к Социнусу. И в обоих случаях убедили меня именно вы, сэр.

— Так или иначе, предлагаю перейти к трапезе, — вмешался Свенсон. — Если у кого-либо еще сохранился аппетит.

Чаксвилли уже взял себя в руки:

— Подчиняюсь неизбежному ходу судьбы. Не спорю — человечество должно объединиться перед лицом внешней опасности и забыть междоусобные конфликты. Просто трудно вот так сразу расстаться с мечтой, да вы и сами все прекрасно понимаете.

— Тем, кто расставался со своими мечтами в битве с великим Социнусом, тоже пришлось нелегко, я полагаю, — заметил Свенсон.

Спустя двадцать минут внизу, в долине, окруженной со всех сторон крутыми горными пиками, показался Грейтхоупс. «Юнайтед» спланировал прямо к подготовленной для него «посадочной площадке» и завис над ней. Затем плавно взмыл повыше и чуть в сторону. Луг возле дворца исчез в клубах дыма, в небо плеснулось гигантское грибообразное облако.

— Пожелай мы, — пояснил Свенсон, — то же самое случилось бы со всеми запасами взрывчатых веществ в городе. Да что там в городе — наши лучи заставят взорваться малейшую крупинку пороха на самой дальней окраине континента.

Звездолет приземлился у края гигантской воронки, в которую превратилась ухоженная дворцовая лужайка.

После трех дней переговоров соглашение с Землей было подписано и ратифицировано. Спустя еще неделю со сказочной быстротой выросла база. Затем «Юнайтед» покинул планету.

Весну Джек и Р'ли встретили на базе землян, где делились с лингвистами своими познаниями. Им объяснили, что языки должны быть сохранены в чисто научных целях. По прогнозам земных специалистов языку социнан, своеобразному гибриду упрощенного английского и взрослого вайирского, предстояло вскоре поглотить все остальные наречия Дейры.

Услыхав такое, Чаксвилли фыркнул:

— О чем они умалчивают, так это о том, что и социнанский язык ждет та же участь, только несколько позже. Верх возьмет земной английский.

Чаксвилли принес земному посольству официальные заверения, что за предотвращение попытки захвата «Юнайтед» никаких обвинений против Кейджа выдвинуто не будет. Полной уверенности, что на слово генерала можно полагаться, у Джека все же не было. Но единственная альтернатива — путешествие до Земли и обратно — тоже не вдохновляла. Лучше уж рискнуть и остаться в знакомом мире, чем оказаться в абсолютно чуждом окружении и на каждом шагу чувствовать себя неумышленным младенцем.

В одно солнечное утро, в самый разгар весны, Джека и Р'ли доставили на летающей земной машине к руинам отцовского хозяйства. Земляне снабдили молодоженов палатками, припасами на первое время, оружием и инструментами, пожелали удачи и отбыли восвояси.

Джек провожал взглядом сверкающую иглу летающей лодки, пока та не истаяла в голубизне неба. Располневшая с началом беременности Р'ли тихо ждала рядом. Не без труда Джек заставил себя вернуться на землю, обратиться взглядом к окружающему разору, уже не прикрытому, как давеча, снегом. Восстановление дома и амбаров потребует не одного года. Сперва предстоит выстроить на руинах простую бревенчатую хижину. Позже, по мере роста семьи, Джек добавит к ней несколько комнат.

Вспашка — тоже теперь задача не из простых. Единорогов больше нет, и достать их негде. Земляне обещали ему соорудить паровой плуг. Не дай Бог, позабудут! Хотя они и благодарны Джеку за спасение собственных жизней, но благодарность — увы! — преходящее чувство.

Р'ли нежно чмокнула супруга в щеку:

— Да не переживай ты так сильно!

— Легко сказать «не переживай»! — Джек погладил любимую по животу. — Во всяком случае, здесь мне предстоит заниматься тем, что я знаю как свои пять пальцев, чем привык заниматься всю сознательную жизнь. Чертовски надоело торчать взаперти и гробить время на нечто, совершенно оторванное от реальности. Да еще когда тебе ежеминутно напоминают, что твоя родная речь уже как бы умерла. Но мы-то с тобою живы. Рядом с тобой, дорогая, мне по плечу любые невзгоды и опасности. Нам не приходится ожидать любезности от уцелевших земляков. И пройдет еще немало времени, прежде чем сойдет на нет подполье и партизанское движение. А есть еще и Чаксвилли — кто его знает, может, ждет лишь случая свести со мной счеты, обвинив в этом мстительных дионисийцев.

Р'ли взяла мужа за руку:

— Опасностей сейчас не больше, чем в самом начале всей этой заварухи. В жизни всегда так — смерть бродит и ждет нас за каждым углом. Давай выстроим дом, вспашем землю и нарожаем детишек. Вырастим их в любви да ласке. Главное — не питать к людям ненависти, желать им лишь добра и надеяться, что оно когда-нибудь вернется к тебе самому. Любовь в этом мире сильнее злобы.

И что бы с нами потом ни стряслось, мы должны трудиться сейчас не покладая рук — ради себя, ради наших детей, ради добрых соседей. Мы должны. Нам будет нелегко, конечно. Но мы не сдадимся, любимый.

**ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ**

ДОЧЬ КАПИТАНА

Он поднес ко рту чашку с дымящимся кофе, лениво глядя на Землю, висевшую над кратерами.

Зазвенел телефон.

Он нажал на кнопку.

— Доктор Голерс слушает.

— Марк, это Гарри. Я на «Короле эльфов», грузовом судне капитана Эверлейка, 12-й док. Тут для тебя есть дело. Без лаборантки, пожалуй, не обойтись. Так что захвати и ее с собой. Я послал за тобой багги. Будет у тебя минут через пять.

Последовало молчание. Потом, с едва угадываемым волнением: «С тобой поедет лейтенант Располд».

— Кто-то кого-то убил? — спросил Голерс.

— Понятия не имею. Но один из членов экипажа исчез сразу после выхода «Короля эльфов» из гиперпространства. Капитан сообщил об этом только минуту назад. Сказал, что сильно озабочен состоянием своей дочери, так что раньше ему было недосуг.

— Ладно. Я позвоню Рода. Пока.

Марк Голерс перевел взгляд к настенному экрану и вдавил кнопку. Экран осветился. На нем появилось изображение невысокой стройной девушки в зеленой блузке и широких брюках, которая, задрав ноги на стол, читала микрокнигу. Взглянув на экран перед ней, Голерс пробежал глазами увеличенные буквы.

— Снова Генри Миллер, Рода? Ты вообще читаешь что-нибудь кроме классики?

Рода Ту щелкнула выключателем микрокниги и пригладила короткие черные волосы. В темных раскосых глазах прыгали смешинки.

— Должна же я переживать сильные ощущения, доктор. От тебя ведь толку мало — ты к моим прелестям, увы, равнодушен.

The Captain's Daughter
Copyright © 1953 by Philip Jose Farmer

Приподняв рыжеватые брови, Голерс произнес:

— Но я же не единственный мужчина на Луне, Рода.

Оставив шутливый тон, он продолжил:

— Захвати инструменты. Нас ждут на корабле, который только что совершил посадку.

Девушка тут же встала.

— Сейчас приду, доктор.

Выключив экран, Марк Голерс проверил содержимое своей сумки и надел зеленую куртку. Через минуту вошла Рода. Она толкала перед собой легкую тележку, на которой стоял большой черный металлический ящик с многочисленными отверстиями и шкалами.

— Кто там заболел, доктор?

— Насколько я понял, дочь капитана.

— Опять невезуха! А мне так хотелось, чтобы это был наконец мужчина. Такой, знаешь, большой и весь из себя мужественный представитель сильного пола, временно занемогший, и чтобы он первым делом, как придет в себя, увидел меня, и — любовь с первого взгляда.

— И — снова в обморок, как только поймет, что его ждет.

Они прошли через дверь-вертушку, и Рода стала толкать мехлаб вниз по пандусу. Зеленый огонек говорил о том, что в шлюз можно войти без опаски.

Багги их уже дожидался. Подняв над головой тележку с аппаратом, Рода передала ее водителю. Тот подхватил тележку и поставил в машину. Потом девушка запрыгнула в кузов, расположенный на трехфутровой высоте. Голерс последовал за ней. Не успели они сесть, как через дверь неторопливо прошествовал мужчина и уселся напротив. Дверь закрылась. Шлюз отворился, и багги стремительно выехал на дорогу. Никто из пассажиров не смотрел сквозь темное стекло на бугристую равнину или отдаленные бастионы кратеров. Все сосредоточено закуривали.

Марк выдохнул дым.

— Как дела на сыскном фронте, Располд? — спросил он.

Располд был мужчиной высокого роста, с прилизанными черными волосами, черными глазами, которые, казалось, так и ели вас, и с носом, как у ищейки.

Его мягкий, глубокий голос несколько сглаживал некрасивость внешнего облика.

— Если честно, то мне надоело. На Луне преступление — это что-то из ряда вон. Я тут в основном только и делаю, что рисую лунные пейзажи или обнаженную натуру.

— Я тебе больше не позирую, — заметила Рода. — На всех твоих картинах я выгляжу слишком толстой.

Располд слегка улыбнулся, блеснули длинные белые зубы.

— Все верно. Но ничего поделать с этим не могу. Мое подсознание тоскует по женщине с волнующими изгибами «русских горок». Таких женщин больше не увидишь. Во всяком случае, на Луне точно.

— Ты уже подал заявление о переводе? — спросил Голерс.

— Да, но пока никаких известий. Я попросил, чтобы меня послали на Дикую Глушь. Эту планету только недавно начали осваивать. На ней и десяти футов нельзя пройти, чтобы не наткнуться на индивидуалиста или неврастеника. Она словно создана для сыщика, которому нравится заниматься грязной и тяжелой работой. — Располд растянул рот в улыбке. — Голерс, а ты сам-то когда отбываешь? — спросил он.

— Как только подвернется подходящее судно. У меня месячная отсрочка на то, чтобы принять решение. В таких вещах осторожность не помешает. Если тебе попался капитан или экипаж, с которыми трудно ладить, то, считай, твоя жизнь превратится в ад.

— А ты не хочешь остановить свой выбор на планете?

— И торчать на ней десять лет, пока не выплачу компании ее затраты на мое медицинское образование? Нет уж, спасибо. Если я останусь корабельным врачом, то отработаю на Саксуэлла всего шесть лет. При этом мне придется посещать многие планеты, но зато, слава Богу, я смогу иногда проводить отпуск на Земле.

— Но между отпусками тебе придется безвылазно сидеть в ракете.

— Знаю. Но мне хочется поскорее развязаться с этим. Потом я смогу практиковать на Земле. Она меня вполне устраивает.

— Но не меня. Чересчур много полицейских и слишком мало преступников. На ней мне никогда не продвинуться по службе. Вот Дикая Глушь как раз по мне.

— Думаю, придется мне туда наведаться, чтобы раздобыть мужа, — вмешалась Рода. — Я слышала, там на одну девушку приходится по пять мужчин. Чудесно... просто чудесно!

Недовольно глянув на нее, они замолчали и не раскрывали рта до самого дока. По прибытии Голерс схватил сумки и выпрыгнул из машины. Выйдя из шлюза, он вошел в люк «Короля эльфов». Его встретил таможенный инспектор Гарри Гарази.

— Сюда, Марк. Она в своей каюте. Прехорошенькая девушка. Во всяком случае, когда была здоровой, как мне кажется. А сейчас она вроде как побледнела и осунулась. И язык весь распух.

— Кто был поблизости, когда она заболела?

— Ее отец. Во всяком случае, так говорят. Сейчас он с ней и не отойдет от нее до прихода врача. То есть до твоего, Марк.

— Спасибо, что просветил.

Они прошли по коридору, поднялись по лестнице на другую палубу, миновали комнату, где несколько членов экипажа раздевались для врачебно-таможенного досмотра, поднялись по узкой винтовой лесенке и подошли к двери. Гарази постучал.

Послышался низкий голос:

— Входите.

Они вошли. Каюта оказалась достаточно просторной, чтобы вместить двухъярусную кровать, туалетный столик с большим зеркалом, откидной письменный стол, прислонившуюся к углу шагающую куклу в половину человеческого роста, застекленную полку с книгами и микрофильмами, еще одну встроенную полку с морскими раковинами из дюжин двух миров и фотографию женщины. Дверь между кроватью и туалетным столиком вела, как предположил Голерс, в ванную — одну на две каюты. Через другую, полуоткрытую дверь виднелись платья на вешалке. Все они были белыми.

Белой была и форменная одежда капитана Асафа Эверлейка. Голерса это удивило, так как Звездная корпорация Саксуэлла требовала от своих сотрудников, чтобы они одевались в зеленое. Голерс посмотрел на капитана Асафа и сразу понял, что перед ним человек, который способен настоять на личном мнении и сделать все по-своему, несмотря на противодействие со стороны даже такого гиганта, как Саксуэлл.

По сравнению с Эверлейком грубое и энергичное лицо его друга Располда казалось нежным и безвольным. Времени разглядывать больше не было, и Марк Голерс склонился над девушкой, лежавшей на нижней койке. На ней была белая блузка и белые широкие брюки. Ее лицо казалось таким же белым, как ее одеяние. Она лежала с закрытыми глазами; рот ее, весь в крови, был приоткрыт. Губы потрескались, сильно покусанный язык распух. Пульс частил.

Врач обратился к Гарази:

— Снаружи ожидает Рода. Попроси ее установить мехлаб в холле, ладно? Здесь нет места.

Он надавил на глазные яблоки больной и заметил, что они твердые.

— Капитан, — спросил он, — у нее когда-нибудь случались подобные приступы?

— Ни разу.

— А когда произошел этот?

— Час назад, по корабельному времени.

— Где?

— Здесь.

— Вы присутствовали во время приступа?

— С самого начала.

Голерс перевел взгляд на капитана. Тот выделял каждый ударный слог так, будто его язык был молотом, который бил по наковальне, распластывая по ней слоги.

Словно прикрытые жесткой броней, его светло-голубые глаза казались под стать голосу. Брови над ними были цвета засохшей крови. Их длинные густые волосинки торчали пиками фалангитов. Да и сам капитан Асаф Эверлейк, на взгляд Голерса, походил на ошетилившегося ежа. Даже неподвижный и молчаливый, он производил впечатление неприступной крепости.

Голерс тотчас позабыл о нем, стоило Роде просунуть голову в дверь.

— Нужно взять пять проб крови, — сказал он. — Подготовь меклаб для анализов по определению уровня сахара в крови, инсулина, адреналина, по количественному содержанию кровяных телец и общий клинический. Настрой на подачу сигнала, предупреждающего о чужеродных телах. И, пожалуйста, принеси сюда энцефалограф.

Голова Роды скрылась за дверью.

— Минутку, Рода! — крикнул он. — Будь добра, понюхай ее дыхание.

Она склонилась над девушкой.

— Запаха ацетона не чувствую, доктор, — сказала она немого погодя. — В самом деле, ничего не чувствую, вот только запах рыбы.

— Она что, ела недавно рыбу? — обратился он к капитану Эверлейку.

— Вполне возможно. Сегодня пятница, по корабельному времени. Придется справиться об этом у повара. Я сегодня не ел.

Голерс взял металлическую коробочку электроэнцефалографа, соединенную с меклабом длинным проводом на катушке, и принялся медленно водить ею над головой девушки. При этом он попеременно то выключал, то включал прибор. Рода, взяв пробы крови, вышла. Когда за ней закрылась дверь, Голерс попросил отца девушки описать припадок.

Время от времени врач кивал, пока капитан описывал классический пример эпилептического припадка, инсулинового или адреналинового шока. Голерс сомневался, что у нее диабетическая кома, но для полной уверенности ему было необходимо знать уровень сахара в крови. Не исключена также и вероятность того — о чем так беспокоятся работники врачебно-таможенной службы, — что девушка могла подхватить вирус какой-нибудь неземной болезни или дать приют паразитирующему

организму. Правда, Голерс так не думал. Скорее всего она просто впервые поддалась одному из самых обычных недомоганий земного типа.

Однако кто знает. А вдруг в ней притаился неизвестный ужасный микроб, который вызовет эпидемию вроде Черной Смерти*, если вырвется за пределы этого корабля?

В эту минуту она открыла глаза.

Не успел он заговорить, чтобы успокоить ее, как девушка отпрянула от него. С расширенными от страха глазами она пыталась забиться в постель от него подальше. Ее отец тотчас подскочил к ней, оттесняя врача своим худым телом.

— Все хорошо, Дебби. Папа с тобой. Тебе нечего бояться. Ты только лежи спокойно, слышишь? Лежи спокойно, и ты поправишься.

Она не ответила, но посмотрела мимо отца на Голерса. Ее глаза были такими же светло-голубыми, как у отца, только помягче. Теперь, когда она приподняла голову, Голерс обратил внимание, что ее золотистые волосы очень длинные. Одно это заметно выделяло ее в мире коротких стрижек.

— Кто это? — спросила она хриплым, напряженным голосом. Затем ее голова снова опустилась на подушку, словно усталость взяла свое. Девушка закрыла глаза и сцепила на груди пальцы. Минуту Голерс наблюдал за ней, потом вышел из каюты, захватив с собой электроэнцефалограф.

Рода Ту подняла от мехлаба глаза:

— Общий клинический еще не готов, но остальные уже есть.

Она протянула ему бумажную полоску с пробитым на ней машинным кодом.

— Похоже на адреналиновый шок, — произнес Марк Голерс.

— Ничего чужеродного? — обрадовался Гарри Гарази. — Это же здорово! Кстати, а что такое адреналиновый шок?

Врач посчитал, что располагает достаточным временем, и пустился в объяснения:

— Когда уровень сахара в крови понижается, мозговой слой надпочечной железы выделяет гормон эпинефрин. Из-за него животный крахмал в печени превращается в животный сахар, и уровень сахара в крови таким образом повышается. Но адреналин — это крайняя мера со стороны организма. Он слишком часто служит причиной тахикардии, приливов крови, судорог. Эти симптомы совпадают с теми, какие бывают у диабетика во время инсулинового шока, а также с симптомами некоторых форм эпилепсии.

* Чума в Европе в XIV веке. (Здесь и далее примеч. пер.)

Но с полной уверенностью я поставлю диагноз лишь тогда, когда будет готов общий клинический анализ. Причиной присутствия в крови эпинефрина может оказаться какой-нибудь другой фактор. Так или иначе, но мехлаб выявил в крови низкое содержание сахара. Не настолько низкое, чтобы вызвать адреналиновый шок, но в таком случае уровень сахара повышался с момента выброса гормонов. Она выходит из шока.

— Что же вызвало низкое содержание сахара?

— Если б я знал, то, наверное, не стоял бы сейчас сложа руки.

Наклонясь всем телом, словно антенна в сильный ветер, к ним приближался Располд.

— До сих пор ребята из ВТС давали судну чистое карантинное свидетельство, — проговорил он. Подняв кверху свой огромный рыщицкий нос, он принюхался. — Кто тут прячет дохлую рыбу?

Заморгав, доктор Голерс ответил:

— Ты же знаешь, что у меня с обонянием не очень.

— Тебе здорово повезло, — отозвался детектив. — В этом мире больше вони, нежели приятного благоухания.

Он повернулся к Гарази:

— А не лучше бы тебе поискать источник этого ужасного зловония?

— Но у меня же нет такой полицейской нюхалки, как у тебя, Располд, — запротестовал Гарази. — Я еще могу учуять что-то рыбное, стоя у открытой двери каюты, но только не вне ее.

Располд встрепенулся, словно удочка для ловли рыбы на муху.

— В каюте, а?

Искоса он взглянул на Голерса:

— Что скажешь, доктор? Мне можно поговорить с ними? Из экипажа, кажется, никто не знает, что случилось с тем пропавшим.

— Можешь поговорить с капитаном, но не здесь, а в холле. Да и потом, думаю, мисс Эверлейк пока не до этого.

— Скажи ему, чтобы вышел, ладно?

— Я *спрошу* у него, не будет ли он любезен ненадолго выйти. Такому человеку, как капитан, не *приказывают*.

Капитан Асаф сидел на краю постели и не отрываясь глядел на дочь. Та, расцепив пальцы, протянула ему руку, но он не взял ее, и рука опустилась. Его лицо словно окаменело, будто влажная простыня, оставленная на снегу. Он встал, выставя на обозрение свою сухошавую ссутулившуюся фигуру с негнушей шеей и выпирающей грудью.

Когда ему передали просьбу Располда, он кивнул, что означало согласие. Прежде чем выйти, он обернулся и еще раз взглянул на дочь. Потом его взгляд переместился на Голерса; мужчины встретились глазами. Молодой человек выдержал его взгляд, но почувствовал, будто на него обрушилось что-то тяжелое. Если мысленная посылка грома и молнии была бы возможна, то капитан, несомненно, воспользовался бы этим. Для врача ощущение было довольно странным, и нельзя сказать, чтобы оно ему понравилось. В этих глазах он увидел предупреждение и угрозу.

Пожав плечами, Голерс подумал, что он, пожалуй, становится чересчур впечатлительным. Сами по себе глаза не являются носителями света или информации. Сочетание формы лицевых мышц, осанки, эмоциональных оттенков голоса создает определенную модель. Наблюдатель этой совокупности, если только он наблюдает неосознанно — а большинство людей наблюдает именно так, — воспринимает все вместе. В памяти же чаще всего остаются глаза — благодаря литературе и общим толкам, которые преувеличивают их значение.

И все же, сказал себе Голерс, человек способен одним лишь взглядом выразить всю угрюмость и непреклонность своего нрава. От этого так просто не отмахнешься.

Он повернулся к девушке. Ее глаза снова были открыты. Пальцы все еще вытянутой руки сжались почти в кулак. Как будто она тянулась за чем-то, а потом, поняв, что ее отвергли, попыталась выразить гнев, но не сумела.

Его это не касалось. Во всяком случае, не сейчас. Он находился здесь для оказания срочной медицинской помощи, и ему было чем заняться.

— Сожмите, пожалуйста, кулак несколько раз, — попросил он девушку. — Хочу сделать вам укол глюкозы.

Она смотрела с непонимающим видом. Он повторил. Она скользнула взглядом по своей руке вниз, затем отвела его.

— Это, конечно, не обязательно, — добавил Голерс. — Просто тогда вена станет лучше видна, и мне не придется тыкаться иглой в поисках.

Ее веки медленно опустились. По телу и лицу пробежала волна дрожи. Девушка словно боролась с чем-то внутри себя.

Через минуту она произнесла, не открывая глаз:

— Хорошо, доктор. — Ее голос был покорным.

Найти вену не составило ему труда.

— Вы недавно сильно потеряли в весе?

— Около шести фунтов, с тех пор как мы покинули Мелвилл.

— Мелвилл?

Она открыла глаза и пристально посмотрела на него:

— Вторая планета беты Скорпиона, или Зубен эль Хамаль. На арабском это означает «северный коготь». Это единственная зеленая звезда, которую можно увидеть с Земли невооруженным глазом.

Голерс вытащил иглу из вены.

— Надо как-нибудь посмотреть. Вот вам преимущество проживания на Луне: здесь удобнее обозревать небеса. Правда, других доводов в пользу пребывания здесь я не вижу.

Голерс надеялся разговорить девушку.

— Что вы делали на Мелвилле?

— Мы останавливались там, чтобы выгрузить медикаменты. И от души радовались такой возможности. Мы ведь подросли как раз к празднику.

Он поднял брови, и она, заметив его недоумение, пояснила:

— В этот день мы празднуем рождение Ремоха.

Голерс сразу понял, что означали белое платье и длинные волосы мисс Эверлейк. Не будь он столь занят, он бы раньше догадался. Ремох был основателем неопуританской секты, которая процветала на Земле последние пятьдесят лет. Затем ее руководители, видя, что первоначальное рвение прихожан по-немногу иссякает, а молодые люди незаметно ускользают от них, переселились на планету, название которой он позабыл. Продав свое имущество, они разными путями добывали деньги, не брезгуя даже попрошайничеством. Космическое путешествие обошлось им недешево — и каюты, и перевозка груза стоили огромных денег. Небольшая колония ремохов обосновалась на Мелвилле без гроша в кармане и с очень немногими орудиями труда в багаже.

— Как получилось, что ваш отец стал космонавтом? — спросил Голерс. — Я считал, что ваши люди крайне редко общаются с Землей.

— Саксуэлл и другие компании держат на Мелвилле свои торговые посты. Они не только успешно торгуют с нами, но и вербуют многих наших юношей. Те уходят в космос, чтобы сколотить себе состояние и... найти жену. У нас ведь не как на Земле: на каждую женщину рождается по двое мужчин.

— Наверное, для ваших юношей это действительно выход. Они прилетают на Землю и выбирают.

— Так и было бы, однако большинство женщин не желает становиться последовательницами Ремоха. Им тогда приходится резко менять свой образ жизни: ведь до этого они ведут далеко не строгую жизнь. А мужчина из ремохов не имеет права жениться на неверующей.

Голерс невольно поглядел на портрет женщины на стене.

Девушка перехватила его взгляд.

— Моя мать из землян, — сказала она, — и родила меня на бывшем корабле отца, на «Зарянке». А потом он поселился на Мелвилле. Но после смерти матери он снова стал работать в космосе. Саксуэлл был доволен, что тот вернулся к нему. С ним, может, не так интересно, но он хороший капитан. Он неподкупен, а им как раз нужен такой. Вы ведь знаете, сколько хлопот доставляют им чиновники, которые вечно погрязают в грехе на пограничных планетах — уж больно легко там можно обогатиться.

Голерс кивнул. Действие глюкозы проявлялось стремительно. Щеки девушки зарозовели, глаза стали ярче, а движения живее. Более того, для девушки, которую отец предупредил о необходимости помалкивать, она была удивительно разговорчивой. Голерс объяснял это просто. Она, вероятно, очень одинока, так как лишена общения с другими людьми своего возраста, а капитан скорее всего молчун по своей натуре.

Вошла Рода и протянула ему скручивающийся листок бумаги. Это была электроэнцефалограмма. Она показывала скачки мозговых импульсов. Это не так уж много значило для установления точного диагноза: возможно, причиной скачков послужил недавний припадок, а может, для нее такой паттерн вполне обычен.

Он попросил Роду снова снять у девушки энцефалограмму, пока он будет брать пробу крови. Он хотел выяснить, не поднимается ли у нее уровень сахара. Когда Рода ушла, он подсел к девушке и взял ее за руку. Она не пыталась отнять ее, но слегка напряглась. Его интересовала лишь ее двигательная реакция, и поэтому он выпустил руку. Та упала на покрывало.

— Как вы теперь себя чувствуете?

— Слабость, а еще я немного волнуюсь, — ответила она. Поколебавшись, она добавила: — И у меня до сих пор такое ощущение, будто я вот-вот взорвусь.

— Взорветесь?

Она положила руку на живот. Голерс был уверен, что движение это было произвольным.

— Да, я чувствую, будто еще немного, и я взорвусь или меня разорвет на кусочки.

— А когда у вас впервые появилось такое ощущение?

— Примерно два месяца назад по корабельному времени.

— Каких-нибудь других ощущений у вас не было?

— Нет. Впрочем, да, были. У меня появился чудовищный аппетит. Но в весе я не прибавила. Вот только животик немного увеличился, так что я старалась ограничить себя в еде. Но

тогда я совсем ослабла и устала придерживаться диеты. И мне пришлось есть.

— Что вы обычно едите? Мучное, сладкое или, может, белки?

— Да все, что под рукой. Я, конечно, не ем много жирного. И шоколадками никогда особенно не увлекалась. Это плохо отражается на цвете лица.

Он не мог не согласиться с ней. Он ни у кого не видел такой нежной кожи цвета взбитых сливок, как у нее. Теперь, когда к ней возвращался ее живой румянец и в глазах появилось больше жизни, ее можно было назвать красивой. Скулы слишком выдавались, и быть поупитанней ей бы совсем не помешало, но, на его взгляд, строение ее костей было великолепным. Череп, челюсти, зубы — все было скроено ладно.

Он незаметно усмехнулся, поймав себя на бесстрастном анализе этого произведения искусства, и поспешил вернуться к своим обязанностям.

— Вы часто ощущаете это чувство распирания изнутри?

— Да, я даже просыпаюсь посреди ночи и чувствую это.

— Чем вы занимались, когда это чувство возникло впервые?

— Я смотрела микрофильм «Пеллеас и Мелисанда» Дебюсси.

Голерс улыбнулся.

— Рождественная душа! — произнес он. — Вы любите оперу! *O rara avis!** Мы поговорим об этом, когда поправитесь. В наше время так редко можно встретить человека, который... Да вы и сами знаете. Постойте. Вы помните то место, в начале первого акта, где Голó находит Мелисанду у колодца в лесу? Она готова убежать прочь, и он начинает петь: *«Не бойтесь меня, вам нечего страшиться. Скажите мне, отчего вы плачете здесь, такая одинокая?»*

Он стал тихо напевать:

— *N'yaez par per, vous n'avez rien á craindre. Pourquoi pleurez vous, ici, toute seule?*

Он замолчал, чтобы дать ей возможность продолжить партию Мелисанды: *«Ne me touchez pas! Ne me touchez pas! Ne me touchez pas!»*** Он хотел вступить с утешительными словами Голо: *«Не бойтесь! Я не причиню вам зла. О, как вы прекрасны!»*

И он бы не преувеличил. Она была прекрасна. Ее кожа была белоснежной и гладкой, а волосы — блестящими и золотистыми, как лютик.

* О диковина! (лат.)

** Не трогайте меня! Не трогайте меня! Не трогайте меня! (фр.)

Но она не пожелала отозваться на его приглашение попеть. Нижняя губа у нее задрожала, а голубые глаза наполнились слезами. Она неожиданно разрыдалась.

Он пришел в замешательство. «Что такого я сказал?»

Она порывисто закрыла рукой лицо, продолжая плакать.

Растерявшись и стараясь как-то отвлечь ее, он стал петь партию Фауста из «Любовного дуэта»: «*Laisse-moi, laisse-moi contempler ton visage*»*.

Но она упорствовала в своем нежелании открыть ему свое лицо.

Он перестал петь.

— Простите, если мои слова каким-то образом вас обидели. Я только пытался хоть немного развлечь вас.

Всхлипывания прекратились.

— Нет, это вовсе не так, — сказала она. — Просто я очень рада, что мне есть с кем поговорить, что я сейчас не одна.

Она протянула к нему руку, но на полпути отдернула ее.

— Вы... вы ведь не находите во мне... чего-то неприятного, правда?

— Нет. С какой стати? Я считаю, что вы очень даже симпатичная. И уж конечно, вели вы себя вовсе не отвратительно.

— Я не то имела в виду. Впрочем, неважно. Если вы не... Просто за последние три месяца со мной никто не разговаривал, кроме Клакстона и папы. А потом папа запретил мне...

— Запретил что?

Она ответила торопливо, словно боялась, что кто-нибудь войдет и помешает ей высказаться:

— Разговаривать с Питом. Он говорил со мной два месяца назад. С тех пор...

— Да?

— С тех пор отец и сам больше молчал, а поговорить с Питом наедине мне удалось лишь однажды. Это произошло как раз перед тем, как я впала в кому или как она там называется. А вообще...

Поколебавшись, она закончила, сжав пухлые губы:

— Я упала в обморок, когда разговаривала с ним.

Голерс взял ее руку и погладил. На мгновение она смешалась, но руку не отняла. Он удивился тому, как подействовало на него прикосновение к ее нежной коже. Он даже вынужден был сделать глубокий вдох, чтобы умерить полувосторженное, полуболезненное ощущение.

В ту же секунду профессиональный интерес в нем слегка посторонился, уступая дорогу интересу личному.

* Позволь мне, позволь мне любоваться твоим лицом (фр.).

— Кто такой Пит Клакстон? — поинтересовался он. И снова удивился. Оказывается, существование этого парня и то, что он для нее значил, взволновали его.

— Второй помощник, штурман. Он старше меня, но он славный, очень славный.

Голерс подождал, пока не понял, что она больше ничего не собирается рассказывать. Казалось, Дебора Эверлейк рассказывает, что слишком много наговорила ему. Закусив губу, она безучастно глядела куда-то поверх его плеча. И как часто случается с людьми, голубизна глаз которых очень бледна, от этой бледности ее глаза казались пустыми, больше похожими на глаза животного или восковой модели, чем на человеческие. Он отвел взгляд. Пустота ее глаз не нравилась ему, потому что она лишала Дебору ее красоты. У людей с такими светлыми глазами видимость пустоты в них была общим недостатком. Возможно, именно поэтому он предпочитал темноглазых женщин.

Чувствуя неловкость, он встал.

— Я сейчас вернусь, — сказал он.

Она продолжала молча и безучастно смотреть в стену. Повернувшись, он открыл дверь. И едва не натолкнулся на капитана, устремившегося в дверной проем. Голерс остановился, чтобы пропустить его. Эверлейк, казалось, даже не заметил его. Он шел так, будто дверь открылась под воздействием фотоэлемента.

Голерс посмотрел на неестественно застывшее лицо и удалился. Одного капитанского вида было довольно, чтобы заболела и здоровая девушка.

Дверь позади него закрылась.

— Рода, — спросил он, — ты...

Он запнулся. Дверь в каюту была закрыта, но даже она не смогла заглушить пронзительный крик, рвущийся изнутри.

Худая, но сильная рука Располда помешала Марку Голерсу ворваться в каюту.

— Полагаю, он сообщил ей, — сказал Располд, невесело осклабившись.

— Что сообщил? — спросил Голерс, хотя в тот же миг перед ним яркой вспышкой блеснула истина и он уже заранее знал, что скажет ему детектив.

— Его дочь не знала, что исчезнувшим был Пит Клакстон.

Голерс выругался.

— Вот скотина! — произнес он. — Неужели он не мог сообщить ей поосторожнее?

— Мне показалось, что он спешил, — ответил Располд. — Я спросил у него, рассказал ли он ей, и он ответил мне, что нет.

Тогда я сказал, что сообщу ей сам, но не успел я объяснить ему, что сделаю это при первом же удобном случае, как он поспешил к ней. А я — за ним, так как наперед знал, что он затевает.

— Что ты собираешься делать?

Располд пожал широченными плечами:

— Не знаю. Понимаешь, он признался, что был последним, кто видел Клакстона живым. А через час Клакстон исчез. Но разве этим что докажешь!

Голерс спросил себя, а известно ли лейтенанту, что Клакстон находился в каюте девушки, когда у той случился припадок? Но стоило ему только об этом подумать, как Располд сообщил:

— Эверлейк утверждает, что они трое разговаривали в ее каюте, когда у нее начались судороги. Он послал Клакстона за помощью. Больше он его не видел.

— Слушай, — произнес Голерс, — а ведь до меня только что дошло. Где врач «Короля эльфов»?

Располд криво усмехнулся.

— Утонул во время праздника на Мелвилле, — ответил он.

Голерс повернулся к Роде:

— Как сейчас уровень сахара?

— Около 120 миллиграммов, доктор.

— Быстро поднимается. Будем постоянно наблюдать за ней. Смотри, чтобы сахар не поднимался слишком высоко или снова не стал падать. Жаль, что у нас нет пенетрометра, чтобы вести поминутный подсчет. Ты ведь, Гарри, наверняка не позволишь, чтобы ее увезли с корабля, а?

Гарази с сожалением покачал головой:

— Пока ты не докажешь, что причиной ее болезни не является чужеродное тело, она останется здесь. А также все, кто есть на этом судне.

— Включая тебя?

— Включая меня. Такова наша работа. Тебе это известно, Марк.

— Расследование, что я веду, отнюдь не закончено, — добавил Располд. — Я бы хотел получить разрешение от начальства использовать небольшую «пилюлю правды». Немного этого снадобья, именуемого «каларошель», совсем не помешало бы. Но пока, должен признать, у меня нет законных оснований прибегать к подавлению свободной воли.

— Ты мог бы попросить подозреваемых добровольно пойти на это.

— Поосторожнее, — фыркнул Располд. — Я даже не имею права употреблять слово «подозреваемый»! Меня ведь могут и

к суду привлечь. А если ты хоть на секунду подумал, что я от капитана чего-то дождусь, кроме его презрительной улыбки, то здесь ты, друг, глубоко ошибаешься. В поисках спасательной лодки я тут прочесал все вдоль и поперек и набрел на потрясающую информацию. Это отпечатки пальцев каждого человека на борту данного корабля, и кое-каких отпечатков нет!

Марк недоуменно посмотрел на него:

— В картотеке любого экипажа имеются отпечатки пальцев каждого его члена, а также пассажиров. Проверка не заняла много времени.

Голерс вернулся в каюту. Интуиция подсказывала ему, что девушка поплакала достаточно и сейчас самое время отвлечь ее от горестных мыслей. Как правило, врачи придерживались общепринятой практики: дать пациенту выплакаться до конца, чтобы слезы смыли его психическую травму. Но сейчас Голерс чувствовал, что оставлять ее и дальше с отцом не к добру.

Кроме того, ему хотелось быть рядом с ней — по причинам не только профессиональным. За то короткое время, что он видел ее, он ощутил в себе нечто большее, чем просто интерес.

Капитан сидел на краю постели и очень тихо разговаривал с дочерью. Та лежала к нему спиной, свернувшись в клубок и уткнувшись лицом в ладони. Ее плечи сотрясались от рыданий.

Эверлейк поднял глаза на вошедшего. Голерс решительно произнес:

— Это известие, возможно, оказалось для нее своего рода шоком, особенно в ее состоянии. Было бы лучше сказать ей об этом как-то помягче.

Эверлейк встал и свирепо уставился на него:

— Вы превышаете свои врачебные полномочия, Голерс.

— Ничуть. Моя работа в том и заключается, чтобы беречь здоровье своих пациентов, а также штопать в нем прорехи, если оно прохудилось. На этот счет есть одна старая, но верная поговорка: «Легче болезнь предупредить...»

Он сел на место капитана и, потянувшись к девушке, привлек ее к себе. Она порывисто повернулась к нему и, всхлипывая, позволила ему заключить себя в объятия. Однако стоило ему обнять ее, и слова куда-то исчезли. Вместо них он довольствовался лишь тем, что гладил ее длинные золотистые волосы или вытирал слезы. И хотя от присутствия капитана, тихо стоявшего позади, у него на затылке шевелились волосы, он продолжал держать ее в своих объятиях. Она все еще плакала. Он незаметно нащупал ее пульс и отметил, что он отбивает 120 ударов. Лицо ее снова покрылось бледностью, и девушку зазнобило.

Он наконец отстранил ее от себя и заставил лечь. Эверлейк стоял молчаливо и недвижно, не сводя глаз с дочери, и лицо его было бесстрастно, словно высеченное из бронзы.

— Если бы я знал, как все обернется, я бы не впустил вас сюда, — произнес Голерс. — Ей от этого только хуже. А поэтому, если не возражаете, я бы попросил вас выйти. Мне нужно работать.

Эверлейк не шелохнулся. Двигались только его губы.

— Я капитан «Короля эльфов». На его борту мне никто не указывает, что мне можно делать и что нельзя.

— Данное судно сейчас не в космосе, — возразил Голерс. — Оно находится в доке. Согласно предписанию 30, насколько мне помнится, — а память, думаю, меня не подводит, — врач в таких случаях имеет право не считаться с мнением командира. Даже когда корабль в полете, полномочия врача в делах медицинского характера выше полномочий капитана, если, конечно, принимаемое врачом решение не угрожает безопасности других на борту этого корабля.

Белая фигура не двигалась, будто все законы мира не могли обратить ее на путь, на который она не желала вступать. Потом застывшие, жесткие линии неожиданно дрогнули, и капитан покинул каюту.

Марк Голерс с облегчением вздохнул. Он ведь понятия не имел, сработает или нет его обращение к закону. В глубине души он верил, что сработает, так как люди, подобные Эверлейку, относились к власти с уважением. Они пользовались ею сами, и им бы не хотелось ею пренебрегать, когда ее использовали против них. Это значило бы рубить сук, на котором они сидят.

Голерс, поджав губы, снова погладил Дебби по волосам и направился к двери за Родой. Та подняла руку со сложенными вместе большим и указательным пальцами, показывая, что общий клинический анализ не выявил наличия чужеродных тел, а потом вручила его перфокарту, чтобы тот удостоверился. Он вышел из каюты и сообщил Гарази о результате анализа. Тот очень обрадовался приятному известию.

— Жена говорит, что если из-за этой работы мне никогда не удастся поесть вовремя, то я должен бросить такую работу, — сказал инспектор. — А мне нравится Луна. Я намного лучше чувствую себя здесь, чем на Земле. Тут полегче, на этой старушке.

— Пф! — фыркнул Голерс. — А я собираюсь убраться отсюда как можно скорее.

Он посмотрел в глубь коридора.

— А где капитан?

— Да его Располд подцепил и уволок куда-то. Уж не знаю, с какой целью. Слушай, док, а что, если я уговорю шефа О'Брайена подписать твой рапорт? Чиновников из здравоохранения тоже придется ублажать. А тогда я смогу снять карантин, и все отправятся по домам. Да и кроме того, Саксуэллу здорово не понравится, если слишком долго держать птичку на насесте. А уж у компании, если там захотят, найдутся способы, как сделать жизнь таможенного инспектора невыносимой.

Гарри потер бровь.

— Вот дьявол, слишком многих мне приходится ублажать! Капитана, экипаж, ребят из здравоохранения, Саксуэллу и последнюю, но не менее важную персону: свою жену! И как это я до сих пор не плюнул на все и не вернулся на Божью Планету!

Голерс, рассмеявшись, удержался от замечания, что это заявление противоречит высказанному им за минуту до этого.

— Что касается меня, то карантин можно снять. Но кое-кто не отпустит тебя. То есть Располд. Он еще не закончил свое предварительное расследование.

Гарри дернул себя за волосы и пошел к выходу из холла. Голерс и Ту вернулись в каюту. Рода, толкая перед собой мехлаб, протиснула его мимо кровати на середину каюты — туда, где было свободное место. Она включила комнатный термостат и после этого раздела девушку.

Та обратила на них большие, покрасневшие от слез глаза.

— Не бойтесь, — сказал ей Марк. — Попробуем полечить вас. Будет немножко неприятно, но вам станет лучше. Если не лечиться, то болезнь может годами таиться внутри, пока не вспыхнет неожиданно и не уложит вас в больницу.

Он избегал слова «психика». Оно до сих пор пугало пациентов, даже в этот, казалось бы, просвещенный век.

Рода взяла еще одну пробу крови. Голерс, прикрепив энцефалограф к голове больной, отвел проводок ей за голову и вниз по стене так, чтобы девушка не оборвала его случайно рукой.

— Не впускайте сюда отца, чтобы он не увидел меня раздетой, — попросила она.

Он пообещал не впускать. Одновременно он взял себе на заметку: не забыть навести справки об особенностях культа, к которому она принадлежала. Подобная стыдливость встречалась лишь у психически больных. Девушка не казалась психотиком; дело было скорее в своеобразной психологической обработке, которой она подверглась на Мелвилле.

Рода защелкнула магнитный замок на двери. Голерс тем временем прикрепил к Дебби два плоских маленьких диска:

один над сердцем, другой — на животе. От них к мехлабу также тянулись провода.

— Этот записывает удары вашего сердца, а вот этот — работу мышц.

— Что вы собираетесь делать? — спросила она, несколько встревожившись. Перестав плакать, она наблюдала за их приготовлениями.

Голерс взял шприц, поданный ему Родой.

— В нем десять кубиков асефина и десять — глюкозы, — пояснил он. — Я собираюсь ввести это вам внутримышечно, в руку. Укол вскоре окажет воздействие на нервную систему — на психосоматическом уровне. Действие препарата высвободит — или, вернее, должно высвободить — все реакции на недавние события. Оно открывает шлюзы для накопившихся страстей, которые, может, исчерпали бы себя через годы, а то и никогда. Более того, высвобождение, хоть оно, возможно, и покажется вам неоправданно бурным, пойдет вам только на пользу. После того как довольно... гм, бурные движения затихнут, вы почувствуете себя несравненно лучше. И вам не придется беспокоиться о затаенной печали, отравляющей вас на долгие годы вперед.

— А что, если я откажусь от этого укола? — произнесла она. Голос ее дрожал.

— Я не буду принуждать вас, мисс Эверлейк. Это дело добровольное. Но я не обманываю вас, когда говорю, что вам станет значительно лучше. Правда, асефин в обычной практике малоизвестен. Но он пять лет проходил проверку в лабораторных условиях и три года — в больничных. Я применял его на нескольких пациентах. И он всегда действовал так, как ему и положено.

Она закрыла глаза и протянула руку.

— Хорошо, доктор, *вам* я верю.

Он выжал до конца поршень шприца и произнес:

— Не сдерживайте себя, полностью раскрепоститесь. Предоставьте своему организму полную свободу. Если вам захочется говорить, говорите. Вы можете услышать от себя такое, чего вам ни под каким видом не хотелось бы, чтобы это слышала хоть одна живая душа, даже вы сами. Но пусть вас не беспокоит наше присутствие. Ничто из того, что вы скажете, не выйдет из этих стен. И наше отношение к вам не изменится.

Ее широко раскрытые глаза расширились еще больше.

— Почему вы мне не сказали, что укол подействует на меня так?

— Потому что тогда почти никто не согласился бы на него. Люди боятся, что их подсознание выплеснется наружу. Они

страшится выставлять напоказ всю свою подноготную. Возможно, они считают себя злыми, плохими и поэтому не хотят, чтобы кто-то узнал об этом. Такая позиция просто нелепа. Нет ни одного человека, кто был бы стопроцентным ангелом или дьяволом. Все мы несем на себе печать Земли. И ничего дурного в том нет, если человек достаточно искренен, чтобы признать это. В противном случае то, чему мы отказываемся дать выход, может причинить нам вред — как телу, так и душе.

Он взял другой шприц, держа его иглой вверх.

— Вот смотрите! Это антидот. Если я вколю его вам, асефин нейтрализуется. Одно ваше слово, и вы получите этот укол. Но о здоровье тогда забудьте. Возможно, вы этого и хотите. Возможно, вы предпочитаете иметь в себе психическую бомбу замедленного действия, часовой механизм которой отсчитывает внутри вас секунды, и надеяться, что она, может, никогда не взорвется. Если так, то вы — вершительница своего благополучия — или злополучия, если так можно выразиться.

Заметив, что девушка закусила в нерешительности губу, он добавил:

— Поверьте мне, Дебби, вы скажете не больше, чем говорят хорошо воспитанные женщины на операционных столах. С той лишь разницей, что вы будете не под наркозом. Вы будете понимать все, что говорите. При вашем заболевании это имеет огромное значение. Вы очиститесь от вредных последствий недавних переживаний. Больше того, одно ваше слово — и я в ту же секунду вколю вам антидот.

Девушка заметалась по подушке, словно в поисках помощи. И так как она по-прежнему молчала, Голерс шагнул к ней и приготовился сделать укол антидота.

Она перестала метаться и заговорила:

— Нет! Я согласна. Не надо этого укола!

— Спасибо, Дебби. — Он повернулся, чтобы положить шприц, и поймал на себе укоризненный взгляд Роды. Он пожал плечами. По правде говоря, он и в самом деле вел себя не совсем этично. Если бы он строго следовал принципам врачебной этики, он в подробностях сообщил бы девушке, что может ее ожидать. Однако он рассказал ей, что от укола она раскрепостится, причем самым неожиданным образом. Этого, как подсказывал ему опыт, было вполне достаточно. Многим из тех, кому необходим асефин, он сказал бы не больше. Эта девушка нуждается в препарате. И он, без всякого принуждения со своей стороны, собирается ввести ей требуемое лекарство. Если надо слегка подстраховаться, он подстрахуется. Пока он находился в холле, то прочитал историю болезни девушки,

которую Рода достала для него — как нечто само собой разумеющееся — из корабельной картотеки. Более ранних записей о заболевании там не было, но зато отмечалось — и это был немаловажный факт, — что у нее здоровое сердце. Оно могло перенести и недавний загадочный припадок, и мощное, но краткое воздействие асефина.

И вот сейчас, с иглой наготове, он стоял у мехлаба так, чтобы следить за циферблатами и за пациенткой одновременно. Долго ждать ему не пришлось. Не прошло и трех минут, как асефин, с примесью, помимо прочих, ионов калия, начал свою работу.

По обнаженному телу пробежала дрожь и утихла. Девушка беспокойно посмотрела на него. Он улыбнулся. Она сделала слабую попытку улыбнуться в ответ. На нее обрушилась следующая волна дрожи и стерла с лица улыбку, как волнуемое море разрушает на берегу песчаные замки. Волна откатилась, дав ей передышку более короткую, чем первая. Затем новая волна, и тело затрясло еще яростнее.

— Не напрягайтесь, — произнес он. — Отдайтесь этому полностью. Представьте, будто вы — на доске для серфинга и скользите на гребне волны.

«И не позволяй ей, — прошептал он про себя, — сбросить тебя, чтобы ты погружалась все глубже и глубже в бездну и утонула... Ушла вниз, где так тихо и спокойно и такая чудесная густая зелень, где ты в безмятежности колышешься и больше не ведаешь о суете земной жизни».

В этом таилась опасность. Она могла не пожелать прислушаться к тому, что говорили ей мышцы и язык. Она могла отступить в уголок своего сознания, в какую-нибудь глубокую, темную нишу, где никто, и она сама в том числе, не сумеет отыскать ее.

Вот почему он так внимательно следил за циферблатами. Если их показания слишком близко подберутся к минусовому участку, ему придется вколоть ей антидот. Без промедления. В противном случае она может впасть в оцепенение и остаться в таком состоянии, не воспринимая голосов извне и прикосновений рук. Затем ее могут перевести в какой-нибудь земной санаторий, где, надо надеяться, с ней будут обращаться как должно при ее состоянии. Не исключено, что там ее приведут в более или менее прежний вид, а может, даже полностью вылечат. Возможно также, что из этого транса, подобного смерти, она не выйдет и останется недвижимой, пока кто-нибудь не перевернет ее или по-другому не согнет ей руки или ноги. Она останется недвижимой внешне, а потом наступит день, когда прекратят всякое движение и внутренние органы.

В этом заключалась опасность. И все же он рискнул, потому что верил в себя, потому что обладал чувством меры; имелся еще и последний, но самый сильный довод — из-за ее отца. Он боялся, что если «Король эльфов» улетит с ней до того, как она пройдет курс радикального лечения, то можно считать, что девушка пропала. Пропала для собственного здоровья и — что не менее важно, как ему пришлось признаться себе, — для него самого.

И сейчас, когда он смотрел на нее не только как врач, он заметил начало нового мускульного движения. Это была пульсация в животе, которая, подобно кругам по воде от брошенного камня, вскоре охватила все тело. Пульсирующая волна распространялась, не встречая сопротивления, так как девушка лежала расслабившись, положив руки на голову и слегка согнув ноги в коленях. Он не знал, чем было вызвано это мускульное напряжение: страхом ли перед новыми приступами дрожи или тем, что она все еще стыдилась своей наготы.

Это не имело значения. В следующий миг девушку скрутили судороги, да так, что стрелка прибора ракетой метнулась к минусовому участку. Ее бедра стали вращаться и в то же время их будто что-то выталкивало вверх. Ее лицо подергивалось, словно от боли, а голова металась по подушке из стороны в сторону.

Он увидел достаточно, чтобы понять, что происходит. Он дал знак Роде, чтобы та набросила на девушку одеяло. Он не хотел стеснять ее дольше, чем требовалось.

— Вы не должны бороться с собой, Дебби, — сказал он. — Своим сопротивлением вы просто измучаете себя, сожжете дотла асефин и помешаете его действию. Не противьтесь.

— А что, по-вашему, я делаю? — выдохнула она.

— Вы считаете, что не противитесь, но это не так. Расслабьтесь и действуйте заодно с тем, что в вас происходит. Не обращайтесь на нас внимания. Мы вам не судьи.

— Я постараюсь.

Но стрелка и не думала смещаться к плюсу.

— Дебби, я отвернусь от вас и буду следить только за циферблатами и ничем больше. Идет?

Она кивнула, и врач повернулся к ней спиной. Мгновением позже он услышал слабый вскрик, потом еще и еще. Позади раздались звуки ударов по кровати. В то же время стрелка, дрогнув, двинулась по дуге обратно — в ту часть циферблата, куда он и хотел. Улыбнувшись, он удвоил внимание. Первая фаза окончилась. Стрелка качнется обратно к минусу, будет еще одна схватка, и если девушка вновь победит, она заставит стрелку снова подняться к победоносной половине циферблата.

Так все и произошло. Некоторое время она лежала спокойно и тяжело дышала, иногда постанывая. Затем, в ответ на его настойчивые просьбы поддаться рвущемуся наружу чувству, она стала плакать навзрыд — так, как никогда прежде. Он слушал молча, иногда вставляя слово-другое, напоминая ей о человеке, который исчез. Всякий раз, когда его вознаграждали новым взрывом горя, он улыбался. Он выжмет из нее этот эпизод, как он сделал с предыдущим. Дело лишь в том, что, хотя он и догадывался о сути последнего события и мотиве, стоящем за ним, он не мог то же самое сказать о первом. Основное его следствие было очевидно, но являлось ли сутью эпизода разочарование или душевная травма, он не знал. Что бы там ни было, он ревновал к человеку, который оказался причиной этого разочарования или потрясения.

Немного устало он дал Роде дальнейшие указания и принялся обследовать Дебби: не ушиблась ли та. Во время обследования она лежала с закрытыми глазами, словно не хотела встретиться с ним взглядом. Он ласково похлопал ее по плечу и спросил, сможет ли она заснуть без снотворного.

— До чего странно, — проговорила она слабым голосом. — После всего, что со мной сегодня приключилось, удивительно, как это я еще не сошла с ума. Но я чувствую себя отдохнувшей, свободной от всякого напряжения, будто тот асефин, или как вы его называете, пошел мне на пользу. Думаю, что сумею заснуть. И без всяких кошмаров.

— Не лекарство принесло вам пользу, — сказал он. — Вы сами сделали это. Препарат лишь помог выплеснуть то, что нуждалось в выходе.

Он натянул на нее одеяло по самый подбородок.

— Я пришлю сюда сиделку подежурить, пока вы не проснетесь. Идет?

Она сонно улыбнулась:

— Меня никто не разбудит?

— Никто.

Даже твой отец, капитан, поклялся он про себя.

— Спокойной ночи.

Он тихо закрыл за собой дверь каюты и, сжав кулаки в карманах куртки, пошел по коридору к радиорубке. По дороге он встретил Располда.

В темной глубине черных глаз детектива метались искорки. Его нос картошкой растягивался и морщился, словно сжимаемый невидимой рукой.

— Эй, Марк, представляешь? С радара на номер 5 только что передали нам, что поймали на своих экранах сигнал движущегося объекта размером со спасательную шлюпку «Короля

эльфов». Объект падал в атмосферу Земли. Падение зафиксировали два часа назад — как раз в то время, когда мы пришли к выводу, что Клакстон, похоже, исчез.

Напрягшись, Голерс вперил в детектива бесстрастный взгляд.
— И?

— Он так стремительно вошел в воздушную оболочку, что вспыхнул, как метеорит. Что не сгорело, то упало в Тихий океан.

Доктор Марк Голерс стоял на станции Звездной корпорации Саксуэлла. Рядом с ним были два больших чемодана — все, что ему позволят пронести на борт «Короля эльфов». Рода Ту стояла невдалеке, прощаясь с подружками. Марк лениво наблюдал за ними и прислушивался к обрывкам разговора, которые весьма забавляли его. Как раз сейчас одна из подружек Роды рассказывала той, как подцепить мужчину на Дикой Глуши после приземления. Совет был хорош, несмотря на то что подруга сама до сих пор не сумела поймать в свои сети хоть какого представителя мужского пола.

— Ну конечно, дорогая, что до меня, так я бы предпочла остаться и попытать счастья здесь, в цивилизованном мире. Ведь всегда есть возможность получить разрешение на двоеженство, и хотя некоторые девушки отказываются играть вторую скрипку, по мне, так это совсем неплохо, потому что никогда не знаешь, когда твоему супругнику взбредет на ум сделать тебя номером один, а потом...

Подошел Располд и отвлек его от разговоров.

— Слушай, Марк, — сказал он, не утруждая себя вступлением, — мое заявление о переводе отклонили. Так что я не лечу на «Короле эльфов». Хочу попросить тебя — в виде одолжения нам обоим и человечеству вообще — следить!

— Следить за чем?

— Сам знаешь за чем. Марк, какута Дебби Эверлейк — не единственное место на «Короле эльфов», которое сомнительно пахнет. Я не я, если все это не требует тщательного расследования. Но я бессилён убедить свое начальство открыть дело. Они говорят, что я не могу представить им ни одного мало-мальски убедительного доказательства, чтобы оправдать применение каларошеля. По их мнению, Клакстон совершил самоубийство в минуту помешательства. Мне посоветовали забыть об этом деле. Я не могу, поэтому и прошу тебя не спускать глаз с Эверлейков.

— Мне это не составит труда.

— Ты думаешь о Дебби. Спору нет, она красива или будет красивой, если нарастит на свои нежные косточки немного

мяса. Но как ей это удастся с таким отцом, который испепеляет ее каждым своим взглядом?

Громкий голос объявил, что багги на «Короле эльфов» находится в доке номер 6. Голерс пожал Располду руку и проговорил:

— Я тоже, как и ты, думаю, что в случае с Клакстоном что-то не то. Это одна из причин, почему я попросился работать на судно Эверлейка.

Располд нахмурился:

— Мне известно, что твой интерес к Дебби не только профессиональный. Скажи, что ты выяснил насчет тогдашнего ее припадка?

— С ней все в порядке, если так можно сказать о человеке, у которого уровень сахара в крови упорно падает гораздо ниже нормы, пока девушка не съест уйму сладостей и вообще углеводов, способных насытить двух человек. Я созвал консилиум, и мы примерили ее симптомы ко всем заболеваниям, описанным в книгах, но в результате так же терялись в догадках, как и раньше. Что-то вызывает падение сахара, однако все органы, которые мы обследовали, кажутся вполне здоровыми.

Мало того. Мы пришли к выводу, что, как я и подозревал, ее судороги и помрачение сознания не являются следствием адреналинового шока. Хотя в ее крови присутствовало определенное количество гормонов надпочечной железы, их было недостаточно, чтобы вызвать подобное состояние. К тому же она оправилась гораздо быстрее, чем полагалось бы при адреналиновом шоке. У нее явно был эпилептический припадок...

— Он связан с низким содержанием сахара в крови?

— Ну, судороги и состояние ступора часто являются результатом избытка инсулина. Но в таком случае повинна поджелудочная железа — пораженная опухолью или просто с нарушением деятельности, — которая вырабатывает слишком много инсулина. Это, в свою очередь, понижает уровень сахара. Однако шок вызывается переизбытком инсулина, а не низким содержанием сахара. Но ведь у Дебби количество инсулина в крови в пределах нормы!

Понимаешь, — продолжал Голерс, потрясая пальцем перед Располдом и с восторженным выражением глядя ему в глаза, — нормальной реакцией организма на недостаток глюкозы в крови является выброс гормонов коры надпочечников, чье действие прямо противоположно действию инсулина. Кортин, кортизон и другие гормоны расщепляют запасы гликогена в печени в глюкозу, и уровень сахара в крови начинает повышаться.

Мозговой слой надпочечников, внутреннее вещество железы, выбрасывает в кровь адреналин. Но он применяется в

экстренных случаях, когда организм стремится драться или бежать и ему необходим прилив энергии. Он...

— Быстрее, доктор! — сказала Рода, спешившая мимо него. — Мы опоздаем.

Марк с сожалением пожал руку детективу, который смотрел на него остекленевшим взглядом.

Через пятнадцать минут Голерс и Рода были на борту «Короля эльфов». Рода, уже не лаборантка Голерса, отправилась в пассажирскую каюту. Он оставил свои вещи в помещении, в котором ему предстояло жить вместе с первым помощником. Затем, ведомый настойчивым голосом, доносившимся из динамика внутренней связи, он отправился в рубку, где на время старта его привязали ремнями к креслу. Десятью минутами позже он встал и направился в крохотный отсек, свой будущий кабинет. Корабль разогнался на одном g и, по всей вероятности, находился сейчас от Солнца на расстоянии около сорока световых лет и сорока пяти — от их места назначения, Дикой Глуши, планеты дельты Велорум. Где-то в течение следующего получаса они произведут повторный прыжок в гиперпространстве и очутятся примерно в половине светового года от звезды. Еще одно изменение пространственных координат в Перпендикулярном космосе перебросит их пусть не в последний раз, но уже поближе к цели — до нее останется примерно пять триллионов миль. Прежние кенгуриные прыжки заменятся блошиными подскоками. А затем, по мере приближения корабля к Дикой Глуши, он будет вскакивать и выскакивать из Перпендикулярного космоса почти до полного совпадения координат с нужными. После этого «Король эльфов» останется в Прямом космосе вплоть до отбытия.

Через час по корабельному времени они сели в порту в стороне от Сорвиголовы. Поскольку выгружаемого груза было на этот раз немного, никому из членов экипажа не разрешили покидать корабль. Голерс, поцеловав на прощанье Роду, пожелал ей найти здесь хорошего мужа.

— Ну почему им не мог бы стать ты, Марк? — всхлипнула она. — И мне бы не пришлось тогда приезжать в это захолустье.

— Я сожалею, — сказал он. — Правда. Ты станешь кому-нибудь хорошей женой. Я уверен в этом. Просто я не влюблен в тебя.

Впервые с тех пор как он знал ее, она вспыхнула:

— Любовь! Да если б ты дал мне возможность, романтический ты дуралеище, я бы тебя обязательно влюбила в себя!

Она ушла. Он стоял, растерянно моргая, и спрашивал себя: может, и впрямь она права, а он прозевал, так сказать, такую соблазнительную женщину. Когда он увидел ее кривящиеся

рдеющие губы, а в глазах молнии, он почувствовал в ней тот внутренний жар, который мог бы полюбиться ему. Почему она так долго медлила и таила его в себе, пока не стало слишком поздно? Если бы это произошло там, на Луне (до его встречи с Дебби, поспешно поправил он себя), он, пожалуй, попросил бы ее руки.

Макгоуэн, первый помощник, предложил ему сигарету.

— Ну что нос повесил, нежный влюбленный? — проговорил он.

— Да вот думал, почему так происходит: когда только начинаешь по-настоящему узнавать людей, то всегда теряешь их. Они или уходят, или умирают. Или что-нибудь еще.

— Скорее *что-нибудь еще*. Эта Рода довольно аппетитная. Признайся, у тебя с ней что-нибудь было?

— Нет. Могло бы быть, но я по-своему отношусь к таким вещам. Многие в наши дни не понимают этого. Во-первых, соотношение трех женщин на одного мужчину слишком все упрощает для мужчины: против тебя не могут возбудить дело о разводе по причине супружеской измены, если только ты не зарегистрированный член секты, которая не одобряет подобное. К тому же в психологическом плане я устроен так, что не способен питать нежные чувства к женщине, если она не обожает меня. Звучит самоуверенно, но таков уж я есть и думаю, что это неплохо. В случайной встрече нет места нежности.

Макгоуэн, выпустив дым, заметил:

— Рода, насколько я понял, любила тебя.

— Да, но она была моей ассистенткой. Если б мы хоть раз позволили себе лишнее, что выходило бы за рамки наших обычных дружеских отношений, то потом не смогли бы работать так слаженно. И она стала бы предъявлять мне всякие требования, которых мне не хотелось бы выполнять. Словом, она повела бы себя так, будто мы женаты.

— Жаль, что я не встретил ее раньше, — проговорил Макгоуэн. — Я бы с удовольствием занялся ею. Я еще живчик хоть куда — во мне энергии не поубавилось стараниями многочисленных женщин. У космонавта жизнь одинокая и тяжелая. Между прочим, если не сочтешь за любопытство, что ты собираешься делать с дочкой шкипера?

— Постараюсь разобраться в причине ее недомогания.

— Ты меня не понял, док. Когда я спросил тебя, что ты собираешься с ней делать, я имел в виду твой явный непрофессиональный интерес к ней. Тебе известно, что ты ни за что не добьешься успеха, если не женишься на ней? А жениться на ней ты не можешь, пока не станешь членом культа Ремоха.

Ты заметил у нее массивное золотое кольцо на третьем пальце левой руки? С изображением треугольного щита, отражающего брошенное копье? Такое кольцо носит девственница, пока не выходит замуж. Она тогда снимает его и надевает на палец мужчины — размер кольца может регулироваться. С этого времени она принадлежит ему, и только ему. Торжества, которые происходят позднее, — это всего лишь оповещение и публичное подтверждение свершившегося факта. Пресвитеры, конечно, поднимают вой, если с ними заранее не посоветовались и не испросили позволения, но решительно настроенная парочка может обойтись и без них.

— О ремохах я прочитал все, что мне удалось найти в Лунной библиотеке, — заметил Голерс. — Но об этом мне что-то ничего не попадалось. Может, расскажешь мне поподробнее?

Макгоуэн любил поговорить, но с неразговорчивым капитаном у него было не много возможностей предаваться своему любимому занятию. Теперь, когда у него появился благодарный слушатель, слова полились из него потоком.

Многое из услышанного было Голерсу не в новинку. Макгоуэн рассказывал о происхождении культа в небольшом городке Оптимы — государства, основанного несколько веков тому назад в рекультивированной пустыне Гоби. Ремох и его последователи, взбунтовавшись против либеральных законов окружающего их общества, сколотили маленькую, компактную группу религиозных фанатиков. Однако, видя, что ряды молодых последователей реденеют из-за всевозможных соблазнов вне их клана, они эмигрировали на Мелвилл. Там они могли беспрепятственно навязывать своим детям собственные законы. Они подкреплялись верой, заимствованной из индуизма, что в этой жизни следует придерживаться строгих моральных принципов, чтобы в следующей жизни избежать воплощения в низшей форме.

— Ты уже видел, что они носят белую одежду и не стригут волосы, — продолжал Макгоуэн. — Им свойственно не только это. Они никогда не лгут...

— Никогда?

— Считаю, никогда, — отозвался, ухмыляясь, помощник. — Они строго придерживаются единобрачия. Смерть — единственное, что кладет конец браку. Даже измена не может разорвать узы. Виновного заставляют носить черную одежду в течение года — как знак того, что он скорбит и раскаивается в своем проступке. Они, как известно, не пользуются устаревшим словом «грех». Но и это не все. Уличенному в измене целый год нельзя общаться с супругой или супругом. В конце этого срока, если его поведение не вызывало нареканий, он снова имеет право носить белую одежду и теоретически считается

восстановившим свою репутацию хорошего семьянина. Для пострадавшего партнера, вынужденного воздерживаться в равной степени с виновным, все это, конечно, тяжело.

— Возможно, идея не так уж плоха, — заметил Голерс. — Им приходится хорошенько следить друг за другом, чтобы быть уверенными в том, что партнер не впутает их обоих в такую передрыгу. Взаимная охрана.

— Я как-то не подумал об этом. Во всяком случае, это говорит об их методе контроля. В руководстве и наказании они используют экономическое, социальное и религиозное давление. Они никогда не ударят ребенка, но вместо этого применяют «общественное порицание». Они не сквернословят. У них есть частная собственность — такая, как одежда, книги, — но большую часть своих доходов они жертвуют в общественную казну. В этом, кстати, одна из причин, почему так много ремохских юношей отправляется в космос. Они могут зарабатывать для общества гораздо больше на кораблях, чем дома. Кроме того, у ремохов нет промышленного оборудования, чтобы изготавливать омолаживающую сыворотку. Чтобы раздобыть достаточно денег на ее приобретение, им приходится связывать контрактом своих юношей с космокомпаниями. Им можно посочувствовать, док. Тебе ведь тоже пришлось отписать право распоряжаться частью твоей жизни Саксуэллу, разве нет?

— Да, мне осталось еще пять лет одиннадцать месяцев и десять дней, прежде чем я получу свободу.

— Ну да, доктор Джинас тоже был подневольным. Ему оставался только месяц до того времени, когда он смог бы назвать свою душу свободной. А потом он взял и утонул. Скверно. Он был славным малым. Я тоже видел, как он тонул, но ничего не мог поделать.

— Так что же произошло?

— Ну так вот: я был на берегу и смотрел, как ремохы стоят по пояс в озере и совершают ритуал очищения. Мне был очень хорошо виден доктор Джинас, который болтался в своей лодчонке неподалеку от них. При желании он мог бы даже коснуться их, стоило ему протянуть руку, но он не обращал на них никакого внимания. Он набирал воду в маленькие бутылочки и затем закупоривал их. Не знаю только зачем. На дознании причину так никто и не выяснил.

— Разве образцы не изучались?

— Да их не нашли. Затонули, когда лодка перевернулась.

Голерс нахмурился.

— Почему она перевернулась? — спросил он. — И если он так близко находился к толпе, а вода им доходила лишь по пояс, то почему он не мог просто встать и пойти по дну?

— Да вот то-то и странно, док. Мы все наблюдали за коронацией Девы озера — между прочим, ею была Дебби, — когда услышали крик. Мы сразу повернулись в ту сторону и увидели, что лодка опрокидывается, а Джинас, который сидел на дальнем от нас конце, падает с нее в воду. И вот он как ушел в нее с головой, так больше и не всплывал. Пока мы, значит, не кинулись на его поиски и не обнаружили его в самом глубоком месте озера...

— К какому выводу пришло следствие?

— Что это было самоубийство. Решили, что он, должно быть, как можно быстрее поплыл от лодки и на глубину. А иначе как он очутился на такой глубине за короткое время?

— Кто был в коллегии присяжных? — спросил Голерс.

— Ремохские пресвитеры, естественно, и представитель Саксуэлла.

— Ты был свидетелем?

— Конечно, но мои показания мало что дали, я ведь многого не видел. Мне почти все загораживала толпа, так как многие бросились спасать Джинаса.

— И на таком мелководье бутылки не были найдены?

— Нет. Есть предположение, что их отшвырнули ногами на глубину.

Минуту оба молчали, разглядывая друг друга. Макгоуэн выпустил из ноздрей струйку дыма. У него был такой вид, будто он собирается что-то сказать, но не говорит, потому что не знает, с чего начать.

— Слушай, док, — произнес он наконец, — ты славный малый. Я узнал это еще на Луне, когда мы задержались там на неделю. Но я заметил еще кое-что. Ты, верно, думаешь, что мастерски скрываешь это от других. Во-первых, ясно, что тебе очень даже приглянулась Дебби Эверлейк. Все это заметили. Особенно шкипер. Правда, его отношение к тебе не изменилось, но это только потому, что более сухим и недружелюбным, чем он есть, быть уже невозможно. Но глаз он все-таки с тебя не спускал.

Вообще-то я тебе не о том собирался сказать. Слушай, док, эта Дебби чертовски красивая девушка, да? Ладно. А ты никогда не задавался вопросом, почему это члены экипажа сторонятся ее?

Марк от удивления заморгал и произнес:

— Я как-то особенно не замечал — если это правда, конечно. Да и с какой им стати пытаться ухаживать за ней? Как-никак, она — дочь капитана.

Макгоуэн ухмыльнулся:

— Тебе еще многое предстоит узнать о космонавтах. Как ты думаешь, если у тебя на корабле есть одна очаровательная девочка и двадцать мужчин, которые, может, по целому месяцу не видят других женщин, кроме нее, разве они не станут обращаться на нее хоть сколько-нибудь внимания? А эти самые мужчины даже не разговаривают с ней. А если когда и разговаривают, то на приличном расстоянии.

Марк покраснел и сжал кулаки.

— Не волнуйся, док, — сказал Макгоуэн, — я вовсе не оскорбляю ее. Я просто указываю на факты. Если не хочешь кое-что выяснить, так и скажи, и я замолкну.

— Продолжай.

— Ну так вот, док, если честно, Дебби воняет... э, э, спокойно, спокойно! Слушай, разве ты не помнишь ту ночь, когда впервые увидел ее? Ты еще попросил свою лаборантку понюхать ее дыхание — не пахнет ли ацетоном? И что она тебе сказала? Она сказала, что чувствует только запах рыбы. А если бы ты спросил всех нас, то мы бы ответили тебе, что каюта Дебби провоняла рыбой и что изо рта у нее пахнет треской.

Первый помощник помолчал.

— Конечно, — произнес он тихо, — я понимаю, что слушать все это крайне неприятно. Но я говорю для твоего же блага.

Доктор опять разжал кулаки.

— Знаю, — сказал он, — но от этого не легче.

— Ну почему ты так кипятишься? А если бы она сломала ногу и я тебе сказал об этом, ты бы тоже разозлился? Так вот с ней сейчас что-то не в порядке, отчего она воняет рыбой. И как в случае со сломанной ногой, что она может поделать с этим? Боже мой, док, да неужели мне читать тебе *лекцию* по данному вопросу?

— Придется, потому что я лично заинтересован. А это уже совсем другое дело.

— Да, понимаю. Вот поэтому я и говорю тебе все это. Знаешь, Дебби ведь не единственная. Если принюхаться, то окажется, что у капитана тот же запах.

— Что?

— Ну да. Как говорят те, кто его знал раньше, он воняет так уже много лет.

Глаза Голерса блеснули.

— А как давно Дебби... страдает этим заболеванием?

— О, впервые я заметил это у нее примерно, м-м, два с половиной месяца назад.

— А! Ага!

Теперь настала очередь Макгоуэна моргать.

— В чем дело?

— Да так, ничего. Скажи мне, Мак, а какой была Дебби до... до того, как заболела?

— Ты бы не узнал ее. Она была веселой и жизнерадостной, оживленной, всегда шутила и смеялась. Надо признать, она не допускала никаких фамильярностей со стороны мужчин. Она хотела быть их младшей сестренкой. И что удивительно, большинство членов экипажа прекрасно ладили с ней на ее условиях. Иногда какой-нибудь негодник начинал приударять за ней, но мы были начеку и быстро вправляли ему мозги.

— А как она с капитаном?

— Радости, конечно, мало. Ты же знаешь, при нем и солнце светит тускло. Но он хотя бы разговаривал с ней. А теперь он даже не приближается к ней. Он говорит с ней только по внутренней связи, и вместе они больше не едят.

Брови Голерса поднялись, затем под влиянием новой мысли он нахмурился:

— Э, погоди! А как же тогда Пит Клакстон? Его, похоже, не беспокоило все это. Из свидетельских показаний Дебби и ее отца известно, что как раз в то время, когда у нее случился припадок, он просил у Эверлейка разрешения жениться на ней. Разве его не беспокоило то, о чем ты рассказываешь? Или он, как и я, не ощущал запахов?

Макгоуэн ухмыльнулся с таким видом, будто собирался отпустить нечто вроде шутки, но вместо этого поджал губы.

— Нет, нюх у него был отличный, но в данном случае запах его не волновал. Почему бы нет? У него и у самого изо рта ужасно разило рыбой.

Голерс долго молчал, полузакрыв глаза. По динамику раздался пронзительный свист.

Макгоуэн произнес: «Мне пора. Еще увидимся». Врач, кивнув, пробормотал: «О да, конечно». Нахмурясь, он стал медленно бродить по коридорам. Он глядел себе под ноги и не поднимал головы, потом остановился. На его лице отразился испуг, когда он увидел, куда неосознанно завели его ноги. Какой-то момент казалось, что он пойдет дальше, но, взяв себя в руки, он постучал в дверь каюты. Не дождавшись ответа, он снова постучал, но на этот раз сильнее.

— Дебби? — позвал он.

Дверь с треском распахнулась. Внутри было темно, но он различил девушку по тусклому свечению ее белого платья и темному овалу лица.

Ее голос был ровным и угрюмым.

— Что вам нужно?

— Могу я поговорить с тобой?

— Зачем?

— Не притворяйся, будто удивлена. Тебе известно, что я все время пытался поговорить с тобой с глазу на глаз. Но ты избегала меня. Ты совсем не та добрая, мягкая девушка, какой я тебя узнал во время нашей первой встречи. С тобой что-то случилось, и мне это не нравится. Так что видишь, нам есть о чем поговорить. Мне бы очень хотелось этого.

— Нет. Нам нечего сказать друг другу.

Дверь стала решительно закрываться.

— Подожди! Объяснись, по крайней мере! Почему ты стала такой замкнутой, такой сердитой? Что я тебе сделал?

Дверь продолжала закрываться.

Он просунул руку между дверью и косяком и принялся негромко напевать:

«Tiens, où est l'anneau qui je t' avais donné? Oui, la bague de nos noces, où est-elle?»

Он сделал паузу и после проговорил:

— Помнишь, Дебби, когда Голо говорит Мелисанде: *«Но где же кольцо, которое я подарил тебе? Да, знак нашего супружества. Так где же оно?»*

Прежде чем она успела ответить, он толкнул дверь, чтобы открыть ее пошире, протянул через порог руку и, найдя в темноте руку девушки, потянул к себе. Свет из коридора высветил ее кисть — красивой формы и бледную.

— Где же кольцо, Дебби, кольцо девы? Почему его нет у тебя на пальце? Что с ним случилось? Кому ты отдала его, Дебби?

Фигура в темноте коротко вскрикнула и попыталась вырвать руку. Не отпуская ее, он спросил:

— А теперь тыпустишь меня?

— Отцу бы это не понравилось.

— Он и не узнает. Он ведь никогда не навещает тебя. Уверяю тебя, Дебби, ты будешь со мной в полной безопасности. Я не трону тебя.

— И никто не тронет, — последовал грубый и неожиданный ответ. Потом смиренно: — Хорошо, входите.

Он проскользнул в узкую дверную щель и закрыл за собой дверь. Одновременно он нажал ладонью пластину выключателя; в каюте зажегся свет. Вслед за тем он положил руки на плечи девушки и заметил, как она от его прикосновения слегка сжалась и отвернулась.

— Не бойся обидеть меня, — мягко проговорил он.

Она продолжала отворачиваться от него.

— Я знаю, что не противна вам, — прошептала она. — Но я так привыкла, что люди избегают меня... Мне всегда с ними не по себе, и я ничего не могу с собой сделать — это уже как моя

вторая натура. И я знаю, почему вы не притворяетесь, как другие. Если бы не тот ваш недостаток, вы были бы совсем как они. И вы тогда не захотели бы даже приближаться ко мне и поднимали бы меня на смех за моей спиной.

— Я не отвечу на твои слова, — сказал он и взял ее за подбородок, стараясь обратить лицом к себе. — Я хочу поговорить вот об этом.

Он взял ее за левую руку.

— Дебби, бьюсь об заклад, что если тело Пита Клакстона не сгорело и его корабль найден где-нибудь в Тихом океане, то на его пальце обнаружат массивное золотое кольцо. А на кольце будет изображение треугольного щита, отражающего брошенное копье. Верно?

Она кивнула.

— Не буду отрицать, — ответила она. — Но если вы знали об этом, то почему не сказали ни слова на дознании?

— Да я даже не догадывался об этом, пока несколько минут назад Макгоуэн не рассказал мне об обычае, связанном с кольцом. А я точно знаю, что никогда не видел у тебя кольца. Учитывая все обстоятельства, можно предположить, что ты, по всей вероятности, надела его на палец Клакстона. А поскольку помолвка не была объявлена, то она скорее всего произошла как раз перед исчезновением Клакстона. Так и было, верно?

Ее лицо, бывшее до того угрюмым, стало печальным. Она заговорила, словно выталкивая слова через застывшие в напряжении губы.

— Да, мы любили друг друга. Мы не могли... дождаться, когда вернемся на Мелвилл. Мы сидели у меня в каюте и смотрели микрофильм «Пеллеас и Мелисанда», когда Пит сделал мне предложение. Почти сразу после этого вошел отец и увидел нас. Он словно с цепи сорвался, устроил скандал и заявил, что Пит больше не увидится со мной, пока мы не вернемся в Ремохию. Он потребовал, чтобы я забрала свое кольцо обратно и держала его при себе, пока мы не получим разрешения у пресвитеров.

Голерсу было трудно представить себе чопорного и сдержанного Эверлейка в роли взволнованного и негодующего родителя.

— Но почему это не всплыло на дознании? И почему ты сейчас мне рассказываешь?

— А меня не спрашивали об этом. Иначе я сказала бы правду. Мы, ремохи, никогда не обманываем. Но отец говорил, что будет гораздо проще, если мы просто скажем: мы втроем обсуждали, разрешат нам с Питом жениться или нет, и ни словом не обмолвимся о ссоре. Отец сказал мне, что у детектива

Располда могут появиться необоснованные подозрения, а у нас — если мы признаемся, что ссорились, — масса неприятностей.

А что касается моего признания вам, то это легко объяснить. Вы задали мне прямой вопрос. Я могла отказаться отвечать или же сказать правду. Я предпочла последнее.

Он отпустил ее руку и спросил:

— Почему?

Отвернувшись, она ответила:

— Наверное, потому, что я очень одинока. Потому, что мне хочется с кем-нибудь поговорить. А больше всего потому, что мне все время кажется, будто я вот-вот взорвусь. Если я что-нибудь не сделаю, чтобы ослабить это постоянное внутреннее давление — не буду говорить, танцевать, петь, кричать, все что угодно, — то я сойду с ума. И это самое ужасное. Каждый раз, когда мне хочется что-то сделать, я не могу дать волю своему побуждению. Я слишком сдержанна. Я не могу расслабиться, хотя ужасно хочу этого.

Она положила руку на живот.

— Это где-то здесь, — сказала она, — то самое чувство, будто я должна взорваться и не в состоянии... но не боюсь этого.

Он изучал ее профиль. Изогнутые брови, плотно сжатый рот. Напряженная шея, чуть сутулая спина. Девушка еще никогда не была так похожа на своего отца.

Он подошел к ней и положил ей на плечо руку. Она слегка вздрогнула, но не сделала попытки отстраниться.

— Ты многое скрываешь от меня, — мягко проговорил он. — Что-то ведь должно было произойти, отчего Пит Клакстон забрался в спасательную лодку и очертя голову ринулся на ней в земную атмосферу. И произошло это именно здесь, в твоей каюте. Так что же это было? Ведь не отсрочка же вашей свадьбы так подействовала на него.

— Не знаю. Да и откуда мне знать? Меня тогда схватили эти судороги. Когда я пришла в себя, Пита уже не было. Отец послал его за помощью, и с тех пор его никто не видел.

— Понимаешь, Дебби, Пит уже долгое время был неуравновешенным. Сразу после высадки на Луну его ждало психосоматическое обследование. В его поведении замечались подозрительные странности.

— Ну конечно, — произнесла она. — Вот почему все так легко поверили, что он совершил самоубийство. Только почему ему надо было больше, чем мне, убивать себя? Ведь он переживал по тому же поводу, что и я, что бы это ни было. Его ждал психосоматический осмотр, потому что он обратился в ремокскую веру, и представитель Саксуэлла на Мелвилле хотел

выяснить, не стал ли тот неуравновешенным. Для всех не-ремочков кажется невероятным, чтобы психически здоровый человек вдруг увидел перед собой новый свет и захотел присоединиться к другим людям, чтобы найти новое счастье.

— Глядя на тебя и твоего отца, не подумаешь, что ремохи очень счастливы, — заметил Голерс. — Впрочем, к делу это не относится. Выходит, во время праздника Клакстон, по всей видимости, находился среди стоявших в воде? Он, полагаю, вместе с остальными принимал водное крещение?

Она кивнула. Голерс был окончательно сбит с толку. В его голове стала вырисовываться картина происшедшего, но что она означает, Голерс не имел ни малейшего представления.

— Мы приземлимся на Мелвилле, кажется, через месяц. И пробудем на ней неделю, не так ли?

— Да. В это время там будет праздноваться Жертва. Все ремохи постараются быть на празднике, даже космонавты.

— Послушай, Дебби, — сказал он серьезно и силой повернул ее лицо к себе. — Ты, может, думаешь, что я просто из любопытства сую свой длинный нос куда не следует. Но это не так. Отчасти я делаю это, потому что я — врач. Но я делаю это по куда более важной причине. Ты и сама можешь догадаться, что это за причина, да?

Он выжидательно посмотрел на нее. Не поднимая глаз, она молчала.

— Черт возьми, да потому что я люблю тебя!

— Да разве такое возможно? Я отвратительна.

— Не говори глупостей!

Он привлек ее к себе и поцеловал. На секунду ее плотно сжатые губы разомкнулись, и он успел ощутить их податливую мягкость. Она прильнула к нему и мягкими руками прижала его голову к ее. В следующее мгновение она, неожиданно отшатнувшись от него, вырвалась из его объятий, вытирая рот тыльной стороной ладони. Нежное и любящее выражение ее лица сменилось прежней угрюмостью.

— Убирайся! — закричала она. — И больше не подходи ко мне. Я ненавижу тебя. Я ненавижу всех мужчин! Даже Пита Клакстона. Но больше всех я ненавижу тебя!

Он шагнул к ней, протягивая руки, но, прочитав на ее лице явную неприязнь, уронил их и, повернувшись, вышел из каюты. Дверь позади него захлопнулась. У него было такое чувство, будто хлопнувшая дверь рассклала его на две части, одна из которых осталась запертой в каюте...

Прошел месяц. «Король эльфов» посетил за это время двадцать планет, где он разгружался, принимал груз, пассажиров

и письма. Доктор Марк Голерс загружал себя как можно больше работой и был весьма занят, так как дел хватало во всех портах. Где бы они ни приземлялись, у представителя Саксуэлла всегда находились пациенты, жаждавшие лечения, или возбудители инопланетных болезней, которые, по его мнению, будут интересны для медика.

Но всегда, когда корабль находился в полете, Голерс наблюдал за капитаном и его дочерью. Теперь он уже и сам видел, что все, о чем ему рассказал Макгоуэн, оказалось правдой. Эверлейка и Дебби никогда нельзя было застать вместе. Они общались друг с другом только по внутренней связи. А отец, как заметил Голерс, был вовсе не таким равнодушным и бесчувственным, каким он показался доктору вначале. В его жизни была одна страсть — «Король эльфов». Ничто другое, кроме чувства власти над кораблем, не могло разогнуть ему спину, вызвать некое подобие улыбки у него на губах и осветить теплом его глаза. Он беспрестанно рыскал по судну, заглядывая в каждый его уголок. Он проверял буквально все: ему надо было убедиться не только в наилучшем рабочем состоянии приборов и механизмов, но и в том, что повсюду царят чистота и порядок. Он следил за тем, как прокладывают курс и ведут корабль, а когда «Король эльфов» оказывался на стоянке, то казалось, что капитан с нетерпением ждет выхода в глубокий космос. Если так, то ему, видимо, частенько приходилось умирать со скуки, так как судно гораздо чаще находилось в доке, нежели в полете. Благодаря гиперпространственному переходу расстояние между звездами покрывалось кораблем легко и быстро. Большую часть времени они проводили, находясь на каком-нибудь спутнике.

Итак, «Король эльфов» прибыл на Мелвилл в точно назначенное время. Космопорт находился в местности с пологими холмами, изобиловавшей озерами с поросшими хвойными деревьями берегами. В Каритаполисе, столице Ремохин, проживало около тридцати тысяч человек; большинство жителей обитало в ящикообразных деревянных домах, выкрашенных в белый цвет, под красными крышами из кровельной дранки. Город был выстроен вокруг морской пристани, позади него виднелось большое пресноводное озеро, окаймленное лесами. Голерс стоял в распахнутом люке «Короля эльфов». Глядя на мирное голубое мерцание озера, он вдруг вспомнил, что именно здесь утонул доктор Джинас, а Дебби была выбрана Девой озера. Делать ему сейчас было нечего, и он решил посетить город. Однако прежде он наведалься в помещение, занимаемое экипажем, и встретился там с человеком, который, собственно, и был ему нужен, — с

поваром. Голерс с профессиональным видом вытащил блокнот и ручку.

— Прежде чем я отправлюсь в город, — произнес он, — я хочу выяснить некоторые диетические привычки. Ты бы не мог сказать мне, кому, кроме мисс Эверлейк, дают специальный рацион из шоколадных плиток или любых других сладостей?

Повару не терпелось покинуть корабль.

— Да, да, капитану Эверлейку. Слушай, док, ты не можешь отложить свое дело до другого раза?

Голерс засмеялся.

— Ну конечно, — сказал он. — Желаю приятно провести время.

Он убрал в карман блокнот и вышел. Через несколько минут он уже был на широких асфальтированных улицах Каритаполиса и прокладывал себе дорогу сквозь густую толпу. Здесь собрались все жители Ремохии, кто только мог принять участие в празднике Жертвы. Дома были битком набиты гостями столицы, а окружающие ее холмы были словно грибами усеяны палатками. Среди всего этого движущегося потока белых платьев и костюмов Голерс, одетый в небесно-голубую рубашку, алые шорты и золотистые сандалии, невольно привлекал к себе взгляды. Он чертыхнулся, недовольный тем, что не сообразил раньше переодеться в одежду той же расцветки. Но предпринимать что-либо было уже поздно.

Он отправился напрямик к дому доктора Флаккова, которого перехватил как раз на выходе. Голерс задал ему несколько вопросов, откровенно связав их с заболеванием Дебби. Тот покачал головой и сказал, что спешит. Он бы рад обсудить это в какое-нибудь другое время, но только не сейчас. Его религиозный долг вынуждает его поторопиться.

— Ну хорошо, пусть вы никогда не слышали о преобладании низкого содержания сахара в крови — а вы обязательно бы слышали, если бы что-то подобное произошло среди ваших земляков, — то что вы скажете насчет рыбного запаха изо рта и от тела?

Доктор Флакков, высокий худощавый мужчина, относился к тому же типу людей с чрезвычайно сдержанной манерой поведения, что и капитан. Выпрямившись во весь рост, он произнес с каменным лицом: «Никогда не слышал о таком!»

Голерс поблагодарил его и ушел. У него было ощущение, что доктор не сказал бы ему ничего, даже если бы знал. Эти ремохии всегда держались обособленно. Они считали себя избранным народом. Вмешательство в их дела и назойливость встречались ими с негодованием.

Голерс зашел к Джейсону Краму, представителю Саксуэлла, и задал ему те же вопросы, что и Флаккову. Собрав в морщины черный лоб, Крам ответил, что о подобных явлениях слышать ему не доводилось, но что это почти ни о чем не говорит, так как его общение с ремохами редко когда выходит за рамки чисто деловых отношений. Он пообещал держать уши и глаза открытыми. А что, кстати, под всем этим скрывается? Голерс печально ответил, что и сам хотел бы это знать.

На обратном пути к «Королю эльфов» он обнаружил, что пробиваться сквозь толчею стало значительно труднее. Безбрежная людская масса, участница живой инсценировки, изображала гонения и мученичество Виктора Ремоха и прошла уже половину Жертвенного пути. Несколько раз он пугался, видя, как эмоции настолько захлестывали мужчин и женщин, что они теряли сознание или падали на землю и бились в припадке. Голерс впервые оказался свидетелем такого сильного и, пришел он к выводу, довольно неприятного проявления религиозного чувства. Увиденное было для него тем неожиданней, что по рассказам других он знал, каково их обычное поведение: сдержанное, серьезное, взвешенное и официальное.

Наконец он пробился к «Кораблю эльфов», где сразу же заинтересовался местопребыванием капитана и его дочери. Согласно записям автоматического замка-блокиратора, судно никто не покидал. Это удивило Голерса, так как для каждого взрослого ремоха посещение Жертвенного пути считалось обязательным. Что же помешало им участвовать в празднике?

Он пожал плечами и счел это еще одной гранью все той же тайны. Он зашел в лабораторию и, приготовив бутылки, дождался сумерек. Перед выходом из корабля он постучался в дверь Дебби. Из-за двери доносились еле слышные звуки микрофильма, который она смотрела. Это снова была опера «Пеллеас и Мелисанда». Она уже заканчивалась, так как раздававшийся бас врача советовал Голо оставить смертное ложе Мелисанды.

«Она была одинокой, милой, печальной и загадочной, какими в сущности являемся все мы».

Он снова постучал. Микрофильм продолжался. Дверь оставалась запертой. После минутного колебания он пошел дальше. И обнаружил у люка сухопарую мрачную фигуру капитана. Несмотря на испуг, вызванный его неожиданным появлением, Голерс сумел поздороваться с ним как ни в чем не бывало. В то же время он не смог сдержать невольного движения, когда крепче схватился за узел у себя под мышкой. Эверлейк кивнул ему в знак приветствия и впился взглядом в мешок, прикрывавший ящик с бутылками. Голерс, спускаясь по трапу,

чувствовал на себе глаза, шарившие по его спине. И лишь когда он, обойдя стороной город, вышел на берег озера, чувство тревоги оставило его.

Там он взял одну из многочисленных лодчонок, лежащих на песке, без разрешения на то отсутствующего владельца, и стал грести по направлению к большому пляжу. Всего полчаса назад там совершался грандиозный ритуал водного очищения. Он видел его завершение и обратил внимание, что все верующие уходят в город, чтобы принять участие в других мероприятиях. Поскольку сейчас было темно, он полагал, что никто не заметит, чем он занимается. Огни Каритаполиса освещали берег слабо, луна еще не взошла, а других источников света не было. Кроме того, доведись им даже увидеть его, опасаться ему было нечего. Насколько он знал, в его действиях не было ничего противозаконного.

Когда он очутился на мелководье, где по его расчетам была самая гуща толпы, принимавшей водное крещение, он перестал грести и принялся раскупоривать бутылки и окунать их в воду. Делая это, он не забывал поглядывать по сторонам. Он не видел ничего, что могло бы насторожить. Вот разве отблеск света на легкой ряби. Видно, какая-то рыба подошла близко к поверхности. Тем не менее он оставил свое занятие и низко наклонился к воде, пристально всматриваясь в темноту. Все было спокойно. Он с облегчением вздохнул и снова принялся за работу.

В это мгновение раздался сильный удар по борту. Лодка стала накреняться. Голерс привстал, не зная, куда лучше прыгать. Поначалу он не мог понять, что тянет лодку, но после секундного замешательства он заметил два темных предмета, похожих на руки, которые ухватились за борт углого суденышка. За ними виднелся большой матовый шар неизвестной природы. Не дожидаясь, что последует, Голерс, все еще сжимая закупоренную бутылку, прыгнул в воду спиной назад. В то же мгновение из шара вырвался тонкий луч света. Будь он мечом, он отсек бы Голерсу ноги. Голерс ударился об воду спиной, перевернулся и нырнул под прямым углом от лодки. Проплыв под водой как можно скорее и дальше, он высунул голову наружу, быстро перевел дыхание и поплыл прочь от берега. Его инстинкт требовал повернуть к ближайшему участку суши, но Голерс полагался на голос разума, который говорил ему, что та штука — что бы это ни было — скорее всего ждет от него именно этого. Он был напуган, но не в такой степени, чтобы впасть в панику. Да он и не думал, что та штука на самом деле сумеет обнаружить его в этой черной воде, если только он не выдаст себя громким всплеском. И все же его не отпускало

ощущение, что в любой момент его схватят за пятки и потащат на дно, где после короткой схватки в его легкие хлынет вода.

На миг он приподнял голову и быстро оглянулся назад. Он ничего не увидел, кроме перевернутой вверх дном лодки, темная масса которой вырисовывалась на фоне городских огней. Он снова нырнул и построил свой маневр; со всхлипом втягивая в себя воздух и дрожа от усталости и страха, Голерс в конце концов втащил себя на берег в месте, удаленном на четверть мили от того, где он в первый раз вошел в воду. Там он долго сидел за деревом. Затем, когда восстановилось дыхание, а сердце умирало свои удары до обычного темпа, он пошел к «Королю эльфов», находившемуся в миле от него. К тому времени когда он добрался до корабля, ласковый и теплый весенний ветерок почти высушил на нем его легкую одежду. Он не стал терять времени на переодевание, а отправился прямо в лабораторию, где принялся изучать содержимое бутылки, которую сунул в карман во время бегства.

Он считал эту процедуру бесполезной, поскольку даже не знал, чего ищет. А если бы и знал, то сомнительно, что он зачерпнул искомое именно в эту одну бутылку. Но он все равно должен искать ключ к разгадке. На борту корабля, к счастью, имеется необходимое оборудование. Микроскоп Саваки, подсоединенный к мехлабу, даст ему полную картину и выберет из нее то конкретное, что ему нужно. Он вставил бутылку в подходящее отверстие и настроил прибор. Пока большой куб тихонько мурлыкал, он расхаживал взад и вперед, пытаясь отыскать надежную тропу, определенно скрывавшуюся в тех джунглях намеков и недомолвок, сквозь которые он продирался. Мысли его все время возвращались к той штуке, которая пыталась опрокинуть его в воду, где она явно намеревалась покончить с ним. Именно это и произошло с доктором Джинасом, да еще середь бѣла дня...

Внезапно он остановился и, щелкнув пальцами, произнес вслух:

— Как же я сразу не сообразил?

Он выскочил из лаборатории и бросился к аварийным шкафчикам. Поскольку к ним всегда должен был быть свободный доступ, он без проблем открывал дверцы и внимательно разглядывал висевшие в шкафчиках эластичные скафандры. Первые двенадцать из просмотренных обманули его ожидания, зато тринадцатый вознаградил. Поначалу скафандр показался ему таким же сухим, как остальные. Но, ощупывая его, Голерс обнаружил на подошве одного из ботинок, у задника, незначительные следы влаги. Еще несколько минут — и в жаре стеного

шкафа они, бесспорно, испарились бы окончательно. Кто-то тщательно соскреб и вытер с ботинок грязь.

Он выпрямился и закрыл дверцу. Для него это не явилось неожиданностью. Во всяком случае, половина разрозненных ранее деталей внезапно сложилась вместе. Вопрос только в том, как подойдут к ним остальные или какой окажется полная картина. Об этом он пока понятия не имел. Но чем бы это ни было, подумал он, вытирая пальцы носовым платком, это будет нечто, что он...

Он напрягся и замер. Ему в спину ткнулся какой-то жесткий предмет, и знакомый низкий голос с хрипотцой произнес: «Вы слишком умны, Голерс, чтобы это пошло вам на пользу».

— Я должен был догадаться, что так просто вы не оставите это дело и будете за мной следить, капитан Эверлейк.

— Вот именно. Вам бы следовало как-то обезопасить себя.

Голос Эверлейка был жестким, как и ружейный ствол, которым капитан упирался в спину врача. Самоуверенности в голосе, однако, не чувствовалось; он был бесстрастен.

— Вы сейчас отправитесь в свою лабораторию и будете держать руки перед собой. И не зовите на помощь. Я буду стрелять, а вот услышать вас будет некому. Все члены экипажа в городе.

Голерс подумал о Дебби. Где же она?

У него на затылке зашевелились волосы, и его слегка затошнило. Что, если она знала, что делает ее отец? И даже помогала ему?

Мысль была невыносима. Он отогнал ее и все же не мог не задаваться вопросом, где сейчас Дебби.

Капитан, словно читая его мысли, произнес:

— И не надейтесь, что моя дочь услышит вас. Она снова слушает свои оперные микрофильмы и вряд ли услышит нас на таком расстоянии.

Голерс почувствовал, будто с его плеч сняли огромный груз. Его теперь волновало одно: выкрутится он из этого живым или нет. Прекрасно!

Они вошли в лабораторию. Эверлейк, вошедший последним, закрыл за собой дверь. Врач продолжал идти, пока стол посередине не преградил ему путь. Затем, не спрашивая разрешения, он медленно повернулся кругом. Эверлейк не возражал.

— Не расходится ли с принципами вашей религии ношение оружия? — спросил Голерс, указывая на ружье 25-го калибра, чье дуло смотрело прямо на него.

Лицо капитана передернулось.

— Я сопоставил меньший проступок с большим, — ответил он. — Если мне придется убить, чтобы предотвратить худший проступок, я убью.

— Я не знал, что есть нечто много хуже убийства, — произнес Голерс с удивительной твердостью в голосе.

— Есть. Я скорее предпочту ответить за ваше убийство в следующей жизни, чем оставить на себе то другое пятно.

— Так, значит, это вы убили Клакстона? И Джинаса тоже?

Капитан кивнул головой:

— Да, так же, как сейчас вынужден убить вас.

Впервые в его голосе прорезалось что-то похожее на чувство.

— Видит Бог, человек, у меня нет другого выбора!

— Почему же нет? Людей больше не отправляют на электрический стул. Вам следует обратиться в больницу, и после лечения вас выпустят.

Слова падали из Эверлейка с треском, как дрова, которые кололи топором.

— Они не могут вылечить то, что у меня есть. Как не могут вылечить Дебби, а я клянусь, что все, что я сделал, я сделал из-за нее.

Голерс почувствовал, как от лица у него отхлынула кровь. Он вздрогнул всем телом и положил руку на стол, чтобы успокоиться.

— Что вы имеете в виду?

Голос капитана снова стал невыразительным.

— Не думаю, Голерс, — проговорил он, — что я скажу вам что-нибудь еще. Если вам каким-то непостижимым образом удастся вдруг сбежать, то вы можете сильно навредить нам. Все, что я говорил вам до сих пор, может причинить вред только мне и никому другому, а я всегда могу отрицать сказанное вами. Но другое — нет.

Голерс протянул руку к мехлабу, в котором все еще находилась бутылка.

— Полагаю, отчет по пробе воды покажет, что искал Джинас?

На губах капитана мелькнула улыбка.

— Я привел вас сюда, чтобы вы сами убрали бутылку и избавили меня от риска оставить свои отпечатки. Выньте ее и вылейте содержимое в канализацию, затем уничтожьте в приборе записи результатов исследования.

Медленно и с большой неохотой Голерс стал выполнять приказание.

— Что бы, интересно, они показали? — спросил он через плечо.

— Возможно, ничего. А возможно... неважно. Делайте, что сказано.

Голерс подумал, что мог бы сейчас развернуться и швырнуть бутылку капитану в лицо, однако так он только ускорил бы неизбежное, чего он определенно не хотел.

Как только он закончил, капитан молча взмахом дула велел ему идти к двери. С какой целью, гадать не приходилось.

— Послушайте, капитан, — сказал он, — почему бы вам не прекратить это? Вы еще долго сможете оставаться безнаказанным, тем временем от вас пострадают многие, а ваша вера запрещает вам...

— Моя вера много чего запрещает, — буркнул в ответ Эверлейк. — Но настанет время, когда человек вдруг осознает, что его совесть не принадлежит ему полностью. Ему приходится выбирать между двумя проступками. Я сделал свой выбор, и ничто на небесах или в аду не сможет поколебать меня теперь, когда я вступил на свой путь!

Его слова прозвучали достаточно категорично. Что, возможно, было пустым бахвальством у другого, то у капитана было вполне определенным и окончательным суждением.

Пожав плечами, Голерс направился мимо него. И в этот самый момент дверь распахнулась и вошла Дебби.

— Я удивилась, почему мы не пошли в город, — начала было она, и голос ее, становясь все тише, затих окончательно.

— Возвращайся в свою каюту! — рявкнул Эверлейк. — И забудь о том, что видела!

Голерс отступил назад, чтобы она заметила ружье. Не глядя на врача, словно того здесь не было, девушка пошла к отцу.

— Возвращайся, Дебби! — повторил он. — Ты не понимаешь, что делаешь!

Она шла к нему, не останавливаясь. Тот махнул в сторону врача ружьем и заявил:

— Не пытайтесь бежать, Голерс. Буду стрелять, так и знайте!

Дебби не обращала внимания на его слова. Словно во сне, она шла прямо на капитана, не спуская с того глаз. Он отступал перед ней, пока стол позади не остановил его. Минуту его взгляд метался в отчаянии по сторонам, словно в поисках пути отступления. А затем Дебби, уже совсем рядом от него, проговорила:

— Отец, но ты же не посмел бы *убить*, ведь правда?

— Замолчи, Дебби! — закричал он. — Ты не понимаешь, что делаешь со мной!

Голерс, в нервном напряжении, увидел, как Эверлейк вдруг вскинул руки, будто закрываясь от удара. Дебби остановилась,

словно недоумевая, чем вызвано такое его движение. Она произнесла:

— Что?.. — а потом и сама затрепетала, словно ее ударили. Оба к тому времени смотрели друг на друга не отводя глаз и тяжело дышали. Их лица, выражавшие прежде угрюмость, смягчились. Губы Дебби напухли от прилива крови, и ее грудь вздымалась. Ее отец тихо застонал и произнес:

— Нет, Дебби, нет.

Он выронил ружье и даже не пытался подобрать его. Вместо этого он неожиданно заключил свою дочь в объятия.

Голерс, который для них исчез, хотя и находился тут же, рядом с ними, не растерялся и, рванувшись вперед, подхватил оружие. После этого он ткнул дулом в ребра капитану и проговорил:

— Эверлейк, я не знаю, что здесь происходит. Но лучше бы вам сию минуту прекратить.

Те двое не обратили на него внимания. Он повторил свой приказ. И снова без ответа. Тогда он схватил ружье за дуло и ударил капитана прикладом по голове. Не вскрикнув, Эверлейк тяжело опустился. Дебби, цепляясь за него, чуть было не упала на пол сама.

Голерс оттащил Дебби. С силой, которую ему придало отвращение, он толкнул ее к стене, и она едва удержалась на ногах. Он склонился над капитаном, чтобы осмотреть кровоточащую рану на голове, но был вынужден выпрямиться, чтобы снова отпихнуть девушку. Видя, что она не остановится и, похоже, не в себе, он бросил ее на пол и попытался связать проволокой по рукам и ногам. Она дважды царапнула его лицо ногтями, а один раз даже укусила за запястье. Он дал ей пощечину, а потом сильно ударил коленом под подбородок. Всхлипывая, она опустилась на четвереньки, низко опустив голову, и ее длинные распущенные волосы свесились до пола белокурым водопадом. Прежде чем она успела прийти в себя, он перевернул ее и туго связал проволокой так, что она не могла пошевелиться. Вскочив на ноги, он затем то же проделал с ее отцом, к которому начинало возвращаться сознание.

Эверлейк выгнулся под воздействием какой-то внутренней силы. Казалось, что-то распирало его изнутри и угрожало разорвать его плоть на части, как слишком надутый воздушный шарик. Зиял его широко раскрытый рот, а его спина и шея выгнулись так, что пола касались лишь пятки и голова.

— Ради Бога, Голерс, — выдохнул он, — освободите меня! Я не вынесу этого! Это... позор!

Врач шагнул к нему. Капитан, должно быть, неправильно понял его намерения, так как вскричал:

— Нет, я не это имел в виду! Не развязывайте меня! Я не хочу этого делать!

Железная маска на лице внезапно распалась на тысячу частей. Лицо исказилось. А затем, словно оно лишь сыграло увертюру, движения лица распространились на тело.

Голерс, ошеломленный, наблюдал, как Эверлейк корчился в эпилептическом припадке.

Он шагнул к капитану, затем, услышав позади глухие удары и бульканье, круто повернулся. Дебби, с пеной у рта, тоже билась в неукротимом припадке. Он не колебался ни секунды, кому первому оказывать помощь. Он быстро всунул ей между зубами носовой платок, чтобы она не смогла искусать губы и язык. Пока он это делал, он обшаривал глазами лабораторию в поисках лекарства и необходимых инструментов. И как только ее припадок прошел — по его оценке, он длился секунд тридцать, — он вытащил у нее изо рта платок, поднялся и приготовил два шприца с глюкозой и лазаро. Последний был новым стимулятором, который появился как раз перед тем, как Голерс занял должность врача на «Короле эльфов». Хотя изобретатели стимулятора не ручались за оживление трупа с его помощью, но что-то похожее они обещали. Единственный его недостаток заключался в том, что людям с больным сердцем стимулятор был противопоказан. Поскольку Голерс знал, что никто из двоих болезнью сердца не страдает, он без колебаний ввел его внутривенно каждому.

Потом он приготовил еще два шприца с инсулином — на тот случай, если содержание сахара у них в крови станет повышаться слишком быстро. Без анализов крови он не знал, сколько инсулина может понадобиться. Он был далек от мысли, что дал им чересчур много глюкозы. Здесь он действовал наобум, и, кроме небольшого опыта с Дебби, у него было слишком мало сведений, чтобы уверенно действовать дальше. Тем не менее он не сомневался, что все делает как нужно — пусть даже и известной приближенностью.

Оба Эверлейка вскоре очнулись. При этом почти не наблюдалось той путаницы в мыслях и физической слабости, что свойственно эпилептику, когда он только приходит в себя. Голерс внимательно наблюдал за ними, так как действие лазаро, по его мнению, было все еще недостаточно хорошо изучено. Кроме того, лекарство в организме сгорало быстро, и за пациентом приходилось наблюдать, чтобы ввести при необходимости вторую дозу. Третий укол рекомендовался лишь в особых случаях крайней необходимости.

Как только на щеки капитана вернулась краска, а в глаза — блеск, Голерс приподнял его и оттащил к стене. Он развязал

Дебби, заметив при этом, что тонкая проволока глубоко впилась в кожу на запястьях, пока девушка билась в судорогах. Он почувствовал угрызения совести от этого, но у него не было тогда другого выхода.

Молча она подняла на него свои огромные бледно-голубые глаза.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил он улыбаясь.

— Небольшая слабость, — прошептала она.

— Тебе известно, что происходит?

Она отрицательно покачала головой.

— Я верю тебе, — сказал он и повернулся к Эверлейку.

— Хорошо, давайте разберемся, — проговорил он. — Я хочу точно знать, что происходит: Я догадываюсь, что дело здесь не просто в вас, Дебби, оно гораздо серьезнее: все сообщество Ремохии каким-то образом поражено, глубоко поражено. Я прав?

Эверлейк молчал. Закаменевшая челюсть свидетельствовала о его явном нежелании отвечать.

— Впрочем, это не слишком существенно, — заметил Голерс, — так как, когда вас привлекают к суду, психологи напикают вас каларошелем, и вы будете болтать как заведенный. Но это будет там, на Земле, и нам всем придется туда вернуться. Я не хочу этого; я хочу знать *сейчас*, что происходит, чтобы помочь Дебби. Ведь стоит нам улететь отсюда, и мы, может, никогда не вернемся. Возможно, Дебби положат в больницу и не выпустят до тех пор, пока вопрос не будет решен. Если бы у меня на руках имелись необходимые данные, я сумел бы хоть что-то предпринять как врач, что помогло бы ей уже сейчас. В противном случае...

Он с надеждой вглядывался в лицо капитана. Желваки все так же бугрились на скулах.

— Хорошо, — сказал он. — То, что я собираюсь сделать, будет тяжело и для Дебби тоже, но это, во всяком случае, заставит вас говорить.

Он склонился над ней и, прошептав «Прости меня, дорогая», взял ее на руки. Прежде чем она успела выразить свое несогласие, он уже нес ее к отцу. Тот, поняв, что задумал Голерс, закричал:

— Не делайте этого! Оставьте ее там! Держите ее подальше от меня! Я расскажу вам то, что вы хотите!

Голерс отпустил Дебби. Та, бросив на него укоризненный взгляд, пошла непослушными ногами к стулу и, тяжело опустившись на него, положила на стол руки и голову.

Эверлейк печально посмотрел на нее.

— Вы сам дьявол, — проговорил он. — Вы нашли-таки тот единственный способ, как заставить меня говорить. Вы знали, что я не могу вынести этого!

Дрожащей рукой Голерс зажег сигарету.

— Верно, — подтвердил он. — Так что давайте поговорим.

Капитан говорил час. Дважды он делал паузу: один раз, когда врач повторно вколол ему и дочери глюкозу с лазаро, и второй раз, когда пил воду. Закончив, он прислонился к стене и заплакал. Лицо его кривилось.

— Так, значит, эта тварь называется *уанерс*. По фамилии доктора Гидеона Уанерса, первого человека, который заразился им. А уанерс, насколько я понял, является эндопаразитом, который прорастает своими нитевидными волокнами во все мягкие ткани организма хозяина. Ткани эндопаразита состоят из того же вещества, какое можно найти в клетках человеческого мозга. И так же, как наш мозг, уанерс питается исключительно за счет сахара в крови. В данном случае в крови хозяина, но не его собственной.

Эверлейк кивнул. Голерс посмотрел на Дебби и сразу отвернулся. Видеть ужас, который отражался в ее широко раскрывшихся глазах, было для него невыносимо. Быть с головы до ног пронизанной чужим существом, знать, что она служит каркасом, который оплетает своей сетью сидящий внутри вампир, что его никакими способами нельзя изгнать и что он мог принудить ее к совершению таких поступков, которые она ни под каким видом не захотела бы совершать... Голерс подумал: а сможет ли ее рассудок выдержать такое? Рассудок капитана выдержал... впрочем, нет, не выдержал. Он совершил убийство, а этого не сделает ни один психически здоровый человек.

Голерс заговорил, торопясь своими словами отвлечь ее мысли от того ужасного состояния, в котором она находилась, и надеясь, что, может, хоть что-то подскажет ему решение.

— Неудивительно, что рентгеновские снимки ничего не показали, — произнес он торопливо. — Нитевидные волокна чересчур тонки, чтобы их обнаружили. Помимо необъяснимого падения сахара в крови, у нас не было других данных, а значит, и лечения. Далее, из вашего рассказа о наблюдениях Уанерса за самим собой и за другими до того, как он лишился рассудка, я понял, что паразит, разрастаясь в хозяине, берет свое начало из крохотной слепой головки без мозга, которая находится в желудке хозяина. К головке прикрепляется выводковая сумка. Стоит паразиту внедриться, и он сразу начинает разрастаться в одну из своих немногих специфических структур. Внутри мужчины он отращивает тонкую, с волос, трубочку, идущую из выводковой сумки в семенные пузырьки хозяина. Если уанерс

поселяется в женщине, то трубочка прорастивается из выводковой сумки во влагалище. Все делается, конечно, неосознанно. Инстинкт, и ничего больше.

Он обладает также характерной особенностью выделять тот самый рыбный запах. У хозяина он выделяется изо рта и через кожу. Когда два носителя паразита сближаются настолько, что могут почувствовать этот запах друг у друга, обонятельные органы уанерсов также улавливают его. Посредством своей связи с нейронами хозяина паразит незамедлительно посылает импульсы, которые возбуждают парасимпатическую нервную систему и железы, связанные с ней. Целенаправленный выбор определенных органов приводит к возникновению сексуального влечения, которое подстегивается до тех пор, пока не становится непреодолимым. Сдерживание человеком желаний не имеет ровно никакого значения. Уанерсу всегда удастся полностью сломать сопротивление.

Он внезапно замолчал, ошеломленный мыслью, что строение паразита, очевидно, соматическое, позволяющее вырабатывать биоэлектрические импульсы, и что если бы удалось выяснить выбранные тварью нервные пути, то можно было бы разработать метод разрушения ненормальных сдерживаний. Это означало совершенно новый подход к лечению душевных заболеваний, и этот подход показался ему широким проспектом.

Отбросив неуместные сейчас рассуждения, он вернулся к реальности.

— Короче говоря, доктор Уанерс был здесь одним из первопоселенцев. Он был руководителем, человеком строгим и справедливым, чье поведение всегда было безупречным. Пока однажды его не застали на месте преступления с молодой девушкой. Следствие установило, что он обрюхатил не одну женщину. Каждая из которых, как выяснилось позже, также заразилась паразитом. Произошло ли это через Уанерса или они сами где-то подцепили его, осталось невыясненным.

Так или иначе, Уанерс, скорбя над своими преступлениями, занялся проблемой загадочного явления, связанного с рыбным запахом и соответствующим аморальным поведением. И выяснил, что именно сидит в нем самом и в других. Он вскрыл трупы нескольких носителей паразита, знакомых ему, и обнаружил органическое строение твари. Однако в течение своего покаянного года он снова сделался жертвой требований паразита, сопротивляться которым было невозможно. И его забрали в лесной лагерь-тюрьму, куда посадили вместе с другими людьми, зараженными паразитом.

Эверлейка передернуло.

— Именно туда и отправляются все носители уанерса, — произнес он. — В вечную ссылку.

— А самое паршивое, что им нельзя вступать в физическую связь с другими такими же бедолагами.

— Да, — глухо произнес капитан. — До самой своей смерти они должны жить с ужасным чувством постоянной угрозы взорваться и в то же время страшиться этого взрыва. У них безрадостная, тягостная жизнь, и их даже не утешает, когда им говорят, что они страдают за свои проступки в этой и других жизнях.

— Вы не верите в это? — резко спросил Голерс.

— Конечно, верю. Неужели вы думаете, я бы продолжил носить белую одежду ремоха, если бы не верил? Только не я!

Голерс не знал, что сказать. К чему затевать спор с человеком, который рассуждает подобным образом? Нет смысла доказывать, что заразившийся уанерсом стал таким только по причине завесы секретности и невежества, которые навязывают сообществу и внешнему миру ремохские пресвитеры. Эти люди знали, что уанерс представляет из себя не что иное, как живое существо из плоти и крови, который действует по определенным физическим велениям, называемым инстинктами. Однако они, будучи прекрасно осведомленными обо всем этом, настаивали, что человек, приютивший в своем теле такого паразита, страдает из-за какого-либо проступка, совершенного им или его предком.

— Послушайте, капитан, — сказал он, — вы очень способный и умный человек. Иначе вы не командовали бы «Королем эльфов». Какого дьявола вы не обратились к земным врачам и не попросили их заняться вашим случаем? Вы ведь знали, что там обязательно нашлось бы какое-нибудь средство, которое избавило бы вас от уанерса, но из-за страха и невежества вы украли у самого себя возможность вылечиться. А как насчет Дебби? Вы хотели приговорить ее к кочевой жизни на «Короле эльфов», чтобы она в вечных перелетах с одной планеты на другую никогда не познала счастья и любви, не познала ничего, кроме одиночества? Как насчет Дебби?

Легко догадаться, почему капитан не разрешил ей покинуть корабль во время праздника Жертвы. Ее бы наверняка забрали в один из ремохских тюремных лагерей в лесу. А Эверлейк, преданный своему народу, не стал бы протестовать. И что еще хуже, он не осмелился даже приблизиться к своим землякам, так как ему тоже пришлось бы отправиться туда. Жизнь, которую он вел, была одинокой.

Только сейчас Голерс сумел постичь мотивы его поступков. Но этому надо было положить конец. Так больше не могло

продолжаться. Сама природа уанерса и ухищрения, к которым прибегали, чтобы скрыть его, являлись причиной неизбежности его распространения не только на самом Мелвилле, но и по всей Галактике. Эта тварь представляла собой угрозу, борьба с которой требовала ресурсов каждой планеты. Голерсу стало холодно от мысли, что даже теперь зараженные мужчины и женщины насчитываются, наверное, уже сотнями, а может, и тысячами. Рассеянные по многим планетам, они передают уанерса по своим особым скрытым каналам. А сколько их еще будет, наследников болезни!

— Послушайте, капитан, — повторил он. — Расскажите мне все, что знаете, с тем чтобы мне начать действовать как можно быстрее. Необходимо, конечно, оповестить правительство, чтобы была объявлена всегалактическая тревога. Я понимаю, что вам не хотелось выставлять свои болячки напоказ по уважительной, как вы считаете, причине. Во-первых, уанерс — такая же язва, какими обычно считались проказа и сифилис. Однако те две болезни давно исчезли, а уанерс можно одолеть. Во-вторых, вы не смели признаться в своем несчастье, так как вам было известно, что Мелвилл закроют на карантин. Это сразу уменьшит доходы от денежных взносов тех, кто работает в космосе, и, следовательно, вы не сможете больше закупать омолаживающую сыворотку. Но вам когда-нибудь приходило в голову, что ваш моральный долг перед человечеством в целом больше, нежели перед маленькой группой своих людей?

— За свою жизнь я достаточно наслушался проповедей! — рявкнул Эверлейк. — Так что не суйтесь ко мне со своими, чужак!

Голерс, помолчав, проговорил:

— Хорошо, мне только интересно знать, почему вы убили Джинаса?

— Он стал подозревать, — ответил Эверлейк. — Он однажды пришел ко мне со своими расспросами, но я отделался от него. Тем не менее последний раз, когда мы были здесь — а тогда ожидался праздник Коронации, — он исчез и не показывался три дня. В тот день когда короновали Деву озера, он подошел ко мне и сказал, что ездил в дальний район и разговаривал там с одной женщиной, мужа которой увезли куда-то в глубь страны. Это сделали, конечно, пресвитеры, потому что им завладел уанерс. Как он выудил сведения из той женщины, не знаю. Возможно, пофлиртовал с ней, а та, дура, и язык распустила. Неверные дуры — эти женщины! — Под конец его голос сорвался на крик. — Он сказал мне, что обнаруженного им вполне достаточно, чтобы ему с полным правом заявить о создавшемся положении. Он сказал, что знает о том, что я тоже

заразился, и если я думаю, что причиной тому мои «проступки», то я ошибаюсь. Он спросил у меня, правда ли то, что мою жену поразил уанерс и ее забрали. Я ответил, что все верно и она вовсе не умерла, как я сказал Дебби.

Дебби застонала, но отец по-прежнему не смотрел на нее.

— Когда с ней это случилось, я постарался забыть ее, потому что думал, будто она изменила мне. А потом, через год я и сам заразился. Я не понимал, как такое могло произойти. Ведь в течение всего года я не был ни с одной женщиной. Можете понять терзавшие меня муки, когда я вспомнил, что наговорил своей жене о ее поведении. И вот теперь я сам приютил в своем теле отвратительного паразита, хотя и был неповинен в физической близости с кем-либо.

С тех пор я никогда больше не ступал ногой на Мелвилл, если не считать неизбежных кратковременных стоянок. И я старался изолировать Дебби. К сожалению, некоторые пресвитеры прослышали о ее красоте и выбрали ее Девой озера за прошлый год. Тогда же ко мне пришел Джинас и объяснил, как можно подхватить уанерса без обычной физической близости.

Он сказал, что у каждого уанерса в его выводковой сумке должны иметься как мужские, так и женские половые клетки, но соединиться, чтобы стать зародышем, они не могут. Оплодотворение происходит во время половых сношений хозяина и хозяйки, когда уанерс, находящийся в мужчине, извергает свои половые клетки одновременно с хозяином. Эти клетки, или гаметы, осаждаются в канале хозяйки и смешиваются там с семенем уанерса, находящегося в ней. Здесь зародыши получают развитие и остаются, прицепившись к выстилающему слою канала, до своего изгнания.

Вы следите за ходом мыслей? Он сказал, что это довольно сложный способ размножения и он не обеспечивает высокой степени выживаемости уанерсов. Именно этим, вероятно, и объяснялось медленное распространение паразитов. По его подсчетам выходило, что заражено не более пяти процентов ремохов и что знают о существовании уанерсов, возможно, не более пятнадцати процентов. Пресвитеры пытались держать это в строгом секрете. Их успех объяснялся скорее всего тем, что ремохы крайне редко общались с посторонними, ограничивая их число представителями звездолетов и консулом земного правительства.

Джинас также считал, что если зародыши и гаметы какое-то время находятся вне человеческого тела, то они погибают. Однако по его предположению, во время ритуальных очищений, в которых принимает участие все сообщество, те немногие из зараженных, кого еще не распознали, вероятно, извергают

из себя как семя, так и зиготу*. Некоторые моменты религиозного возбуждения схожи с сексуальным возбуждением, и вполне возможно, что эти микроскопические существа смогут какое-то время продержаться в теплой воде. Он сказал, что уанерса можно сравнить с вырожденным ракообразным. Более того, на Земле есть нечто подобное ему.

Марк Голерс поднял брови.

— Да, — продолжал капитан, — он сказал, что земной рачок, известный под названием саккулина, близкий родственник усоногому рачку, закрепляется на теле краба карцинус. Саккулина внедряется в кожу, становится неподвижной и пронизывает ткани краба, пока не образуется целая сеть из нитевидных волокон, охватывающая собой все тело хозяина. Укоренившись в нем, рачок кормится за счет краба. И еще: у рачка тоже имеется выводковая сумка, которую он, однако, просовывает через отверстие в желудке краба. Основное различие между земной саккулиной и мелвиллским уанерсом состоит в том, что последний охотится на человеческих существ и имеет более сложное устройство и большую приспособляемость органов.

— А! — произнес Голерс.

— Что?

— Неважно. Просто вы навели меня на мысль. Но продолжайте!

— Джинас сказал, что убежден, что уанерс также разносится во время ритуального купания. Он собирался уведомить земные власти, как только окончательно убедится. Я бы убил его тут же на месте, но, когда услышал, что он хочет взять пробы воды, у меня появилась идея получше.

— И вы вошли в озеро со стороны леса, — перебил его врач, — одетый в скафандр. Вы перевернули лодку, затащили его на глубину — с помощью реактивных двигателей на скафандре — и утопили. То же вы пытались проделать и со мной.

— Я не оправдываюсь, — сказал Эверлейк. — Я делал это ради Ремоха.

Дебби впервые вмешалась в разговор:

— Отец, Пит и я заразились, вероятно, во время ритуала. Примерно спустя неделю после этого я стала чувствовать слабость и мне пришлось есть шоколад. Именно тогда ты стал так грубо обращаться со мной и избегать меня. Именно тогда ты велел мне держаться от Пита подальше.

— Да, дитя, — подтвердил он, впервые ласково обратившись к дочери, чего Голерс никогда от него не слышал. — Я не

* Клетка, образующаяся в результате слияния двух половых клеток (гамет), из которой развивается новая особь.

мог рассказать тебе, в чем дело. Я считал, что сумею уберечь тебя, если сохраню все в тайне. И я не мог приближаться к тебе. Ты ведь теперь понимаешь это, правда?

— Да. Но почему тебе пришлось убить Пита?

— Дебби, мне сказал один из членов экипажа, что он пошел в твою каюту. Зная неизбежное, я бросился к тебе и приказал Клакстону выйти вон. У него на пальце я увидел твое кольцо. Тогда... впрочем, не буду вдаваться в подробности, что могло бы произойти. Я пришел в такой ужас, что это подавило жесточайший контроль уанерса. Потом с вами обоими сделался припадок...

— Почему? — спросил Голерс.

— Потому что уанерс, если слишком долго испытывает чувство неудовлетворенности при крушении своих замыслов, начинает подстегивать нервы. Он теряет свой особый контроль над половыми железами, возбуждает всю вегетативную систему — да так, что она буквально сходит с ума — и отправляет своего хозяина в припадок.

— Выходит, я ошибался, предполагая, что это была эпилепсия, — заметил Голерс. — Что же вызывает падение сахара в крови и присутствие гормонов надпочечной железы?

Эверлейк с нетерпением ответил:

— Во время сексуального возбуждения своего хозяина уанерс съедает неимоверное количество глюкозы. Она нужна ему как топливо для выработки нервной энергии, чтобы подстегивать хозяина. А также как источник силы, к которому он прибегает всякий раз, когда требуется изгнать гаметы из выводковой сумки. Это, естественно, снижает уровень сахара в крови. Такое снижение, в общем-то, безвредно, так как через несколько минут возбуждение обычно прекращается. Но если хозяева разрушают его замыслы, оставаясь тем не менее в присутствии друг друга, что и произошло, то потребление сахара продолжается. Резкое падение содержания сахара вызывает выработку гормонов корой надпочечников, а потом их мозговым слоем. Но количества поступаемых в кровь гормонов недостаточно, чтобы вызвать адреналиновый шок. Когда хозяин теряет сознание, то же делает и паразит. И пока уанерс не очнется, глюкозу он не потребляет. А если к тому времени сексуальный возбудитель в лице другого хозяина удалится, то уанерс возобновляет свои обычные функции.

Когда с Дебби и Клакстоном случился припадок, до меня дошло, что я наделал. Я нес за это ответственность, потому что не предупредил их, чего ожидать. Однако расслабляться было некогда. Я не доверял ему. Его только что приняли в сообщество ремохов, но по своему мышлению и привязанностям он все

еще оставался чужим. У меня были все основания полагать, что он может выложить всю историю властям. И... я не доверял ему и не хотел, чтобы он был с моей дочерью. — Эверлейк сделал паузу и глубоко вздохнул.

Голерс внимательно взглянул на капитана. За его бесстрастными словами угадывался едва сдерживаемый гнев на мертвого человека.

— Зная, что его попытки вновь встретиться с Дебби неизбежны, я решил, что еще одна... смерть... не сделает мои проступки более тяжкими. Поэтому я связал его, усадил в спасательную лодку и выстрелил его в космос. Затем я уведомил Лунную станцию, что у нас на борту больная — моя дочь. Мне пришлось, конечно, сделать вид, будто я понятия не имею, чем вызвано ее состояние.

Голерс посмотрел на Дебби и по выражению ее лица предположил, что в мыслях у нее возник тот же вопрос, что и у него. Он заглянул капитану прямо в его бледно-голубые глаза и спросил:

— А почему на вас тоже не действовал уанерс, когда вы находились рядом с ней до и после припадка?

Эверлейк опустил веки и ответил низким, напряженным голосом, готовым вот-вот прерваться:

— Человек способен на многое. Больше я ничего не могу сказать вам. Вы и сами, Голерс, можете догадаться, почему уанерс именно в то время не имел надо мной власти и почему всего несколько минут назад я был в его власти. Если бы я заранее знал, что увижу Дебби, я бы сумел подготовиться. Но в действительности... нет, Голерс, давайте больше не будем об этом говорить. Разве я рассказал... и сделал... недостаточно?

Марк согласился с ним. Он посмотрел на Дебби, которая по-прежнему сидела у стола. Он погладил ее по плечу. Она не отстранилась.

— Я вернусь, милая, — проговорил он. — Прости меня, что я вынужден сдать полиции твоего отца, но я должен это сделать. Ты ведь понимаешь, да?

Она кивнула и, словно сопротивляясь чему-то внутри себя, легко коснулась его руки.

Через двадцать минут он вернулся из аппаратной, где разговаривал по видеофону с представителем Саксуэлла и вкратце обрисовал ему обстановку. Голерс не удивился, увидев кусачки в груде перерезанной проволоки.

— Он не сказал, куда идет?

Дебби подняла на него красные от слез глаза:

— К озеру. Он сейчас подплывает, наверное, к середине.

— В таком случае за ним бесполезно посылать?

— Да, им никак не поспеть. Но я и не хочу, чтобы они поспели. Это самый лучший выход. Он любил «Короля эльфов» даже больше, чем меня, Марк. Он не выдержал бы жизни под замком в сумасшедшем доме.

— Знаю. Но я удивляюсь, почему он не пытался уговорить тебя пойти вместе с ним.

— Нет, он сказал, что мне есть для кого жить. Мне кажется, он имел в виду тебя. Но ему была невыносима сама мысль о том, что он совершил убийство напрасно.

Она протянула левую руку.

— Прежде чем уйти, он отдал мне это. А я все время думала, что оно на пальце у Пита.

Это было массивное золотое кольцо с изображением щита, отражающего брошенное копье.

ЭПИЛОГ

Искренность часто снимает напряжение.

Как только был установлен карантин, а всех находившихся в полете ремохов разыскали и обследовали, Голерс приступил к работе. Он исходил из того, что уанерс, будучи внеземным существом, не смог бы так приспособиться к человеку, не заселяя он раньше подобных организмов. Ergo*, где можно найти таких существ?

Ответ был прост. Стоило лишь взглянуть на гуманоидов, обитавших на других континентах Мелвилла. Правда, они очень мало общались с землянами из-за политики невмешательства, проводимой земным правительством. Эта политика требовала, чтобы ни одна звездная компания не имела дела с аборигенами, пока тех основательно не изучат антропологические экспедиции. Со времени колонизации Мелвилла прошло уже пятьдесят лет, а до изучения руки так и не дошли. Не было нужды. Самим ремохам разрешили поселиться на планете только потому, что мелвиллские туземцы, чья цивилизация находилась на уровне раннего средневековья Земли, не открыли их континента.

Тем не менее Голерсу казалось невероятным, что ремохи не удосужились потихоньку, втайне от всех, выяснить, не беспокоит ли уанерс местных жителей. Возможно, эти неразвитые туземцы уже решили для себя эту проблему.

Голерс оказался прав. Если бы ремохи не пытались замалчивать свои «проступки», они избавили бы себя от полувековых страданий, потому что народы по ту сторону океана уже тысячу лет как умели обращаться с уанерсом. Их метод лечения был

* Следовательно (лат.).

грубым и с их уровнем развития медицины обычно приводил пациента к смерти. Но зато он обладал тем преимуществом — по их мнению, — что всегда убивал паразита.

Они искусственно вызывали у хозяина лихорадочное состояние. Не в силах выдерживать жар, уанерс медленно вытягивал свои нитевидные отростки внутрь желудка и сворачивался там в шар. Чтобы защитить себя от высокой температуры, он по всей поверхности шара образовывал восковидное покрытие. Когда и если лихорадочный жар спадал, находящийся в спячке уанерс сбрасывал с себя воск и снова пронизывал своими ветвящимися отростками тело хозяина. Но знахари, не дожидаясь, пока это произойдет, вскрывали желудок пациента и извлекали оттуда паразита.

Голерс, используя самое современное оборудование и весь комплекс знаний современной науки, прооперировал не одного туземца. Все операции кончались успешно — уанерсы были единственными, кто умирал. А потом настал день, когда он подверг операции Дебби и удалил ненавистного паразита. Через двадцать четыре часа он вошел в комнату, где она лежала на кровати.

Пораженный переменой в ее внешности, он остановился.

Он задал ей традиционный риторический вопрос:

— Ну как, чувствуем себя лучше?

— Мне кажется, я вот-вот взорвусь.

Он встревожился. Неужели уанерс оставил шрамы на ее психике?

— Вот дурачок! — засмеялась она. — Я имела в виду, что я вот-вот взорвусь, если ты сейчас же не обнимешь и не поцелуешь меня!

Она не взорвалась.

БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Впервые за всю историю морскую пехоту США расстреляли из водяных пистолетиков.

Экран моргнул. Сцену сменила другая, но перед глазами у меня продолжало стоять увиденное.

В небе висело вздутое жаркое солнце, совершенно несуразное в штате Иллинойс зимой, и освещение для телескопических камер было превосходным. Полк морских пехотинцев в полном обмундировании, с автоматами и винтовками, позорно отступал перед толпой совершенно голых мужчин и женщин. Нудисты, смеясь и кувыркаясь, поливали вояк из игрушечных кольтов и бластеров. Тонкие струйки воды изящными арками взлетали над дулами винтовок и расплескивались по лицам.

И тогда закаленные ветераны бросали оружие и пускались наутек. Или стояли с глупым видом, слизывая капельки с губ. Голые победители брали побежденных за руки и уводили в тыл своего неорганизованного строя.

Почему морпех не стрелял? Очень просто. Патроны не взрывались.

Огнеметы, гранатометы, безоткатные орудия? А дрыном не пробовали?

Экран потух, зажегся свет. Майор Алиса Льюис опустила указку.

— Есть вопросы, господа? Нет? Мистер Темпер, может, вы поведаете нам, почему вы рассчитываете на успех там, где другие столько раз терпели провал? Мистер Темпер, господа, изложит вам *голые* факты.

Я поднялся с места. Лицо мое пылало, ладони стали липкими. Мне бы следовало посмеяться вместе с остальными над пакостным намеком майора в отношении полного отсутствия

волос на моей голове, но почти четверть века не убила во мне стыд перед глянцем моего черепа.

Мне было двадцать лет, когда неизвестная докторам лихорадка едва не отправила меня на тот свет. Встал я с койки стриженной овцой, да таким и остался. Больше того, к парикам у меня стойкая аллергия. Так что у меня была причина для стеснения, когда прелестная майор Льюис решила проехаться по адресу моей сияющей макушки.

Я медленно направился к столу, за которым стояла эта дерзкая и, черт бы ее подрал, прехорошенькая девица. Приблизившись, я заметил, что сжимающая указку рука заметно дрожит, но решил не обращать внимания на этот явный признак гнева. В нашей миссии мы вынуждены будем работать вместе, и ни она, ни я ничего не можем с этим поделать. Кроме того, у нее тоже имелся повод нервничать. Деньки были тяжелые — особенно для военных.

Я обвел взглядом комнату — одни большие шишки, армейские или гражданские. За окном виднелись заснеженные улицы Гейлсберга (штат Иллинойс), озаренные предзакатным солнцем. Прохожие буднично торопились по своим делам, словно не видя ничего необычного в том, что пятьдесят тысяч солдат стоят лагерем между городком и долиной реки Иллинойс, где среди невероятно роскошной растительности бродят весьма странные твари.

Я постоял немного, сражаясь с волной страха, накатывающей на меня всякий раз перед публичными выступлениями. В такие мгновения по совершенно необъяснимым причинам моя верхняя челюсть начинает отплясывать чечетку.

«Г-господин п-полицейский, тут м-мертвая лошадь на улице Г-г-г-г...» Вы меня поняли. Даже если ты описываешь страдания азербайджанских сирот, слушатели ухмыляются, прикрывая рты, а ты выставляешь себя идиотом.

Я все еще никак не мог справиться со своими нервами, когда майор снова заговорила, слегка кривя губы — следует признаться, очень красивые, но это легкое движение несколько не делало их привлекательнее.

— Мистер Темпер уверен, что располагает ключом к решению нашей проблемы. Не исключено, что так оно и есть. Однако должна предупредить, что в его рассказе сочетаются такие не связанные между собой и неправдоподобные события, как бегство быка со скотного двора, пьяные выходки университетского профессора с репутацией убежденного трезвенника, не говоря уже об исчезновении в тот же вечер вышеуказанного профессора античной литературы и двух его студентов.

Я подождал, пока стихнет смех, а потом заговорил, не упоминая об еще двух невероятных, но связанных между собой фактах, известных только мне — о бутылке, которую я приобрел в одной ирландской таверне и отослал профессору два года назад, и о произведенном с армейского аэростата фотоснимке города Наспин, на котором запечатлена огромная статуя быка из красного кирпича прямо посреди футбольного поля Трэйбеллского университета.

— Господа, — начал я, — прежде чем я перейду к своему рассказу, позвольте объяснить вам, почему Управление пищевых и лекарственных продуктов посылает агента-одиночку в район, где до сих пор не смогла добиться успеха объединенная мощь армии, военно-воздушных сил, береговой охраны и морской пехоты.

Лица слушателей расцвели розами.

— УПЛП по необходимости принимает участие в Наспинском деле. Как вам уже известно, река Иллинойс, от Чилликота до Хаваны, течет пивом.

Никто не смеялся. Этот факт давно уже перестал забавлять присутствующих. Что же касается меня, то мне отвратительны любые алкогольные напитки или наркотики. У меня на то имеются свои причины.

— Мне следовало бы высказаться несколько иначе. Воды Иллинойса сильно пахнут хмелем. Но те из наших добровольцев, которые попробовали воду из реки там, где запах начинает слабеть, реагируют иначе, чем на обычные алкогольные напитки. Они сообщают об эйфории с полным исчезновением самоконтроля, которая сохраняется и после того, как алкоголь в крови окисляется. Это средство действует не как успокоительное средство, а как стимулятор. Похмелье отсутствует. Более всего озадачивает тот факт, что наши ученые не в состоянии обнаружить в этой воде никаких неизвестных веществ.

Все это, однако, вам известно, как и причина причастности УПЛП. Я был выбран для этой миссии не только потому, что родился и вырос в Наспине, но и потому, что мое начальство — включая президента Соединенных Штатов — осталось весьма впечатлено моими предположениями в отношении личности человека, ответственного за эту невероятную сумятицу. Кроме того, — добавил я, не без злости косясь на майора Льюис, — они полагают, что коль уж я первым додумался до внушения агенту рефлекторного отвращения к речной воде, то таким агентом и должен стать именно я.

После того как руководство УПЛП уяснило ситуацию, дело поручили мне. Поскольку в окрестностях Наспина уже исчезло немало федеральных агентов, я решил произвести рекогносци-

ровку за пределами этой территории. Я отправился в Библиотеку Конгресса и начал просматривать старые подшивки наспинских «Морнинг Стар» и «Ивнинг Джорнэл», двигаясь в прошлое, с того дня, когда библиотека перестала получать эти газеты. И только в номерах за 13 января позапрошлого года я наткнулся на нечто существенное.

Я замолчал, стараясь определить, какое впечатление на этих тупоголовых произвела моя речь. Никакого. Полный ноль. Но я продолжил. У меня еще оставался туз в рукаве. Вернее, если быть точным, обезьяна в клетке.

— Господа, в номерах за 13 января среди других событий упоминалось исчезновение накануне вечером доктора Босвелла Дурхама из Трэйбеллского университета вместе с двумя студентами, слушателями обзорного курса классической литературы. Сообщения эти довольно противоречивы, но сходятся в следующем. Где-то днем 12 января один из студентов, Эндрю Поливиносел, весьма пренебрежительно отозвался об античной литературе. Доктор Дурхам, известный своими мягкостью и терпением, обозвал Поливиносела ослом. Поливиносел, футболист огромного роста, поднялся и изъявил намерение выкинуть профессора в окно. Однако, если верить свидетелям, робкий, худосочный и немолодой Дурхам взял спортсмена за руку и буквально вышвырнул в коридор.

После этого Пегги Рурк, весьма симпатичная студенточка и девушка Поливиносела, начала уговаривать его не нападать на профессора. Однако отговаривать спортсмена особой нужды не было. Совершенно ошеломленный, он позволил мисс Рурк увести себя.

Студенты группы утверждали, что трения между профессором и Поливиноселом уже возникали, причем студент вел себя не лучшим образом. Теперь у профессора появилась отличная возможность вышвырнуть Поливиносела и из университета, несмотря на то что тот участвовал в национальном студенческом чемпионате. Профессор, однако, ничего не сообщил декану мужского отделения. Слышали, как он ворчал себе под нос, что Поливиносел — настоящий осел и что это абсолютно очевидно. Одному из студентов будто бы показалось, что от профессора несет спиртным, но он решил, что ему померещилось, поскольку всему университету с незапамятных времен известно, что профессор не притрагивается даже к кока-коле. Похоже, немалую роль в этом сыграла его жена, горячая поборница трезвости, современная последовательница Фрэнсиса Уилларда*.

* Американский общественный деятель, пропагандист трезвого образа жизни. (Здесь и далее примеч. пер.)

Все это может показаться не относящимся к делу, но я заверяю вас, господа, что это не так. Обратите внимание на показания еще двух студентов. Оба клянутся, что видели горлышко бутылки, торчавшей из кармана висевшего в кабинете пальто профессора. Бутылка была откупоренной. И хотя на улице было морозно, оба окна в кабинете профессора, известного неприязнью к холоду, были распахнуты настежь. Видимо, для того, чтобы от бутылки не так пахло.

После ссоры доктор Дурхам предложил Пегги Рурк пройти к нему в кабинет. Часом позже студентка выскочила оттуда заплаканная и красная. Своей соседке по комнате она рассказала, что профессор вел себя, как безумец. Он признался, что полюбил ее в тот день, когда она вошла в его аудиторию. Затем он заявил, что был стар и некрасив и не мог просить ее бежать с ним, но теперь, когда все переменялось, желает именно этого. Она, в свою очередь, сказала, что профессор всегда ей нравился, но у нее не было даже и мысли о любви, после чего Дурхам торжественно пообещал ей, что в этот самый вечер станет совсем другим человеком и она сочтет его неотразимым.

Несмотря на происшедшее, вечером, когда Поливиносел привел Пегги Рурк на праздник второкурсников, все, казалось, было спокойно. Дежуривший там профессор поздоровался с ними, словно ничего не случилось. Его жена тоже не чувствовала неладного, что само по себе весьма странно, ибо миссис Дурхам была одной из тех профессорских жен, уши которых точно приросли к той слуховой трубе, по которой передаются слухи. А будучи женщиной очень нервной, она своих чувств не скрывала и к мужу-ученому не испытывала ни малейшего почтения. Над ним часто потешались за глаза, настолько явным он был подкаблучником. Миссис Дурхам частенько высмеивала его и водила за собой, будто быка за кольцо. Однако в тот вечер...

Майор Льюис прокашлялась.

— Мистер Темпер, пожалуйста, опустите подробности. Эти джентльмены — люди весьма занятые, им нужны голые факты. Подчеркиваю, *голые* факты.

— Голые факты, — огрызнулся я, — таковы: поздно вечером, вскоре после того как танцы кончились, миссис Дурхам позвонила в полицию и заявила, что ее муж сошел с ума. О том, что он просто упился, не могло быть и речи. Такого она себе представить не могла. Он бы не отважился...

Майор Льюис еще раз прокашлялась. Я раздраженно покопился на нее. Похоже, она никак не могла уразуметь, что некоторые подробности совершенно необходимы.

— Полицейский, который ответил на ее звонок, доложил позже, что профессор шлялся по сугробам в одних брюках, с торчащей из кармана бутылкой, и обстреливал всех встречных красной краской из водяного пистолетика. Другой полицейский опровергал его, заявляя, что Дурхам шkodил с помощью кисти и краски из ведра.

Чем бы профессор ни пользовался, ему удалось перекрасить и свой собственный дом, и дома нескольких соседей от фундамента до самой крыши. Когда появилась полиция, профессор облил краской их машину и брызнул в глаза. Пока они пытались разлепить веки, профессор удрал. Еще через полчаса он исполосовал красной краской женское общежитие и довел до истерики немало напуганных его обитательниц. Сметя с дороги возмущенную надзирательницу, он ворвался в здание и стал бегать по коридорам, поливая краской всех, кто высовывался из дверей, причем банка его казалась бездонной, а затем, так и не найдя Пегги Рурк, скрылся.

Могу добавить, что все это время Дурхам хохотал как безумный и заявлял всем встречным, что этой ночью выкрасит город в красный цвет.

Мисс Рурк ушла с Поливиноселом и несколькими его друзьями и подругами в ресторан. Потом компания разошлась по домам, а указанная пара проследовала, как все полагали, к женскому общежитию. Однако туда они не попали. Ни их, ни профессора никто больше не видел в течение двух лет, прошедших между этим событием и временем, когда в Наспине перестали выходить газеты. Общественное мнение склонялось к тому, что очумевший от любви профессор убил обоих, закопал, после чего сам подался в бег. Но я, не без веских оснований, придерживаюсь совершенно иной версии.

Заметив, что слушатели начинают нервничать, я поспешно рассказал о быке, который появился из ниоткуда в самом начале Главной улицы. Владельцы ферм заявляли, что вся их скотина на месте. Тем не менее быка видело такое множество людей, что от их показаний нельзя было отмахнуться. Более того, все свидетели заявляли, что в последний раз видели быка, когда тот переплывал реку Иллинойс с обнаженной женщиной на спине. Женщина размахивала бутылкой. Выйдя на берег, бык вместе с женщиной исчез в прибрежном лесу.

Рассказ был встречен возгласами недоверия.

— Вы пытаетесь убедить нас в том, что миру вновь явились Зевс и Европа? — возмутился командующий береговой охраной.

Продолжать было бесполезно. Эти люди могут поверить только тому, что увидят своими глазами. Я решил им показать.

По моему знаку помощники вкатили в зал просторную клетку. Внутри сидела скрючившись крупная человекообразная обезьяна в соломенной шляпке, розовых нейлоновых панталонах и с угрюмым выражением на морде. Сквозь отверстие в панталонах торчал длинный хвост. Если говорить строго, то, насколько я понимаю, ее нельзя было относить к человекообразным — те лишены хвостов.

Антрополог сразу бы определил, что это вообще никакая не обезьяна. У нее, правда, была сильно выдающаяся вперед морда, а все тело до кончика хвоста покрывали длинные волосы. Но у обезьян не бывает ни такого гладкого высокого лба, ни большого крючковатого носа, ни столь длинных по сравнению с туловищем ног.

Клетку установили рядом с кафедрой.

— Господа, — провозгласил я. — Если все, что я говорил раньше, казалось вам не имеющим никакого отношения к данному делу, то уверен, через несколько минут вы убедитесь, что я вел вас по верному следу.

Я повернулся к клетке, спохватился, что кланяюсь, отказался от этой мысли и обратился к обезьяне:

— Миссис Дурхам, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам, что с вами произошло.

Я был совершенно уверен, что она заговорит, быстро и бессвязно, но с той пронзительной ясностью, которая ошеломила меня вчера вечером, когда мои ребята поймали ее на самом краю пресловутой местности. Меня переполняла гордость за совершенное открытие, которое потрясет этих джентльменов от медных лбов до мозолистых пяток и докажет им, что один скромный агент УПЛП добился большего, чем вся армия. И они перестанут, наконец, хихикать и называть меня «температуристым» типом, а также прочими дурацкими кличками.

Я ждал...

И ждал...

А миссис Дурхам категорически отказывалась вымолвить хоть слово. Даже когда я встал перед ней на колени. Я пытался объяснить ей, насколько мощные силы противостояли друг другу в этой долине, пытался доказать, что в ее розовых, не покрытых волосами ладошках находится судьба мира. Она не открывала рта. Кто-то, по-видимому, оскорбил ее достоинство; она сникла, повернулась к аудитории спиной и нервно помахивала хвостом, высывавшимся из розовых панталончиков.

Более скверной бабы я не встречал в жизни. Ничего удивительного, что муж превратил ее в обезьяну.

Предполагаемый триумф обернулся полным фиаско. Магнитофонная запись нашей с ней беседы не убедила Больших

Шишек. Они только укрепились во мнении, что мозгов у меня меньше, чем волос на голове, и выразили свое мнение полным молчанием, когда я поинтересовался, будут ли вопросы. Алиса Льюис презрительно улыбалась.

Впрочем, на будущее моей миссии это не могло повлиять. Полученный мною приказ эти люди бессильны были отменить.

В тот же вечер, в половине восьмого, я стоял на границе зоны в сопровождении группы офицеров моего начальника. Хотя луна только-только взошла, при ее свете можно было свободно читать. В десяти ярдах от нас снег кончался и начинались тепло и зелень.

Генерал Льюис — отец майора Льюис — давал последние наставления:

— Вам, мистер Темпер, дается два дня, чтобы связаться с Дурхамом. В среду, в четырнадцать ноль-ноль, мы атакуем. Морские пехотинцы, вооруженные луками, стрелами и пневматическими винтовками, снабженные кислородными масками, будут посажены в планеры с герметичными кабинами. На большой высоте планеры будут отцеплены от самолетов-буксировщиков и совершат посадку на шоссе номер двадцать четыре, близ южной окраины города, где сейчас два обширных поля. Десантники пешком проследуют по улице Адамса до самого центра. К тому времени, я надеюсь, вы установите местонахождение источника проблем и устраните его.

«Устраните» следовало понимать как «прикончите». Судя по выражению лица генерала Льюиса, он считал, что я на это вряд ли способен. Генерал недолюбливал меня не только потому, что меня, штатского, сам президент наделил широкими полномочиями, но и из-за тех своеобразных условий, в которых предстояло выполнить нашу с его дочерью совместную миссию. Алиса Льюис, будучи майором, была прежде всего женщиной, причем весьма привлекательной и очень юной для своего воинского звания.

Теперь она дрожала рядом со мной от холода в одних трусиках и бюстгалтере, пока я освобождался от брюк. Зайдя в лес, мы избавимся и от остальной одежды. В чужой монастырь...

Морпех с луками и духовыми ружьями... неудивительно, что военные нервничают. Но в Зоне, управляемой моим бывшим профессором и его Хмелем, огнестрельное оружие просто не срабатывало. А вот Хмель срабатывал безотказно. Все, глотнувшие его, становились наркоманами.

Все, кроме меня.

Я единственный догадался внушить себе под гипнозом глубокое отвращение к зелью.

Доктор Дйерф, психолог из Колумбийского университета, прививший мне стойкое отвращение к Хмелю, задал мне пару вопросов, пока кто-то прикреплял у меня за спиной трехгаллоновый бак с дистиллированной водой. Вдруг, прервавшись на полуслове, он резко откинул мне голову назад и сунул под нос невесть откуда взявшийся стакан. Я нюхнул, вышиб стакан у доктора из рук и как следует ему врезал.

Доктор отскочил назад, держась за скулу.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался он.

— Нормально, — ответил я. — Но на мгновение мне показалось, что я задохнусь. И еще возникло желание убить вас за эту выходку.

— Последний экзамен. Вы сдали его на «отлично». Вы совершенно невосприимчивы к Хмелю.

Льюисы наблюдали эту сцену молча. Их бесило, что я, штатский, додумался до такого способа борьбы с неодолимым притяжением Хмеля. Тысяче морских пехотинцев, которые пойдут по нашим следам через два дня, придется носить кислородные маски, чтобы избежать искушения. Что же касается моей спутницы, то Дйерф спешно подверг ее гипнозу, но у него не было уверенности в результатах. К счастью, ее миссия должна длиться не столь долго. Ей предписывалось добраться до источника Хмеля и вынести пробу из Зоны. Однако, если мне понадобится помощь, я имею право оставить ее при себе. Кроме того, хотя впрямую об этом не упоминалось, я должен сделать все возможное, чтобы оградить ее от хмельного искуса.

Распроставшись с провожающими, мы тронулись в путь. Теплый воздух упал на нас, как одеяло. Минуту назад мы мерзли, теперь же — исходили потом. Ничего хорошего в этом не было. Придется искать где-то воду в дополнение к той, что плещется в баке.

Я оглянулся, озирая освещенную полной луной местность. Иллинойский ландшафт сильно изменился за эти два года. Стало гораздо больше деревьев, причем таких, каких не ждешь увидеть в столь северных краях. Кто бы ни устроил все это, ему пришлось доставить сюда массу семян и саженцев заблаговременно, не дожидаясь потепления. Мне это было точно известно, поскольку я проверил в Чикаго уйму накладных и обнаружил, что некий Смит — Смит! — через две недели после исчезновения Дурхама начал делать заказы в тропических странах. Посылки доставлялись в один из домов Наспина, а теперь заповилили его окрестности. Дурхам прекрасно понимал, что этой речной долине не прокормить свои триста тысяч жителей, когда прекратится доставка консервов, бидонов с молоком и

прочей провизии по железным и шоссейным дорогам, в результате чего сельская местность будет буквально опустошена голодными ордами.

Но стоило только взглянуть на фруктовые деревья, увешанные вишнями, бананами, персиками, апельсинами, яблоками и грушами — никак не по сезону, увидеть заросли спелой черники, земляники, голубики и малины, буйную поросль картофеля и помидоров, зреющие на совсем не подходящей для них почве арбузы и дыни — причем все это таких размеров, какие обеспечили бы первые призы на любых соревнованиях до-Хмельной эпохи, — то становилось понятно, что голодать здесь не приходилось. Подбери и ешь.

— Это похоже на сад Эдемский, — восторженно прошептала Алиса Льюис.

— Прекратите подрывные речи, Алиса! — огрызнулся я.

Она обморозила меня взглядом:

— Не говорите глупостей. И не называйте меня Алиса. Я майор морской пехоты.

— Пардон, — усмехнулся я. — Но о званиях лучше пока забудем. Туземцы могут удивиться. И еще — пора раздеваться окончательно, пока не наткнулись на кого-нибудь.

Она явно хотела возразить, но приказ есть приказ. И хотя нам предстояло по крайней мере тридцать шесть часов путешествовать вместе в костюмах Адама и Евы, она настояла на том, чтобы раздеваться мы разбрелись по кустам. Я не спорил.

Скромно зайдя за дерево, я снял трусы, и в этот миг до меня долетел запах сигары. Скинув со спины бак с водой, я выступил на узкую тропинку... и остановился ошарашенный.

Опершись на ствол дерева, скрестив короткие ножки, покупывая гаванскую сигару и заложив большие пальцы за воображаемый жилет, передо мной стояло чудовище.

Наверное, мне следовало не пугаться, а веселиться. Чудище сошло прямо со страниц очень популярного комикса. Ростом оно было добрых семь футов, ярко-зеленое, с крупной желто-коричневой чешуей на груди и животе, очень короткими ногами и непомерно вытянутым туловищем. Лицом оно было наполовину человек, наполовину — аллигатор. На темени его торчали две огромные шишки, а на них — большие, как блюдца, глаза. Выражение лица чудовища было одновременно высокомерным, благодушным и глуповатым. Именно таким рисовал его художник — вплоть до того, что вместо пяти пальцев у него было четыре.

Причиной моего потрясения была не только неожиданность его появления. Есть большая разница между тем, что изображе-

но на картинке, и тем, что видишь во плоти. На страницах комиксов эта тварь выглядела милой, забавной и привлекательной. Ожив, она стала попросту кошмарной.

— Не бойся, — произнесло видение. — Скоро ты ко мне привыкнешь.

— Ты кто? — спросил я.

Тут из-за дерева вышла Алиса. Она разинула рот от изумления и мертвой хваткой вцепилась в мою руку.

Чудовище помахало сигарой.

— Я Аллегория с берегов Иллинойса. Добро пожаловать во владения Великого Махруда, пришельцы.

Что он хотел сказать последними словами, до меня не дошло. И только через минуту я понял, что титул его был совместным каламбуром автора вышеупомянутого комикса и героини одной из пьес Шеридана, миссис Малапроп.

— Полное мое имя — Альберт Аллегория. Во всяком случае, в этом воплощении, — пояснил кошмар. — Сами понимаете, другие формы — другие имена. А вы двое, как я полагаю, — новички, жаждущие жить на берегу Иллинойса, пить из него божественный Хмель и поклоняться Быку? — Он поднял руку: кулак был сжат, но большой палец и мизинец торчали вперед. — Это знак, который делает всякий правоверный при встрече с товарищами. Запомните его, и у вас не будет никаких хлопот.

— Откуда ты знаешь, что я новичок? — спросил я, не пытаясь солгать, так как мне показалось, что Аллегория настроен к нам благожелательно.

Он рассмеялся. Звуки отдавались в его пасти, как в рупоре. Алиса — уже не самоуверенный офицер морской пехоты — еще сильнее сжала мою руку.

— Я в некотором роде полубог, — ответил Аллегория. — Когда Махруд — Бык имя его — стал богом, он написал мне письмо — воспользовавшись, разумеется, обычной почтой — с приглашением перебраться сюда и состоять при нем полубогом. Мирские дела меня никогда особенно не волновали, а поэтому я проскользнул мимо армейских кордонов и принял на себя обязанности, которые Махруд — Бык имя его — на меня возложил.

Я тоже получил письмо от своего бывшего профессора. Пришло оно еще до того, как началась эта заваруха, и предложения перебраться сюда и состоять при нем полубогом я не понял. Я посчитал, что у старика просто шарики за ролики заехали.

— И каковы же твои обязанности? — поинтересовался я, не придумав ничего умнее.

Он снова помахал сигарой.

— Работа моя несколько не обременительна и заключается в том, чтобы встречать новичков и предупреждать их, чтобы глядели в оба. Им нужно зарубить у себя на носу, что не все таково, каким кажется на первый взгляд, и что им нужно вглядываться, чтобы видеть символ за занавесом действий. — Монстр сделал затяжку и продолжил: — У меня есть вопрос к тебе. Сейчас не отвечай. Подумай и скажешь мне позже. — Он сделал еще затяжку. — Вопрос таков: камо грядеши?

Объяснять он не стал и, бросив: «Пока», заковылял по боковой тропинке. Короткие ножки двигались, казалось, совершенно независимо от вытянутого крокодильего туловища. Пару секунд я смотрел ему вслед, стараясь унять дрожь, затем вернулся к дереву, где оставил бак, и вскинул его на плечи.

Шли мы быстро. Алиса была настолько подавлена, что даже не замечала собственной наготы.

— Меня очень пугают такие случаи, — проговорила она наконец. — Как человек может принять подобный облик?

— Выясним, — произнес я с наигранным оптимизмом. — Кажется, стоит быть готовыми к чему угодно.

— Пожалуй, и то, что миссис Дурхам вам нарасказала на Базе, — правда.

Я кивнул.

Незадолго до того как Зону оцепили войска, жена профессора переправилась на другой берег реки, где, как она знала, находился ее муж. Пусть он и провозгласил себя богом — она его не боялась.

На всякий случай миссис Дурхам прихватила с собой двух адвокатов. Внятно описать, что же именно случилось на другом берегу, она не сумела, но некая сила, управляемая, по-видимому, доктором Дурхамом, обратила несчастную в огромную хвостатую обезьяну, заставив спастись бегством. Оба адвоката, превращенные в скунсов, тоже были вынуждены ретироваться.

— Я не могу понять, как Дурхам это делает, — заметила Алиса, поразмыслив над этими странными событиями. — Откуда у него такое могущество? И какими орудиями он пользуется?

Несмотря на жару, по телу у меня побежали мурашки. Не стоило говорить ей, что я являюсь главной причиной происходящего. Я и без того чувствовал себя достаточно виноватым. Более того, если я начну объяснять ей, во что верю, она решит, что я совсем спятил.

Тем не менее именно так и обстояли дела. Потому-то я и вызвался добровольцем на это задание. Кто заварил кашу, тому и расхлебывать.

— Пить-то как хочется, — пробормотала Алиса. — Папаша, как насчет глотка воды? Другой возможности нам может не представиться.

— Черт, — рывкнул я, снимая со спины бидон, — не называйте меня папашей. У меня есть имя — Даниэль Темпер, и я не настолько стар...

Я примолк. По возрасту я ей и впрямь годился в отцы. В захолустье штата Кентукки, во всяком случае.

Догадавшись, о чем я думаю, она улыбнулась и протянула мне небольшую кружку, которую отстегнула от бака.

— Возраст мужчины таков, насколько он чувствует себя мужчиной, — прорычал я. — А я ощущаю себя не старше тридцати.

Тут в лунном свете на тропинке что-то мелькнуло.

— Ложись, — шепнул я Алисе.

У нее только-только хватило времени нырнуть в траву. Мне мешал бак, так что я решил остаться и встретить опасность лицом к лицу.

Разобрав, что именно движется по тропинке, я пожалел, что не бросил бидон. Неужели в этом позабытом Богом краю не осталось ни одного человеческого существа? Сначала — Аллегория. Теперь — Осел.

— Привет, братец! — поздоровался он и, прежде чем я успел поставить бак на место, запрокинул назад чудовищную голову и огласил окрестности громовым хохотом — не то «ха-ха», не то «иа-иа».

Мне-то было не до смеха. Слишком у меня были натянуты нервы, чтобы притворяться, будто мне весело. К тому же от него сильно несло Хмелем. Меня едва не вывернуло, прежде чем я отшатнулся.

Осел был высок и, в отличие от большинства ослов, покрыт короткой светлой шерстью. Стоял он, как человек, — на двух ногах, но украшенных широкими копытами. Голову его венчали два длинных волосатых уха, но во всех остальных отношениях это был самый обычный человек, какого можно встретить на улице — или в лесу. Звали его, как он не замедлил представиться, Поливиносел.

— Что это за бидон? Зачем он тебе?

— Ташу наружу контрабандой Хмель, — соврал я.

Он осклабился, обнажив длинные желтые лошадиные зубы.

— Самогонщик, ха! Только чем тебе за нее платят? Для почитателей Все-Быка деньги ценности не имеют.

Поливиносел вытянул правую руку — большой палец и два средних были согнуты, указательный и мизинец торчали прямо.

Когда я не сразу ответил тем же, он нахмурился было, но расслабился немного, стоило мне повторить его жест.

— Я занимаюсь контрабандой из любви к искусству, — сообщил я. — А также для того, чтобы распространять свет истины.

Откуда взялась последняя фраза, ума не приложу. Скорее всего она явилась следствием его ссылки на «почитателей» и похожего на религиозный символ знака, который показал Поливиносел.

Поливиносел протянул большую волосатую руку и отвернул кран на баке. Не успел я пошевелиться, как он наполнил сложенную лодочкой ладонь, поднес к губам и с шумом выпил, но тут же выплюнул, обрызгав меня с головы до ног.

— Тьфу! Да это же *вода*!

— Разумеется, — обиженно отозвался я. — Избавившись от Хмеля, я наполняю бак обычной водой. Если меня ловит патруль, объясняю, что тащу в эти места контрабандой чистую воду.

Поливиносел снова заржал и хлопнул себя в восторге по бедру. Звук был, как у топора, вонзающегося в дерево.

— И это еще не все, — понесло меня. — Я уже договорился кое с кем из высокого начальства, и они позволяют мне проходить через кордон в обмен на Хмелек.

Поливиносел подмигнул, взревел и снова хлопнул себя по бедру.

— Разложение, а, братец? Рыба гниет с головы! Пройдет совсем немного времени, скажу я тебе, и Бычий Хмель распространится по всему миру.

Он снова изобразил тот знак, и на сей раз я ответил без промедления.

— Прогуляюсь с тобой милую-другую, братец. Мои почитатели — местный культ Осли — справляют неподалеку отсюда праздник плодородия. Может, присоединишься к нам?

Я вздрогнул и с жаром ответил:

— Нет, спасибо.

Однажды вечером мне довелось наблюдать за одной из таких оргий в полевой бинокль. В двух сотнях ярдов от границы запретной территории полыхал огромный костер. В свете этого адского пламени были отчетливо видны белые тела мужчин и женщин, сплетающиеся в безумном, бесстыдном танце. Эта сцена еще долго стояла у меня перед глазами и даже являлась мне во сне.

Услышав мой отказ, Поливиносел снова завопил по-ослиному и хлопнул меня по спине — вернее, по баку. От неожиданности я упал на четвереньки в траву и чуть не зашипел от

бешенства. Меня раздражало его наглое дружелюбие, а кроме того, я боялся, что он погнул тонкие стенки бака и швы разойдутся.

Но встать я не мог не поэтому. Я не мог пошевелиться, глядя в огромные голубые глаза Алисы.

Поливиносел издал громкий, радостный вопль, опустился на четвереньки, подсунув свою уродливую, увенчанную ослиными ушами башку Алисе под нос, и взревел:

— Ай-оо! Божья коровка, прилетела с неба съесть кусочек хлеба!

Он схватил Алису за талию, встал и, подняв ее высоко в воздух, принялся вертеть и так и этак, рассматривая в ярком свете луны, словно незнакомую букашку, которую поймал в траве.

— Чертов осел! — взвизгнула Алиса. — Убери свои грязные лапы, ты, скотина!

— Я Поливиносел! Местный бог плодородия! — проревел он. — Это моя обязанность — и привилегия — проверять твои достоинства. Скажи мне, дочь моя, молила ли ты недавно о мальчике или девочке? Как твой урожай? Дружно ли взошла капуста? А лук и репа? А курочки твои хорошо несутся?

Вместо того чтобы испугаться, Алиса рассердилась.

— Ладно, ваше ослишество, а теперь не угодно ли меня опустить? И не смотрите на меня похотливыми зенками. Если вам так хочется того, о чем я догадываюсь, поторопитесь на оргию. А то почитатели вас не дождутся.

Поливиносел разжал пальцы. К счастью, гибкая и легкая Алиса приземлилась на ноги и кинулась было прочь, но он схватил ее за руку.

— Не туда, моя славная дочурка. Неверные охраняют границу всего лишь в нескольких сотнях ярдов отсюда. Ты же не хочешь, чтобы тебя поймали? Тогда тебе не удастся упиться Божественным Хмелем, а ты ведь этого хочешь?

— Спасибо, я о себе сама позабочусь, — прохрипела Алиса. — Оставь меня в покое. Плохие времена настали. Девушка уже вздремнуть на травке не может, чтобы какому-нибудь мелкому божку не взбрело в голову покувыркаться!

Алиса быстро освоила местный жаргон.

— Ладно уж, дочка, не порицай нас, божков, за это. Особенно раз ты сама сложена как богиня.

И, издав титанический рев, едва не сбивший нас с ног, Поливиносел схватил нас за руки и поволок по тропинке.

— Пошли, пошли, малыши. Я вас перезнакомлю со всеми. Ох, какой у нас сейчас праздник будет на Пиру Осла!

Вновь раздалось оглушительное наглое ржание. Теперь я понял, почему Дурхам выбрал для этого парня такое воплощение.

Эта мысль сразу повлекла за собой другие. Вопрос в том, как ему это удалось? В сверхъестественные силы я, разумеется, не верил. Если они и существуют, человеку ими не овладеть. А все, что происходит в этой вселенной, подчиняется законам физики.

Возьмем, к примеру, уши и копыта Поливиносела. Шагая рядом с ним, я получил неплохую возможность осмотреть их. Положим, они видоизменились, стали похожи на ослиные, однако тот, кто это сделал, явно не имел перед собой точного изображения осла. По сути, уши так и остались человеческими, только вытянулись и покрылись шерсткой.

Что касается ног, они тоже были человеческими, а не ослиными. Ступней, правда, не было, но светлые копыта, очень похожие на лошадиные, состояли на вид из того же вещества, что и ногти. Сквозь них просматривались слабо различимые контуры пяти пальцев.

Было совершенно ясно, что какой-то хирург-скульптор изменял очертания человеческого поначалу тела.

Я бросил взгляд в сторону Алисы, пытаюсь понять, что она думает о нашем поводе. В гневе она была величественна. Как грубо высказался Поливиносел, майор Льюис обладала великолепной фигурой. Она принадлежала к тому сорту девушек, которых всегда выбирают президентом студенческого сестринства, королевой бала на институтских вечерах, а затем выдают замуж за сына сенатора. К тому сорту, который и не глядел на меня, когда я корпел в Трэйбеллском университете.

— Послушай-ка, ты, — взревел Поливиносел, вдруг остановившись, — как тебя зовут?

— Даниэль Темпер, — ответил я.

— Даниэль Темпер? Д. Т.?* Ох-ха-хо-ха-ха! Послушай, старина Д. Т., бросай ты свой бидон! Зачем таскать на себе эту тяжесть? С ней ты смахиваешь на осла, на подлинно вьючное животное! Я не желаю, чтобы кто-нибудь здесь мне подражал, понял? Хо-ха-и-а-а! Дошло?

И он ткнул мне под ребра пальцем, твердым, как рог.

Я едва не взрезал ему. Никогда в жизни я так не ненавидел человека — или бога. Дурхам просчитался, думая, что накажет его. Поливиносел явно гордился своим превращением и, если я правильно его понял, извлекал из него пользу в такой степени,

* Д. Т. — общепринятое сокращение *Delirium tremens* (лат.) — белая горячка.

что даже насадил свой культ. Разумеется, он не первый, кто создал религию из собственных недостатков.

— А в чем же я тогда стану таскать Хмель?

— Да какая разница? — отвечивал он. — Твои мелочные делишки не помогут распространению божественного Напитка. Оставь это рекам мира и Махруду, Бык имя его. — Он снова сделал тот забавный знак.

Спорить с ним я не стал — а то он бы просто сорвал бидон с моей спины. Я не спеша отстегнул шлейки, а Поливиносел помог мне — подхватил бак и зашвырнул его в темноту леса.

И тут же я ощутил страшную, немыслимую жажду.

— Не нужна тебе эта дрянь! — взревел Поливиносел. — Пошли со мной на поляну Осла. Там у меня маленький чудный храмик — без такой, конечно, роскоши, как в Цветочном дворце Махруда, да пребудет он Все-Быком! — но очень славный. Повеселимся!

Все это время осло-бог не переставал бесстыдно пожирать глазами Алису, и стремления его были заметны... невооруженным глазом. Как и все здешние дегенераты, он был абсолютно лишен сдерживающих начал. Будь у меня пистолет, я бы его пристрелил, не раздумывая. Если бы, разумеется, здесь могли взрываться патроны...

— Слушай, — огрызнулся я, от злобы бросив всякую осторожность. — Мы пойдем туда, куда мы пожелаем. — Я схватил девушку за руку. Кажется, это становится модным. — Идемте, Алиса. Бросим этого надутого осла.

Поливиносел преградил нам дорогу. Чуть монголоидный разрез глаз делал его еще больше похожим на упрямого мула — огромного, злобного и сильного, с особым упором на злобность.

— Даже не надейтесь, — прогремел он, — что вам удастся разозлить меня настолько, что я причиню вам вред, чтобы вы могли настучать своему пастырю, а тот — Махруду! Не введете меня во искушение гнева! Это было бы *смертным* грехом, вы, смертные!

Воя, что я, дескать, не способен возмутить его олимпийское спокойствие, он одной рукой обвил мою шею, а другую запустил мне в рот и дернул за верхнюю челюсть.

— Как мне надоело твое шамканье!

Ослабив удушающую хватку, Поливиносел швырнул мою вставную челюсть в кусты. Я метнулся туда, где, как мне показалось, белели на земле мои зубки, и, упав на четвереньки, стал лихорадочно шарить вокруг, но найти их не мог.

На ноги меня поднял вопль Алисы — поднял слишком быстро, так что я здорово звезданулся головой о сук. Невзирая на боль, я обернулся, чтобы посмотреть, что случилось, и напролом

кинулся через кусты, но, больно ударившись обо что-то лодыжкой, полетел лицом вниз, да так, что дух вышибло.

Встав, я увидел, что споткнулся о собственный бак с водой. Не успев возблагодарить каких-либо богов за эту удачу, я подхватил его, бросился к Поливиноселу с Алисой и с размаху обрушил бак Ослу на темя. Тот беззвучно обмяк. Я отшвырнул бак и наклонился к Алисе:

— С вами все в порядке?

— Д-да, — всхлипнула она и уткнулась носом в мое плечо.

Я решил, что она скорее испугалась и разозлилась, чем была всерьез изнасилована. Я потрепал Алису по плечу — кожа у нее оказалась восхитительно гладкой — и погладил по длинным черным волосам, но рыдания продолжались.

— Грязный скот! Сначала он погубил мою сестру, а теперь ко мне подбирается!

— Что?

Она подняла голову — вернее, опустила, ибо была на дюйм, а то и два выше меня.

— Пегги — моя сводная сестра, дочь моего отца от первого брака. Ее мать потом вышла замуж за полковника Рурка. Но мы всегда были близки.

Я хотел бы порасспросить ее, но другие дела требовали моего внимания.

Перевернув Поливиносела на спину, я убедился, что сердце бьется. Из раны на затылке сочилась обыкновенная красная кровь, а не ихор, которому положено течь в жилах божеств.

— Первая группа, — прокомментировала Алиса. — Как и была. За него не беспокойтесь. Он заслуживает смерти. Скудумный, донжуанистый оглоед, который втянул мою сестру в...

Не закончив фразы, она застыла с открытым ртом. Я проследил ее взгляд и увидел, как растекается по земле наша вода. Вновь я ощутил острый приступ жажды — чисто психологической, но от того, что я это сознавал, во рту не стало менее сухо.

— Так вдруг пить захотелось! — прохрипела Алиса, схватившись за горло.

— Ничего не поделаешь, — ответил я, — пока не найдем источник незараженной воды. А чем дольше мы тут стоим, тем сильнее будем хотеть пить.

Бак был пуст. Нагнувшись, чтобы удостовериться сей печальный факт, я заметил у кустов нечто белеющее. Это оказались мои зубы. Повернувшись к Алисе спиной, я водрузил их на место и, чувствуя себя несколько увереннее, напомнил ей, что пора отправляться в путь.

Так мы и поступили. Разговоры Алисы все еще вертелись вокруг воды.

— Должны же здесь оставаться колодцы или ручьи, куда не просочилась зараза. Ведь Хмель течет только в реке, так?

— Если бы я был в этом уверен, то не стал бы брать с собой бак, — ехидно ответил я.

Она открыла рот, чтобы возразить, но тут мы услышали голоса впереди, увидели пламя приближающихся факелов и поспешно спрятались в кустах.

Идущие по тропе громко распевали. Мелодию они позаимствовали из «Боевого Гимна Республики», но текст был на сильно исковерканной латыни — ударения приходилось расставлять там, где того требовала музыка; впрочем, пришельцев это не беспокоило. Вряд ли хоть один из них понимал, что поет.

Orientis partibus
Adventavit Asinus,
Pulcher et Fortissimus,
Sarcinis Aptissimus*.
Orientis partibus
Adventavit... ай-и-и-и!!!

Толпа завернула за поворот тропы и наткнулась на своего истекающего кровью бога.

— Пошли отсюда, — прошептала Алиса. — Если поймают, разорвут в клочья!

Я, однако, хотел остаться и понаблюдать за этими людьми, чтобы по их поведению выработать правильную линию общения с туземцами. Алиса согласилась со мной. Несмотря на нашу обоюдную неприязнь, я должен был признаться, что ума и смелости ей не занимать. А для нервозности у нее были серьезные причины.

Толпа повела себя не так, как я рассчитывал. Вместо того чтобы причитать и плакать, они сбились в кучу, явно не зная, что делать. Сначала я ничего не мог понять, но несколько брошенных фраз прояснили причину столь странного поведения — они просто опасались вмешиваться в дела полубога, даже такого полу-, как Поливиносел.

Их нерешительность только подчеркивалась молодостью — среди них не оказалось ни одного старше двадцати пяти, и все были великолепно сложены.

На тропе позади нас кто-то громко затрещал ветками. Мы с Алисой подпрыгнули от неожиданности. Ослопоклонники пустились наутек, как стая перепуганных кроликов. Мне хотелось

* Со стороны рассвета возносится Осел, прекрасный и мощнейший, к почитанию наиболее подобающий (лат.).

присоединиться к ним, но я остался, лихорадочно молясь в душе, чтобы это не оказалось еще одно невообразимое чудище.

Но это был всего-навсего обнаженный туземец, тощий и высокий, с длинным тонким носом, похожий на преподавателя колледжа. Сходство усиливалось тем, что нос он уткнул в книгу. Я уже говорил, что при свете луны можно было свободно читать, но, правду сказать, не ожидал, что кто-то так и сделает.

Ученую внешность некоторым образом портила висящая у него на плечах мертвая белка размером с колли. Наверное, туземец возвращался с охоты, хотя я никогда прежде не слышал, чтобы на белок охотились ночью. Да и оружия у него не было.

Удивительно было все, кроме размеров белки — я уже видел снимки огромных зверей, сделанные в пограничных участках Зоны.

Меня интересовало, что туземец предпримет, заметив Поливиносела. Но тот разочаровал меня. Подойдя к распростертому телу, он, нисколько не колеблясь и ничем не показывая того, что зрит бога, спокойно переступил через его вытянутые ноги и последовал дальше, не поднимая носа от страниц.

Я взял Алису за руку.

— Пошли за ним!

Мы следовали за чтецом примерно с полмили, прежде чем я решился окликнуть его. Он остановился, опустил белку на землю и спокойно подождал нас.

Я спросил у него, не заметил ли он лежащего на тропинке Поливиносела.

Незнакомец недоуменно покачал головой.

— Я видел, как вы через него переступили, — заметил я.

— Я ни через кого не переступал, — уверенно ответил ученый. — Тропинка была совершенно свободна. — Он пригляделся ко мне. — Вы, как я вижу, новичок. Наверное, только-только попробовали Хмель. Иногда поначалу он вызывает странные ощущения и видения. Понимаете, чтобы привыкнуть к нему, нужно время.

Тут я возражать не стал, зато в отношении Поливиносела решил поспорить. Стоило мне упомянуть это имя, как ученый просиял, улыбнулся покровительственно и осмотрел меня поверх своего носа.

— О, мой друг, знаете ли, не следует верить всему, что слышишь. Только из-за того, что большинство, которое всегда невежественно и глуповато, предпочитает объяснять новое в терминологии древних суеверий, разумному человеку вроде вас нет никакой нужды принимать все это на веру. Я предложил бы вам отбросить все, что слышите, — за исключением, разумеется, того, что говорю вам я, — и полагаться в дальнейшем

только на способность логически мыслить, которой вы, к вашему счастью, наделены от рождения и которую развили, обучаясь в университете, при условии, разумеется, что учреждение, которое вы посещали, не было лишь тренировочным залом для членов Торговой палаты, клуба Ротарианцев, Любителей старины, Рыцарей Колумба, равно как «Оленей», «Лосей», «Львов» или каких-либо других диковинных зверей. Я едва ли...

— Но я же *видел* Поливиносела! — повторил я раздраженно. — И если бы вы не подняли ногу вовремя, то споткнулись бы о него!

Он еще раз одарил меня покровительственной улыбкой:

— Ну, ну! Самовнушение, массовая галлюцинация и все такое. Скорее всего вы — жертва гипноза. Поверьте мне, в этой долине хватает удивительного. Нельзя позволять, чтобы тебя одурачил первый встречный шарлатан, у которого есть простое — пусть и надуманное — объяснение происходящему здесь.

— А каково ваше объяснение? — парировал я.

— Доктор Дурхам изобрел какую-то машину, вырабатывающую неизвестное вещество, которым он сейчас наполняет воды реки Иллинойс. А со временем, мы надеемся, и воды всего мира. Одно из присущих ему свойств — разрушение многих общественно и психологически обусловленных рефлексов, которые некоторыми обозначаются как сдерживающие начала, нравы или неврозы. Оно и к лучшему. Кроме того, вещество оказалось универсальным антибиотиком и стимулятором — какова комбинация! — не говоря уже о многом другом, что я не всегда одобряю.

Тем не менее я должен признаться, что профессору удалось разделаться с такими общественными и политико-экономическими структурами и факторами, как заводы, магазины, больницы, школы, — которые до сих пор посвящали почти все свое время и энергию производству кретинов-недоучек, — а также покончить с бюрократией, автомобилями, церквями, кино, рекламой, самогоноварением, мыльными операми, армией, проституцией и другими бесчисленными институтами, которые до недавнего времени считались совершенно необходимыми.

К несчастью, инстинкт рационализации в человеке подавить трудно, как и стремление к власти. А потому мы имеем шарлатанов, выдающих себя за пророков, основывающих разнообразные религии и привлекающих народные массы во всей их идиотской простоте и трогательной жажде ухватиться за любое объяснение неизвестного.

Мне хотелось ему верить, но я прекрасно знал, что у профессора не было ни умения, ни средств для того, чтобы построить такую машину.

— А как же в простонародье объясняют появление Хмеля? — осведомился я.

— Никак; для них источником Хмеля является Бутылка, — ответил Здравомыслящий. — Они божатся, что Дурхам черпает силы из этой Бутылки, которая по описанию есть не что иное, как самая обычная бутылка из-под пива. Некоторые, правда, утверждают, что на ней имеется *in stacciato** изображение быка.

Лоб мой покрылся испариной. Значит, это все-таки мой подарок! А я-то считал, что это лишь безобидный розыгрыш моего обаятельного и старомодного профессора античной литературы!

— Вся эта история, видимо, связана с его фамилией, — поспешил я заметить. — Студенты частенько называли его «Быком». И не только потому, что его фамилия Дурхам**. Жена водила его за собой, как за кольцо в носу, и...

— В таком случае он своих студентов одурачил, — сказал Здравомыслящий. — Потому что за его кроткой и покорной наружностью скрывался призовой бык, настоящий жеребец, похотливый старый козел. Не знаю, известно ли вам, но он содержит множество нимф в своем так называемом Цветочном дворце, не говоря уже о прекрасной Пегги Рурк, известной ныне как...

— Так она жива! — выдохнула Алиса. — И живет с Дурхамом!

Здравомыслящий поднял брови.

— Ну, это зависит от того, слушать этих шарлатанов или нет. Некоторые из них утверждают, что она каким-то таинственно-мистическим образом преобразилась — размножилась, как они говорят, — являясь каждой из нимф в серале Махруда и в то же самое время не будучи ни одной из них, и пребывает лишь в виде сущности. — Он покачал головой. — Ох уж мне эти рационализаторы, не могут не создавать себе богов и теологий.

— А кто такой Махруд? — спросил я.

— Да просто Дурхам наоборот. Знаете ли, в любой религии есть запрет на упоминание истинного имени бога. Тем не менее я полагаю, что такое имя ему придумали эти жулики-болтологи — главным образом потому, что не в состоянии произнести его нормально. А остальные настаивают, что добожественное имя смешивать с истинным не следует. Вот и прилипла кличка, вероятно, из-за восточного колорита, в представлении этих скудоумцев — мистического.

Разведанных набралось столько, что я в них совершенно запутался.

* Точечным рельефом (*ит.*).

** Порода крупного рогатого скота.

— А сами вы когда-нибудь видели Махруда?

— Нет, и не увижу. Эти так называемые боги просто не существуют — не более чем Аллегория или Осел. Человек в здравом уме в них не поверит. К несчастью, Хмель, несмотря на многие его восхитительные свойства, склонен делать людей нелогичными, нерациональными и подверженными внушению. — Он постучал себя по лбу. — Я же принимаю все его положительные качества и отвергаю остальное. И вполне счастлив.

Вскоре мы вышли на проселок, который я узнал.

— Тут и до моего дома недалеко, — сообщил Здравомыслящий. — В гости не заглянете? На ужин будет белка и сколько угодно Хмеля из колодца во дворе. Ко мне придут друзья, и до начала оргии мы сможем провести время в интеллектуальной беседе. Увидите, мои друзья весьма интересные люди — все сплошь атеисты и агностики.

Я содрогнулся при мысли, что мне предложат ненавистное пойло.

— Мне очень жаль, — как можно убедительнее произнес я, — но нам пора. Но не удовлетворите ли вы мое любопытство и не скажете ли, как вам удалось поймать эту белку?

— Кант, — ответил он, помахав книгой.

— Не вижу никакого кантика, — удивился я.

— Да нет. Не тот, который кант, а тот, который Иммануил Кант. Видите ли, Хмель необычайно стимулирует рост некоторых животных. Но более того — я не сомневаюсь, что он воздействует также на их нервную систему. Они ведут себя куда разумнее, чем прежде. Сочетание увеличения размеров мозга и изменения структуры нейронных сетей, полагаю. Но, какова бы ни была причина, Хмель наилучшим образом воздействует на грызунов. Оно и к лучшему. Замечательный, знаете ли, источник пищи... Я обнаружил, — продолжил он, заметив мое растущее нетерпение, — что нет никакой необходимости ни в винтовке, которая все равно в этих местах не стреляет, ни в луке и стрелах. Нужно только найти место, изобилующее белками, сесть под дерево и читать вслух. Покуда охотник занимается самообразованием и развлекается, привлеченная монотонным голосом белка медленно спускается с дерева и подползает все ближе.

Обращать на нее внимание не следует — нужно читать дальше. Любопытный зверек садится совсем рядом, медленно помахивая пушистым хвостом и вперившись в читающего черными глазищами. Через некоторое время остается лишь встать, закрыть книгу и подхватить белку, которая к тому времени уже полностью впадает в транс, из которого не выходит, даже когда приносишь ее домой и перерезаешь ей глотку.

Опытным путем я определил, что наилучшие результаты дает чтение «Критики чистого разума». Это их просто глушит. А вот кроликов почему-то легче всего прельстить «Тропиком Козерога» Генри Миллера. Во французском переводе, разумеется. Один мой приятель рассказывает, что для ловли птиц лучше всего подходит «Дианетика» Хаббарда, но, знаете ли, надо и совесть иметь. Я лично ловлю фазанов и гусей с помощью «Трех примеров к теории сексуальности».

Мы подошли к дому Здравомыслящего и распрощались с ним. Потом, ускорив шаг, одолели несколько миль по усыпанной гравием дороге, пройдя мимо множества в большинстве своем покинутых ферм. Некоторые сгорели, и обитатели попросту перебрались в амбары. Или, если и амбары выгорели дотла, соорудили себе шалаши.

— Фотоснимки с армейских аэростатов показывали, что в городе сгорело много домов, — сказал я. — А улицы буквально заросли травой. Я-то недоумевал — куда же делись погорельцы? Теперь понятно. Они стали жить, как дикири.

— А почему бы и нет? Похоже, им вовсе не приходится трудиться в поте лица своего, чтобы жить в достатке, — заметила Алиса. — Я обратила внимание, что нас совсем не кусают комары. Значит, всякий гнус, должно быть, уничтожен. Санитария тоже не доставляет обитателям этой долины особого беспокойства — Хмель убивает любые болезнетворные микробы, если верить этому просветителю белок. Бумажного и жестяного мусора у них не так много, чтобы его вывоз стал проблемой. И все они кажутся очень счастливыми и гостеприимными. Нам раз за разом приходится отклонять предложения перекусить и выпить Хмельку. И даже, — добавила она со злорадной улыбкой, — поучаствовать потом в оргиях. Похоже, что ныне это весьма респектабельное слово. Я не преминула обратить внимание на то, как одна красавица-блондинка на предыдущей ферме пыталась затащить вас за сарай. Признайтесь, за пределами Зоны такое вряд ли могло случиться.

— Может быть, я и лыс, — взвился я, — но не настолько, черт возьми, уродлив, чтобы в меня не могла влюбиться симпатичная девушка. Жаль, у меня нет при себе фотографии Бернадетты. Мы с ней как раз собирались объявить о помолвке. Ей всего лишь тридцать лет и...

— А зубы у нее все на месте?

— Абсолютно все, — отпарировал я. — Осколок снаряда не угодил ей в челюсть, а остатки верхних зубов не выпали из-за инфекции, потому что под рукой не было антибиотиков, когда ураганный огонь противника не давал высунуться из окопов в течение пяти суток... — Меня трясло от злости.

— Дэн, — смущенно пробормотала Алиса, — извините. Я не хотела.

— И не только это, — продолжал я, не обращая внимания на ее извинения. — Что вы на меня взъелись? Оставим в покое мои зубы, волосы и тот факт, что именно я, а не кто-то другой, додумался до этого фокуса с условным рефлексом, а мое начальство — включая президента — достаточно высоко оценило мои способности, чтобы послать в эту Зону без поддержки десяти тысяч прокладывающих дорогу морских пехотинцев. Если уж на то пошло, вас-то почему сюда послали? Потому что ваш папочка-генерал решил наскрести за мой счет немножко славы для вас и себя? Уж если это не паразитизм военных — то что тогда? И больше того...

Я неистовствовал и всякий раз, когда она открывала рот, заглушал ее протесты ревом. Я сам не соображал, как ору, пока не заметил, что за нами внимательно наблюдают стоящие посреди дороги мужчина и женщина. Я тут же заткнулся, но было поздно.

— Чего это вы так ругаетесь, новенькие? — спросил мужчина, когда мы подошли. — Вот, глотните. Прекрасное средство. Как раз для вас. Здесь, на земле Махруда, мы позабыли, что такое грубость.

— Нет, спасибо, — отказался я и попытался было их обойти, но женщина, брюнетка, являвшая собой нечто среднее между Джейн и Лиллан Рассел, обняла меня за шею и заявила:

— Ну, пойдем, лысенький. Ты такая лапочка. Выпей и идем с нами. Мы держим путь на ферму Джонси, на праздник Плодородия. Там будет сам Поливиносел. Он снизошел до того, что согласился ночью повеселиться с нами, простыми смертными. И ты можешь любиться со мной для блага урожая. Я, видишь ли, одна из нимф Поли.

— Прошу прощения, — вывернулся я, — но мне нужно идти.

И тут я почувствовал, как что-то теплое потекло по моему черепу. Я не сразу понял что, но запах подсказал мне.

Это был Хмель! И я отреагировал со всеми отвращением и ужасом, которые порождал рефлекс. Я оторвал от себя девушку и швырнул ее в поливавшего меня Хмелем мужчину, так что оба упали. Не дожидаясь, пока они поднимутся, я схватил Алису за руку, и мы понеслись по дороге.

Пробежав добрую четверть мили, я задыхаясь вынужден был перейти на шаг. Сердце мое старалось продолбить грудную клетку, а голова разбухала, соперничая со сводом небес. К такому резвому бегству приседания по утрам меня не подготовили. Впрочем, я приободрился, заметив, что Алиса, молодая и сильная, пыхтела едва ли не громче меня.

— Они нас не преследуют, — прохрипел я. — Знаете, мы так легко проникли в глубь Зоны, что я понять не могу — что мешает колонне морских пехотинцев пройти сегодня ночью той же дорогой? Может, было бы разумнее атаковать именно таким образом?

— Мы пытались уже четырежды, — ответила Алиса. — Два раза днем и два ночью. Первые три колонны промаршировали в Зону и не вернулись. Что произошло с последней, вы видели.

Некоторое время мы шли молча. Затем я не выдержал:

— Послушайте, Алиса, я тут вышел из себя и едва нас не погубил. Давайте договоримся не ворошить былого и начнем сначала, по-хорошему?

— И не мечтайте. Скандалить я не стану, но не позволю ни малейшего панибратства. Для того чтобы понравиться мне, вам нужно накачать меня Хмелем до ушей, но и то весьма сомневаюсь.

Я промолчал, решив держать рот на замке, даже если лопну от злости.

Ободренная — или же заинтригованная — моим молчанием, она заговорила снова:

— Вполне возможно, что попробовать Хмель нам все же придется. Воду мы разлили, и если вам хочется пить так же, как и мне, нами можно осушать болота. Впереди у нас все четырнадцать, а то и двадцать часов без воды, и все это время мы будем находиться на ногах. Что произойдет, если без воды нам не выжить, а напиться можно только из реки? Ведь отравой это пойло не является.

Доподлинно известно, что мы станем совершенно счастливыми. Именно в этом-то и самое худшее. Этот Хмель, или вещество X, как его ни назови, — самый коварный из всех когда-либо изобретенных людьми наркотиков. Привыкшие к нему не просто испытывают, как мы видим, полное счастье. Употребление Хмеля приносит им немало благ.

Я не смог сдержаться.

— Это предательские речи.

— Отнюдь нет, *мистер* Темпер. Всего лишь факты.

— Мне это не нравится!

— Почему вы так злитесь?

— Почему? — переспросил я холодно. — У меня нет причин стыдиться этого. Мои родители были наркоманами. Отец умер в больнице для бедных. Мать вылечили, но она погибла при пожаре, когда загорелась кухня ресторана, где она работала. Обоих похоронили на старом Мелтонвилльском кладбище на самой окраине Наспина. В молодости я частенько наведывался к их могилам по ночам и выл на звезды, потому что

несправедливый Господь позволил им умереть столь позорно, по-скотски. Я...

— Мне очень жаль, Дэн, — тихо, но твердо перебила меня Алиса, — что с вами случилось такое. Но вам не кажется, что ваш рассказ отдает мелодрамой?

Я тут же унялся.

— Вы правы. Просто мне показалось, что вы пытаетесь меня поддеть, и я...

— И вы захотели обнажить передо мной душу? Нет, Дэн, благодарю. Достаточно и того, что нам пришлось обнажить тела. Я не хотела причинять вам боль, но сравнивать прежние наркотики и этот Хмель просто невозможно.

— Что, у тех, кто его пьет, не заметно признаков вырождения? А вы точно знаете, что их нет? Разве можно сделать выводы на основе столь кратких наблюдений? И если все здесь так здоровы, милы и счастливы, то почему Поливиносел попытался вас изнасиловать?

— Я нисколько не намерена защищать этого ишака, — отозвалась Алиса. — Но, Дэн, неужели вы не улавливаете изменений, которые произошли в воцарившейся здесь духовной атмосфере? Тут, похоже, нет барьеров, разделяющих людей на мужчин и женщин, и они поступают друг с другом так, как им того хочется. У них отсутствует даже чувство ревности. Из слов той брюнетки совершенно ясно, что Поливиносел выбирает себе женщин, и никто не против. Он, вероятно, считал само собой разумеющимся, что я захочу покувыркаться с ним в травке.

— Ладно, ладно. Но это все равно мерзко. Я понять не могу, почему Дурхам сделал его богом плодородия, если так ненавидел?

— А что вам известно о Дурхаме? — отпарировала Алиса.

Я рассказал, что Дурхам был невысоким, лысым толстячком с лицом ирландского лепрекона*, которого жена так заклевала, что стали видны дырки, что у него была душа поэта, неодолимая привычка цитировать древнегреческих и латинских классиков, страсть к каламбурам и нескрываемое желание издать свою книгу эссе «Золотой Век».

— Как по-вашему, он мстителен? — поинтересовалась она.

— Нет. Наоборот, на редкость снисходителен и кроток. А что?

— Так вот, моя сестра Пегги писала мне, что ее парень, Поливиносел, ненавидел Дурхама за то, что ему нужно было

* Ирландская разновидность «маленького народца». Уродливы, хитры, жадны, питают склонность к пакостным розыгрышам, но к людям довольно доброжелательны. Пойманный лепрекон откупается, указав дорогу к своему горшку с золотом (нередко фальшивым).

пройти его курс, чтобы получить зачет по литературе. Кроме того, всем было ясно, что профессор обожал Пегги. Поэтому Поливиносел старался его вывести из себя при любой возможности. Она упоминала об этом и в последнем перед исчезновением письме. Прочитав в газетах, что Дурхама подозревают в убийстве обоих, я подумала: а не вынашивал ли он свою ненависть уже давно?

— Только не профессор, — возразил я. — Он мог совершенно выйти из себя, но очень ненадолго.

— Вот вам и объяснение, — торжествующе заявила Алиса. — Он превратил Поливиносела в ишака, а затем по доброте душевной простил. А почему бы и нет? Пегги-то досталась ему!

— Тогда почему же он не вернул Поливиноселу человеческий облик?

— Не знаю. Но, насколько мне известно, в университете тот специализировался по сельскому хозяйству, а по натуре, если верить Пегги, был местным Казановой.

— Теперь я понимаю, почему вы слушали мою лекцию с таким ехидством, — сказал я. — Вы знали об этой парочке куда больше моего. Но это вовсе не извиняет ваших выпадов в адрес моей лысины и вставной челюсти.

Алиса отвернулась.

— Не знаю, почему я такое наговорила. Может, потому, что ненавидела вас за то, что вам, штатскому, дали такую власть и доверили столь ответственную миссию.

Мне хотелось поинтересоваться, не изменила ли она своего мнения. Но я был уверен, что дело не только в этом, а потому решил не напирать и продолжил свой рассказ о Дурхаме. Единственное, о чем я умолчал, было и самым важным. Вначале я хотел разговорить ее.

— Значит, вам кажется, — подытожила Алиса, — что все здесь случившееся соответствует описанию гипотетического Золотого Века согласно профессору Босвеллу Дурхаму?

— Да, — ответил я. — Он часто читал нам лекции о том, сколько возможностей упустили древние боги. Он полагал что, присмотрись они повнимательнее к своим смертным подопечным, то быстро разделались бы с болезнями, нищетой, несчастьями и войнами. А еще он утверждал, что древние боги на самом деле были всего лишь людьми, которые каким-то образом приобрели сверхчеловеческие способности и не знали, как ими воспользоваться, ибо были несведущи в философии, этике и других науках.

Он, бывало, говорил, что мог бы справиться гораздо лучше, и раздражался целой лекцией на тему «Как быть богом и любить свою профессию». Это, естественно, вызывало у нас гомериче-

ский смех, так как невозможно было представить себе никого менее божественного, чем Дурхам.

— Это я знаю, — сказала Алиса. — Из писем сестры. Она говорила, что именно это особенно раздражало Поливиносела. Он не понимал, что профессор просто проецирует на аудиторию мир своей мечты. Он, видно, все хотел придумать место, где бы его жена не изводила. Бедняга!

— Хорош бедняга! — фыркнул я. — Что он хотел, то и получил, не так ли? Кто другой может похвастаться тем же, да еще в подобном масштабе?

— Никто, — призналась Алиса. — Но скажите, что пропагандировал Дурхам в своем «Золотом Веке»?

— Он утверждал, что вся история человечества свидетельствует о том, что так называемый простой человек, Человек Обыкновенный — это парень, которому больше всего хочется, чтобы его никто не трогал и жизнь его протекала тихо и гладко. Его идеал — жизнь без болезней, уйма еды, развлечений, секса и любви, никаких счетов, подлежащих оплате, ровно столько работы, чтобы не сдохнуть от скуки в избытке развлечений, а главное — чтобы кто-то другой думал и решал за него. Большинство людей мечтают о том, чтобы все заботы о них взяло на себя какое-нибудь божество, а сами бы они занимались чем в голову взбредет.

— Ну-ну! — воскликнула Алиса. — Да чем он лучше Гитлера или Сталина?!

— Многим, — возразил я. — Ему *удалось* устроить рай земной, в чем мы можем удостовериться, оглянувшись вокруг. И он не верил ни в какую-то одну идеологию, ни в применение насилия. Он... — Я запнулся, поняв, что защищаю профессора.

Алиса хихикнула:

— Передумали?

— Нет! — вскрикнул я. — Совсем нет. Ибо профессор, как и любой диктатор, изменил свои первоначальные взгляды. Он так *прибегнул* к насилию. Вспомните Поливиносела.

— Это не пример. Тот как был ослом, так ослом и остался. И откуда нам знать — может, ему так больше нравится.

Ответить я не успел. Небо на востоке внезапно озарила ослепительная вспышка. Через пару секунд до нас докатился грохот взрыва.

Мы были просто ошеломлены, поскольку уже свыклись с мыслью, что в этой долине подобные химические реакции просто невозможны.

— Неужели атака началась раньше, чем было запланировано? — прошептала Алиса, вцепившись в мою руку. — Или нам просто забыли о ней сообщить?

— Не думаю. С чего бы начинать атаку именно здесь? Пойдем посмотрим, в чем дело.

— Знаете, мне показалось, будто сверкнула молния, только... это была молния наоборот...

— Вы имеете в виду — негативная? — переспросил я.

— Вот именно, — кивнула Алиса. — Черная.

— Мне доводилось видеть ветвистые молнии, вроде деревьев, — пробормотал я. — Но это первое дерево... — Голос мой прервался. — Нет, это уже бред. Сначала доберемся туда, а потом будем судить.

Мы свернули с проселка на пересекающее его шоссе. Это была государственная автотрасса, проходящая мимо аэропорта и в полутора милях отсюда упиравшаяся в Мелтонвилль. Восточная часть неба снова озарилась вспышкой, и мы поняли, что взрыв произошел гораздо ближе, чем нам поначалу померещилось.

Мы поспешили вперед, готовые в любую секунду кинуться к лесу в случае угрозы. Пройдя полмили, я внезапно остановился как вкопанный.

— Что случилось? — шепотом спросила Алиса, налетев на меня.

— Что-то я не припоминаю здесь ручья, — медленно ответил я. — Совершенно точно — раньше его здесь не было. Я тут часто бродил в бойскаутские годы.

Однако сейчас ручей был. Он тек с востока, со стороны Наспина, и сворачивал на юго-запад, в сторону от реки. Русло перерезало автотрассу, образуя в дорожном полотне пролом шириной в добрых тридцать футов. Кто-то притащил два длинных древесных ствола, перебросил их через ручей и перекрыл досками, соорудив некое подобие моста.

Мы пересекли ручей и двинулись было дальше по шоссе, но еще один взрыв слева подсказал нам, что мы свернули с пути. Этот взрыв прогремел совсем рядом, на дальнем краю обширного луга, где, как мне помнилось, находилась автостоянка.

Алиса принялась.

— Пахнет горелой зеленью.

— Точно. — Я указал на дальний берег ручья, хорошо освещенный луной. — Посмотрите.

Берег и дно ручья устлали полуобгорелые, изломанные стебли и ветви каких-то растений размером с добрую сосну, разбросанные в радиусе футов двадцати.

Что это означает? Оставалось подойти поближе и посмотреть. Поэтому когда мы внезапно достигли конца русла, окруженного толпой человек эдак в сто, то усердно заработали локтями, чтобы выяснить, что же такое там происходит.

Мы этого так и не выяснили.

— Он опять переборщил с Хмелем! — истошно завопила вдруг какая-то женщина.

— Спасайся кто может! — взревел мужчина.

И ночь мгновенно взорвалась дикими воплями. В темноте замелькали обнаженные тела. Крича и толкаясь, люди рассыпались в стороны. Однако, несмотря на безумную спешку, все весело смеялись, словно предвкушая хорошую потеху, — странная смесь паники и пренебрежения к опасности.

Я схватил Алису за руку и потащил за ними.

— Что стряслось? — крикнул я поравнявшемуся с нами мужчине.

Тот представлял собой невероятное зрелище. Это был первый увиденный мной в Зоне человек, на котором была одежда. Голову его покрывала красная феска с кисточкой, туловище опоясывал светло-зеленый широкий пояс, за который была заткнута кривая сабля под таким непривычным углом, что скорее напоминала румпель. Иллюзия усугублялась скоростью, с которой он мчался.

Услыхав мой возглас, мужчина окинул нас диким взглядом, вполне соответствовавшим нелепости наряда, и что-то гаркнул.

— А?

Он снова что-то выкрикнул и помчался дальше.

— Что он сказал? — хрипло поинтересовался я у Алисы. — Готов поклясться, что он проорал: «Горацио Хорнблюуэр».

— Больше похоже на «хорасифенкорнблэс», — ответила она, и тут мы выяснили, отчего толпа бросилась бежать.

Позади нас рыкнул лев размером с гору, взрывная волна швырнула нас наземь, прокатилась волна горячего воздуха, и затем на нас посыпался град камней и комьев грязи. Я взвыл от боли, когда булыжник ударил меня по ноге. На минуту мне показалось, что лодыжка переломана.

На шее моей висела Алиса, монотонно причитая:

— Спасите меня! Спасите...

Я бы с удовольствием, но вот кто будет спасать *меня*?

Столь же внезапно каменный град прекратился, а с ним стихли и вопли. Еще некоторое время стояла тишина, прерываемая изредка вздохами облегчения. Затем послышался хохот, восторженные возгласы, и вокруг нас опять замелькали белые в лунном свете обнаженные тела, восставшие из густой травы, словно призраки. Эти ничем не сдерживаемые люди не могли долго испытывать страх. Они уже весело подтрунивали друг над другом по поводу бегства и начинали стягиваться к эпицентру взрыва.

Я остановил одну женщину, полногрудую красотку лет двадцати пяти — я потом обратил внимание, что все женщины, употребляющие Хмель, были красивы, превосходно сложены и молодо выглядели, — и спросил:

— Что случилось?

— Да этот придурок-болтолог налил в яму слишком много Хмеля, — с улыбкой объяснила она. — Это же и бревну ясно, что случится. Но он нас не слушал, а его приятели — слава Махруду! — такие же словоблуды, как он сам.

Произнеся имя бога, она сделала тот самый знак. Как бы легкомысленны и непочтительны ни были эти люди во всех других отношениях, выразить свое уважение Махруду они не забывали никогда.

— Кто? А? — бестолково переспросил я, совсем сбитый с толку ее словами.

— И-а, — пропела женщина, и я похолодел от мысли, что она имеет в виду Поливиносела.

Но она просто передразнила мой нелепый вопрос.

— Болтологи, конечно, лысик. — И, окинув меня с ног до головы внимательным взглядом, добавила: — Если бы не это, я бы подумала, что ты еще не отведал Хмеля.

Я не понял, что она подразумевала под «этим», и посмотрел вверх, куда она небрежно махнула рукой, но не увидел ничего, кроме чистого неба и огромной кривой луны.

Я не хотел продолжать расспросы, чтобы не выглядеть новичком. Оставив в покое женщину, я последовал за толпой. Алиса двинулась за мной. Люди направлялись к месту, где обрывался ручей и зияла теперь воронка. Одного взгляда на нее мне хватило, чтобы понять, откуда столь неожиданно появилось сухое русло — кто-то вырыл его серией чудовищных взрывов.

Мимо нас протолкался какой-то мужчина. Он решительно шагал вперед, сильно наклонившись и заложив одну руку за спину. Другой рукой мужчина держался за волосатую грудь. Голову его украшала нахлобученная набекрень шляпа с высоким гребнем, из тех, что можно увидеть во время парада на студентах-активистах. Пояс вокруг талии поддерживал шпагу в ножнах. Довершали наряд остроносые ковбойские ботинки на высоких каблуках. Больше на незнакомце не было ничего. Мужчина сердито хмурился. В руке, заложенной за спину, он держал большую карту.

— Э... адмирал! — окликнул я его.

Мужчина продолжал двигаться, не обращая на меня никакого внимания.

— Генерал!

Он даже не обернулся.

— Босс! Шеф! Эй, ты!!!

— Мигнучи пухлики? — неожиданно осведомился он.

— Ы??!

— Закройте рот, пока челюсть не потеряли, — посоветовала Алиса. — Пошли.

Мы добрались до края глубокой ямы, прежде чем вновь собралась толпа. Воронка имела в поперечнике около тридцати футов; склоны ее были довольно круты, а глубина составляла футов двадцать. Точно посередине выемки возвышалось огромное, почерневшее, обгоревшее растение. Куда там Джеку с его бобовым стебельком! То был стебель кукурузы с листьями, початками и всем прочим, высотой самое меньшее футов пятьдесят. Стебель угрожающе накренился, и, казалось, достаточно тронуть его пальцем, чтобы он, объятый пламенем, рухнул на землю — прямо на нас, ибо стебель был наклонен в нашу сторону. Корни гигантской кукурузы были полуобнажены, как канализационные трубы в развалинах дома.

Вокруг были навалены груды комьев грязи, что дополняло картину настоящего кратера — будто огромный метеорит вспахал землю.

С первого взгляда можно было так и подумать. Но, присмотревшись к форме воронки, я понял, что этот метеорит должен был пробивать почву снизу.

Но строить из увиденного далеко идущие выводы у меня не оказалось времени — великанский стебель начал наконец медленно валиться, и я вместе с толпой оказался слишком занят бегством. После того как стебель с грохотом рухнул, а большая группа причудливо полуодетых людей подцепила его к упряжке из десяти битюгов и оттащила в сторону, мы с Алисой вернулись к кратеру. На сей раз я спустился в воронку. Почва под ногами была сухой и жесткой. Что-то всосало в себя всю влагу, причем удивительно быстро, так как на окружающем кратер лугу земля была мокрой от недавнего ливня.

Несмотря на то что в воронке было жарко, болтологи дружно посыпались вниз и принялись энергично долбить кирками и лопатами ее западную стенку. Их предводитель, мужчина в адмиральской шляпе, стоял в центре и, держа обеими руками карту, хмуро смотрел на нее. Время от времени он подзывал кого-нибудь из своих приспешников повелительным жестом, тыкал пальцем в карту, а затем указывал место, где тому следовало орудовать лопатой.

— Древлени хриплиш скрягланы, — командовал он.

— Натипак ном, иу, иу! — скандировал подчиненный.

Однако земляные работы, видимо, не принесли результата. Люди, стоящие у края воронки, — точно толпа городских зевак, наблюдающих за работой экскаватора, — шикали, улюлюкали и подавали болтологам бесполезные советы. По рукам ходили бутылки с Хмелем. Аборигены развлекались вовсю, хотя мне показалось, что многие полезные советы были весьма дурного вкуса.

Внезапно недо-Наполеон захрипел от ярости и вскинул руки вверх, так что карта затрепыхалась в воздухе.

— Шимшрить прокатых жижутов! — взвыл он.

— Рерюф нйем, льюя! — заорали его люди.

— Фиграначить червлятых фрегамбалов!

В результате перестали копать все, кроме одного болтолога, облаченного в пробковый шлем и две дюжины наручников. Он кинул какое-то семя в почти что горизонтальный шурф глубиной футов шесть, забросал его землей, утоптал, протянул сквозь набросанную почву тонкий провод. Другой мужчина, в прусской каске времен первой мировой войны с шишаком и в разбитых шутовских очках, выдернул провод и плеснул туда Хмеля из огромной вазы. Почва жадно впитывала влагу.

Стояла полная тишина. Болтологи и зеваки внимательно следили за ходом церемонии.

— Он опять льет слишком много! Держите придурка! — завопила вдруг какая-то женщина с самого края воронки.

— Удрошлючь иметую особось, — укоряюще произнес «Наполеон», бросив в ее сторону свирепый взгляд.

В то же самое мгновение земля затряслась, почва вздыбилась, задрожала — что-то должно было взорваться. И взорваться очень громко!

— Уносим ноги! На этот раз он дорвался!

Я не знал, кто и до чего именно дорвался, но было не время задавать вопросы.

Мы кинулись по кочкам и пригоркам через луг. На полпути к шоссе я преодолел заразную панику в достаточной мере, чтобы обернуться. И увидел *это*.

Слышали, что взрывы, дескать, расцветают? В ту ночь я впервые в жизни увидел обратное явление — как взрывается гигантский подсолнух, рост которого фантастически ускорила и усилила сверхдоза невероятного стимулятора — Хмеля. В течение доли секунды он достиг размеров секвойи. Его стебель и бутон вспороли землю, торопясь вырваться наружу. Взлетая в небо, он вспыхнул, отдавая чудовищную энергию роста.

А затем, лишившись поддержки, ибо земля у корневища была разбросана в стороны, стал опрокидываться. Охваченная

пламенем башня рушилась, готовая все сокрушить при падении.

Схватив Алису за руку, я бросился в сторону. Нам едва удалось увернуться. Мне уже показалось, что пылающий столб раздавит нас, как тяжелый каблук — букашек.

Ствол грянулся оземь. Грохнуло. Воздушная волна бросила нас на колени, оглушенных, неспособных пошевелиться — или так нам показалось. В следующее мгновение, избавившись от паралича, мы вскочили на ноги. Наши голые зады бугрились волдырями.

— О Боже, Дэн, как больно! — визжала Алиса.

Я это и так знал — мое сиденье пострадало не меньше. Я уже подумал, что на этом наша экспедиция и закончится, так как нам требовалась срочная медицинская помощь, за которой придется возвращаться в штаб. Эти первобытные люди явно позабыли все методы современной медицины.

Так оно и было. Но туземцы забыли медицину, поскольку не нуждались в ней. Привлеченные нашим жалким состоянием, двое мужчин, прежде чем я успел возразить, выплеснули на наши спины содержимое двух ведер.

Я взвыл от ужаса, но бежать было некуда — только через пламя. Лучше уж Хмель. Кроме того, в рот или на лицо не попало ни капли этой гадости.

Я уже собрался выразить свое возмущение такими шуточками над больными людьми, да так и застыл, сообразив, что не ощущаю боли.

Что творилось со мной, я видеть не мог и посмотрел на спину прекратившей хныкать Алисы. Под влажной пленкой отвара волдыри на ее спине полопались, а под ними розовела новенькая, здоровая кожа.

От радости Алиса настолько потеряла самообладание, что, позабыв о нашей вражде, разрыдалась у меня на груди.

— О, Дэн, Дэн, разве это не замечательно!

Мне вовсе не хотелось восхвалять дьявольское зелье. Как и любой наркотик, оно дает положительный эффект только при правильном употреблении, а при злоупотреблении может оказаться чудовищным злом.

— Пошли, нам надо вернуться, — сказал я и, взяв ее за руку, повел к новому кратеру.

Меня не покидало навязчивое желание разрешить загадку болтологов. Я уже подумывал о славе первооткрывателя нового способа ведения войны — сбрасывать с воздушных шаров бомбы, начиненные Хмелем и семенами. А орудия, стволы которых заряжаются семенами и Хмелем! Вот только как их потом

прочищать? Придется прикрепить лесника к каждому артиллерийскому расчету. Разумеется, можно применить реактивные снаряды. Только нужно подумать, не станет ли гигантский стебель кукурузы или, скажем, маргаритки тормозить полет за счет сопротивления воздуха? То ли ботаников надо переучивать в аэродинамиков, то ли наоборот, и...

Я плюнул на эту идею. Высокое штабное начальство мне ни за что не поверит.

Болтологи работали быстро и дружно, со всем пылом, который добавлял им выпитый Хмель. В течение четверти часа они погасили огонь, отволокли в сторону еще дымящийся ствол и тут же принялись выравнивать склоны и дно котлована.

Я следил за ними. Похоже, что они выполняли распоряжения мужчины в адмиральской шляпе, и постоянно советовались то с ним, то друг с другом. Но ни один из них не понимал другого. Вся информация передавалась выражением лица и жестами. Однако ни один из них не признался бы в этом другим.

Что ж, подумал я, ничего нового под солнцем, разве что обычно такое творится в меньших масштабах. Но что — или кто — этому виной?

Снова, на сей раз устало, я спросил одного из зевак, что же тут творится. Обитатели долины, казалось, не были способны говорить серьезно, но всегда есть шанс наткнуться на исключение.

— Я тебе отвечу, незнакомец. Эти люди — живое свидетельство тому, что не стоит злоупотреблять религией в корыстных целях.

Он отпил из фляги, висящей на цепочке на его шее, и предложил мне глотнуть. Моему отказу туземец удивился, но не обиделся.

— Они были здешними начальниками перед тем, как Махруд явил себя Истинно Быком. Ну, ты понимаешь — проповедники, крупные и мелкие дельцы, редакторы газет, шулера, адвокаты, банкиры, профсоюзные деятели, врачи, книжные обозреватели, университетские профессора... То есть те, кто вроде бы знает, как исцелять недуги — социальные, экономические, финансовые, административные, телесные, духовные и так далее, — и ныне и присно и до упора. Одним им известно Истинное Слово, ясно? То самое Слово, которое везде наводит порядок, уловил?

Да вот только когда Хмель полился свободно, всякий, кто испробовал из Священной бутылки, уже не обращал внимания на этих столпов общества. Они барахтались долго. Затем, сообразив, что рано или поздно их все равно захлестнет потоп, они порешили, что, пожалуй, будет лучше плыть по течению. Ведь раз все так делают, значит, так оно и надо.

Так вот, похлебав Хмеля в той мере, чтобы набраться смелости, но недостаточно, чтобы превратиться в обычных веселых, но махрудобязанных наспинцев, они провозгласили себя пророками новой веры. И с тех пор, согласно их проповедям, никто, кроме них, не был достоин руководить поклонением Великому Быку. Разумеется, Шид-предсказатель погоды, Поливиносел и Аллегория на них наплевали, а посему были объявлены ложными божествами.

Смех один, не правда ли? Но так оно и было на самом деле. И до тех пор, пока Махруд — да будет его народ пьян во веки веков! — не взъярился. Устами Шида он объявил, что эти столпы общества — пророки-самозванцы, фальшивки. А в качестве наказания оделил их подарком, как до того Дюжину Дристу-чих Деток.

И сказал он им примерно следующее: «Вы говорили людям, что вы, и только вы обладаете по воле Истинно Быка Верным Словом. Ну что ж, пусть так и будет. Только этого Слова никто, кроме вас, не сможет понять. А теперь — бздынь!»

Но, увидав, как эти бедняги толпятся вокруг, пытаюсь объяснить друг с другом и с людьми, как злобствуют, точно с перепоею, или тоскуют, как с гнуснейшего похмелья, Махруд пожалел их. И сказал еще вот что: «Слушайте, я даю вам шанс. Я спрятал ключ от всех ваших неурядиц где-то здесь, в этой долине. Ищите. Если найдете — исцелены будете. И все станут вас понимать, понятно?»

Он дал им карту — одну на всех, заметить, — но этот полуодетый «Наполеон» тут же заграбастал ее и с тех пор так и хранит, пользуясь тем, что из всей банды его понять всего сложнее. С той самой поры он и руководит поисками ключа, который прекратит их словесный понос.

— Так они поэтому все взрывают и перекапывают? — спросил я изумленно.

— Да. Следуя карте, — смеясь, ответил мой собеседник.

Я поблагодарил его, зашел типу в треуголке за спину и заглянул через плечо. Карту испещряли длинные извилистые линии, от которых ответвлялись более короткие. Этим линиям он, видно, и следовал в своем руслотворчестве.

— Симнаглен бандарни? — обернулся он ко мне.

— Сам такой, — выдавил я и отошел.

— Это схема нервной системы человека, — прохрипел я Алисе. — Он сейчас идет по одной из ветвей блуждающего нерва.

— Блуждающего нерва? — пробормотала она. — В его блужданиях? Интересно, что бы это могло означать?

— Кажется, здесь мы имеем возможность понаблюдать муки рождения новой мифологии, — пояснил я, когда мы выбирались из котлована. — Прототип одного из здешних полубогов — герой популярного комикса. Другой воплощен в обличье, являющемся производным от его фамилии, — хотя оно вполне соответствует его похотливому и упрямому характеру. А главное божество, как мы видим, основало свой культ и одно из титулований на собственном мирском прозвище. Все это заставляет меня задуматься, на каком фундаменте строился пантеон древних и их мифы. Неужели все они первоначально были основаны на таких нелепых и невероятных чертах?

— Даниэль Темпер! — отрезала Алиса. — По вашим словам можно подумать, что вы верите в языческих богов и в то, что этот Махруд на самом деле является богом!

— Раньше я и сам бы весело посмеялся над этакой теорией, — ответил я. — Только вот как *вы* объясните все, что мы здесь увидели?

Дальше мы ползли в молчании. Наверху я обернулся, чтобы еще разок взглянуть на болтологов — предметный урок, преподанный Махрудом. Они копали столь же энергично, как и раньше, не обращая внимания на препихиваемые замечания зевак. Самое смешное, подумал я, что люди так и не уяснили, что болтологи являются более чем просто сектой придурков, — они символ того, чем должны сделаться праздные зрители, чтобы выйти за пределы своего нынешнего беззаботного и счастливого, но лишенного всяческой перспективы положения.

Ясно, как уши на голове осло-бога, судьба этих яростно копающих наследников Вавилона напоминала всем и каждому: «Ищите потерянный ключ в самих себе».

Этот совет, вероятно, первым изрек первый философ среди пещерных людей.

Я заметил блеск чего-то металлического, почти полностью погребенного под грязью склона, и, вернувшись, подобрал предмет. Это была серебряная отвертка с длинной рукояткой.

Если бы я не знал своего старого профессора, ни за что бы не догадался, к чему тут отвертка. На лекциях он буквально бомбардировал нас своими эксцентричными объяснениями. Я сразу понял, что держу в руках еще одну из его серьезных шуток — предмет, коему суждено занять надлежащее место в списке мифов, возникающих в этой Олимпийской долине.

Есть легенды о ящике Пандоры, кувшине Филемона и Бавкиды, голове Медузы, подаренном глазе Одина. А чем хуже Серебряная отвертка?

Алисе пришлось все растолковывать.

— Помните анекдот о мальчике с золотым винтом в пупке? Как он всю жизнь мучился, пытаясь догадаться, для чего этот винт? Как *стыдился*, что отличается от всех людей, как прятал его от чужих взглядов? Если помните, в конце концов он нашел психиатра, который посоветовал ему вернуться домой и позвать во сне волшебную фею? И фея Титания соскользнула по лунному лучу и подарила ему серебряную отвертку. Вывинтив золотой винт, он почувствовал себя на вершине блаженства, став нормальным человеком, получив возможность жениться, не опасаясь, что невеста станет над ним смеяться. И, позабыв свои тщетные попытки разгадать смысл золотого винта, очень счастливый, он поднялся со стула, чтобы взять сигарету... и у него отвалилась задница.

— Вы это не всерьез, — прошептала она.

— Еще как всерьез! Откуда нам знать, не происходят ли легенды о золотых яблоках Гесперид или золотом руне от шуток, лишь впоследствии приобретя символическое значение?

На этот вопрос Алиса ответить не могла. Да и никто не мог.

— А вы не собираетесь отдать отвертку болтологам? — спросила она. — Тогда не пришлось бы столько взрывать и копать? Они смогли бы утихомириться и прекратить нести ерунду.

— Полагаю, они сотни раз натыкались на нее и отшвыривали в сторону, отказываясь распознать ее значение.

— Да, но что она все-таки означает?

— Это еще один ключ, — нетерпеливо проговорил я, — к тому, что им следовало бы заглянуть в себя, задуматься о причине своего наказания и о том уроке, который из него следует извлечь.

Мы пошли дальше. Эта история изрядно подпортила мне настроение. У меня было ощущение, что я все глубже и глубже погружаюсь во тьму, созданную существом, которое посмеивается надо мной, оставаясь в глубокой тени. Случайными ли были встреча с Аллегорией и его туманно-зловещие советы?

Но времени размышлять над этим не оставалось. Мы вышли на проселок, выведивший к государственной больнице. За ней виднелись белые надгробия на кладбище за высоким проволочным забором. Наверное, я простоял там дольше, чем мне показалось, потому что Алиса тронула меня за руку:

— В чем дело?

— За этим забором — больничное кладбище. Мелтонвилльское городское кладбище — по другую сторону дороги. Отец мой похоронен в земле штата, мать лежит на городском кладбище. Они и в смерти разлучены так же, как в жизни.

— Дэн, — мягко произнесла Алиса, — нам стоило бы поспать пару часов, прежде чем двигаться дальше. Мы прошли уж

немало. Почему бы не навестить могилы ваших родителей, а затем там заночевать? Вы не против?

— Ничуть. Спасибо, что подумали об этом, Алиса, — с трудом выдавил я. — Вы замечательный человек.

— Ничуть. Этого требует элементарная вежливость.

И надо же ей было ляпнуть такое именно тогда, когда мое отношение к ней стало чуть теплее!

Мы двинулись дальше. Навстречу нам брел крупный рыжеволосый мужчина. На Алису он пялился, не отводя глаз, так что я ожидал тех же неприятностей, что и при встрече с Поливиноселом. Однако, заметив меня, мужчина остановился, ухмыльнулся и разразился громким хохотом. Хмелем от него разило за милю:

— Что это с ним? — спросил я.

— Не знаю, — ответила Алиса. — Хотя постояте... конечно! Поливиносел и все остальные, должно быть, сразу же признавали в вас чужака!

— Почему?

— Да из-за вашей лысины! Видели вы здесь хоть одного лысого? Нет! Вот почему этот парень заливается!

— Если так, то я меченый! Поливиноселу остается только велеть своим почитателям искать лысого.

— О, все не так плохо, — успокоила меня Алиса. — Вы не забывайте, что поток новообращенных не ослабевает, и в процессе адаптации сейчас находится множество бывших солдат. Вы вполне можете сойти за одного из них. — Она потянула меня за руку. — Ну, хватит, идемте. Поспим немного, а с утра разберемся.

Мы вышли ко входу на кладбище. Кусты по сторонам кладбищенских ворот вымахали выше моего роста. Распахнутые настежь железные створки покрылись ржавчиной. Внутри, однако, я не заметил ожидаемого запустения и буйной поросли бурьяна. Траву пожирали овцы и козы, которые стояли тут и там, как статуи, посеребренные лунным светом.

Я вскрикнул и рванулся вперед.

Могила моей матери зияла огромной темной пастью. На дне стояла черная вода. Гроб стоял торчком в грязи — очевидно, кто-то вынул его, а затем небрежно швырнул назад. Крышка гроба была отброшена. Он был пуст.

— Спокойно, Дэн, — произнесла стоящая сзади Алиса. — Не стоит так волноваться.

— Вот каковы ваши милые ребята, Алиса, ваши нимфы и боги Нового Золотого Века! Грабители могил! *Упыри!*

— Не думаю. Они не нуждаются ни в деньгах, ни в драгоценностях. Давайте осмотрим все кругом. Должно быть какое-то другое объяснение.

Мы осмотрелись. И увидели Реву-Корову.

Он сидел, прислонясь спиной к надгробию, такой большой, черный и неподвижный, что казался составной частью бронзового памятника. Он был похож на роденовского «Мыслителя» — «Мыслителя» в котелке и белой набедренной повязке. Но было в нем нечто живое. Когда он поднял голову, мы узрели сверкающие в лунном свете слезы.

— Скажите, — произнес я взволнованно, — зачем раскопаны все эти могилы?

— Благослови тебя Господь, мой мальчик, — произнес он со слегка провинциальным акцентом. — Видать, здесь погребен кто-то из твоих близких?

— Моя мать.

Слезы заструились еще обильнее.

— О, мальчик мой, неужто и вправду так? Тогда ты будешь счастлив, услышав мою преславную новость. Видишь ли, здесь погребена моя собственная любимая жена.

Ничего радостного в этом я не видел, но предпочел промолчать и подождать, что он скажет дальше.

— Да-да, мой мальчик, — извини уж, что я так тебя называю. Я ведь все же ветеран американо-испанской войны и старше тебя на много скорбных лет. Да уж, не явись к нам благословенный Махруд — да споткнется он о собственные божественные копыта и расквасит свой славный лик! — я бы давно уже помер от старости, и кости мои покоились бы на барже вместе с останками моей жены и...

— Какой барже? — перебил я.

— *Какой?* Да откуда ты взялся? Ах да, ты новенький. — Мыслитель ткнул пальцем вверх, очевидно, показывая на мою лысину. — Боже мой, мальчик, торопись. К утру ты должен поспеть в Наспин, чтобы не пропустить отправления баржи, груженной костями. Великий будет праздник, уж поверь мне, с бочками Хмеля, а уж жареной говядины и свинины и любовных утех хватит по меньшей мере на неделю.

После долгих расспросов я выяснил, что Махруд велел выкопать останки всех покойников со всех кладбищ Зоны и переправить их в Наспин. Завтра утром груженная костями баржа переправится через Иллинойс и доставит останки на восточный берег. Что произойдет дальше, не знали даже младшие боги — или не хотели говорить, — но все были уверены, что Махруд вознамерился воскресить покойников. Поэтому в

город стекались толпы жаждущих стать очевидцами великого события.

От этой новости настроение мое заметно улучшилось. Если на дорогах и в самом городе будет так много народу, то затеряться в толпе не составит большого труда.

— Дети мои, — говорил тем временем тип в котелке, — по мне, Все-Бык слишком далеко зашел, и это верно, как то, что меня прозывают Ревой-Коровой. Ну, попробует он воскресить покойников, а у него не выйдет. И куда денется людская вера в него? И что станет со мною? — Он громко всхлипнул. — Я снова останусь без работы, лишусь своего поста — это я-то, который служил старому Богу до тех пор, пока не понял, что тот сдает позиции, а на его место приходит молодой и могучий Махруд. Такие боги существовали в древней Эрин, когда боги были богами, а люди — великанами. А теперь Махруд — Бык имя его, чтоб он сдох! — потеряет лицо, и тут уж ничего не поправишь. И я стану самой жалкой тварью на свете — лже-пророком! Да еще хуже того — меня вот-вот хотели повесить до полу-частью-недобога — я-то по службе быстро иду, расту как на дрожжах, потому что верую истово, и работаю как вол, и рта не раскрываю — и надо же было в голову Все-Быка прийти этой рекламной шумихе с воскрешениями! Ну чтоб ему стоило уgomониться!

Наконец я выжал из него, что боится он не столько неудачи Махруда, сколько успеха.

— Если Махруд и вправду сумеет облечь старые кости новой плотью, моя вечно любимая жена начнет разыскивать меня, и жизнь моя не будет стоить даже цента до-Хмельных лет. Она не забудет и не простит мне, что я столкнул ее с лестницы десять лет назад, так что она свернула свою тощую шею. Какое ей дело до того, что она возвратится к жизни с чудесной фигуркой и милым личиком вместо прежнего топора. Только не она, о черная печень Господа гнева!

Да что там, разве бывал я счастлив с того самого дня, когда впервые открыл свои голубые невинные глаза, — не запятнанные ничем, кроме первородного греха, но Махруд говорит, что к нему эта догма не относится, — и увидел свет нового дня? Несчастливым я был, несчастным и останусь. Даже сладкое жало смерти не дотронется до меня — и это так же точно, как то, что солнце встает на востоке, как то, что Махруд стал быком и переплыл Иллинойс с прекрасной Пегги на спине и сделал ее своей супругой на высоких скалах, — да, я даже не смогу умереть, потому что моя вечно любимая женушка разыщет мои старые кости и переправит их Махруду, чтобы предстать передо мною, когда я воскресну.

Я уже порядком устал от этого потока гипербол, бесконечно-го, как сама река Иллинойс.

— Благодарю вас, мистер Рева-Корова, и доброй вам ночи. У нас впереди еще долгий путь.

— Ну ладно, мальчик мой, только это не настоящее мое имя. Это прозвище, мне его дали городские, потому как...

Дальше я не слушал. Вернувшись к могиле матери, я лег, но сон не шел — Алиса с Ревой еще болтали. Только мне удалось отключиться, как Алиса хлопнулась на землю рядом и потребовала, чтобы я выслушал историю нашего нового знакомого.

Его белую набедренную повязку я, конечно, заметил. Так вот, если бы Рева поднялся, стало бы заметно, что сложена она треугольником, весьма напоминая определенный предмет одевания младенцев. Сходство это было отнюдь не случайно. Рева оказался одним из Дюжины Дристучих Деток.

Более того, если бы Рева встал, я заметил бы еще исходящее от его седалища желтое свечение — нимб, по цвету и местоположению напоминающий фонарик светлячка.

Оказывается, вскоре после того как воздействие Хмеля стало проявляться в полной мере и жители Наспина повернулись спиной к внешнему миру, новой религией попытались воспользоваться многочисленные самозванные пророки. Каждый проповедовал свой личный вариант еще не до конца понятого вероучения. В их числе были и двенадцать политиканов, давно уже перекачивавшие деньги из городской казны в свои карманы. Из-за того что содержимое Бутылки не сразу изменило природу вещей, они не сразу поняли, что происходит в долине.

Колеса промышленности постепенно замедляли обороты. Трава и деревья неторопливо подтачивали мостовые. Люди мало-помалу теряли интерес к бытовым заботам. Почти незаметно таяли оковы морали. Исчезали вражда, злоба и болезни. Тяготы, ужасы и скука жизни рассеивались так же волшебным, как утренний туман под лучами встающего солнца.

И вот наступило время, когда люди перестали летать в Чикаго по делам или для развлечений, перестали ходить в библиотеки, когда работники типографий и репортеры ежедневных газет не вышли на работу, когда в компании Дизельных Бульдозеров и на винокуренном заводе Майрона Малкера, — крупнейших в мире предприятиях своего рода, — прозвучал последний гудок, когда люди, казалось, поняли наконец, что мир был устроен совсем не так, как должен, но что в скором будущем все станет хорошо.

Потом уволились все почтальоны. В Вашингтон и столицу штата полетели стаи перепуганных телеграмм и писем — из соседних городов, потому что местная почта закрылась совсем.

Вот тогда-то Управление пищевых и лекарственных продуктов, налоговое управление и ФБР начали засылать в Наспин своих агентов для выяснения обстановки. Агенты не возвращались. На их поиски посылали следующих, и те тоже поддавались приращению Хмеля.

Хмель, однако, не вошел еще в полную силу, когда Дурхам открылся людям как Махруд, с подачи пророка Шиды. Противодействие еще имелось, а энергичнее всего выступали против двенадцать политиканов. Организовав митинг в сквере у здания суда, они подстрекали народ идти за ними в атаку на Махруда. Для начала они вознамерились двинуться к Трэйбеллскому университету, где в здании факультета метеорологии обитал Шид.

— И там, — кричал один из этих двенадцати, потрясая кулаком в сторону мощного хмельного фонтана, бьющего из Бутылки на склоны холма, — мы линчуем этого сумасшедшего ученого, назвавшего себя Махрудом, этого лунатика, который, как мы знаем, всего лишь свихнувшийся профессор, любитель, с позволения сказать, поэзии и философии. Друзья, граждане, американцы, если этот Махруд и в самом деле бог, как утверждает Шид, еще один ученый безумец, — пусть он поразит меня молнией! Мы с друзьями бросаем ему вызов!

Все двенадцать стояли на трибуне перед зданием суда, глядя на Главную улицу, а вдоль нее — на холмы по ту сторону реки, дерзко взирая на восток. Ни грома, ни молнии не последовало. Но в следующий же миг они вынуждены были позорно бежать, чтобы больше уже никогда не докучать Все-Быку.

Алиса хихикнула.

— Их поразила кара не столь ужасная, как молния, и не столь впечатляющая, но гораздо более унижительная. Махруд наслал на них болезнь, из-за которой несчастные вынуждены теперь носить подгузники, как младенцы — и по той же причине. Разумеется, это убедило Дюжину Дристучих Деток. Но нервы у этих экс-столпов демократии оказались из закаленной стали. Никто и глазом не моргнул, а они уже заявили, что с самого начала знали, будто Махруд является Все-Быком. И они снова созвали митинг, дабы с великой помпой во всеуслышание объявить о смене курса. Они дошли до того, что Махруд, дескать, наделил их монополией на Божественное откровение. А если кто-либо из простых смертных пожелает связаться с ним, пускай встает в очередь и платит за вход. Они так и не уразумели, что деньги давно потеряли ценность.

У них хватило даже нахальства и скудоумия умолять Махруда о наделении их особым знаком в доказательство их пророческой миссии. И Все-Бык действительно наделил Деток явным

признаком святости. Он наградил их негасимыми нимбами золотого света.

Алиса обхватила руками колени, чтобы не покатиться по траве от смеха.

— Разумеется, все двенадцать должны бы были радоваться привалившему счастью. Но радости им было немного. Ибо Махруд из ехидства поместил нимбы не на обычное место, а туда, где, чтобы продемонстрировать свою принадлежность к лику святых, Деткам пришлось бы вставать.

И хотите — верьте, хотите — нет, но эти упрямцы до сих пор отказываются признать, что Махруд покарал их. Наоборот, они не переставая бахвалятся месторасположением своих нимбов и пытаются заставить всех остальных пользоваться пеленками. Они утверждают, что перемотанная полотенцами задница — такой же признак истинных почитателей Махруда, как тюрбан или феска — знак правоверных мусульман.

Естественно, настоящая причина проста — им неохота бросаться в глаза. Не то чтобы они совсем не желали быть знаменитыми. Просто им не хотелось бы, чтобы люди помнили об их хвори и первородном грехе.

К этому моменту Алиса уже рыдала и давилась от хохота. Я же не видел во всем этом ничего смешного, о чем и сообщил ей.

— Ничего вы не поняли, Темпер, — выдавила она. — Их болезнь излечима. Все, что им требуется, — это попросить Махруда, чтобы он отменил кару, и он согласится. Да вот гордыня им не позволяет. Они упорно твердят, что это знак расположения Все-Быка. Да, Детки страдают, но им нравится страдать. Так же как Реве-Корове нравится восседать на женином надгробии — словно это удержит ее под землей — и проливать горючие слезы. Он и ему подобные не откажутся от своих мучений ни за что на свете — в прямом смысле слова!

Она снова залилась хохотом. Сев, я схватил ее за плечи и притянул к себе, чтобы проверить, не пахнет ли от нее Хмелем. Запаха не ощущалось, а значит, к бутылке Ревы она не приложились. С ней просто случилась истерика.

Стандартный способ приведения в чувство истеричных дамочек — звонкая пощечина. Но Алиса нарушила ритуал и сама меня огрела — звонко. Результат, впрочем, оказался тот же — она смолкла и мрачно воззрилась на меня.

Я схватился за горящую щеку.

— Это еще за что?

— За то, что вы попытались воспользоваться моей слабостью, — ответила она.

От злости и изумления я не сумел выжать из себя ничего выразительнее, чем: «Да я... я...»

— Держите руки при себе, — огрызнулась Алиса. — Не стоит принимать мое сочувствие за любовь. Или полагать, что я, как и эти любители Хмеля, лишилась всяких тормозов.

Я повернулся к ней спиной и закрыл глаза. Но чем дольше я лежал, размышляя над ее необоснованными обвинениями, тем больше злился. Наконец меня прорвало. Кипя, я привстал и окликнул ее:

— Алиса!

Она, должно быть, тоже не спала, поскольку тут же вскочила и уставилась на меня, расширив глаза:

— Что? В чем дело?

— Забыл вам кое-что вернуть.

И я влепил ей звонкую пощечину. Затем, даже не удосужившись удостовериться, какой эффект произвел мой удар, я лег и снова повернулся к ней спиной. Добрую минуту, признаюсь, я напряженно ожидал, что в мою взмокшую спину вонзятся ее когти.

Однако ничего такого не произошло. Вначале стояла тишина — та, что дышит сама собой. Затем вместо яростной атаки пришла очередь сдавленных вздохов, сменившихся всхлипываниями, которые, в свою очередь, перешли в сморкание и размазывание слез.

Я терпел, сколько мог, потом приподнялся на локте и произнес:

— Ну ладно, наверное, мне не стоило вас колотить. А вам не стоило принимать как должное, что я, дескать, только и жду, чтобы на вас наброситься. Слушайте, я знаю, что противен вам, и именно поэтому не стал бы к вам приставать. У меня тоже есть гордость. Да и вы вообще-то мне голову не вскружили. Кем вы себя возомнили: Еленой Троянской или Клеопатрой?

Вот так всегда. Каждый раз, когда я пытаюсь все уладить, я порчу все окончательно. Теперь Алиса окончательно взбеленилась. Она вскочила и быстрым шагом двинулась прочь. Я нагнал ее только у кладбищенских ворот.

— Куда это вы помчались? — спросил я.

— Туда, где Главная улица города Наспин, штат Иллинойс, упирается в реку. Я возьму пробы Хмеля и немедленно отправлюсь доложить обо всем отцу.

— Дурочка, вы не можете. Вам положено оставаться сө мной.

Она откинула длинные черные волосы на спину.

— В приказе об этом ничего не сказано. Я полагаю, что, если ваше присутствие начинает угрожать моей миссии, я имею право вас покинуть. Так вот, по-моему, вы несомненно пред-

ставляете опасность — если не для миссии, то по меньшей мере для меня!

Я схватил ее за руку и повернул к себе лицом.

— Вы себя ведете как младенец, а не как майор морской пехоты США. Что на вас нашло?

Она попыталась выдернуть руку, отчего я озлился еще больше, но, когда она пустила в ход кулаки, я взбесился окончательно. Ярость не настолько ослепила меня, чтобы промахнуться, и я влепил ей здоровую пощечину. В ответ Алиса применила захват и сломала бы мне руку, не воспользуясь я контрприемом. В результате мы рухнули на траву — она снизу, на живот, а я сверху, заломив ей руки за спину. В таком положении даже не слишком сильный мужчина может одолеть крупную девушку.

— Ладно, — проскрежетал я. — Что с вами?

Она не отвечала, только неистово извивалась, пока не поняла, что высвободиться не сможет, и в отчаянии застонала.

— То же самое, что и со мною?

Она прекратила борьбу и едва слышно ответила:

— Да. Оно самое.

Я отпустил ее. Она перевернулась на спину, но подниматься не стала.

— Вы хотите сказать, — произнес я медленно, все еще не в силах поверить в это, — что влюблены в меня? Как и я в вас?

Она кивнула. Я наклонился и поцеловал ее с той давно копившейся страстью, с которой только что вымещал на ней свою злость.

— И все-таки мне не верится, — признался я, оторвавшись от нее. — То, что я в тебя влюбился, — вполне естественно, несмотря на то что ты вела себя так, точно ненавидишь меня всем сердцем. Но ты-то почему меня полюбила? Если не можешь ответить, то объясни хоть, за что издевалась?

— Тебе это не понравится, — предупредила она. — Конечно, можно было бы наплести всякий вздор, на который способен любой психолог: что мы оба, мол, профессионалы с высшим образованием, любим искусство и так далее. Различия, само собой, не в счет. Но какая, на самом деле, разница? Это случилось.

Но я этого не хотела. Я сопротивлялась. И решила прибегнуть к старому принципу Джеймса — дескать, если изображаешь, что тебе что-то нравится, так оно и будет. А я применила его в обратном смысле. И изображала, будто ты мне отвратителен.

— Почему? — поинтересовался я.

Алиса отвернулась, но я взял ее за подбородок и глянул в глаза.

— Скажи.

— Помнишь, я все прохаживалась насчет твоей лысины? Так вот, она мне не противна. Скорее наоборот. В этом вся и беда. Я провела собственный психоанализ и решила, что таким образом проявляется мой комплекс Электры. И я...

— Ты хочешь сказать, — произнес я, повышая голос, — что полюбила меня за то, что я лыс, как твой отец, и вдобавок старше тебя, так?

— Ну нет, не совсем. Я это себе внушала, чтобы перебороть себя. Так мне легче было делать вид, что терпеть тебя не могу, чтобы и впрямь возненавидеть...

Мало сказать, что я был ошарашен. Я бы рухнул, если бы и так уже не лежал. Алиса Льюис была одним из тех продуктов нашей эпохи, которые настолько привыкли к психологическому самокопанию, что готовы расценивать сам факт явной привязанности между ребенком и отцом как признак того, что им обоим пора сломя голову бежать к психоаналитику.

— Я в ужасном положении, — призналась Алиса. — Я никак не пойму — то ли я тебя воспринимаю как суррогат отца, то ли правда люблю. Думаю, правда, но...

Она протянула руку, чтобы погладить мою лысину. После таких слов мне не хотелось, чтобы она ласкала меня. Я попытался уклониться, но Алиса уже опустила ладонь на мое темя.

— Дэн, да у тебя там *волосы!* — воскликнула она.

— Что?

Я провел ладонью по черепу. Она была права. Лысину мою покрывал едва ощутимый пушок.

— Так вот, значит, что имела в виду та нимфа, говоря, что если бы не «это», она бы подумала, что я еще не пробовал Хмеля, — пробормотал я. — Это сделал Хмель, который тот парень вылил мне на голову! — Я подпрыгнул и заорал: — Ура!!!

И не успело еще смолкнуть эхо, как мы услышали ответный крик, да такой, что кровь застыла в моих жилах. То был далекий взрывающий хохот, громовое «И-а!»

— Поливиносел! — воскликнул я.

Схватившись за руки, мы помчались по дороге и остановились, только перевалив через холм и достигнув федерального шоссе номер 24. Оттуда, тяжело дыша и отдуваясь после полумильной пробежки, страдая от жажды пуше прежнего, мы зашагали к Наспину, до которого оставалось еще полмили.

Время от времени я оглядывался, но Ишака не замечал. Это не означало, однако, что он не напал на наш след. Он легко мог затеряться в окружавшей нас толпе. Люди несли корзины, бутылки, факелы; как мне удалось выяснить из разговора с

каким-то парнем, они запаздывали к отходу баржи с останками усопших от причала в конце Главной улицы.

— Говорят, что Махруд — Бык имя его — будет воскрешать покойников у подножия того холма, с вершины которого бьет фонтан из Бутылки, — заметил наш собеседник. — Так это или нет — все равно повеселимся здорово. Жаркое, Хмель да кувырки на травке — вот что движет миром.

С этим я поспорить не мог. Во всяком случае, этим основные развлечения аборигенов и ограничивались.

Пока мы спускались по Адамс-стрит, я немало разузнал о политическом устройстве долины. Мой собеседник оказался весьма разговорчив, как, впрочем, и все потребители Хмеля. Он поведал мне, что теократия начинается с низшего уровня, с людей, подобных ему — простых парней. Затем идут молельщики. Они собирают у населения прошения, сортируют и те, что достойны внимания, передают пророкам вроде Шида. Те вновь просеивают просьбы и отправляют полубогам — Поливиноселу, Аллегии и еще дюжине других, о которых я еще не слыхивал. Те отчитывались напрямую перед Махрудом или Пегги.

Махруд обходился со своей божественностью, как с постом директора. Многие отделы он подчинил вице-президентам вроде Осла, заведовавшего плодородием, или Шида, ставшего теперь, наверное, самым довольным синоптиком на свете. Бывший профессор физики в Трэйбеллском университете и городской метеоролог, теперь он был единственным предсказателем погоды, чьи прогнозы сбывались в ста случаях из ста. Причина тому была очень проста: Шид сам делал погоду.

Все это было очень интересно, но сведения я поглощал как-то вяло. Во-первых, я непрерывно оглядывался, проверяя, не гонится ли за нами Поливиносел. Во-вторых, меня очень беспокоило отношение ко мне Алисы. Теперь, когда я начал обрастать, не перестанет ли она любить меня? Что тянуло ее ко мне — комплекс (ну вот, и я туда же) или истинная страсть?

Не будь мое положение столь нелепым, я и сам бы над собой посмеялся. Кто бы мог подумать, что в один прекрасный день я не стану прыгать от радости при одной перспективе обзавестись роскошной шевелюрой и влюбленной в меня красавицей?

В следующий миг я все же подпрыгнул. Правда, не от радости. За моей спиной раздался громкий раскатистый смех. Не узнать хохот Осла было невозможно. Обернувшись, я увидел золотящуюся в отблеске факелов и лунном свете фигуру мчащегося к нам Поливиносела. Люди с воплями разбежались с его пути. Звон копыт по мостовой заглушал их крики.

— Куда теперь, человечек? Куда теперь? — проревел он, нагнав нас.

В тот момент когда он потянулся ко мне, я рухнул на землю. Остановиться Поливиносел не успел. Копыта тоже не способствовали поддержанию равновесия, как и отвешенный Алисой пинок. Осел грянулся на землю, увлекая за собой бутылки, корзины с фруктами и маленькие клетки с цыплятами. Визжали женщины, летели корзинки, звенело стекло, цыплята с писком выскакивали из сломанных клеток... И куча мала погребла полубога.

А мы с Алисой продрались сквозь толпу, завернули за угол и пустились бежать по Вашингтон-стрит, шедшую параллельно Адамс-стрит. Паломников здесь было немного, но нам хватило и того. Мы петляли в толпе, а в квартале позади безразмерная глотка Осла продолжала окликать меня: «Ну, куда теперь, человечек, куда теперь?»

Я мог поклясться, что он мчится за нами. Но вскоре могучий глас стал тише, а топот копыт и вовсе смолк вдали.

Отдуваясь, мы заковыляли по Вашингтон-стрит. Только теперь мы заметили, что все три моста через реку Иллинойс разрушены. Один из туземцев сообщил нам, что Махруд уничтожил их молнией во время одной ночной грозы.

— Не то чтобы он особенно волновался, что кто-то перейдет на тот берег, — добавил он, быстро делая знак Быка. — Все, что было восточной частью Наспина, стало священной обителью обладателя Бутылки.

Его слова подтверждали мой вывод. Какими бы разнузданными во всех прочих отношениях ни были эти люди, в них сохранялось достаточно священного ужаса, чтобы не лезть в личную жизнь высших божеств. Того, что сообщали им об этих богах жрецы, им вполне хватало для счастья.

Дойдя до того места, где Главная улица упиралась в реку, мы стали подыскивать место для отдыха — оба мы с ног валились от усталости. Занимался рассвет. Нужно было поспать, чтобы восстановить силы для предстоящей работы.

Но сперва нам следовало рассмотреть фонтан. Тонкая струя Хмеля хлестала из горлышка Бутылки, установленной на вершине одного из холмов по другую сторону реки от Наспина, и падала прямо в реку. Лучи заходящей луны рождали в ней многоцветную, дрожащую радугу. Не знаю, как удался профессору этот фокус, но то было зрелище, прекраснее которого мне в жизни не доводилось видеть.

Присмотревшись, я пришел к выводу, что некая сила, линейно приложенная к струе, не позволяет ветру раздробить ее на мелкие брызги. А заодно понял, что отыскать Бутылку не соста-

вит труда — достаточно добраться до жерла гейзера. С уничтожением ее Все-Бык лишится своего могущества. А мы затаимся и посмотрим, как морские пехотинцы начнут завоевание На-спина.

Очень просто.

Поискав, мы нашли в парке у реки место, чтобы прилечь.

— Дэн, я ужасно хочу пить, — призналась Алиса, уютно пристроившись в моих объятиях. — А ты?

— Я тоже, но придется потерпеть, — ответил я и, помолчав, спросил: — Алиса, что ты собираешься делать, когда возьмешь пробы? Вернешься сразу в штаб-квартиру?

— Нет, — ответила она, целуя мою грудь. — Нет. Я остаюсь с тобой. Надо же, в конце концов, посмотреть, какие у тебя вырастут волосы — курчавые или прямые. Так что и не проси!

— Не буду. Только тебя совсем замучает жажда, прежде чем все кончится.

На самом деле я был безмерно рад. Раз уж она решила остаться, значит, мои возвращающиеся волосы не станут преградой на пути истинной любви. Может, это все-таки настоящее чувство, а не комплекс, заботливо выкормленный детскими переживаниями. Может быть...

...И вот я снова в таверне, в маленьком городишке Кронкруашин. Я только что выполнил предсмертную волю своей матери — навестить ее мать, которая еще была жива, когда я взшел на борт самолета, летящего в Ирландию, и скончалась в тот день, когда моя нога ступила на зеленую траву родины.

После похорон я завернул к Биллу О'Басеану, чтобы перекусить, и Билл, на голове которого красовались рога, как у техасского бычка, снял с полки, где хранил всяческие диковинки, какую-то бутылку и проревел:

— Взгляни-ка на быка, что красуется на этой стекляшке, Дэнни Темпер! Знаешь, что означает этот бык? Это бутылка, сработанная самим Гоибниу — богом-кузнецом. Из нее вечно будет изливаться волшебный напиток для того, кто знает нужное слово, того, в ком скрыт Бог.

— А что случилось с владельцем этой бутылки? — спросил я, и Билл ответил:

— Господи Боже, да вот что: старые боги — ирландские ли, греческие, датчанские, росейские, китаезские и индийские — поняли, что им стало тесновато, заключили перемирие, покинули Землю и разбрелись. Только Пан остался здесь еще на пару столетий, но и он улетел на крыльях света, когда явились Новые Боги. Он вовсе не умер, как болтают умники.

А затем, в восемнадцатом столетии, Новые Боги, которые к тому времени стали Старыми, решили, что и им лучше уйти, потому как места больше не стало и они стали наступать друг другу на ноги. А бутылка Гоибниу так и осталась валяться здесь, обрастая пылью и легендами. Держи ее, мой мальчик, всего за десять американских долларов. Что станешь с нею делать?

— Красиво заверну, — сказал я, — и отошлю моему старому профессору. Разыграю его. Вот весело будет, когда я скажу, что это — подлинная, неисчерпаемая бутылка Гоибниу.

И тогда Билл О'Басеан подмигнул мне.

— Да он же трезвенник. А что скажет его жена, эта старая карга и гнусная ведьма?

— А разве не будет забавно, — ответил я, — если старый профессор подумает, что это и впрямь бутылка Гоибниу?

Билл, ставший теперь Здравомыслящим, строго взглянул на меня и произнес, обращаясь к белке на своем плече:

— Смотри, о Орехоносица, этот простачок так ничего и не понял! Боженьки мои, у него даже не хватило ума догадаться, что бутылка эта с сотворения своего предназначена была Босвеллу Дурхаму! «Бос» по латыни — «бык», а «велл» — сочетание англосаксонского «виелла», что означает «фонтан», или «источник», «веллен», означающего «изливаться», и англосаксонского же наречия «уэл», имеющего значение «щедро», или «обильно», а в значении прилагательного — «здоровый». Босвелл — бьющий ключом, пышущий здоровьем и мощью бык. И, конечно же, Дурхам. Всякому ясно, что это есть знак и символ Быка.

— К тому же родился профессор под знаком Тельца, — добавил я.

И тогда бармен, ставший теперь Алисой — увы, облысевшей! — отдал мне бутылку:

— Выпей за счет заведения!

Оказалось вдруг, что я соскальзываю по крутому скату крыши и вот-вот рухну вниз.

— Пей, пей, пей! — визжала Алиса. — Или сгинешь, сгинешь, сгинешь!

Но я не стал пить и проснулся со стоном. В глаза светило яркое солнце. Алиса трясла меня за плечо, повторяя: «Дэн! Дэн, что с тобой?»

Я пересказал ей свой сон, в котором подлинные события смешались с видениями. Я рассказал, как купил у О'Басеана бутылку и послал ее профессору в качестве розыгрыша. Но Алиса слушала меня не очень внимательно — в каждой клетке ее организма, ее мозга билось одно всепроникающее чувство.

Жажда. Жажда, как живая ящерица с огненной жесткой шкурой, вталкивала свое раздутое брюхо в наши глотки, корчилась там, поглощая с каждым вдохом последние остатки влаги.

Алиса облизнула сухие, растрескавшиеся губы и с завистью посмотрела на купальщиков, радостно плескавшихся в реке.

— Как думаешь, мне не повредит, если я немного посижу в воде, а? — спросила она.

— Будь осторожна, — предупредил я.

Слова дребезжали во рту, словно камешки в высохшей тыкве. Меня подмывало присоединиться к ней, но я даже подойти к воде не мог. Я едва справлялся с паникой, охватывавшей меня всякий раз, когда ветерок доносил с реки запах Хмеля.

Покуда Алиса, зайдя в воду по пояс, осторожно плескала ее ладонями себе на грудь, я обзирал окрестности при дневном свете. Слева располагались склад и причал. К причалу была пришвартована старая угольная баржа, покрашенная теперь в ярко-зеленый цвет. Несколько человек, не обращая внимания на царящую вокруг праздничную суету, таскали со склада на баржу мешки и продолговатые свертки вроде мумий — то были недавно выкопанные останки покойников. Если мои сведения были верны, после церемонии их переправят на другой берег.

Это меня устраивало. Я намеревался отправиться с ними. Как только Алиса выйдет из воды, я изложу ей свой план, и, если она решит, что выдержит до конца, мы...

Позади Алисы из воды вынырнула ухмыляющаяся физиономия одного из тех шутников, что на любом пляже подкрадываются к тебе сзади и утаскивают под воду. Я открыл рот, чтобы предупредить девушку, но было уже поздно. Да и не перекричал бы я шум толпы.

Отплевавшись и отфыркавшись, Алиса на мгновение застыла с невероятно восторженным выражением на лице, затем наклонилась и начала жадно пить, зачерпывая воду ладонями. Я все понял. Сердце мое разрывалось оттого, что моя любимая была теперь на стороне врага, и от желания хоть чем-нибудь ей помочь. Но мне надо было скрыться из виду, прежде чем она помашет мне рукой и закричит: «Давай сюда, Дэн! Пиво отличное!»

Я проталкивался сквозь толпу, проклиная себя за то, что потерял Алису, пока не добрался до дальнего конца склада. Там, в прохладе под сводчатой крышей, я постоял секунду, пока на глаза мне не попала корзина с завтраком, брошенная на груды тряпья. Развязав один из мешков, я засунул туда корзину и перебрался мешок через плечо. Никем не остановленный, я

пристроился к колонне грузчиков, двигавшихся на баржу, и с деловым видом взошел по сходням.

Но вместо того чтобы положить свой груз в общую кучу, я обошел гору мешков и, выйдя из поля зрения грузчиков, вынул корзину из мешка, а кости вытряхнул через перила в воду. Потом оглянулся — Алисы видно не было.

Удостоверившись, что она не сможет меня найти, и радуясь, что не успел раскрыть ей свой план, я взял корзину и залез в мешок.

Внутри я смог всецело отдаться трем разрывавшим меня мукам — скорби, голоду и жажде. При мысли об Алисе глаза мои наполнялись слезами. Но, несмотря на это, я быстро и жадно сожрал апельсин, цыплячью ножку и грудку, полбуханки свежего хлеба и две здоровые сливы.

Фрукты немного утолили мою жажду, но полностью избавиться меня от мучительной боли в глотке могло только одно — вода. Кроме того, в мешке было душно и очень жарко. Солнце палило вовсю, и, хотя я держал голову как можно ближе к горловине, страдал я невыносимо. Но пока я мог потеть и дышать, я мог и терпеть. И не собирался отступать, зайдя так далеко.

Я скрючился внутри плотного кожаного мешка, как эмбрион в зародышевой сумке — иначе не скажешь. Потел я так, что казалось, будто я плаваю в амниотической жидкости. Доносившиеся снаружи звуки были неразборчивы, хотя порой слышались громкие крики.

Когда грузчики покинули баржу, я высунул голову, чтобы глотнуть свежего воздуха и посмотреть, где солнце. Если судить по небу, было часов одиннадцать, хотя солнце, как и луна, настолько расплылось, что полной уверенности в этом у меня не было. Ученые объяснили необычно теплый климат долины и продолговатость солнечного и лунного дисков воздействием некоего «фокусирующего волны силового поля», висящего чуть ниже стратосферы. С тем же успехом можно было назвать это колдовскими чарами, но широкая публика и военные этим удовлетворились.

Церемония началась около полудня. Я съел последние две сливы, но бутылку откупорить не решился. Хотя на вид бутылка была винная, я не мог быть уверен, что и туда не подмешали Хмеля.

Временами до меня долетали обрывки гимнов в сопровождении духового оркестра. Затем оркестр неожиданно умолк, и толпа заорала:

— Махруд есть Бык — Бык есть бог, а Шид — пророк его!

Оркестр грянул увертюру к «Семирамиде». Под конец ее баржа задрожала и тронулась с места. Моторов буксира слыш-

но не было — как не было, вероятно, и буксира. После всего, чего я здесь насмотрелся, самоходная баржа была бы всего лишь очередным чудом.

Увертюра завершилась финальным аккордом.

— Трижды ура Альберту Аллегии! — заорал кто-то, и толпа дружно подхватила крик.

Потом шум стих, только вода едва слышно плескала о борт баржи. Несколько минут я наслаждался покоем. Потом совсем рядом раздались тяжелые шаги. Я нырнул обратно в мешок и замер. Шаги приблизились и смолкли.

— Похоже, этот мешок забыли завязать, — пророкотал прямо надо мной нечеловеческий голос Аллегии.

— Оставь ты его, Ал, — ответил другой голос, женский. — Не все ли равно?

Я благословил бы эту незнакомку, не будь ее голос так похож на голос Алисы.

Одного этого хватило бы, чтобы я ошалел. Но в горловине мешка появилась огромная четырехпалая зеленая лапа и схватила веревки, намереваясь завязать мешок. И в этот момент в поле моего зрения попала табличка, привязанная к одной из них: «Миссис Даниэль Темпер».

Я вытряхнул в реку кости собственной матери!

Почему-то это открытие подействовало на меня гораздо сильнее, чем то, что я оказался заключенным в тесный и душный мешок, не имея ножа, чтобы высвободиться.

— Ну что, Пегги, твоя сестра была вполне счастлива, когда ты ее покинула? — грохнул голос Аллегии, искаженный гортанью ящера.

— Алиса будет счастлива, когда отыщет этого Дэна Темпера, — ответил голос, который, как я теперь понял, принадлежал Пегги Рурк. — После того как мы с ней расцеловались, как положено сестрам, не видевшим друг друга три года, я объяснила ей все, что со мной произошло. Она начала было рассказывать о своих приключениях, но я сказала, что почти все знаю. Она никак не могла поверить, что мы не упускали ее и ее парня из виду с того момента, как они пересекли границу.

— Жаль, что мы потеряли его след, когда Поливиносел погнал его по Адамс-стрит, — пожаловался Аллегория. — Минутой раньше, и мы б его поймали. Ну ничего, мы ведь знаем, что Темпер попытается уничтожить Бутылку — или украсть. Там его и возьмут.

— Если он доберется до Бутылки, — заметила Пегги, — то станет первым, кому это удалось. Тот агент ФБР, если помнишь, дошел только до подножия холма.

— Если кто и сумеет сделать это, — хохотнул Аллегория, — то Дэн Темпер. Так, во всяком случае, говорит Махруд, а он его знает неплохо.

— Каково же будет удивление Темпера, когда он обнаружит, что каждый его шаг был не только реальностью, а символом реальности! Что мы его за нос водили по аллегорическому лабиринту!

Аллегория расхохотался во всю мощь аллигаторовой глотки.

— А не слишком ли многого хочет от него Махруд, требуя, чтобы он распознал в своих приключениях значение, выходящее за их рамки? Например, сообразит ли он, что вошел в эту долину, как ребенок, появляющийся на свет, — беззубым, лысым, голым? Или то, что он встретил и поборол осла, сидящего внутри каждого из нас, — но для этого ему пришлось расстаться с внешней опорой и очевидным бременем — баком с водой, — а затем опираться только на свои собственные силы, без костылей, на которые можно опереться? Или о том, что в болтологах он встретил живое воплощение кары за человеческое сомнение в религии?

— Он помрет, — добавила Пегги, — когда узнает, что настоящий Поливиносел сейчас на юге, а им прикинулся ты.

— Ну, — пророкотал Аллегория, — я надеюсь, Темпер поймет, что Махруд сохранил Поливиносела в ослином обличье как наглядный урок — уж если Поливиносел смог стать богом, то и любой другой сможет. А если не сможет, то это совсем уж дурак.

Только я успел подумать, что точно такие же мысли в отношении Осла приходили в голову и мне самому, как пробка из бутылки, лежавшей в корзине, выскочила, и ее содержимое — Хмель — потекло мне на бок.

Я обмер, опасаясь, что эти двое услышат хлопок. Но они спокойно продолжали беседу. И неудивительно — голос Аллегии грохотал как гром.

— Он повстречал Любовь, Юность и Красоту, — которые нигде, кроме нашей долины, нельзя найти в изобилии, — в образе Алисы Льюис. И завоевать ее, как воплощение этих качеств, было очень непросто, ибо для этого нужно было изменить самого себя. Она отвергала его, манила, дразнила, почти довела до безумия. Она желала его и отталкивала. Ему пришлось преодолеть немало недостатков, — таких, как стыд за свою лысину и отсутствие зубов, — прежде чем он смог завоевать ее, лишь для того, чтобы узнать, что его мнимые недостатки в ее глазах были достоинствами.

— Ты думаешь, он найдет верный ответ на тот вопрос, который ты в этом обличье задал ему? — поинтересовалась Пегги.

— Не знаю. Надо мне было принять облик Сфинкса и задать его коронные вопросы. В этом случае у него был бы хоть намек для разгадки. Он знал, конечно, ответ на загадку Сфинкса — что человек сам является ответом на все старые вопросы. Тогда он, может быть, понял бы, к чему я клонил, когда спрашивал, куда человек — Современный Человек — движется.

— И когда Темпер отыщет ответ, он тоже станет богом.

— Если! — поправил Аллегория. — Если отыщет! Махруд утверждает, что Даниэль Темпер на добрых две головы выше среднего жителя нашей долины. Он реформатор, идеалист, который не будет счастлив, пока не вонзит свое копьё в какую-нибудь ветряную мельницу. В данном случае ему придется не только победить ветряные мельницы внутри себя — свои невроты и душевные травмы, — но и погрузиться в глубину себя и за волосы вытащить бога, утонувшего в бездне его «я». Если же он не сумеет сделать этого, то умрет.

— О нет, только не это! — задыхаясь, воскликнула Пегги. — Я не знала, что Махруд решил это *всерьез*!

— Да! — прогремел Аллегория. — *Всерьез*! Он говорит, что Темпер должен найти себя или погибнуть. Темпер сам не захотел бы иного исхода. Он не удовлетворился бы, став одним из безалаберных весельчаков, на-бога-надеющихся хмелехлебов, бездельничающих под этим необузданным солнцем. Он или станет первым в этом новом Риме, или умрет.

Беседа была по меньшей мере интересной, но несколько следующих фраз я упустил, потому что бутылка не перестала изливаться. Скромный, но нескончаемый ручеек струился по мне. Я внезапно сообразил, что скоро мешок наполнится и содержимое бутылки потечет наружу, выдавая мое присутствие.

От отчаяния я сунул палец в горлышко бутылки. Поток слегка приостановился.

— Поэтому, — продолжал Аллегория, — он побежал к кладбищу, где повстречал Реву-Корову. Того Реву-Корову, что вечно скорбит, но отказался бы воскресить своих близких. Того, кто отказывается поднять свою занемевшую от холода задницу с надгробия своей так называемой возлюбленной. Это живой символ самого Даниэля Темпера, который скорбью довел себя до облысения еще в юности, хоть и винил в этом таинственную болезнь и лихорадку. И одновременно в глубине души он не хочет, чтобы его мать воскресла, потому что она всегда доставляла ему одни лишь неприятности.

Давление внутри бутылки внезапно поднялось и вытолкнуло мой палец. Хмель хлынул наружу, несмотря на все мои попытки заткнуть горлышко вновь, хлынул такой мощной струей, что мешок заполнялся бы быстрее, чем выпускала бы жидкость его горловина. Мне грозили две опасности — быть обнаруженным и захлебнуться.

И, словно этих проблем было мало, кто-то на мгновение опустил на меня тяжелую стопу. И послышался голос. Я сразу же узнал его, несмотря на пролетевшие годы, — голос профессора Босвелла Дурхама, бога, известного ныне под именем Махруда. Только теперь в нем слышались такие гулкость и мощь, каких не бывало в добожественные дни.

— Ладно, Дэн Темпер, маскарад окончен!

Окаменев от ужаса, я сидел тихо и неподвижно.

— Я сбросил личину Аллегории и принял собственный облик, — продолжал Дурхам. — Это я говорил все это время. Я был Аллегорией, которую ты отказался распознать. Я — твой старый учитель. Но ты и в былые дни никогда не хотел понимать моих аллегорий.

А как насчет этой, Дэнни? Слушай! Ты пробрался на борт ладьи Харона — этой угольной баржи — и залез в мешок, где лежали кости твоей матери. Больше того, в знак бессознательного отторжения новой жизни для своей матери ты вышвырнул в реку ее останки. Неужели ты не обратил внимания на имя на табличке? И почему? Следуя бессознательному импульсу?

Так вот, Дэн, мой мальчик, ты вернулся туда, откуда пришел, — в утробу своей матери, где, как я полагаю, ты всегда хотел оказаться. Откуда мне все это известно? Приготовься к потрясению. Это я был доктором Дйерфом, психологом, который тебя гипнотизировал. Прочти это имя с конца и вспомни, как я любил различные каламбуры и анаграммы.

Мне было трудно во все это поверить. Профессор всегда был так ласков, доброжелателен и весел. Я решил бы, что профессор меня разыгрывает, если бы не одно — Хмель, готовый захлестнуть меня. Шутка зашла уже слишком далеко.

Так я ему и сказал, как мог, сдавленным голосом.

— «Жизнь реальна, жизнь — не шутка»! — заорал он в ответ. — Ты всегда это говорил, Дэн. Посмотрим теперь, говорил ли ты всерьез. Ладно, ты — младенец, готовый родиться. Ну что, останешься навсегда в этой сумке и умрешь или все-таки вырвешься из околплодных вод в жизнь?

Попробуем сказать иначе, Дэн. Я — акушерка, но мои руки связаны. Я не в состоянии помочь родам непосредственно. Мне придется подталкивать тебя издали, так сказать, символически. Я могу в какой-то мере подсказать тебе, что делать, но ты —

еще не рожденный плод, и значение некоторых моих слов тебе придется отгадывать.

Мне хотелось потребовать, чтобы он перестал паясничать и выпустил меня. Но я смолчал. У меня тоже есть гордость.

— Чего ты от меня хочешь? — хриплым, слабым голосом осведомился я.

— Ответ на вопросы, которые я задавал тебе в облике Осла и Аллегии. Тогда сумеешь высвободиться сам. И можешь быть уверен, Дэн, я за тебя открывать этот мешок не стану.

Что же он там такое говорил? Я лихорадочно перебирал в уме все ранее слышанное. Трудно размышлять, когда уровень Хмеля в мешке все поднимается. Мне хотелось орать и драть кожаные стенки голыми руками, но я сознавал, что тогда захлебнусь и уже не вынырну.

Стиснув кулаки, я все же сумел обуздать мысли и попытался вспомнить, что же спрашивали у меня Аллегия и Осел?

Что же это было? Что?

«Камо грядеши?» — спросил Аллегия.

А Поливиносел, гоняясь за мною по Адамс-стрит — Адам-стрит? — кричал: «Куда теперь, человечек?»

Ответ на вопрос *Сфинкса*:

«Человек».

Аллегия и Осел изложили *свои* вопросы в подлинно научной форме — так, что они содержали в себе ответ.

Ответ заключается в том, что человек *больше*, чем просто человек.

И в следующий миг, движимый этим откровением, я, точно куриную косточку, переломил условный рефлекс. Я сделал большой глоток Хмеля — и чтобы утолить жажду, и чтобы освободиться от прочих добожественных предрассудков. Я приказал бутылке, чтобы она прекратила изливаться. И со взрывом, который разметал по барже Хмель и обрывки кожи, восстал из мешка.

Передо мной, улыбаясь, стоял Махруд. Я сразу же узнал в нем своего старого профессора, хотя теперь в нем было добрых шесть с половиной футов росту. Он отрастил копну длинных черных волос и кое-где подправил черты своей физиономии, превратившись в красавца. Рядом с ним стояла Пегги. Она была очень похожа на свою сестру, Алису, только волосы ее были рыжими. Она была восхитительна, но я всегда предпочитал брюнеток — в особенности Алису.

— Теперь ты все понял? — спросил Дурхам.

— Да, — ответил я. — Включая и то, что большую часть многозначительных символов вы придумали только что, чтобы

произвести впечатление. И не имело бы никакого значения, если бы я утонул, — вы бы меня тут же воскресили.

— Естественно. Но ты бы уже не стал богом. И моим преемником — тоже.

— О чем вы? — спросил я тупо.

— Мы с Пегги преднамеренно вели тебя и Алису к этой развязке, чтобы найти кого-нибудь на наше нынешнее место. Нам уже наскучило все, что мы здесь навыворяли, но мы же не можем просто уйти и все бросить. Поэтому я и выбрал тебя своим наследником. Ты — человек совестливый и в душе идеалист, а свои возможности ты уже выяснил. Думаю, у тебя лучше моего получится отменять «законы» природы. Созданный тобой мир будет лучше моего. Ты ведь хорошо понимаешь, Дэнни, мой юный бог, что я — лишь Старый Бык, которому только бы позабавиться.

А мы с Пегги хотим предпринять этакое турне, навестить рассеявшихся по всей Галактике прежних земных богов. Понимаешь, по сравнению с возрастом Вселенной все они — весьма юные боги. Можно сказать, что они только-только вышли из школы — нашей Земли — и двинулись в центры настоящей культуры, дабы набраться лоску.

— А как же я?

— Ты теперь бог, Дэнни. Тебе и решать. А у нас с Пегги есть много мест, куда можно заглянуть.

Он улыбнулся той неторопливой, неспешной улыбкой, которой частенько одаривал нас, студентов, перед тем как процитировать свои любимые строки:

...Послушай: за углом
чертовски славный мир. Ей-ей, идем*.

И они с Пегги пошли. И сгнули, как пушинки одуванчика, унесенные завывающей космической бурей.

Они исчезли, а я остался, глядя на реку, на холмы, на небо, на город, где собрались толпы потрясенных верующих. Все это было мое, мое!

Включая и одну черноволосую фигурку — и какую фигурку! — что стояла на пристани, махая мне рукой.

Вы думаете, я так и стоял, пребывая в глубоком раздумье, и размышлял о своем долге перед человечеством, равно как о той телеологии, что я теперь самолично буду лепить на гончарном круге метафизики?

* э. э. каммингс «Не сострадай больному бизнесмонстру...» (Пер. В. Бри-
таншишского.)

Черта с два. Я подпрыгнул и от радости выкинул шестнадцать антраша, прежде чем приземлился. А потом пошел прямо — *по воде* — к Алисе.

На следующий день я восседал на вершине холма, откуда хорошо просматривалась долина. Когда гигантские десантные планеры шли на посадку, я брал их психокинезом — или как это там называется? — и один за другим швырял в реку. А когда морские пехотинцы, бросив винтовки, вплавь пускались к берегу, я срывал с них кислородные маски и далее оставлял без внимания, кроме тех, разумеется, кто плохо плавал. Их я по доброте душевной подхватывал и сажал на бережок.

Думаю, это было весьма снисходительно с моей стороны. В конце концов, настроение у меня было препаршивое. Всю ночь и все утро у меня страшно болели ноги и десны, и даже щедрая доза Хмеля не смогла унять мою раздражительность.

Но для боли была весьма немаловажная причина.

Я рос. И у меня резались зубки.

Сверху на него смотрели двенадцать тысяч предков.

На мгновение Джагу остановился. Несмотря на свой скепсис, он был потрясен и не мог отделаться от легкого чувства вины. Двенадцать тысяч! Если духи и правда существуют, что за призрачная мощь, наверное, сконцентрировалась в этой темной священной комнате! Какой напряженной должна быть их совместная ненависть, сфокусированная на нем!

Он находился на нижнем этаже замка в зале Отцов-Героев. Сейчас сто квадратных футов его площади были освещены несколькими электрическими факелами. В одном конце зала располагался невероятных размеров очаг. Когда-то давно, после битвы при Таалуу, в нем заживо сожгли злейшего врага Воззга — Зиитии из клана Урубa. Над каминной доской были развешены трофеи, захваченные в том сражении: мечи, щиты, копья, булавы и несколько кремневых мушкетонov.

Дальше, за этой комнатой, в глубине замка располагалась другая, украшенная трофеями, собранными за тысячу лет. А за ней была еще одна, и там из ниш поверх табличек с именами и указанием места и времени смерти смотрели черепа и высушенные головы поверженных врагов. Теперь дверь в ту комнату была закрыта, чтобы не оскорблять гуманные чувства современного поколения. Ее открывали только для историков и археологов, а еще при посвящении в члены клана, при Встрече с Духами.

Три ночи назад Джагу провел запертым в той комнате двенадцать часов, совершенно один.

«Вот беда», — подумал Джагу, повернулся и направился в темную прихожую, мягко ступая четырьмя необутыми лапами. Духи, или Отцы-Герои, так и не явились к нему. Никого там не было.

Он не мог рассказать об этом своим четверым родителям. Нельзя же было признаться, что его предки насмеялись над ним, признали его недостойным имени *джомы*, то есть мужчины. Да и не думал он вовсе, что герои сочли его недостойным.

Разве можно быть презируемым теми, кого не существует?

Его родители этого не знали. Они были окрылены тем, что он стал одним из немногих выпускников Ваагийской Военно-Космической Академии. Они были счастливы, что их старший сын пройдет долгожданный обряд посвящения в совершеннолетние. Но вот его признание в том, что он еще не готов выбрать группу для размножения из тех членов клана, которые, по их мнению, ему подходили, обрадовало их гораздо меньше. Все четверо умоляли его, угрожали, горячились. Он-де должен отправиться к звездам уже женатым. До того как приступить к исполнению своего долга в космосе, ему надо увековечить их род, оставить в коконе побольше яиц.

Джагу сказал — нет.

И вот поздно ночью он сбежал и прошел сквозь строй двенадцати тысяч. Но... они оказались лишь холстами или досками, на которых по-разному сочетались краски. Только и всего.

У высокого зеркала на стене он приостановился. Там, за его спиной, зловеще сияли огни. Он был похож на призрак, вышедший из темноты навстречу самому себе, и там, где два его воплощения встречались...

Ростом он был шесть с половиной футов. Его вертикальный торс был похож на человеческий. На расстоянии, да еще при тусклом свете, когда видны только верхушки его груди, его можно было принять за человека. Но розоватую кожу до самой шеи скрывала поросль золотых выющихся волос. Широколобая голова была круглой, с массивными костями. Скулы выступали, как шишки на щите, массивные челюсти и глубоко рассеченный подбородок походили на нос корабля (это было еще одним больным местом для его родителей: им не нравилось, что он сбрил свою козлиную бородку).

Нос был похож на луковицу и покрыт мелкими темными волосками, торчавшими во все стороны. Надбровные дуги готическими арками выступали наружу. Глаза под ними были большими, карими, обрамленными кольцом коричневой шерсти шириной полдюйма. Уши были похожи на кошачьи, а желтые волосы на макушке стояли торчком.

У основания хребта его верхнего торса находилось сочленение костей, естественный шарнир, позволявший верхней части тела описывать дугу в девяносто градусов. Нижний торс опирался на четыре лапы, как у животного на нижней ступени

эволюции. Лапы были похожи на львиные; длинный хвост заканчивался черной кисточкой.

Джагу был по-юношески тщеславен. Он считал себя достаточно привлекательным и был не прочь полюбоваться своим отражением. Нитка бриллиантов, свисавшая с шеи, была великолепна, как и прикрепленная к ней золотая пластина. На пластине бриллиантами был выложен узор, изображавший его тотем — молнию.

Хотя ему и нравилось смотреться в зеркало, он не мог стоять здесь вечно. Миновав стрельчатую арку, он прошел в переднюю. Подойдя к двери, он увидел гору меха, которая поднялась, встряхнулась и превратилась в шестиногое животное с длинным мохнатым хвостом, длинным же острым носом и огромными круглыми ярко-алыми ушами. Все остальное тело *саиджийджи*, если не считать черного носа и круглых черных глаз, было шоколадно-коричневым.

Существо втянуло воздух. Потом, узнав Джагу по запаху, тихонько заскулило и завияло хвостом.

Джагу слегка похлопал его и сказал:

— Спи, Аа. Сегодня ночью мы не пойдем на охоту.

Животное тяжело улеглось, снова превратившись в бесформенный ком шерсти. Джагу вставил ключ в замок и надавил на его кончик.

Сразу после обеда он ловко снял ключ с крюка на поясе Таймо. Поскольку другой родитель, Вашаги, запер входную дверь, Таймо не хватился пропажи.

Джагу жалел о том, что ему пришлось так поступить, хотя и испытывал удовольствие от того, что проявил себя как удачливый карманник. Однако в обычае не давать юноше собственного ключа, пока он не женится, по его мнению, толку было мало. Сегодня он хотел выйти из дома поздно ночью. А раз нельзя получить разрешения, придется идти без спросу.

Дверь распахнулась и тут же закрылась снова, когда Джагу поспешно шагнул наружу.

Десять лет назад ему пришлось бы подкупить стража у двери или прокрасться мимо него. Теперь привратники были уже в прошлом. На заводах платят больше. Последний из слуг их семьи умер несколько лет назад; его место заняло электронное устройство.

Полная луна сияла в зените — был конец лета. Она набросила на все предметы свою зеленовато-серебряную сеть и ловила в нее их мрачные и гротескные тени. На лужайке возвышались диоритовые статуи величайших Героев, той сотни с небольшим, чье неистовство в сражениях прославило имя Вазага.

Он не стал останавливаться и смотреть на них, потому что боялся, что благоговение и страх, сохранившиеся с детства, могут поколебать его решимость. Вместо этого он глянул вверх, где множество спутников, сделанных джома, яркими огоньками расчерчивали ночное небо. Он подумал и о тех сотнях их, которых не мог видеть, о кораблях космического флота, патрулирующих пространство между планетами их системы, и о немногих межзвездных кораблях, бороздящих Галактику.

— Какой контраст, — пробормотал он. — На этой земле умами людей, которые способны достичь звезд, повелевают бессловесные статуи!

Он достиг темного пятна у подножия стены замка — это был вход в туннель, ведущий круто вниз. В прошлом на этом месте был замковый ров. Потом его засыпали, но по прошествии времени опять раскопали и залили цементом: там теперь располагался подземный гараж.

Здесь Джагу снова воспользовался ключом, чтобы открыть дверь и войти. Выбирая одну из шести машин, он не колебался. Ему была нужна длинная, приземистая, обтекаемая «Огненная Птица». Это была последняя модель — по электромотору на каждое колесо, по сотне лошадиных сил на каждый мотор — с ручным управлением, с каплевидной кабиной, рассчитанной на четверых пассажиров. Машина была огненно-красного цвета.

Джагу поднял пузырь и через низкий бортик шагнул внутрь. Он присел на задние лапы перед панелью управления, опершись задом на толстую подушку, прикрепленную к стальной пластине, потом опустил верх. Магнитные скрепы зафиксировали его положение на раме. Электромагниты заряжались от отдельного маленького генератора.

Он перевел рычаг, и загоревшаяся лампочка подтвердила, что машина готова к действию. Большой бак для водорода был полон. Джагу потянул выдвижную панель с тремя рычажками и перевел вперед один из них.

«Огненная Птица» бесшумно покатила вперёд, вверх по скату. Как только машина выехала из гаража, Джагу нажал на кнопку, и створчатые ворота закрылись. Он вырулил на дорогу, миновал каменных предков, а потом свернул направо, на частное шоссе. Петляя по зарослям векса (алых деревьев, похожих на сосну), Джагу проехал по нему около мили. Только повернув на общественное шоссе, которое шло в этом месте под гору, он отжал рычаг скорости до упора. Столбик спидометра — прибора, похожего на градусник, — за двенадцать секунд достиг деления, соответствующего скорости в 135 миль в час.

Когда он взлетел на холм и стал спускаться вниз, ему пришлось резко вырулить влево, обгоняя большой автофургон. Но встречных машин не было, и его сигнал только по-гусиному гоготнул в ответ негодующим гудкам водителя грузовика.

Ему захотелось, чтобы все осталось по-старому. Раньше, когда аристократ хотел путешествовать без задержек, он извещал об этом полицию. Полицейские ехали впереди, расчищая ему дорогу. Сейчас оставить в силе эту древнюю привилегию значило бы препятствовать мощному развитию коммерции. Бизнес стоял на первом месте; так что у него были такие же права, как у любого другого. В отличие от предков, в случае, если он кого-нибудь переедет или столкнет на обочину, его арестуют. Предполагалось, что ему надо было соблюдать даже ограничения скорости. Обычно он это делал... но этой ночью что-то не хотелось.

По пути ему встретилась дюжина других машин, некоторые — с устаревшими двигателями внутреннего сгорания. Через несколько миль пути он сбавил скорость достаточно, чтобы благополучно свернуть на другую частную дорогу, хоть шины и визжали, а машину занесло.

Проехав четверть мили, Джагу остановился. Здесь он должен был подобрать Алаку. Они обменялись коротким поцелуем. Потом Алаку прыгнул в машину рядом с Джагу и откинулся на подушку; кабина закрылась, машина развернулась, и они умчались прочь.

Алаку отстегнул от пояса фляжку, отвинтил крышку и предложил Джагу выпить. Джагу высунул язык в знак отказа, и Алаку поднес фляжку к собственному рту.

Сделав несколько глотков, он сказал:

— Мои родители опять ко мне приставали, почему я не найду себе супружескую группу.

— Ну?

— Ну, я сказал, что женюсь на тебе, Фавани и Туугии. Ты бы слышал эти охи и вздохи, видел бы эти красные лица, распушенные хвосты, машущие перед носом пальцы! А уж слова! Я их немного успокоил, когда сказал, что просто шучу. Но все равно мне пришлось выслушать длинную пламенную лекцию о вырождении современной молодежи, ее непочтительности, доходящей до богохульства. О том, что юмор-де хорошая штука, но есть святыя вещи, над которыми нельзя смеяться. И так далее. Если, мол, низшие сословия хотят забыть о кланах и жениться на ком попало, так от них ничего другого и ждать не приходится. Когда растет индустриализация, урбанизация, перемещения населения, происходят массовые миграции

и так далее, пролетариат, понятно, не может поддерживать чистоту крови своего клана. Да им это и не очень важно. Но для нас, джорутама, аристов, это очень много значит. Что будет с обществом, религией, правительством и т. д., если великие кланы позволят всему смешаться? Особенно если наш клан, мы, Двужубые Орлы, будем показывать дурной пример другим? Да ведь и тебе говорили то же самое.

В знак согласия Джагу резко втянул в себя воздух.

— Миллион раз. Только боюсь, что я шокировал своих родителей еще сильнее. Ставить под сомнение строгость выбора супругов — это, конечно, нехорошо. Но предположить, что вера в духов наших предков может — всего лишь может — оказаться выдумкой, пережитком старых суеверий... знаешь, пока не коснешься всего этого, не сможешь представить, что такое оскорбить родительские чувства. Мне пришлось пройти через церемонию очищения — семье она обошлась недешево, да и меня утомила. А еще мне пришлось просидеть четыре часа под замком в подземной келье и слушать транслировавшиеся туда проповеди и молитвы. И никакой возможности выключить эту гадость. Хорошо хоть эти песнопения помогли мне уснуть.

— Бедный Джагу, — сказал Алаку, похлопав его по руке.

Через несколько минут, перевалив через вершину холма, они увидели внизу, у подножия длинного склона, сдвоенный луч света от фар машины, стоящей у обочины.

Джагу остановился рядом. Из машины вышли двое и забрались в его «Огненную Птицу»: это были Фавани и Туугии. Фавани принадлежал к клану Трех Львов, Туугии был из Драконов Раздвоенное Жало. Все обменялись поцелуями. Затем Джагу вырулил обратно на шоссе и потянул за рычаг, разогнавшись до максимальной скорости.

— Куда мы сегодня поедем? — спросил Туугии. — Я получил только последнюю записку. Фавани мне звонил, но я не мог долго разговаривать, и упоминаний о сегодняшнем вечере тоже пришлось избегать. Мне кажется, мои родители подслушивают мои телефонные разговоры. Драконы всегда славилась чрезмерной подозрительностью. В нашем случае для этого есть хороший повод — хотя, надеюсь, они об этом не знают.

— Сегодня ночью мы едем к мемориалу Сиикии, — сказал Джагу.

Его попутчики разинули рты.

— Это туда, где была великая битва? — спросил Алаку. — Где лежат наши предки, павшие в этом сражении и похороненные? Где...

— Где каждую ночь собираются призраки и убивают каждого, кто осмелится бродить между ними? — закончил Джагу.

— Но это все равно что спрашивать!

— Вот мы и спросимся, — сказал Джагу. — Ты ведь не веришь в эту чепуху? Или веришь? Если так, то лучше вылезай сейчас. Как только придешь домой, попроси о ритуальном очищении, и пусть тебя хорошенько выпорют. Того, что мы уже сделали, вполне хватит, чтобы расшевелить духов — если они существуют.

На мгновение все замолчали. Потом Фавани сказал:

— Дай-ка мне бутылку, Алаку. Выпью за презрение к духам и за нашу вечную любовь.

Джагу деланно засмеялся. Он сказал:

— Хороший тост, Алаку. Только лучше бы ты выпил за Ваати, гения скорости. Если он есть, нам сейчас понадобится его благословение. У нас на хвосте полиция!

Остальные обернулись посмотреть, что обнаружил Джагу в зеркале заднего вида. Сзади примерно в миле от них то вспыхивал, то гас желтый огонь. Джагу щелкнул переключателем, чтобы слышать наружные звуки, и повернул колесико усилителя. До них донесся лай патрульной сирены.

— Еще одна штрафная квитанция, и родители отберут у меня «Огненную Птицу», — сказал Джагу. — Держись!

Он нажал на кнопку. На пульте управления зажегся огонек, подтверждающий, что номерные знаки прикрыты щитками.

«Огненная Птица» догоняла легковой автомобиль: свет его фар приближался, становился все ярче и ярче, и Джагу дал гудок. За секунду перед тем, как всем показалось, что сейчас они столкнутся — возлюбленные Джагу стали испуганно звать к духам своих предков о спасении, — он выскочил на дорогу прямо перед автомобилем. До них донесся визг шин, задымившихся от трения, и жалобное блеяние удалявшейся машины, которую они чуть не протаранили.

Его пассажиры молчали; они были слишком напуганы, чтобы протестовать. Кроме того, они знали, что Джагу все равно не обратит на это внимания. Он скорее убьет их и себя, чем позволит, чтобы их поймали. И правда, лучше умереть, чем дать себя выставить на всеобщее посрамление, выслушивать обвинения родителей и подвергнуться ритуальному очищению.

Проехав полмили, Джагу нагнал гроыхающий полуприцеп. Он не мог обойти его слева, потому что двойной луч света на встречной полосе был слишком близко, а если затормозить, их догнал бы патруль. Поэтому он вырулил направо, на обочину. Не сбавляя скорости.

К счастью, обочина оказалась относительно ровной и широкой. Как раз такой, что на ней умещалась «Огненная Птица»: в дюйме от правого колеса обочина обрывалась, переходя в почти

вертикальный обрыв. У подножия холма, серебрясь в лунном свете, тек ручей. Он бежал вдоль склона, поросшего густым лесом.

Алаку охнул, увидев из кабины, что они на самом краю. Потом он снова поднял к губам фляжку. Пока он большими глотками пил из нее, Джагу уже объехал грузовик.

Оглянувшись назад, Фавани увидел патрульную машину — она пристроилась за грузовиком. Потом стал виден свет одной из фар — машина начала тот же маневр, который удался Джагу. Но вот луч исчез; полицейский передумал и вернулся на шоссе.

— Он сообщит по радиации посту впереди, — сказал Фавани. — Ты что, поедешь сквозь заграждение?

— Если придется, — обнадежил его Джагу. — Но мемориал Сиикки уже через полмили.

— Полицейский заметит, куда мы повернули, — сказал Алаку.

Джагу выключил фары. Они неслись по шоссе, освещенному луной, со скоростью 135 миль в час. Через несколько секунд Джагу начал тормозить, но, когда они свернули на боковую дорогу, скорость все еще составляла 60 миль.

На мгновение всем показалось, что они сейчас перевернутся, — всем, кроме Джагу. Он так водил машину уже не раз и точно знал, что можно делать, а что нет. Их занесло, но он выровнял «Огненную Птицу» как раз вовремя, чтобы не задеть толстое дерево. Джагу вырулил на дорогу и постепенно разогнался по узкой мостовой, с обеих сторон обсаженной деревьями.

На этот раз он набрал 90 миль в час и проехал полмили, вписываясь в изгибы и повороты с легкостью опытного водителя, хорошо знающего дорогу.

Неожиданно он начал тормозить.

На следующем отрезке пути длиной полмили Джагу свернул с дороги и нырнул в заросли деревьев, казавшиеся другим совершенно непроходимыми. Но между деревьями всегда оказывалось пространство как раз такой ширины, чтобы «Огненная Птица» могла проехать между ними, не ободрав краску на боках. В конце одного темного прохода был другой, под углом сорок пять градусов к первому. Джагу направил машину на открывшуюся прогалину и заглушил двигатели.

Там они и оставались, тяжело дыша и всматриваясь сквозь деревья.

Сама дорога отсюда была не видна, зато они видели желтую мигалку патрульной машины, спешившей по дороге вперед, к мемориалу Сиикки.

— А ничего, что он увидит там остальных? — спросил Фавани.

— Ничего страшного, если они спрятали свои машины, как я им сказал, — ответил Джагу. Он поднял колпак, выпрыгнул из машины и откинул крышку заднего багажника.

— Идите сюда. У меня есть кое-что, чтобы оставить патрульного в дураках, когда он вернется назад и будет искать наши следы рядом с дорогой.

Все выбрались наружу и помогли ему поднять тщательно свернутый рулон чего-то зеленого. Под руководством Джагу они отнесли его назад, к тому месту дороги, где свернули с нее. Развернув рулон, они расстелили его поверх автомобильной колеи так, чтобы впадин не было заметно.

Когда они это сделали, место, где проехала машина, стало казаться покрытым ровным дерном. Там были даже полевые цветы — по крайней мере, так это выглядело, — то там, то здесь выросшие среди травы. Теперь из своего убежища, скрытого за деревьями, они видели патрульную машину, которая медленно возвращалась обратно, освещая фарами голую землю и траву по сторонам от дорожного покрытия.

Она проехала мимо, и вскоре ее огней уже не стало видно.

По команде Джагу они опять скатали поддельную траву в плотный сверток. Пока они этим занимались, Джагу привел «Огненную Птицу» обратно. Они положили рулон в багажник, снова залезли в машину, и Джагу поехал к мемориалу.

Пока они преодолевали извилистую дорогу, Фавани сказал:

— Если бы мы ехали не так быстро, мы избежали бы всего этого.

— И лишились бы массы удовольствия, — ответил Джагу.

— Вы до сих пор не поняли, — сказал Алаку. — Джагу все равно, живы мы или уже умерли. Нет, правда, мне иногда кажется, что он охотно бы умер. Тогда его проблемы — и наши тоже — были бы разрешены. Кроме того, он обожает показывать нос нашим родителям и обществу, которое они представляют, — даже если речь идет о том, чтобы просто смыться от полицейского.

— Алаку у нас человек бесстрастный и объективный, — сказал Джагу. — Он сидит в сторонке, изучает ситуацию и знает, почему действующие лица поступают так или иначе. Хотя чаще всего он рассуждает правильно, он ничего не предпринимает по этому поводу. Вечный зритель.

— Да, я не лидер, — ответил Алаку холодно. — Но я могу сделать столько же, сколько всякий другой. До сих пор я ни от чего не увиливал. Разве я не всегда следовал за тобой?

— Всегда, — сказал Джагу. — Прошу прощения. Я сказал, не подумав. Ты же знаешь, я всегда слишком горячусь.

— Не стоит извиняться, — сказал Алаку, и в его голосе появились теплые нотки.

3

Вскоре они оказались у ворот перед мемориалом Сиикии. Джагу проехал мимо, к деревьям по другую сторону от дороги. Там уже стояли автомобили.

— Ну, все семь здесь, — сказал он.

Они снова пересекли дорогу в сорока ярдах от главных ворот. Джагу тихонько позвал. Так же тихо ему ответили; тут же через ворота была переброшена гибкая пластиковая веревка.

Джагу первым затащили на каменную стену двадцать футов высотой — из-за особенностей строения его тела это было непросто. С другой стороны стены его ждал Пону из клана Зеленохвостых Сорокопуттов. Они обнялись.

После того как перебрались остальные и веревку сдернули со стены, все крадучись двинулись к месту назначения. Сверху на них смотрели каменные статуи их великих и славных предков. Это были памятники павшим в битве при Сиикии, последнем большом сражении гражданской войны, опустошавшей некогда их страну. Это произошло сто двадцать лет назад, и предки некоторых из тех, кто собрался здесь сегодня ночью, тогда сражались между собой и убивали друг друга. Во время этой войны полегло так много аристов, что низшие сословия смогли добиться прав и привилегий, которыми они были раньше обделены. Именно эта война ускорила и пришествие брезжившей индустриальной эры.

Юноши проходили мимо насупившихся героев и стел, установленных в честь разных героических подвигов, совершенных во время битвы. Все, кроме Джагу, были подавлены их гнетущим присутствием. Тот без умолку что-то говорил тихим, но уверенным голосом. Вскоре и другие тоже уже разговаривали и даже смеялись.

Место в центре мемориала, где решился исход битвы, считалось самым главным в ансамбле. Здесь стояло колоссальное изображение *Джома*, мифологического предка всех джома.

Статуя была высечена из цельной глыбы диорита и раскрашена. У нее не было ни рук, ни верхнего торса, только голова и шея, соединенные с четвероногим телом. В священных писаниях джома, или книге Мако, говорилось, что когда-то Джома был таким же, как его потомки. Но в обмен за приобретенную им мощь разума и удовольствие видеть своих детей

владыками этого мира и, по-видимому, всей Вселенной ему пришлось отдать свои руки, стать похожим на уродливое чудовище. Бог Туу, возрадовавшись этой жертве, позволил Джоме размножаться посредством партеногенеза, без помощи трех других партнеров. (Ибо после того как в приступе праведного гнева Туу истребил почти всех тварей, Джома выжил, но остался без супругов.)

Именно здесь Джагу и решил устроить праздник любви. Он не мог бы найти места, более подходящего, чтобы выразить свое презрение к духам и верованиям, которые считало священными все население планеты.

Джагу и его друзья встретились с теми, кто их уже ждал. Они передавали выпивку по кругу, раздавались смешки. Распояжались всем этой ночью Пону. Он расстелил на земле покрывала и разложил на них еду и питье — таких ковриков было восемь, и на каждом сидело по четыре джорума.

Ночь кончалась, луна достигла зенита и начала заходить, и смех и разговоры стали громче и оживленней. Вскоре Джагу взял у Пону большую бутыль, откупорил ее и встал между собравшимися. Из бутылки он каждому дал по большой таблетке и тщательно проследил, чтобы каждый проглотил свою. Все сморщили физиономии, а Фавани таблетку чуть не выплюнул. Только когда Джагу пригрозил, что, если тот сам не справится, он поможет загнать ее в глотку своей лапой, послушнику пришлось сунуть ее обратно в рот.

После этого Джагу передразнил молитву Мако, которую четверо новобрачных обращали к семейному гению Плодородия своего клана. Он закончил, отхлебнув вина из бутылки, а потом разбив ее о физиономию Джомы.

Через час закончился первый круг праздника любви. Его участники отдыхали, готовясь ко второму кругу, и обсуждали прелести и некоторые недостатки последней встречи.

Раздался пронзительный свист.

Джагу вскочил на ноги.

— Это полиция! — сказал он. — Ничего страшного, не надо паниковать! Возьмите свои шлемы и нагрудники. Надевать их пока не надо. Подстилки оставьте здесь; на них нет клановых эмблем. За мной!

Статуя Джомы стояла на небольшом возвышении в центре мемориала. Кроме стремления совершить как можно более вопиющее богохульство, при выборе места Джагу руководствовался возможностью обозревать окрестности. Отсюда ему было видно, что главные ворота открыты и через них только что въехало несколько машин с зажженными фарами. Кроме главных,

мемориал имел еще трое ворот; двое из них тоже были открыты, и в них тоже въезжали машины. Он решил, что четвертые ворота, видимо, специально оставили закрытыми в качестве приманки. Стоит только через них перелезть, и они попадутся в лапы полицейских, поджидающих по ту сторону стены.

Но если это ловушка, значит, полицейские видели, как они прятали в зарослях свои машины. То есть даже если он и его друзья ускользнут от полиции, добираться до дома им придется долго-предолго. И никакого толку в этом не будет, потому что фараонам не составит особого труда определить владельцев и разыскать их.

Оставался еще шанс, что это не спланированная облава. Патрульный, который гнался за ними, мог что-то заподозрить и вызвать подкрепление. Может быть, они залезли на стену, увидели народ у памятника и решили разобраться, в чем дело. Если так, возможно, у них слишком мало людей, чтобы подойти со всех четырех сторон одновременно.

Тогда четвертые ворота, рядом с которыми не было полицейских, могли быть путем к спасению.

Он решил было бежать к закрытым воротам. Но если там засада, он погубит своих друзей. А ведь он заранее нашел местечко в самом мемориале, где можно спрятаться.

Было бы глупо надеяться на везение, когда есть выход, надежный почти на все сто процентов.

— За мной, к Ниизаа! — сказал он. — Быстро, но без паники. Если кто-нибудь споткнется или отстанет, крикните. Мы вернемся и поможем.

Он побежал; сзади слышался глухой топот многих лап и шумное напряженное дыхание.

Они спустились с холма по другую сторону от главных ворот, направляясь к гранитной статуе героя Ниизаа. Джагу оглянулся по сторонам и отметил, что от приближающихся полицейских их закрывают другие статуи. Он выбрал Ниизаа потому, что он был окружен кольцом статуй, которые отмечали место, где этот герой пал среди груды вражеских тел. Шестьдесят секунд понадобилось, чтобы добежать туда от центра мемориала, и еще порядочно времени, чтобы открыть люк под ногами Ниизаа и всем вместе сгрудиться в яме под статуей.

Эту яму Джагу с несколькими друзьями выкопали больше года назад, работая безлунными или облачными ночами. Потом они установили балки, сделали люк и прикрыли все сверху дерном. Крышка держалась крепко: Джагу проверял, какую тяжесть она выдерживает, стоя на ней с пятью товарищами:

надо было удостовериться, что в дни, когда сюда приходят целые толпы, она не прогнется и не выдаст их убежища.

Теперь он и трое других стали укладывать дерн обратно. Люк был небольшим; они быстро справились с этой работой. Затем, пока Джагу придерживал крышку, остальные спрыгнули в яму под ней, проходя в ее дальнюю часть, чтобы дать место следующему.

Когда внутри оказались все, кроме Джагу, полицейские машины были уже в центре. Их прожектора обшаривали мемориал.

Пока несколько лучей поочередно пробегали по кольцу статуи, он лежал неподвижно, припав к земле. Потом снова стало темно, и он вскочил. Алаку снизу приподнял крышку ровно настолько, чтобы Джагу сумел протиснуться внутрь. Дерн он сдвинул на поднятый край люка.

Теперь предстояла самая деликатная часть всего предприятия. Никто ведь не мог остаться снаружи и уложить куски дерна так, чтобы не было видно неровных краев. Но он думал, что полиции не придет в голову искать их в таком потайном месте. Когда они выйдут из машин с фонарями, они будут искать нарушителей, думая, что они прячутся за отдельными статуями. Траву они не будут тщательно осматривать: ведь искать-то будут распластавшихся на траве юношей, а не замаскированные люки.

В яме было жарко и тесно. Джагу надеялся, что ждать им придется не слишком долго. Зоту немного страдал клаустрофобией. Если он начнет паниковать, для общего блага придется его оглушить.

На светящемся циферблате его наручных часов было 15:32. Он даст полицейским еще час на поиски и на то, чтобы понять: вся компания каким-то образом перелезла через стену и смылась. Потом он выведет своих друзей из ямы. Если полицейские не оставят одного из своих людей наблюдать за дорогой и если не обыщут лес на предмет спрятанных машин, тогда все получится. Много «если»... но тем интереснее.

Несколько минут спустя кто-то грузно ступил на крышку люка.

Джагу чуть не охнул. Если фараон поймет по звуку, что внизу пусто... но вряд ли. Они, наверное, перекликаются друг с другом.

Раздался новый звук, как будто кто-то поставил на крышку ногу. Тогда он задержал дыхание, надеясь, что никто не выдаст их кашлем или каким-нибудь другим звуком, и в этот момент услышал, как по дереву что-то скребет.

В следующую секунду крышка медленно отодвинулась. Раздался грубый окрик:

— Ну ладно, ребята. Поиграли, и хватит. Вылезай. И не рыпаться. А то пристрелим.

4

После, уже в камере, когда у него появилось время на то, чтобы подумать, Джагу жалел о том, что не сопротивлялся. Насколько лучше бы было быть убитым, чем терпеть все это!

Он сидел в маленькой одиночной камере. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он сюда попал. Окон здесь не было, часы у него забрали, и поговорить тоже было не с кем.

Еду ему передавали три раза в день через маленькую выдвижную дверцу, открывающуюся внизу большой двери. К дверце был привинчен лоток, в углубления которого накладывали пищу. Столовых приборов не было; есть приходилось руками. Через пятнадцать минут после того, как лоток выдвигался внутрь, он начинал втягиваться обратно. Джагу пытался тянуть его в свою сторону, но безуспешно.

Обставлена камера была просто. Привинченная к полу кровать, ни одеял, ни подушек. Имелся рукомойник и сушилка для рук, а также дыра в полу для отходов. Стены были обиты чем-то мягким. Он не смог бы покончить с собой, даже если бы захотел.

Как-то после третьего кормления, когда он шагал назад и вперед, гадая, что за наказание ему придется претерпеть, что стало с его товарищами, что сказали его родителям и как они это восприняли, дверь открылась.

Она открылась бесшумно; он этого не заметил, пока, шагая, не повернулся к ней лицом. Вошли двое — военные, а не полицейские. Ничего не объясняя, они вывели его из камеры.

Оружия при них не было, но у него создалось впечатление, что они отлично владеют своими руками и лапами, что они опытные бойцы и что, если он нападет на них, ему придется несладко. Он не собирался этого делать. По крайней мере до тех пор, пока не станет ясно, куда бежать. Пока он находится внутри незнакомого ему здания, в котором наверняка есть скрытые теле- и электронные средства слежения, он не станет рисковать.

А между тем...

Через длинный коридор его провели к лифту.

Некоторое время кабина поднималась вверх, но понять, сколько этажей они проехали, он не смог. Потом лифт остановился, и его повели через другой длинный коридор, потом

через еще один. Наконец они остановились перед дверью с табличкой, на которой вычурной вязью прошлого столетия было выведено:

ТАГИМИ ТИИПААРООЗУУ

(Начальник отдела криминальных исследований).

Это был кабинет Ариги, сотрудника, ответственного за розыск и арест знатных преступников. Джагу знал его, потому что Ариги присутствовал на его посвящении в качестве старейшины. Он был его родичем по клану.

Хотя колени у Джагу дрожали, он поклялся себе, что ни за что не покажет испуга. Когда его ввели, он понял, что ему придется постоянно напоминать себе о том, что он не боится. Ариги сидел на задних лапах перед огромным полукруглым письменным столом из полированной древесины *бини*. Лицо у него было холодное и суровое, а черные очки делали его еще более непроницаемым. На голове Ариги был четырехугольный головной убор с высокой тульей, какой носили высшие полицейские чины, а руки унижены браслетами, большинством из которых его наградило за различные заслуги правительство. В правой руке он держал стилет с рукояткой, украшенной драгоценными камнями.

— Могу тебе сказать, птенчик, — сказал он сухо, направив стилет на Джагу, — что тебя допрашивают первым из вашей компании. Остальные пока в своих камерах, гадают, когда же начнется дознание.

Признайся мне, — выкрикнул он так резко, что Джагу не удержался и вздрогнул, — когда ты впервые решил, что духов твоих предков не существует? Что это всего лишь древние суеверия, вымысел, в который верят одни глупцы?

Джагу решил, что не будет отрицать обвинений, если они соответствуют действительности. Придется страдать — пусть. Но он не унизит себя ложью и мольбами о прощении.

— Я всегда так думал, — ответил он. — Может быть, когда я был маленьким, я и верил в то, что духи моих предков существуют. Но точно я этого уже не помню.

— Значит, у тебя хватало ума, чтобы не трубить о твоём неверии всем и каждому. — сказал Ариги. Похоже было, что он слегка расслабился. Однако Джагу был уверен: Ариги надеется, что он расслабится тоже, и тогда тот снова перейдет в атаку, усыпив его бдительность.

«Интересно, — подумал он, — записывают ли мои слова на пленку, показывают ли меня сейчас моим будущим судьям?» Он сомневался в том, что процесс о совершенном им богохульстве сделают достоянием гласности. Это бросило бы на его

клан тень недоверия и позора, а его члены были достаточно могущественными, чтобы предотвратить такой ход событий. Возможно, они держат его здесь, просто чтобы запугать, принудить к раскаянию. Потом его могут отпустить, объявив выговор, или, что более вероятно, засадят за канцелярскую работу. Лишат права летать.

Но нет, богохульство — это преступление не только против народа его планеты. Это — плевок в лицо предкам. Такое оскорбление может быть искуплено только мучениями и кровью; он будет вопить, корчась в огне, а призраки столпятся вокруг, станут упиваться кровью, текущей из его ран.

Ариги снова улыбнулся, словно радуясь, что Джагу наконец оказался там, где его давно ждали.

— Что ж, ты у нас парень не промах. — сказал он. — Ведешь себя, как и подобает Вазага. По крайней мере, пока. Скажи, а что, все твои друзья отрицают существование загробной жизни?

— Спросите это у них.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, во что они верят?

— Я хочу сказать, что не хочу их подставлять.

— А разве ты их уже не подставил, когда привел к мемориалу Сиикии, чтобы осквернить память героев, совершая свои противозаконные сокопления и богохульные молитвы? — сказал Ариги. — Ты подставил их в тот момент, когда признался им в своих сомнениях и спровоцировал на то, чтобы они высказали свои. Ты подставил их, когда купил у преступников запрещенные контрацептивы и дал их съесть перед оргией своим товарищам.

Джагу похолодел. Если никто не проговорился, как Ариги мог об этом узнать?

Ариги опять улыбнулся.

— Ты даже не представляешь, в какой степени ты их подставил, — сказал он. — Скажем, таблетки *вифи*, которые ты им раздал сегодня ночью, не настоящие. Я распорядился, чтобы в том месте, где ты их брал, тебе дали таблетки, по виду и вкусу похожие на *вифи*. Но они не оказывают нужного действия. Теперь каждый четвертый из вас забеременеет. Возможно, и ты тоже.

Джагу был потрясен, но постарался скрыть, что слова Ариги так на него подействовали. Он спросил:

— Если вы все знали о нас заранее, почему не арестовали нас раньше?

Ариги откинулся верхним торсом назад и заложил руки за голову. Он уставился в пространство над головой Джагу, как будто сконцентрировав там свои мысли.

— К настоящему времени мы, джорума, открыли ровно пятьдесят одну планету, пригодную для заселения, — начал он не торопясь, внезапно переменяя тему. — Пятьдесят одну из 300 000 — так оценивается их число в одной только нашей галактике. Из этих планет — а все они открыты за последние двадцать пять лет — двенадцать населены кентавроидными разумными формами, похожими на нас, пять — двуногими, шесть — формами разума, которые пока плохо изучены. Все эти разумные существа двуполы или, лучше сказать, сексуально биполярны.

Никто из них не имеет, как мы, квадриполярного размножения. Из того, что нам сейчас известно, можно сделать вывод, что Туу — или, если хочешь, Четыре Прародителя Мира, как встарь верили язычники, — благоволил существам с кентавроидным строением тела. Двуногие формы вторичны. И один Туу знает, какие еще невероятные существа рассеяны по космическому пространству.

Можно также предположить, что по какой-то причине Туу благословил нас — и только нас — квадриполярным способом размножения. Во всяком случае, до сих пор мы не знаем никого, кто размножался бы так же, как мы, джорума. Как ты думаешь, что из этого следует?

5

Джагу недоумевал. Дознание шло не в том направлении, которого он ожидал. Он не услышал ни грозных обличений, ни надоедливых поучений, ни угроз смертью, физическим и моральным наказанием.

Куда клонит Ариги? Наверное, такое направление беседы было выбрано для того, чтобы он подумал, будто останется безнаказанным. А потом, когда он забудет о необходимости защищаться, Ариги перейдет в яростное наступление.

— В книге Мако говорится, что Джома един во Вселенной. И что джорума созданы по образу Туу. Ни одну другую тварь во Вселенной — так говорил Мако — Туу не почтил своим благословением. Мы избраны им, чтобы покорить космос.

— Так говорил Мако, — заметил Ариги, — или автор книги, которую приписывают Мако. А я хотел бы знать, что об этом думаешь ты.

Теперь, как показалось Джагу, он понял, чего от него хочет Ариги. Он говорит так, чтобы подвести его к признанию в неверии. А уж тогда Ариги накинется на него.

Хотя о чем ему волноваться? У него уже есть исчерпывающие доказательства.

— Что я думаю? — переспросил Джагу. — Мне кажется довольно странным, что Туу сотворил столько разумных тварей — то есть развитых настолько, что имеют язык и в нем слово для обозначения Бога, — и всех разными, но только нас — по своему подобию. Если он хотел, чтобы все планеты в конце концов были заселены джорума, тогда зачем создал на этих планетах других существ? И все они, между прочим, думают, что сотворены по подобию своего творца.

Две пары век Ариги почти сомкнулись, так что между ними осталась только бледно-зеленая щель. Он сказал:

— Знаешь ли ты, что того, что ты сейчас сказал, достаточно для вынесения тебе приговора? Что, если я представлю все доказательства суду, тебя могут заживо сжечь на медленном огне? Да, правда, большинство богохульников принимает быструю смерть: их бросают в раскаленную печь. Закон есть закон. Но я не нарушу закона, если буду поджаривать тебя медленно, так что ты будешь умирать часов двенадцать, а то и больше.

— Я знаю, — сказал Джагу. — Мы с ребятами хорошо поразвлеклись: я плюнул в лицо этим духам. Теперь надо платить.

И снова Ариги, казалось, отклонился от темы.

— Перед смертью Мако сказал, что его дух пройдет через космос и в других мирах оставит мету в знак того, что ими будут обладать джорума. А ведь это было за 2 500 лет до космических полетов. О таких вещах в его время даже не мечтали.

И что же? Когда мы достигли первого же обитаемого мира, мы нашли ту мету, которую он обещал оставить: каменную статую Джома, нашего предка. Ее высек Мако, чтобы дать нам знать, что он побывал здесь, и за столбить этот мир за верными, за джорума; и в пяти других мирах из пятидесяти пяти, открытых до сих пор, тоже есть гигантская каменная статуя Джома.

Что ты на это скажешь?

Джагу медленно ответил:

— Или дух Мако высек изображение Джома из местного камня, или...

Он запнулся.

— Или?

Джагу открыл рот, но слова застряли у него в горле. Он сглотнул, сделав усилие, чтобы заговорить.

— Или наши космонавты высекли эти статуи сами, — сказал он.

Тут Ариги сделал то, чего Джагу от него не ожидал. Он громко засмеялся, так, что даже покраснел. Наконец, переведя дыхание и вытирая глаза платком, он сказал:

— Вот так так! Ты догадался! Интересно, сколько вас таких? И все молчат, боятся!

Он высморкался и продолжил:

— Думаю, не так уж и много. Не так много людей рождаются скептиками, как ты. И вдобавок такими же умными.

Он с любопытством посмотрел на Джагу:

— Что-то ты не очень обрадовался, когда узнал, что был прав. Что случилось?

— Не знаю. Может быть, хотя веры у меня и не было, я всегда надеялся, что она все-таки появится? Какое облегчение я бы почувствовал, если бы это случилось! Если бы наших космонавтов действительно ждали статуи, высеченные Мако, мне оставалось бы только верить...

— Все равно бы ты не поверил, — жестко сказал Аригу.

Джагу уставился на него:

— Не поверил бы?

— Нет. Даже если бы все факты были за то, что дух Мако реален, если бы тебя завалили доказательствами, ты бы все равно не поверил. Ты нашел бы для своего неверия рациональную основу. Сказал бы, что нам недоступно правильное объяснение или истолкование этих фактов. И продолжал бы отвергать мысль о призраках.

— Почему? — удивился Джагу. — Я же разумный человек; я мыслю рационально. Научными категориями.

— Да, конечно, — сказал Ариги. — Но от природы ты агностик, скептик. Ты был неверующим уже в утробе матери. Тебя можно обратить в веру, только насильственно изменив твою природу. Большинство людей рождаются верующими; а некоторые — наоборот. Все просто.

— Вы хотите сказать, — промолвил Джагу, — что вера не имеет никакого отношения к действительности? Что я думаю так, как я думаю, потому что таков мой характер, а не потому, что мой разум преодолел темные закоулки религии?

— Совершенно верно.

— Да, но то, — сказал Джагу, — что вы сказали, означает, что Истины нет! Что невежественный крестьянин, истово верующий в духов, имеет не меньше оснований, чем я сам, претендовать на знание того, что есть правда.

— Истины? Есть истина и Истина. Вот ты падаешь с высокого обрыва, и пока не упадешь на землю, летишь сначала с одной скоростью, потом с другой. Вода, если на ее пути нет препятствий, стекает вниз. Есть истины, о которых не спорят. Если речь идет о физическом мире, твой характер не имеет значения. Но в области метафизики истина для тебя — то, к чему ты предрасположен с рождения. И только.

При мысли об ожидавшей его гибели на костре Джагу не дрогнул. Теперь он трепетал, ибо был оскорблен в своих лучших чувствах. Потом наступит депрессия. Цинизм Ариги превратил его в ребенка.

— Просвещенные люди — то есть, виноват, — прирожденные скептики из аристов с некоторых пор перестали верить в духов. Живя в стране, переполненной гранитными изображениями их прославленных предков, переполненной почитателями этих отесанных камней, мы смеемся. Но про себя. Или только среди своих. Многие из нас сомневаются даже в существовании Бога.

Но мы не дураки. На людях мы не позволяем себе показывать и тени скепсиса. В конце концов, ткань нашего общества крепится нитями религии. Это отличное средство держать людей в узде, оправдывать нашу власть над ними.

И потом, разве ты не заметил некоей закономерности в том, что статуи Мако были обнаружены только на определенных планетах? Что эти планеты чем-то похожи?

Джагу старался говорить медленно, чтобы подавить дрожь в голосе.

— Этих изображений нет на тех планетах, где уровень технического развития цивилизаций такой же, как у нас. Они найдены только там, где нет разумных существ или где их техника развита хуже нашей.

— Отлично! — сказал Ариги. — Как видишь, это не случайность. Мы не воюем с теми, кто способен дать нам эффективный отпор. Во всяком случае, пока. А теперь я тебе объясню, зачем я открыл тебе все это, — вернее, подтвердил то, о чем ты и сам догадывался. Даже после того как мы овладели сверхсветовыми скоростями, экипаж наших межзвездных исследовательских кораблей комплектуется людьми определенного типа. Все они аристократы, и все неверующие. Такие не испытывают угрызений совести, ваяя на подходящих для этого планетах статуи из дикого камня.

— Зачем это нужно?

— Для утверждения наших принципов. Чтобы утвердить там наше присутствие. Однажды другой разум с техникой, такой же, как наша, или, может быть, лучше, заявит свои права на одну из наших планет. Когда этот день настанет, надо, чтобы наши воины и остальное население воспылали религиозным пылом.

— Так вы хотите, чтобы я и мои товарищи занялись этим для вас?

— И для себя тоже, — сказал Ариги. — Вам, молодым, придется после нашей смерти взять бразды правления в свои руки.

Но есть еще одна причина. Вы нам нужны в качестве пополнения. Работа это опасная. Сплошь и рядом бывает так, что корабли пропадают. Просто не возвращаются. Уходят из порта — и поминай как звали. Нам нужны новые космические разведчики. Сейчас нам нужен ты и твои друзья. Что скажешь?

— А у нас есть право выбора? — спросил Джагу. — Что будет, если мы откажемся от вашего предложения?

— Произойдет несчастный случай, — сказал Ариги. — Мы не можем себе позволить судить вас и наказывать. Даже тайно. Мы не хотим позорить ваши древние и почтенные кланы.

— Хорошо, я согласен. Как только мне позволят, я поговорю с друзьями.

— Их выпустят, не сомневайся, — сухо сказал Ариги.

6

Через несколько дней Джагу направили в Высшую Академию военно-космического флота.

Он и его друзья выполняли многочисленные тренировочные вылеты в пределах их солнечной системы. Через год они совершили три полета к соседним планетным системам под руководством ветеранов. Во время последнего полета и попутных боевых учений ветераны лишь наблюдали за их действиями.

Произошло и еще одно событие. Был спущен со стапеля новый космический истребитель, окрещенный «Пааджаа», а Джагу получил красный камень, который ему, как капитану, надлежало прикрепить к полям своей шляпы. Остальные члены группы тоже получили различные звания рангом ниже, так как экипаж корабля предполагалось укомплектовать исключительно ими.

Перед тем как «Пааджаа» отправился в свой первый рейс, Ариги снова вызвал Джагу к себе. Теперь Джагу был в числе посвященных и знал, кем был Ариги на самом деле. Он не только возглавлял полицейское ведомство планеты, но и отвечал за ее военно-космическую безопасность.

Ариги приветствовал Джагу как своего. Предложил сесть и налил ему бокал *кузуту*. Это был напиток высшего качества, тридцатилетней выдержки.

— Ты приумножил славу и блеск нашего клана, — сказал Ариги. — Варзага тобой гордятся. Но ты и сам знаешь, что получил звание капитана не просто потому, что ты — из Варзага. Вверить космический корабль молодому человеку, чья главная заслуга — принадлежность к правящей касте, — слишком дорогое удовольствие. Свой капитанский чин ты заслужил.

Он вдохнул аромат вина и отхлебнул из бокала.

Потом он поставил бокал и сказал, покосившись на Джагу:

— Через несколько дней ты получишь задание лететь в свой первый исследовательский рейс. Твой корабль будет обеспечен топливом и запасами на четыре года, но вернуться тебе надо будет через два с половиной — если позволят обстоятельства. В течение года и трех месяцев тебе предстоит искать планеты, пригодные для жизни. Если найдешь планету, где разумная жизнь овладела техникой, позволяющей ей совершать полеты внутри своей системы и использовать атомную энергию, тебе надо понять, на каком этапе развития они находятся и в состоянии ли противостоять в будущем нашему вторжению. Если разумные существа совершают межзвездные перелеты, узнай о них как можно больше, не подвергая свой корабль опасности нападения с их стороны. А когда узнаешь достаточно, набирай полную скорость и сразу лети домой.

Если разумная жизнь имеет слабо развитую технику, найди на планете место, которое хорошо видно с орбиты, и поставь там или высеки на скале изображение джома.

И вот еще что. К тому времени когда ты вернешься, здесь проклянется из яиц гораздо больше молодежи, чем бывало раньше. И процент предрасположенных к неверию среди них тоже будет больше, чем в прошлые годы. Когда ты достигнешь моих лет, такое количество неверующих станет большой проблемой. Начнутся раздоры, переменятся нравы, возникнут сомнения, может быть, дойдет даже до кровопролития. Пока этого не произошло, пока *дух времени* еще не на стороне неверующих, пока вера в Героев и Мако еще не пришла в упадок, надо успеть основать колонии на разных планетах, населенных разумными существами. Нам также придется уничтожить или хотя бы сильно уменьшить численность их разумных обитателей, стоящих на более низких ступенях развития. Мы должны заселить эти планеты сами. Наш способ размножения таков, что ни один другой вид разумной жизни не способен заселить планету быстрее, чем мы. И это хорошо, потому что наши колонии помогут нам в предстоящих войнах.

Неизбежно и то, что нам придется воевать с цивилизациями, равными нам и, возможно, даже более развитыми. Когда это произойдет, нам придется руководствоваться мыслью о том, что мы обладаем правом, дарованным свыше, брать все, что мы захотим. К тому времени ослабевающая вера в религию наших отцов уже не сможет поддержать боевого духа наших солдат. Мы призовем на ее место новую веру. В наше право быть завоевателями.

В то же время я, конечно, буду делать все возможное, чтобы подавить всякое сопротивление нашей официальной религии.

Атеисты из аристов будут наставлены на путь сознательного лицемерия, а к тем, кто из благородных побуждений откажется от такого пути, будут приняты те или иные меры. Неверующие из низших сословий тоже будут устранены. Их заклеят, как преступников.

Хотя, конечно, с духом времени долго не повоюешь. Рано или поздно он все равно возьмет свое. Но в ту эпоху я уже встречусь со своими предками — моя часть работы будет исполнена.

Он криво улыбнулся и добавил:

— Я стану духом, и в мою честь, наверное, воздвигнут статую. Только вот мои потомки — кроме ультрареакционеров, без которых не обойдется ни одно поколение, — будут воспринимать мою усыпальницу как историческую и археологическую достопримечательность. И придется мне ходить неприкаянным среди других неприкаянных духов — униженных, некормленных, стесняющихся от слабости и бессильной злобы.

Джагу показалось, что эти слова были чем-то большим, чем аллегория. «А не обманывается ли Ариги точно так же, как те, над кем он так любит посмеяться?» — подумал он. Похоже было, что Ариги создал свою личную мифологию взамен старой.

В конце концов, разве можно было доказать его утверждение о том, что верующими рождаются, а не становятся?

Через неделю он вернулся на «Пааджаа» и отдал приказ стартовать. Еще через неделю их родная звезда превратилась в одну из множества светящихся точек. Они устремились в неведомую даль.

Через год, миновав тридцать звезд, они нашли две подходящие планеты. Обе они вращались вокруг звезды типа Ао-У, но, в отличие от первой, вторая была третьей по счету от звезды и имела разумных обитателей.

«Пааджаа» вышел на орбиту в верхних слоях атмосферы и направил свои телескопы в сторону ее поверхности. Разрешающая сила телескопов была очень велика, и звездолетки могли видеть все мелочи так же отчетливо, как если бы они парили над землей на высоте двадцати футов.

Разумные существа были двуногими и почти не имели шерсти, если не считать густых волос на голове, а у самцов и на лице. Большинство прикрывало свое тело различной одеждой. Как и у джорума, цвет кожи и тип волос у них разнился; у жителей экваториальной зоны они были наиболее темными.

Пока «Пааджаа» оставался на орбите, были сделаны тысячи фотографий. По фотографиям, где эти двуногие были полукрылатыми или голыми, стало ясно, что у них только два пола.

Был установлен еще один факт. Их техника была ничем по сравнению с техникой джорума. Если не считать нескольких воздушных шаров, у них не было даже летательных аппаратов. Основным видом двигателя была паровая машина. Паровая тяга крутила колеса локомотивов, катавшихся по железным колеям, и колеса или винты кораблей. Парусных судов тоже было много. Наиболее грозным оружием были пушки и винтовки несложной конструкции, заряжавшиеся с казенной части.

Местные жители находились примерно на той же стадии технического прогресса, что и джорума полторы сотни лет назад.

7

Во время трехсотого витка Алаку сделал поразительное открытие.

Глядя на местность, изображение которой проецировалось при помощи телескопа на большой экран, он громко вскрикнул. Те, кто находился рядом, тоже подбежали к нему и застыли, увидев, куда устремлен взгляд Алаку. Из их уст тоже вырвался крик.

Когда подошел Джагу, это место уже исчезло из поля зрения телескопа. Но, выслушав рассказы, он приказал немедленно принести ему фотографии.

Глянув на снимки, он сказал, придав лицу непроницаемое выражение, чтобы остальные не заметили, насколько сильно он потрясен:

— Придется спуститься вниз, чтобы увидеть это собственными глазами.

Четверо из них отправились вниз на катере, а корабль остался на своей стационарной орбите, повиснув над их головами. Место, куда они направлялись, находилось на скалистом плато, примерно в пяти милях на юго-восток от ближайшего города. Город стоял на западном берегу широкой реки, вдоль которой среди пустыни, покрывавшей большую территорию в северной части континента, тянулась полоса зелени. Была ночь, и в безоблачном небе плыла полная луна. Она ярко освещала три огромные каменные пирамиды и то, что так взбудоражило членов команды «Пааджаа».

Он находился посередине большого карьера.

Спрятав свой катер в глубокой и узкой ложине, все четверо пересели в полугусеничный вездеход. Через минуту Джагу заглушил двигатель, и все вышли посмотреть.

Некоторое время они молчали. Потом Джагу, медленно подбирая слова, словно боялся себя скомпрометировать, сказал:

— Кажется, это Джома.

— Он древний, — сказал Алаку. — Очень древний. Если его сделал Мако, то вскоре после смерти. Наверное, он сразу направился сюда.

— Не спеши с выводами, — сказал Джагу. — Я бы сказал, что скорее уж здесь побывал до нас другой корабль. Но мы-то знаем, что в этот сектор кораблей не посылали. Хотя...

— Хотя что? — спросил Алаку.

— Ты прав, он древний. Смотри — на камне рябинки. Это, наверно, от песка, который приносит ветер. Взгляни на его лицо. Оно стерто. Все же он мог быть сделан когда-то давным-давно местными жителями. Это скорее всего.

Снова примолкнув, они сели обратно в вездеход и потихоньку поехали вокруг огромной статуи.

— Он смотрит на восток, — сказал Алаку. — Как раз так обещал ставить свои статуи Мако.

— Разумные обитатели многих миров в примитивном состоянии ориентируют входом на восток свои храмы, и лица их идолов и мертвых тоже часто бывают обращены туда же, — сказал Джагу. — Считать восходящее солнце, каждые сутки как бы восстающее из небытия, символом бессмертия — это естественно.

— Это, возможно, самое большое изображение Джома, — сказал Фавани. — Но на этой планете оно не единственное. На фотографиях есть и другие. Похоже, они тоже древние. Наверное, это просто совпадение. Их сделали сами местные жители. Это идолы, символы их религии.

— Или же, — сказал Алаку, — местные жители основали традицию поклонения Джома после того, как здесь побывал Мако и высек из камня эту статую. Может быть, он даже обратил их в нашу религию. И тогда они построили перед статуей храм, который мы видели. Я уверен, что эти руины были храмом. Потом они сделали и другие изображения Джома, поменьше. А много столетий спустя они перестали верить в Джома... как и мы. Хотя свидетельство истины так и осталось стоять перед их ослепленным взором...

Джагу понимал, — сколько бы они ни рассуждали об этом между собой, до истины им не докопаться. Надо было отыскать кого-нибудь, кто ее знал.

Он развернул вездеход по направлению к городу.

В предместье им стали попадаться стоящие порознь домики. Еще не проехав и мили, он нашел то, чего искал. К ним направлялась группа местных жителей. Все они ехали верхом на животных, очень напоминавших *гапо* из пустынь его родной планеты, не считая того, что у этих было всего четыре ноги и один горб.

Гапоподобные звери бросились от страха врассыпную; некоторые из них сбросили своих седоков. Джорума пустили в них реактивные дротики, кончики которых были смазаны парализующим составом. Сорвав со своих жертв одежду, чтобы убедиться, что тут есть экземпляры обоих полов (он знал, что дома их захотят исследовать зоологи), джорума выбрали самца и самку. Их погрузили в вездеход и повезли обратно к катеру. Через несколько минут катер уже летел к «Пааджаа».

Вернувшись на корабль, они уложили спящих аборигенов на кровать и заперли в каюте. Джагу внимательно осмотрел их и в тысячный раз задался вопросом: не наделил ли Туу и впрямь джорума природным превосходством перед другими тварями? Наверное, они действительно были сотворены по образу Туу. Эти двуногие казались долговыми и слабыми и, главное, очень непроизводительными в смысле продолжения рода. Представители одного из полов вообще не были способны откладывать яйца или вынашивать молодь. Этот изъян сокращал способность вида к самовоспроизводству в два раза. «И вообще, — подумал он, сохранив способность к юмору даже в том полуоглушенном состоянии, в каком он сейчас пребывал, — это же лишает их трех четвертей удовольствия».

Может быть, другие разумные существа были, как думали некоторые теологи, просто плодами неудачных экспериментов Туу? А может, Туу уготовил неджорума роль низших существ?

Впрочем, задаваться такими вопросами — дело теологов. Ему предстояло отгадать куда более важную и насущную загадку. К тому же его беспокоил Алаку.

Невозмутимого Алаку, агностика, чьей единственной и неизменной страстью было упражнение собственного ума, увиденное потрясло гораздо сильнее, чем остальных.

Джагу не забыл, что ему говорил Ариги. Мы верим в то, во что хотим поверить. Метафизические вопросы не могут быть решены с помощью фактов.

— Это только одно из мнений, — сказал ему Алаку. — Мы считали себя очень умными, а наших отцов — невежественными и суеверными. Но Мако-то знал, что однажды мы попадем сюда и узнаем правду. Он знал это еще тогда, когда на свете не было даже наших прапрапрапрадедов.

— У нас есть два туземца, — сказал Джагу. — Мы выучим их язык. От них мы можем узнать, кто изваял Джома — то есть эту статую, так похожую на Джома.

— Откуда им это знать? — сказал Алаку, безнадежно глядя на него. — Им об этом известно лишь благодаря свидетельству их предков, как и нам — со слов наших.

Этот разговор с Алаку оказался последним.

Вскоре после него Алаку не явился дежурить на мостик, когда была его вахта. Джагу стал вызывать его по интеркому. Не получив ответа, он пошел к нему в каюту. Дверь была заперта, но у Джагу как у капитана имелся ключ. Алаку лежал на полу, весь синий от выпитого цианистого калия.

Объяснений он не оставил. Впрочем, все было ясно и так.

Это событие расстроило и опечалило весь экипаж. Несмотря на некоторую отчужденность Алаку, все его любили. Он оплодотворил множество их яиц, а те оплодотворенные яйца, которые остались в его теле, поместили в холодильную камеру, чтобы произвести быструю разморозку по возвращении домой.

Несколькими часами позже убили друг друга туземцы. Больший задушил меньшего. Но перед этим меньший перекусил большему вены на запястьях. После того как тот, что поменьше, умер, тот, который остался, начал активно двигаться, чтобы усилить кровотечение.

Джагу решил было начать все сначала и поймать других представителей разумной расы из того же места. Но что-то мешало ему сделать это. Вернуться и опять увидеть Джомы, это древнее творение из камня, приводящее в трепет одним своим видом.... кто знает, кто сойдет с ума следующим? Не он ли сам?

Несколько дней Джагу мерил шагами мостик. Или, придя к себе в каюту, валялся на кровати, уставившись в переборку.

Однажды Джагу поднялся на мостик, когда там дежурила третья смена. Фавани, с которым он был особенно близок, тоже был там, выполняя обязанности пилота, которые в тот момент не требовали от него особого напряжения. Увидев Джагу, он не удивился; Джагу часто приходил сюда в то время, когда ему полагалось спать.

— Мы уже давно не были вместе, — сказал Фавани. — Статуя на этой планете, покинутой Туу, самоубийство Алаку... все это погубило нашу любовь. Уничтожено все, остался только один вопрос...

— Мне все ясно. Я *знаю*, что его изваяли туземцы. Я это знаю, иного просто быть не могло.

— Но разве это можно доказать? — спросил Фавани.

— Нет, — ответил Джагу. — И потому, перед тем как возвращаться домой, нам надо хорошенько подумать, как быть дальше.

— Что ты имеешь в виду?

— У нас есть несколько вариантов дальнейших действий. Первый — доложить обо всем, что мы здесь видели. Предо-

ставим начальству решать, что с этим делать, — пусть они думают за нас. Второй — забыть о том, что мы здесь были. Положить только об открытии первой планеты. Третий — вообще не возвращаться домой. Найти планету, пригодную для колонизации, настолько далекую, чтобы прошла добрая сотня лет, прежде чем корабли джорума ее отыщут.

Все эти варианты опасны, — продолжил Джагу. — Ты не знаешь Ариги по-настоящему, а я знаю. Он не поверит, что это совпадение, поскольку его математическая вероятность слишком мала. Он не поверит и в то, что автор скульптуры — Мако. Он подумает, что эти статуи сделали мы, чтобы учинить чудовищный розыгрыш.

— Как же в такое можно поверить?

— Мне трудно его винить, — ответил Джагу, — он ведь не забыл о наших прошлых подвигах. Он может подумать, что нам опять захотелось похулиганить. Или что долгое путешествие расшатало нашу психику, что мы обратились, стали суеверными, прибегли к обману из самых благочестивых побуждений, желая обратить его или таких, как он. Да мало ли что? Он решит, что это наша работа. Ему придется либо прийти к этому выводу, либо признать, что все его представления о жизни были ошибочными.

Если уничтожить все документальные свидетельства, фотографии, вахтенные журналы, все равно есть риск, что кто-нибудь проговорится. Даже наверняка. У нас ведь не принято держать язык за зубами. Или кто-нибудь из нас тронется умом и разболтает все, как было.

Лично я считаю, что надо использовать третью возможность. Лететь подальше в неисследованный район, куда-нибудь так далеко, чтобы мы уже не смогли вернуться. Там мы окажемся вне пределов досягаемости современных кораблей. Если когда-нибудь в будущем кто-то нас и обнаружит, мы всегда можем сказать, что попали в аварию и не смогли вернуться.

— А что, если топливо у нас кончится до того, как мы отыщем подходящую планету? — спросил Фавани.

— Это не самый приятный выбор, но лучшего у нас нет, — ответил Джагу.

Он ткнул в левый нижний угол звездной карты на переборке.

— Здесь всего несколько звезд типа Ао-У, — сказал он. — Если я сейчас, сию минуту, прикажу тебе направить туда корабль — ты выполнишь этот приказ?

— Не знаю, что и сказать, — ответил Фавани. — Знаю только, что мы можем спорить о том, как лучше поступить, всю

долгую дорогу домой, и так и не прийти ни к какому решению. Я доверяю тебе, Джагу, ибо я верю в тебя.

— Веришь? — переспросил Джагу. Он улыбнулся. — Значит, есть и такие, кто рождается с верой в себе подобных? И те, кто рожден для того, чтобы в них верили? Все может быть. А что же остальной экипаж? Пойдут ли они за мной, не раздумывая?

— Поговори с ними, — посоветовал ему Фавани. — Скажи им то, что сказал мне. Они поступят так же, как я. А я даже не буду ждать результата. Разверну корабль прямо сейчас. Им незачем об этом знать, пока они еще не решили — только поговори с ними до окончания моей вахты.

— Отлично. Разверни его. Курс держи примерно на тот район. Конкретную звезду мы выберем потом. Выбор у нас теперь небольшой: найти ее или умереть. Мы начнем жизнь заново. А наши дети ничего не узнают ни о духах, ни о давно умерших героях.

— Есть полный разворот, — сказал Фавани. Он занялся управлением и стал вставлять в компьютер карточки с данными.

Потом он спросил:

— А может ли человек жить без религии? Чем мы заменим им старое вероучение?

— Они будут верить, во что сами захотят, — бодро сказал Джагу. — К тому же у нас еще много времени, чтобы все это обдумать.

Глядя на звезды за иллюминатором, он молчал. Он думал о планете, которую они покинули только что. Ее разумные обитатели так никогда и не узнают, чем они обязаны ему, Джагу.

Если бы он вернулся на базу и обо всем рассказал, на эту планету отправили бы флот — независимо от того, что было бы решено относительно Джагу и его команды. Они бы продолжили ловить туземцев, чтобы проверить их реакцию на заражение болезнетворными организмами, специально выведенными в лаборатории. Через несколько лет в живых остались бы только те, кто обладал к ним природным иммунитетом. Их планета была бы готова к заселению джорума.

Теперь двуногим дана отсрочка. Если они сумеют в достаточно короткий срок выйти в космос и овладеть ядерной энергией, следующий корабль джорума объявит их планету неперспективной.

Как знать? Может быть, об этом решении пожалеют его же собственные потомки. В один прекрасный день дети этих существ, которых он невольно пощадил, могут явиться на ту самую

планету, которую Джагу облюбует для своих детей. Может быть, они даже нападут на джорума, истребят их или обратят в рабство.

Да, его и его потомков могла ожидать и такая судьба.

Он нажал на кнопку, чтобы разбудить спящих и собрать их. Сейчас он им все расскажет.

Он знал: то, что произошло, будет давить на них до самой смерти. И он поклялся самому себе, что их дети ничего об этом не узнают. Они будут свободны от прошлого с его страхами и сомнениями.

Они будут свободны.

Треск, раздавшийся в репродукторе, сменился воем сирены. По индикаторам, застегнутым на запястьях капитана и штурмана наподобие браслетов, забегали желтые и красные огоньки. Огромные вспомогательные экраны на переборке мостика тоже вспыхнули красным и желтым.

Капитан Греттир прервал свои размышления и вскочил с кресла. На каждом из экранов светилась надпись: 20-G-DZ-R; эти пламенеющие знаки ударили в глаза с наручных индикаторов, заполнив собой все пространство, а потом погасли, чтобы вспыхнуть на запястьях с новой силой и опять сойти на нет. И так множество раз. Код 20-G-DZ-R означал, что авария произошла в коридоре, ведущем в машинное отделение.

Греттир вытянул руку и перевернул ее ладонью вверх, чтобы удобней было смотреть на экран индикатора и разговаривать.

— 20-G-DZ-R, что там у вас?

Пылающая надпись, застилающая все поле зрения, исчезла, а взамен на экране возникло сильно уменьшенное изображение скуластой физиономии МакКула, главного инженера. То же лицо смотрело на капитана и с экранов на переборке. Изображение увеличилось, как будто внезапно приблизившись к Греттиру, потом вынырнуло еще одно лицо.

Теперь на экране были видны младший офицер Комас и Гринкер, помощник машиниста, стоявшие за спиной МакКула. Их лица экран не искажал, потому что они были не в центре. За ними виднелось несколько морских пехотинцев и пушка 88-го калибра на плавающем лафете.

— Эта баба Веллингтон, — сказал МакКул. — Она настроила свой фотер на слабый разряд и разделалась с двумя часовыми у входа в машинное отделение. Потом выгнала оттуда

нас — то есть меня, Комаса и Гринкера. Угрожала, что пристрелит, если будем сопротивляться. Она приварила дверную решетку к переборке, так что дверь можно теперь открыть только автогеном.

— Не знаю, чего она добивается, но она подсоединила привод двигателей к панели в машинном отделении так, что теперь может менять ускорение. Вне машинного отделения мы ей не сможем помешать. Он сглотнул и умолк. Потом сказал: — Можно послать людей наружу, чтобы они попытались прорваться в машинное отделение через шлюзовую камеру или в крайнем случае вскрыли корпус, разрезав обшивку. Этим мы отвлечем ее внимание, а главный удар нанесем из коридора. Правда, она обещала пристрелить каждого, кто туда сунется. Несколько человек мы можем потерять. Боюсь, она сдержит свое обещание.

— Если продырявить корпус, она останется без воздуха и тут же погибнет, — сказал Греттир.

— Она в скафандре, — ответил ему МакКул. — Иначе я бы просто задраил этот отсек и пустил туда газ.

Греттиру хотелось думать, что никто не заметил, как поразила его эта новость. Услышав возглас сидевшего рядом с ним Ванга, он обернулся и сказал:

— Как, черт возьми, она выбралась из лазарета?

Уже спросив, он подумал, что Ванг вряд ли ему ответит. МакКул тоже этого не знал.

— Спросите у доктора Уиллса, сэр, — сказал он.

— Ладно, это уже не важно!

Взгляд Греттира остановился на переборке, где на вспомогательном штурманском экране одна за другой выскакивали цифры — доли скорости света. Первоначальные 0,5 превратились уже в 0,96. Они менялись каждые четыре секунды. Вместо 0,96 было уже 0,97, потом 0,98, 0,99 и 1,0. Затем дошло до 1,1 и 1,2.

Греттир заставил себя сесть обратно в кресло. Если что-то должно случиться, это будет сейчас — «Слейпнир», 280 000 000-тонный крейсер КФЗ класса Х, начнет переход в состояние чистой энергии. В небесах очень ненадолго зажжется новая яркая звезда. А с земной орбиты в телескоп увидят вспышку на расстоянии 20,8 световых лет.

— Как работают амортизаторы *etc* и диссипаторы ускорения? — спросил Греттир.

— Пока деформаций нет, — ответил Ванг. — Но вот расход энергии... если это не кончится... за 2 секунды уже 5 мегаватт, а ведь это только начало.

— Мне кажется, — проговорил Греттир, — все идет, как мы и хотели. Только мы надеялись, что будем контролировать ситуацию.

«Слейпнир», экспериментальный крейсер Космофлота Земли, 28 бортовых дней назад покинул базу на Асгарде, восьмой планете Альтаира (альфы созвездия Орла). Это был первый корабль с людьми на борту, который должен был превысить скорость света. Успех этой попытки позволил бы мерить расстояние от Земли до инопланетных колоний не годами, а неделями. Земным жителям открылась бы вся Галактика.

В последние две недели «Слейпнир» провел серию испытаний на скорости, равной 0,8 скорости света, каждый раз разгоняясь в течение двух часов.

«Слейпнир» был оснащен мощнейшими двигателями, массивными амортизаторами, диссипаторами и расширителями пространственно-временной структуры («открывателями дыр»), предназначенными для около- или сверхсветовых скоростей. Ни один земной корабль до него не имел таких энергетических возможностей и средств управления этой гигантской энергией.

Его привод — а он увеличивал в кубе энергию, извлекаемую из материи, антиматерии и полуматерии, смешанных в нужной пропорции, — обеспечивал мощность, достаточную, чтобы испарить железное ядро планеты. Часть этой энергии питала амортизаторы перехода массы в энергию, чтобы в нее не превратился сам корабль. Очень много энергии съедали и «открыватели дыр». Эти устройства, официально называемые расширителями пространственно-временной структуры, или нейтрализаторами, «распрямляли» локальные искривления пространства и поддерживали «дыру», внутри которой двигался «Слейпнир». Такая дыра сводила на нет 99,3 процента силы сопротивления, которая действовала бы на корабль в обычных условиях.

Все это позволило смягчить, если не устранить совсем неблагоприятные явления, связанные с полетами на около- и сверхсветовых скоростях. Разогнавшись до скорости света, «Слейпнир» не должен был ни уменьшить до нуля свои линейные размеры, ни приобрести бесконечно большую массу. Конечно, он все-таки укорачивался и наращивал массу, но величина этих изменений не превышала $1/777\ 777$ его стапельных характеристик. При этом корабль принимал форму диска, а открыватели, амортизаторы и диссипаторы делали этот процесс постепенным.

Никто точно не знал, что случится при переходе светового барьера. Задача «Слейпнира» как раз и заключалась в том, чтобы это выяснить. Только вот Греттиру не нравилось, что это произошло независимо от него.

— Сэр! — сказал МакКул, — Красотка Веллингтон говорит, что убьет каждого, кто подойдет к машинному отделению. — Поколебавшись, он добавил: — Кроме вас. Она хочет с вами поговорить. Но разговор по интеркому ее не устраивает. Она настаивает на личной встрече там, внизу.

Греттир прикусил нижнюю губу и с шумом втянул воздух.

— Но почему я? — спросил он, хотя и знал почему, а по выражению лица МакКула понял, что и тот тоже это знает. — Сейчас спущусь. А нельзя ли подключить привод помимо нее? Замкнуть цепь через верхние или боковые отсеки и снова взять управление двигателями под контроль?

— Нет, сэр!

— Значит, она вскрыла палубу машинного отделения и добралась до аварийной проводки?

МакКул пояснил:

— Она, конечно, сумасшедшая, но достаточно хорошо сообщает и приняла меры предосторожности. У нее все предусмотрено.

— Ванг! Какая у нас скорость? — спросил Греттир.

— 2,3 скорости света, сэр!

Греттир взглянул на большое звездное табло на «передней» переборке капитанского мостика. На черном фоне вспыхивали редкие белые, голубые, красные, зеленые огоньки, а прямо по курсу лежала галактика XD-2. Она была величиной всего с апельсин и нисколько не приблизилась. Около минуты взгляд Греттира был прикован к экрану, потом он спросил:

— Ванг, я не ошибаюсь? Красное излучение XD-2 сместилось в голубую сторону спектра, так?

— Так точно, сэр!

— Тогда... почему XD-2 не растет? Мы ведь догоняем ее, как лисица кролика.

— Думаю, она становится ближе, сэр. Просто мы увеличиваемся в размере.

2

Греттир встал с кресла:

— Я пошел. Вы остаетесь за меня. Отмените тревогу; экипаж пусть остается на своих местах. Если что-нибудь случится, пока я буду в машинном отсеке, немедленно дайте мне знать.

Старший помощник отдал ему честь.

— Есть, сэр! — хрипло произнес он.

Греттир покинул мостик. Он знал, что офицеры и члены экипажа, сидевшие в креслах по периметру мостика, тайно провожают его взглядами. На мгновение он остановился, чтобы зажечь сигару. Он с удовлетворением отметил, что руки у него

не дрожат, а лицо постарался придать выражение уверенности. Не торопясь, подавляя желание побежать, он миновал мостик и подошел к спусковой шахте. Греттир задом спустился в шахту и выпустил дым изо рта, не заботясь о том, как он выглядит, раз его уже не могли видеть с мостика. Он подобрался перед стремительным падением вниз и последующим резким торможением. Регулятор он поставил на 14-й отсек; двери раскрылись, и он вышел в коридор, где его уже ждал автоперевозчик с водителем. Греттир забрался внутрь, уселся и сказал, куда ехать.

Через две минуты он был уже рядом с МакКулом. Главный инженер показал в дальний конец коридора. Там на полу лежали без сознания два морских пехотинца. Дверь, ведущая в машинное отделение, была открыта. Вторая дверь, то есть решетка, захлопнута. Свет в машинном отделении оказался погашен. По другую сторону решетки двигалось какое-то белое пятно. Это было лицо Донны Веллингтон, которое просвечивало сквозь шлем.

— Надо уменьшить ускорение, — сказал Греттир. — Мы сейчас движемся гораздо быстрее, чем разрешалось даже беспилотному испытательному кораблю. Насчет того, что может произойти с кораблем при таких скоростях, есть куча предположений — и все они неутешительны.

— Некоторые из них мы уже успели опровергнуть, — ответил МакКул. Он говорил спокойным голосом, но на лбу у него были капли пота, а под глазами легли тени.

— Я рад, что вы пришли сюда, сэр, — продолжил МакКул. — Она как раз грозилась перерезать проводку амортизаторов *etc*, если вы не покажетесь в течение двух минут. — Разведя руки в стороны, он изобразил огромный расширяющийся сгусток света.

— Я с ней поговорю, — сказал Греттир. — Только не могу понять, что ей может быть нужно.

Казалось, МакКул колебался. Греттир хотел было спросить, какого черта он сомневается, но передумал.

— Ваши люди пусть остаются здесь. За мной идти даже не пытайтесь.

— А что нам делать, сэр, если она станет в вас стрелять?

Греттир вздрогнул:

— Пускайте в ход пушку. Не бойтесь задеть меня, если придется. Уничтожьте ее! Только отрегулируйте длину луча так, чтобы достать ее, но не разрушить двигателя.

— Но почему бы не сделать это, пока ваша жизнь вне опасности? — спросил МакКул.

Греттир замаялся, потом ответил:

— Главное, за что я отвечаю, — это корабль и его экипаж. Эта женщина не в себе, она не понимает, что делает. Она же не

представляет себе всех последствий. Я хочу попробовать ее уговорить.

Он отстегнул от пояса коммуникатор и пошел по коридору к решетке, за которой в темноте двигалось светлое пятно. По спине побежали мурашки. Все взгляды были прикованы к нему. Кто его знает, что эти люди про него говорят, а особенно думают. Страсть, которую Донна Веллингтон к нему испытывала, и его неспособность ей противостоять забавляли до поры до времени весь экипаж. Говорили, что она сходит по капитану с ума, не понимая, что она и в самом деле потеряла рассудок. Тогда они смеялись. Теперь вот не до смеха.

Даже узнав, что она и правда душевнобольная, кое-кто все равно обвинит его в том, что случилось. Наверняка они теперь думают, что, если бы он обращался с ней по-другому, они не оказались бы на пороге гибели.

Он остановился, не доходя до решетки одного шага. Теперь он мог разглядеть лицо женщины — в черно-белую клетку. Греттир ждал, чтобы она заговорила первой. Прошла целая минута, пока она не произнесла:

— Роберт!

Ее голос, обыкновенно низкий и приятный, был тонким и напряженным.

— Я не Роберт. Меня зовут Эрик. — сказал он в коммуникатор. — Я — капитан Эрик Греттир, миссис Веллингтон.

Наступила тишина. Женщина придвинулась ближе к решетке. Ее глаз сверкнул голубизной, когда на него упал лучик света.

— Почему ты так меня ненавидишь, Роберт? — спросила она жалобно. — Ведь ты любил меня. За что ты от меня отвернулся?

— Я — не ваш муж, — сказал Греттир. — Посмотрите на меня. Разве вы не видите, что я — не Роберт Веллингтон? Я — Греттир, капитан «Слейпнира». Вы *должны* понять, кто я *на самом деле*, миссис Веллингтон. Это очень важно.

— Ты меня не любишь! — пронзительно закричала она. — Ты выдаешь себя за другого, чтобы от меня отделаться! Не выйдет! Я тебя ни с кем не перепутаю, скотина! Ты скотина! Я тебя ненавижу, Роберт!

Под напором ее гнева Греттир невольно отпрянул. Он увидел, как из тени вынырнула ее рука и блеснул оружейный ствол. Ничего поделать было уже нельзя — она выстрелила; ему в лицо сверкнул луч белого света.

Свет сменился тьмой.

Впереди, а может быть, вверху, в темноте виднелось что-то серое. Какая-то сила медленно, судорожно толкала Греттира к этому пятну, как будто его проглотил кит, а теперь хочет

извергнуть наружу, и вот глотка Левиафана сжимается, выталкивая его к открытому рту.

Далеко позади, откуда-то из китового нутра, раздавался голос Донны Веллингтон.

— Роберт?

— Да Эрик я! — закричал Греттир. — Эрик!

Сразу после старта с Асгарда, когда «Слейпнир» еще плелся со скоростью 6200 километров в секунду, они приняли сигнал бедствия. Его подавал космический корабль, находившийся на полпути между 12-й и 13-й планетами Альтаира. Командование не поставило бы ему в вину, если бы Греттир проигнорировал этот сигнал, но он изменил курс и поспешил к гибнущему кораблю, столкнувшемуся с метеоритом. Внутри его они нашли изуродованное тело мужчины. А еще — женщину в состоянии глубокого шока.

Роберт и Донна Веллингтон были асгардианами во втором поколении, кандидатами наук в области биотатологии, защитившими диплом по астрогации. Они пытались собрать образцы «космического планктона» и «космических гидроидов» — форм жизни, зародившихся в районе, лежавшем между орбитами внешних планет системы Альтаира.

Крушение, смерть мужа и гнетущее чувство одиночества, покинутости и безнадежности, испытанное ею в течение восьмидесяти двух часов, прошедших до момента спасения, наложили на сознание миссис Веллингтон свой отпечаток. Хотя, наверное, правильнее было бы сказать, что ее сознание распалось на части.

Когда женщина, как показалось поначалу, выздоровела, она стала принимать Греттира за своего мужа — их внешнее сходство и правда было поразительным. Вначале Греттир был к ней добр и внимателен и часто заходил в лазарет. Потом, следуя советам доктора Уиллса, стал держаться с ней строже.

Ну вот — а результат оказался неожиданным.

Позади визжала Донна Веллингтон, а круглое сумеречное пятно впереди стало ярким — и тут он освободился. Он открыл глаза и увидел лица доктора Уиллса и МакКула, склонившихся над ним. Греттир лежал в лазарете.

— Мы уж было подумали... — начал МакКул, улыбнувшись.

— Что это было? — спросил Греттир. Потом он сказал: — Я знаю, что она сделала. То есть...

— Она выстрелила в вас полным зарядом, — сказал МакКул. — Но большую часть энергии поглотили прутья решетки. Вам только обожгло кожу на лице и сбило с ног. Хорошо, что вы успели зажмурить глаза.

Греттир сел. Он ощупал свое лицо; для утоления боли и восстановления кожи оно было покрыто жирным слоем регенерирующей кожной мази.

— У меня дико болит голова.

— Я сейчас вернусь, — сказал Уиллс.

— Как обстановка? — спросил Греттир. — Как вам удалось вытащить меня у нее из-под носа?

— Мне пришлось это сделать, капитан, — ответил МакКул. — Иначе она бы в вас опять выстрелила. Остатки решетки разнесло выстрелом из пушки.

— Миссис Веллингтон — она погибла?

— Да. Но не от выстрела. Произошло нечто странное. Она сняла скафандр и осталась без ничего. Потом вышла из машинного отделения через шлюзовую отсек. Обнаженная, как будто предлагала себя в невесты самой смерти. Нас едва не унесло потоком воздуха, который устремился наружу, потому что она установила рычаг регулировки таким образом, что внутренняя дверь осталась открытой. Слава Богу, мы все-таки успели ее закрыть.

— Подумать только... — сказал Греттир. — В машинном отделении были повреждения?

— Нет. Провода подсоединены обратно. Только вот...

— Что такое?

Лицо МакКула вытянулось, как морда испуганной борзой собаки.

— Только я хотел заняться проводами, произошла одна странная... ну, необычная... вещь. Весь корабль, все предметы внутри, — все как-то исказилось. Заколебалось, как будто все стало восковым и расплылось. Вот как флаг полощется на ветру. С мостика доложили, что нос корабля вроде бы раздулся, как шар, потом пошел волнами, и это распространилось на весь корпус. Пока шла эта волна, нас всех чуть не стошнило.

Наступило молчание, но кое-что, как видно было по их лицам, осталось недосказанным.

— Ну?

МакКул и Уиллс уставились друг на друга. МакКул сглотнул и выговорил:

— Черт возьми! Капитан, мы не знаем, куда нас к черту занесло!

3

Вернувшись на мостик, Греттир посмотрел на звездный экран переднего обзора. Звезд не было. Пространство наполнилось световыми пятнами, серыми и тусклыми, как хмурое рассветное небо над Землей. На фоне неяркого зарева — пока

непонятно было, на каком расстоянии, — выделялось несколько сфер. Они казались маленькими, но если они были такого же размера, как та, которую «Слейпнир» только что оставил за кормой, — значит, они были огромными.

Сфера позади них — до нее было около пятидесяти километров — по отношению к кораблю была размером с земную луну. Ее поверхность была серой и гладкой, словно свинцовой.

Дарл голосом отдала распоряжение прибору на своем запястье перейти на бинарный код, и сфера на звездном экране словно рванулась в их сторону. Пока Дарл не сместила изображение, она заполняла весь экран. Теперь был виден примерно 20-градусный сектор ее поверхности.

— Вот она! — сказала Дарл.

Над поверхностью сферы плыло какое-то маленькое тело, в тот момент как раз двигавшееся к ним. Дарл увеличила изображение, и стало видно, что это тоже серый шар, только маленький.

— Он вращается вокруг большого, — сказала она. Помолчав, Дарл проговорила: — Мы — то есть корабль — прилетели из этой маленькой сферы. Вырвались наружу. Через ее оболочку.

— Вы хотите сказать, что раньше мы были внутри? — спросил Греттир. — То есть теперь мы снаружи?

— Да, сэр! Именно так! — Тут голос у нее сорвался. — Сэр, — сдавленно закончила она.

Вокруг большой сферы, немного выше плоскости орбиты ее спутника, по внутренней орбите вращалось еще одно тело. Оно было по крайней мере в пятьдесят раз больше малого шара. Догнав этот шар, оно одновременно с ним обогнуло планету и скрылось из виду.

— Это тело Донны Веллингтон! — воскликнул Греттир.

Он отвернулся от экрана, сделал шаг и повернул назад.

— Нет, не может быть! Она должна двигаться за нами или рядом. Ну, в крайнем случае под углом, но все равно в том же направлении. Просто сфера притянула ее к себе! Она стала спутником! А ее размеры — она же великанша! Какая-то чепуха! Такого не бывает!

— Всякое бывает, — сказал Ванг.

— Надо вернуться обратно, — ответил ему Греттир. — Выйдите на орбиту вокруг сферы, в той же плоскости, что и малый спутник, но немного подальше — примерно в полутора километрах от него.

На лице Дарл был написан вопрос: а что потом?

Греттиру показалось, что их мысли в этот момент совпали.

Лица остальных членов команды, собравшихся на мостике, тоже выражали неуверенность. Все старались скрыть свой

страх, но он все равно ощущался. Он почувствовал неприятный запах. Интересно, другие догадались, что это он?

— Большая сфера притягивает корабль? — спросил он Ванга.

— Никакого осязаемого воздействия она не оказывает, сэр. «Слейпнир» нейтрален по отношению к обеим сферам. И... к телу Донны Веллингтон тоже.

Греттир немного успокоился. Его мысли были в страшном беспорядке, и ему показалось, что он сейчас не способен ни на что, кроме бредовых фантазий. Но, судя по словам Ванга, они думали об одном и том же. Ведь он сказал, что никакой гравитации больше нет, словно корабль стал микрочастицей.

А если сфера не оказывает никакого воздействия на корабль, почему она притягивает труп Донны Веллингтон?

— Какова наша скорость относительно планеты? — спросил Греттир.

— С тех пор как я переключил провода, мы не увеличивали скорость, — ответил Ванг. — Это было сразу после того, как мы вошли в это... это пространство. Обратную тягу мы не включали. Судя по потреблению энергии, наша скорость — десять мегапарсеков в минуту. То есть, — добавил он, помолчав, — так показывают приборы. А радар, который при таких скоростях совершенно неэффективен, показывает, что относительно большой сферы мы делаем 50 километров в минуту.

Ванг откинулся на спинку кресла, как будто ждал, что Греттир будет ему возражать. Греттир прикурил очередную сигару. На этот раз руки у него задрожали. Он выпустил большой клуб дыма, потом сказал:

— Очевидно, здесь мы подчиняемся особым законам, которые не действуют *у нас*.

Ванг негромко вздохнул:

— Вы тоже так думаете, капитан? Ну да, другие *законы*. Значит, делая что-нибудь в этом пространстве, нельзя предвидеть, что из этого получится. Вы не поделитесь вашими дальнейшими планами, сэр?

Ванг впервые осмелился задать этот вопрос вслух, хотя, конечно, не раз обдумывал его про себя. Греттир понял, что штурман разделяет его тревогу. Тонкая пуповина, соединявшая их с родным домом, порвалась; Ванг внутренне страдал, истекал кровью. Давно ли его душа отправилась в странствие по беспросветной пустоте, одинокая, как может быть одинока только живая душа?

Не каждый мужчина или женщина способны покинуть Землю или планету, на которой они родились, чтобы затеряться в космосе, среди звезд, откуда их родное солнце кажется лишь слабой искоркой. Этих людей поддерживает особая вера. В глубине

подсознания у них должно сидеть чувство, что их корабль — частица Матери-Земли. Это чувство им необходимо — иначе их сознание распадется на тысячу осколков.

Этот распад можно преодолеть. Тысячи людей проходят через это. Но разве можно утешить даже таких запредельных странников, если они навеки простились с самой Вселенной?

Греттира одолел страх перед пустотой. Пустота угнездилась внутри него — серая змея, скользкое ничто, свернувшееся в клубок. Что же будет, когда этот клубок развернется?

Что будет с экипажем, когда он узнает — а он должен узнать — об их безнадежном положении?

Не допустить, чтобы люди сожгли в своих мыслях последние мосты, соединявшие их с родным берегом, можно было только одним способом. Они должны верить в то, что вернутся. И он сам должен в это верить.

— Буду импровизировать, — сказал Греттир.

— Что вы сказали, сэр?

— Импровизировать! — ответ прозвучал ненамеренно жестко. — Я отвечаю на ваш вопрос. Вы спрашивали меня, что я намерен делать, — что, забыли?

— Нет, сэр, — сказал Ванг. — Просто задумался...

— Сосредоточьтесь на своих обязанностях, — посоветовал Греттир. Дарл он сказал, что включит экраны сам. Потом назвал код, приводящий в действие все приемники; во всех помещениях «Слейпнира» снова раздался звук сирены, а на экранах появились черные и зеленые клетки. Затем видео- и аудиосигналы тревоги отключились и раздался голос капитана.

Он говорил в течение трех минут. Люди на мостике выглядели так, как будто свет разума померк у них в головах. Осознать, что это означает — находиться вне своей вселенной, — было почти невозможно. Не менее трудно было представить «зой родной» бесконечно огромный космос лишь «электроном», вращающимся вокруг ядра «атома». Если капитан говорил правду (да возможно ли это?), корабль летел в пространстве между суператомами сверхмолекулы из супервселенной.

Даже зная, что «Слейпнир», разогнавшись до скорости, в 300 000 раз большей, чем скорость света, расширился, они не могли охватить разумом всего, что произошло. Понимание этого ускользало, как дым.

Выполнение поворота и других маневров, необходимых для того, чтобы «Слейпнир» занял орбиту, внешнюю по отношению к траектории спутника, — как мысленно окрестил его Греттир, «нашей вселенной» — и в то же время параллельную ей, было делом десяти минут по бортовому времени. Он снова уступил

кресло Дарл и расхаживал по мостику взад и вперед, не отрывая взгляда от звездного экрана.

Если они и чувствовали себя покинутыми, отрезанными от своего мира, теперь люди все же могли контролировать свои чувства. Ведь капитан не говорил им: мы *попробуем* вернуться; он сказал: мы *возвращаемся*. Они через многое прошли с ним вместе, и он их никогда не подводил. Эта вера помогала им вынести бремя своего отъединения от человечества.

Когда «Слейпнир» занял место рядом со спутником, тело Донны Веллингтон снова вынырнуло из-за большой сферы, двигаясь мимо спутника и корабля. Руки огромного тела были окоченело раскинуты в стороны, ноги вытянуты. В тусклом свете кожа казалась иссиние-черной от того, что под ней была кровь из лопнувших вен и артерий. Рыжие волосы, собранные в пучек Психеи, казались черными. Глаза со сгустками черной крови на белках, каждый — больше, чем мостик «Слейпнира», были открыты. Губы растянулись в предсмертной гримасе, а зубы походили на вымазанную сажей решетку в воротах замка.

Вращаясь вокруг невидимой оси, тело миновало сферу и корабль.

Ванг сообщил, что на поверхности большой сферы видны три «тени». Они двигались одновременно со спутником, трупом и кораблем. Увеличив изображение на стенном экране мостика, они рассмотрели, что каждая из «теней» повторяет силуэт одного из трех тел на орбите. Тени, бывшие лишь немного темнее поверхности, оказались вогнутостями, которые передвигались по оболочке планеты. Вдоль контура тени на поверхности возникала складка, переходившая в небольшое углубление внутри контура.

Если тень «Слейпнира» правильно отображала его форму, из длинной иглы корабль превратился в веретено с закругленными концами и перетяжкой посередине.

Пока труп Донны Веллингтон пролетал мимо малой сферы и корабля, ее тень — или «отпечаток» — перевернулась. Там, где должна была быть голова, теперь были ноги, и наоборот.

Она скрылась, обогнув планету, а когда появилась с другой стороны, ее тень снова стала «правильным» отражением. Такой она оставалась, пока Донна не миновала спутник, а после снова перевернулась.

Греттиру доложили, что в пространстве рядом со сферами, по-видимому, не было никаких признаков материи. Не удалось обнаружить ни атома, ни микрочастицы. Больше того, несмотря на отсутствие какого-либо излучения, температура на обшивке корабля и в десяти метрах от нее колебалась вокруг 70 градусов по шкале Фаренгейта с амплитудой в 20 градусов.

Когда они сделали три оборота, Греттир заметил, что корабль сильно уменьшился в размерах. А может быть, малая сфера стала больше. Или то и другое одновременно. Кроме того, на обзорном экране было видно, что еще во время первого облета кораблем спутник изменил свою шарообразную форму и превратился в утолщенный диск.

Все это привело Греттира в замешательство, и он хотел было связаться с Ван Вурденом, главным физиком, когда труп миссис Веллингтон снова взошел над сферой. Тело догнало и другой спутник, и на мгновение большая сфера, спутник и «Слейпнир» оказались на одной прямой, словно нанизанные на невидимую струну.

Неожиданно спутник и тело рванулись навстречу друг другу. Они прекратили движение, когда между ними оставалось меньше четверти километра. Как только спутник занял новую орбиту, он снова принял округлую форму. Во время этой перестановки руки и ноги Донны Веллингтон пришли в движение, как будто она снова ожила. Ее руки сложились на груди, а ноги согнулись, так что бедра оказались прижаты к животу.

Греттир вызвал Ван Вурдена.

— Я знаю о том, что здесь происходит и чего можно ожидать в будущем, не больше, чем последний юнга — если бы он у нас был, — сказал физик. — Мы обладаем очень неполными и противоречивыми данными. Я могу только сделать предположение, что Донна Веллингтон и спутник обменялись энергией.

— Квантовый скачок? — спросил Греттир. — Если это так, почему на корабле не произошло потери или прибавки энергии?

— Извините, сэр, — перебила Дарл. — Но утечка была. За 0,8 секунды мы потеряли 50 мегакиловатт.

— «Слейпнир» мог увеличить свои относительные размеры за счет снижения скорости, — сказал Ван Вурден. — А может быть, скорость не имеет к этому отношения или влияет только отчасти. Возможно, изменение взаимного расположения тел в пространстве вызывает другие изменения: формы, размера, энергетического уровня и так далее. Не знаю. Скажите, насколько велика сейчас эта женщина — то есть труп — по сравнению с кораблем?

— Судя по показаниям радара, она в восемьдесят три раза больше. Она увеличилась. Или это мы уменьшились.

Глаза Ван Вурдена расширились еще больше. Греттир поблагодарил его и отключился. Он отдал распоряжение вывести «Слейпнир» на ту же орбиту, по которой вращалась малая сфера, но за десять декаметров перед ней.

Ван Вурден снова вышел на связь.

— Скачок произошел, когда мы оказались на одной прямой с тремя другими телами. Возможно, при определенных условиях «Слейпнир» становится своего рода *геометрическим каталлизатором*. Хотя это, конечно, только аналогия.

Ванг проговорил команду в интерфейс компьютера, который помещался у него на запястье. Вскоре «Слейпнир» пристроился впереди малой сферы. Радар показал, что размеры корабля и спутника стали примерно одинаковыми. Размеры тупа, сделавшего еще один виток, относительно корабля не изменились.

Греттир велел развернуть корабль носом в сторону сферы. Когда маневр был завершен, их скорость уменьшилась. Корабль тормозился обратной тягой, в то время как выбросы из боковых дюз удерживали его на прежней орбите. Поскольку планета не притягивала корабль, чтобы удержаться на орбите, приходилось постоянно манипулировать тягой. Сфера теперь становилась все больше и медленно приближалась к кораблю.

— Радар показывает, что по отношению к спутнику мы проходим 26,6 декаметра в секунду, — сказал Ванг. — Судя по расходу энергии, наша скорость в 25 000 раз больше скорости света. Между прочим, когда мы вышли из нашего мира, у нас была другая скорость.

— Еще тормозите, — сказал Греттир. — Сбавьте скорость до 15 дкм.

Сфера надвинулась на них, заполнила весь экран, и Греттир невольно приготовился к столкновению, хотя и не думал, что оно произойдет — он даже не пристегнулся к креслу. Никакого удара и не было: корабль прорвал «оболочку» вселенной.

Греттиру докладывали об аберрациях на корабле, когда он покидал Вселенную, поэтому то, что произошло потом, не было для него абсолютно неожиданным. Несмотря на это, он не мог сдержать испуг и замешательство, когда передняя часть мостика внезапно вздулась, а потом пошла рябью. Экран, переборки, палуба и люди на ней — все заколыхалось, как холст на сильном ветру. Греттир почувствовал себя так, будто его тело растаскивают во все стороны одновременно.

Тут раздался крик Ванга, к которому присоединились другие голоса. Ванг вскочил со своего места и вытянул вперед руки, как бы защищаясь. Греттир, который стоял за ним и немного сбоку, застыл, увидев в воздухе десятки маленьких, размером с муху, горящих искр, которые летели *сквозь* звездный экран и переднюю переборку прямо на него. Он вышел из оцепенения как раз вовремя, чтобы увернуться от одного из этих шариков, раскаленного добела. Но следующий попал ему прямо в лоб, заставив завопить.

Множество таких тел пронеслось мимо него. Одни были белые, другие — зеленые; еще одно было цвета топаза. Они были везде: у него над головой, на уровне пояса, а одно пролетело у самой палубы. Он пригнулся, уклоняясь от двух искр, пролетевших выше, и увидел Наги, офицера связи, скорчившегося в приступе рвоты. Один из огоньков упал прямо в массу, вытекающую у него изо рта, и погас, выпустив струюку дыма.

Потом передняя часть мостика снова обрела твердость и былую форму. Она больше не пропускала горящих шариков. Греттир обернулся посмотреть на задние переборки мостика, затронутые волной деформаций. Они тоже пришли в нормальное состояние. Греттир выкрикнул «капитанский» код, чтобы принять управление у Ванга, стонавшего от боли. Он поменял курс корабля, направив его «вертикально вверх». Движения «вверх» нельзя было почувствовать из-за искусственного гравитационного поля внутри корабля. Неожиданно передняя часть мостика снова изменила свои очертания, а предметы внутри корабля и тела людей снова заколебались.

Звездный экран, который только что был заполнен лишь чернотой космоса с редкими пятнышками звезд, теперь был тускло освещен, а в его углу был виден большой серый шар. Греттир, преодолевая тошноту и головную боль, отдал следующую команду. Через тридцать секунд после этого «Слейпнир» приступил к повороту, чтобы снова занять орбиту по соседству со спутником.

После того как Греттир получил ожог, он быстро осознал, что происходит, и вывел «Слейпнир» обратно за пределы вселенной. Он вызвал санитаров и доктора Уиллса, а потом помог Вангу встать. На мостике стоял запах горелых волос и мяса, с которым кондиционеры еще не успели справиться. Руки и лицо Ванга были обожжены в пяти или шести местах, а на правой стороне головы у него сгорела большая прядь его длинных и жестких черных волос.

На мостик прибежал Уиллс с тремя санитарями. Он начал было мазать псевдопротеиновым гелем лоб Греттира, но тот приказал ему сначала позаботиться о Ванге. Уиллс работал быстро и, после того как он смазал гелем ожоги Ванга и наложил на них лоскуты кожезаменителя, вернулся к капитану. Как только на лоб Греттира наложили гель, боль стала утихать.

— Ожоги третьей степени, — сказал Уиллс. — Хорошо еще, что эти искры — или что это было — такие маленькие.

Греттир поднял сигару, которую он уронил на палубу, когда увидел летящий в него шарик. Она еще не успела потухнуть. Рядом с ней лежал уголек — он постепенно чернел. Греттир

осторожно взял его в руки. Он был еще теплый, но пальцев уже не обжигал.

Греттир вытянул руку и разжал ладонь, показывая доктору кусочек черного вещества. Теперь он был даже меньше, чем когда ворвался на мостик через промежутки между молекулами обшивки и переборок, «открывшимися» на короткое время.

— А ведь это галактика, — прошептал он.

Доктор Уиллс не понял.

— Галактика из нашей вселенной, — пояснил Греттир.

Док Уиллс побледнел и издал такой звук, как будто подавился.

— Вы хотите сказать...

Греттир кивнул.

— Я надеюсь... это не наша... ну, не та Галактика... где Земля!

— Не думаю, — ответил Греттир. — Мы были на краю самых далеких звездных скоплений, то есть тех, которые расположены ближе всего к — ну, скажем, оболочке — нашей Вселенной. Вот если бы мы продвинулись подальше...

Уиллс покачал головой. В этом маленьком горящем шарике, теперь съжившемся и остывшем, погибли миллиарды звезд, и миллионы планет, пригодных для жизни и, быть может, обитаемых. Триллионы существ, способных чувствовать и бесчисленное множество животных нашли свой конец, когда их мир столкнулся со лбом Греттира.

Вангу снова стало дурно, когда он узнал об истинной причине своих ожогов. Греттир отослал его в лазарет, а на его место назначил Гомеса. На мостик явился Ван Вурден.

— Я понимаю, наша главная задача сейчас — вернуться назад, — сказал он. — Но почему бы нам не попробовать проникнуть внутрь большой сферы, ядра этого «атома»? Вы понимаете, какой поразительный...

— Я понимаю, — перебил его Греттир. — Но у нас совсем мало топлива. Если — то есть *когда* мы снова пройдем через «оболочку», нам предстоит еще длительный полет до Базы. Может быть, даже слишком длительный. Я не рискну набирать большую скорость из-за наших размеров. Это слишком опасно... Я не хочу, чтобы из-за нас погибали новые галактики. Сейчас наши чувства в оцепенении, но Бог знает, какие моральные страдания нам предстоит испытать, когда мы осознаем, что натворили. *Нет уж!* Новые эксперименты нам не нужны!

— Но в будущем, возможно, такие исследования запретят! — сказал Ван Вурден. — Разрешить новые испытания таких кораблей, как наш, — значит подвергать опасности самое Вселенную!

— Совершенно верно, — ответил Греттир. — Я сочувствую вашему стремлению внести вклад в науку. Но самое важное сейчас — сохранность корабля и экипажа. И потом, если бы я сейчас приказал начать исследования, я думаю, люди бы взбунтовались. И были бы правы. Признайтесь, Ван Вурден, разве вы не чувствуете... оторванности от мира?

Ван Вурден кивнул и ответил:

— Я стараюсь об этом не думать. Ведь можно...

— Можно узнать так много нового, — закончил Греттир. — Согласен. Но для того, чтобы предпринять такие исследования, необходимо разрешение командования.

Греттир отослал его. Ван Вурден ушел. Однако было не похоже, чтобы он сильно рассердился. Греттиру показалось, что он почувствовал тайное облегчение, выслушав решение капитана. Ван Вурден спорил ради успокоения своей совести ученого. Но, как любому человеку, ему, наверное, очень хотелось вернуться «домой».

5

Закончив предписанный ему маневр, «Слейпнир» оказался на той же орбите, что и вселенная, в двадцати километрах перед ней и развернувшись к ней носом. Поскольку силы притяжения между кораблем и сферой не действовали, на то, чтобы держаться на орбите, «Слейпнир» тратил энергию; постоянно требовалась слабая боковая тяга.

Греттир велел тормозить. Сфера на звездном экране увеличилась, и скоро ее серая поверхность заняла его целиком. Со стороны не было заметно, что шар вращается, но радар определил, что каждые 33 секунды он совершает оборот вокруг своей оси.

Греттиру не хотелось думать о том, что это означает. Ван Вурден, без сомнения, тоже получил эту информацию, но не считал нужным довести свои соображения до сведения капитана. Похоже, он, как и Греттир, считал, что чем меньше об этом думаешь, тем лучше.

Сближение корабля и сферы можно было наблюдать на модельном экране — они были представлены в виде силуэтов, по которым можно было судить об их относительных размерах. «Слейпнир» там был похож на зубочистку, которая хочет проткнуть баскетбольный мяч. Греттир надеялся, что теперь корабль достаточно мал для того, чтобы галактики больше не залетали внутрь. Сразу после того как судно проникнет сквозь «оболочку», придется снова тормозить, чтобы уменьшиться еще больше. Между «оболочкой» и ближайшей к ней звездной системой должно быть порядочное расстояние.

— Вперед — сказал Греттир, глядя на экран, где отсчитывались метры расстояния между кораблем и шаром. Он снова невольно напрягся.

Раздался грохот, кто-то застонал. Палуба встала дыбом, потом накренилась влево. Греттира швырнуло на палубу и покатило, а потом бросило на переборку. Удар ошеломил его. На мгновение он потерял сознание, а когда опомнился, на корабле снова было все в порядке. Гомес вернул его обратно в «устойчивое» положение. У него была привычка пристегиваться к штурманскому креслу, хотя по правилам без соответствующего распоряжения капитана это было необязательно.

Греттир сделал запрос о повреждениях и, пока ждал ответа, соединился с Ван Вурденем. На лбу физика кровоточил порез.

— Очевидно, — сказал он, — для того чтобы преодолеть наружный слой, или энергетический щит — то, что окружает вселенную, необходимо некоторое усилие. Нашего усилия оказалось недостаточно. Так что...

— Это проблема, — сказал Греттир. — Если мы приближаемся достаточно быстро, чтобы прорвать «оболочку», мы становимся слишком большими и можем уничтожить целые галактики. Ну а если двигаться слишком медленно, мы не можем попасть внутрь. Он помолчал, потом добавил: — Мне приходит на ум только одно решение. Но я не знаю, к чему это приведет, а последствия могут быть катастрофическими. Не для нас — для вселенной. Я не уверен, стоит ли даже пробовать.

Он молчал так долго, что Ван Вурден не смог сдержать нетерпения.

— Ну?

— Как вы думаете, если бы мы сделали отверстие в оболочке, этот разрыв вызвал бы что-то вроде коллапса или нарушения устройства космоса?

— Вы хотите прожечь дыру в оболочке? — медленно проговорил Ван Вурден. Он был бледен, хотя побледнел еще до того, как Греттир задал ему этот вопрос. Капитан подумал, что чувство «оторванности» могло уже наложить на его сознание свой отпечаток.

— Ладно, не берите в голову, — сказал Греттир. — Я не должен был задавать вам этот вопрос. Вы знаете о том, что может произойти, не больше, чем любой другой. Простите. Я, должно быть, неосознанно пытался переложить на вас часть ответственности за то, что может произойти. Забудьте об этом.

Ван Вурден бессмысленно смотрел на него, пока Греттир не выключил изображение. Шагая назад и вперед, он наступил на маленький почерневший шарик, лежавший на палубе, и лицо

его скривилось, когда он увидел, что раздавил его. Миллионы звезд, миллиарды планет, триллионы живых существ. И вот все это холодно и мертво. А что будет, если он еще раз попробует вернуться в родной космос? Погибнет вся вселенная?

Греттир перестал шагать и громко сказал:

— Мы прошли через оболочку дважды, не повредив ее. Значит, надо попробовать лазер!

Никто ему не ответил, но на лицах у всех было написано облегчение. Через пятнадцать минут «Слейпнир» снова очутился перед самой сферой и повернулся к ней носом. Несколько минут корабль не изменял скорость, сохраняя дистанцию между собой и сферой, и за это время с помощью лазерного луча было измерено точное расстояние от конца пушечного ствола до поверхности шара.

Абдул Уайт Игил, командир артиллерийского взвода, привел в боевую готовность одно из носовых орудий. Перед тем как отдать следующий приказ, Греттир помедлил всего несколько секунд. Он сжал зубы так, что почти перекусил сигару надвое, негромко вздохнул и произнес:

— Огонь!

Дарл передала его команду. Луч сверкнул, коснулся оболочки и пропал.

На звездном экране было видно черное отверстие на серой поверхности сферы, в области ее экватора. Отверстие перемещалось и вскоре исчезло из поля зрения, оказавшись с невидимой стороны сферы. Ровно через 33 секунды оно вернулось в исходное положение. Отверстие сжималось. Спустя четыре оборота сферы оно само собой затянулось.

Греттир вздохнул и вытер пот со лба. Дарл доложила, что после первого оборота сферы отверстие остается достаточно большим для того, чтобы корабль мог им воспользоваться. После этого оно становится уже слишком узким.

— Мы войдем туда в начале второго оборота, — сказал Греттир. — Управление кораблем передайте бортовому компьютеру; пушку тоже подключите к нему. Все должно быть нормально. Если отверстие станет сжиматься слишком быстро, мы расширим его с помощью пушки.

Он услышал голос Дарл:

— Начинаем маневр, сэр!

Гомес в это время отдавал распоряжение компьютеру. Из пушки вырвался конический белый луч, хлестнул по «защитному слою», или «оболочке», и исчез. Черный круг с диаметром, в три раза большим, чем у корабля, возник на экране и пополз в сторону. Бортовой компьютер тут же включил тягу. Сфера надвинулась, как серая стена, заполнив собой весь звездный экран. Потом показался край отверстия, и экран стал черным.

— Должно получиться, — думал Греттир. — Компьютер не делает ошибок.

Он осмотрелся. Люди на мостике были сейчас пристегнуты к креслам. Большинство лиц было бесстрастно — они были храбрыми и дисциплинированными космонавтами. Но он знал по себе, что, должно быть, — нет, наверняка, — они сдерживаются, чтобы не кричать от страха и боли. Они больше не смогут вытерпеть свою тоску по дому. И когда они пройдут внутрь, вернуться в родное лоно, он разрешит им на время забыть о военной дисциплине. Они будут смеяться и плакать, громко кричать. И он тоже.

Нос «Слейпнира» вошел в отверстие. Так: теперь, если что-нибудь случится, носовую пушку использовать уже не придется. Но не может же...

Завыла сирена. Раздался крик Дарл:

— О Господи! Не получается! Дыра сжимается слишком быстро!

— Удвоить скорость! Нет! В два раза уменьшить! — заорал Греттир.

Ускорить движение вперед означало сделать «Слейпнир» еще больше; при этом он сжимался по продольной оси, но расширялся в поперечнике. В этом случае корабль прошел бы через дыру быстрее, но зазор между краями отверстия и корпусом должен был уменьшиться.

Уменьшение скорости, в свою очередь, хотя и сделало бы корабль меньше, увеличило бы расстояние, которое надо было преодолеть. А это значило, что края дыры все равно могут сомкнуться вокруг корабля.

По правде говоря, Греттир не знал, какие приказы нужно отдавать в такой ситуации и можно ли вообще предпринять что-то такое, что позволит уйти от опасности. Ему оставалось полагаться лишь на интуицию.

По периметру звездного экрана вновь выползла серая завеса. По всему кораблю стал слышен зловеющий скрежет мнущегося пластика, задрожали переборки и палуба; людей по инерции бросило вперед, но затем почти мгновенно перестроившееся внутреннее гравитационное поле компенсировало внешние воздействия.

На мостике раздалась вопли. Греттир заставил себя не кричать. Он посмотрел на звездный экран. Они опять были снаружи. По экрану быстро двигалась большая сфера. Малая была в углу, а рядом мелькнула огромная иссиние-черная ступня. Еще что-то серое. Вдалеке пронеслись другие большие сферы. Снова планета. Вот и спутник. А вот рука Донны Веллингтон, похожая на уродливого космического спрута.

Когда Греттир снова увидел труп, он уже знал, что корабль оторвался от сферы и направляется к телу. Однако он не ждал столкновения. Орбитальная скорость мертвой женщины была больше, чем у спутника или «Слейпнира».

Сделав запрос о повреждениях, Греттир услышал то, что и ожидал. Кораблю оторвало нос. Вместе с 45 членами экипажа, которые там остались, носовая часть теперь находилась внутри «вселенной» и летела по направлению к дому, достичь которого ей не суждено. Разумеется, все отверстия, которые вели в потерянные отсеки, были автоматически задраены во избежание утечки воздуха.

Однако дюзы обратной тяги тоже оказались отрезанными. Теперь «Слейпнир» мог двигаться только вперед: чтобы затормозить, ему надо было развернуться кормой по направлению движения.

6

Греттир распорядился сначала сделать корабль управляемым, а потом развернуть его. МакКул доложил из машинного отделения, что никакие маневры на данный момент невозможны. Столкновение и потеря передних отсеков вызвали неполадки в цепях управления. Он не знал, что было не так, но электронный сканер уже занялся поиском повреждений. Вскоре он связался с мостиком снова и доложил, что это устройство тоже неисправно и аварийный монтаж придется выполнять его людям, пока не починят сканер.

МакКул был встревожен. Он не мог понять причины аварии, так как теоретически ничего такого не должно было произойти. Даже удар и потеря носовой части не должны были вызвать нарушений в цепях управления.

Греттир попросил его сделать все, что было можно. В это время корабль, кувыряясь, явно шел на сближение с громадным трупом. Снова происходили какие-то необъяснимые энергетические, пространственные и кинетические взаимодействия, в результате которых «Слейпниру» грозило столкновение с миссис Веллингтон.

Греттир отстегнул ремень и зашагал взад и вперед по мостику. Хотя корабль и кувыркался, благодаря внутреннему g-полю экипаж этого не чувствовал. Если не смотреть на звездный экран, казалось, что судно идет устойчиво и ровно.

Греттир попросил вычислить, когда произойдет столкновение и о какую часть тела ударится «Слейпнир». Его интересовало, в какое место попадет корабль — в твердое или в мягкое. Это было важно не из-за того, что корабль мог получить повреждения, а потому, что в зависимости от этого менялся угол

отражения. Если управление восстановят до встречи с телом или сразу после нее, Греттиру надо будет решить, что предпринять.

Ванг ответил, что он уже запросил бортовой компьютер о месте падения, при условии, что параметры траекторий не изменятся. Пока он говорил, из специального паза успела вылезти карточка. Ванг прочел ее и передал Греттиру.

— Не будь мы в таком положении, я бы посмеялся. Выходит, мы возвращаемся — в буквальном смысле — в лоно.

В карточке говорилось еще и о том, что чем ближе корабль к Донне Веллингтон, тем меньше его скорость. Более того, относительный размер корабля, как показывал радар, уменьшался прямо пропорционально расстоянию до тела.

— По-моему, мы попали в сферу притяжения этого... этой женщины, как будто она — планета, у которой появился спутник, — сказал Гомес. — То есть мы. Конечно, сила гравитации или взаимопритяжения разных зарядов здесь не действуют. Однако...

— Однако тут действуют иные факторы, — закончил за него Греттир. — Возможно, это энергетические соотношения, которые в этом «пространстве» заменяют тяготение.

«Слейпнир» был уже так близко, что тело полностью заполняло собой экран, когда корабль поворачивался к нему передней частью. Сначала показалась огромная голова. Налитые кровью выпуклые глаза смотрели прямо на них. Нос скользил мимо них, как Бробдиньягская гильотина*; рот изгибался в плотоядной ухмылке, как будто ждал момента, чтобы их проглотить. Потом шея, диоритовая колонна, с которой эрозия удалила более мягкую породу; впадина между почерневшими грудями, огромными, как Гималайские горы; пупок, похожий на эпицентр тайфуна.

Потом она исчезла из виду, а по экрану закружились большая сфера, ее спутник и далекие исполины в серых саванах.

Греттир включил систему оповещения, чтобы сообщить членам команды, которые не присутствовали на мостике, о том, что происходит.

— Как только МакКул обнаружит, где произошла авария, мы повернем назад. У нас еще хватит энергии, чтобы проложить себе путь сквозь сотню таких трупов. Все в порядке. Это лишь вопрос времени.

Бодрость в его голосе была наигранной, хотя то, что он им сказал, было правдой. Он не ждал от них одобрения или поощрения. Они сейчас, как и он сам, наверное, не способны ни

* От названия вымышленной страны в «Путешествии Гулливера». (Примеч. пер.).

на какие чувства. Их разум, их нервная система были заторможены.

Из прорези в переборке появилась еще одна карточка с поправкой к информации о месте падения. Из-за того, что размеры судна продолжали уменьшаться, оно должно было ударить тело почти точно в пупок. Спустя минуту вылезла очередная карточка с сообщением, что предполагаемое место удара передвинулось к копчику. Третья карточка сместила это место к макушке. Четвертая — на переднюю часть голени правой ноги.

Греттир снова связался с Ван Вурденем. Лицо физика появилось на наручном экране и на вспомогательном экране, встроенном в переборку. Там изображение давалось крупным планом, и было видно, что Ван Вурден смотрит поверх наручных индикаторов на стенной экран у себя в каюте. Там было выведено последнее сообщение о предполагаемом месте падения, набранное большими горящими буквами.

— Похоже на настенную надпись времен царя Валтасара, — сказал Ван Вурден. — А я — пророк Даниил, пришедший на казнь. Итак, мы поразим ее в ногу, *то-то хорошо пощекочем ей голень*. Хе-хе!

Греттир с недоумением уставился на него, а потом отключился. Через несколько мгновений он понял, что Ван Вурден пошутил. Такое легкомыслие в столь ответственный момент его не удивило. Этот физик пытался отвлечься от беспокойства и тревожных мыслей. А может быть, его сознание уже начало разрушаться, поскольку такие выходки были не в его характере. Но сейчас Греттир ничем не мог ему помочь.

Приближаясь к труп, «Слейпнир» продолжал уменьшаться. Однако сокращение размеров происходило неравномерно, и его законы были неясны. Оно происходило ступенчато: продолжалось в течение двадцати—тридцати секунд, а потом прерывалось, причем интервалы между «ступеньками» были нерегулярными. Вскоре из прорези вышла 300-я карточка, и стало ясно, что, если не появится каких-нибудь новых воздействий, «Слейпнир» провалится в зияющий рот. Когда голова пойдет «вниз», корабль проскользнет в широкую щель между губами.

Так и получилось. На звездном экране появилась нижняя губа — огромная гряда, пересеченная складками гор и морщинами ущелий. Мимо пролетали ошметки темно-красной губной помады «Гавайи». Зубы один за другим уходили в даль, как ряды небоскребов.

«Слейпнир» медленно погружался в темноту. Стены щек уходили вдаль и вверх. Кромешная чернота сгущалась вокруг него. Только когда при очередном кувырке корабль поворачивался передней частью «вверх», на звездном экране становился

виден клочок серого «неба». Но скоро и он стал серой полоской, потом превратился в тонкую нить и совсем пропал.

Как ни странно — хотя почему бы и нет, — члены экипажа перестали ощущать чувство оторванности. У Греттира исчезла тяжесть в желудке; отвратительное ощущение самораспада прекратилось. Как будто что-то давило ему на живот, а теперь отпустило. Рабб, психолог, сообщил, что он произвел обследование каждого пятидесятого члена экипажа, и все они испытывали то же самое.

И все-таки, хотя теперь и стало одной бедой меньше, до полного избавления было еще очень далеко. С тех пор как неуправляемый корабль оторвался от спутника и полетел по направлению к труп, температура продолжала медленно повышаться. Система перераспределения энергии с помощью кондиционеров пока поддерживала внутри 80 градусов по Фаренгейту. Однако температура обшивки росла в геометрической прогрессии и сейчас составляла уже 2 500 К. Пока можно было не опасаться, что она расплавится — обшивка могла выдержать до 56 000 К. Кондиционирование требовало все больше энергии, и через полчаса по бортовому времени Греттиру пришлось позволить температуре внутри подняться до 98,2, чтобы уменьшить нагрузку. Греттир приказал экипажу облачиться в скафандры с индивидуальной терморегуляцией. Сразу после этого МакКул сообщил, что установил причину неполадок.

— Это все старуха Веллингтон! — прокричал он. — Ну она нам и удружила! Вставила в цепь микропереключатель; он был снабжен часовым устройством, чтобы отключение произошло только через определенное время. То, что управление вышло из строя сразу после нашей неудавшейся попытки вернуться в свой мир, — просто случайность!

7

— Значит, она хотела удостовериться, что мы потерпим крушение и в том случае, если ее деятельность в машинном отделении окончится неудачей, — сказал Греттир. — Тебе надо бы посмотреть, нет ли там других микропереключателей или чего-нибудь в этом роде.

Лицо МакКула вытянулось.

— Теперь управление в порядке, только вот... дьявол! У нас сейчас нет лишней энергии — все, что есть, мы тратим на борьбу с перегревом. Запаса энергии хватит только на то, чтобы больше не кувыряться. Но это все, что можно сделать.

— Ладно, посмотрим, — сказал Греттир. Он связался с Ван Вурденом, который, похоже, уже оправился. Он подтвердил соображения капитана о том, почему повышается температура.

Выделение теплоты было вызвано резким уменьшением размеров корабля.

— Каким образом происходит это сжатие? — спросил Греттир. — Что, атомы, из которых состоит корабль и наши тела, сближаются друг с другом? Если так, что будет, когда они сойдутся совсем близко?

— Эту стадию мы уже прошли, — сказал Ван Вурден. — Я бы сказал, что наши атомы тоже уменьшаются.

— Но это невозможно, — возразил Греттир. Потом он поправился: — Не обращайтесь внимания, у меня вырвалось. Кто знает, что возможно, а что нет? Здесь все возможно.

Греттир отключился и зашагал взад и вперед, жалея, что нельзя закурить. Ему хотелось поговорить о том, что ждет «Слейпнир», если получится прорваться обратно в родную Вселенную. Греттир подумал, что Вселенная могла измениться настолько, что никто из них, находящихся теперь на борту корабля, ее не узнает. Каждый раз, когда малая сфера — то есть вселенная — совершала оборот вокруг своей оси, возможно, проходили триллионы, а то и квадриллионы земных лет. Может быть, земное солнце уже превратилось в остывший сгусток материи, затерявшийся в космосе, или совсем исчезло. А люди, выжившие на других планетах, могли стать совсем непохожими на *Homo sapiens*.

Кроме того, покидая свою Вселенную, «Слейпнир» обладал массой, настолько огромной по сравнению с другими космическими телами, что мог оказать на них катастрофическое воздействие.

А может быть, ничего такого и не было. Возможно, время внутри сферы шло совершенно независимо от времени вне ее. Это предположение не было таким уж невероятным. Боже Всемогущий! Ведь меньше семидесяти минут назад эта Донна Веллингтон была в корабле. А теперь корабль был в Донне Веллингтон.

А если электроны и ядра атомов, из которых состоит корабль и его экипаж, придут в соприкосновение, что тогда? Взрыв?

Или элементарные частицы можно разложить на элементы низшего порядка и они могут сжиматься до бесконечности? Он вспомнил сочинения писателей XX века, в которых герой уменьшался до тех пор, пока молекулы не становились гроздьями солнц, атомные ядра — солнцами, а электроны — планетами. И, уж конечно, этот человек оказывался на планете-электроне, где была атмосфера, моря, реки, горы, долины, деревья, животные и разумные аборигены.

Все это были только фантазии. Вещество атома состояло из волночастиц — субстанции, обладающей свойствами и волны, и частицы одновременно. Наш псевдогомункулус попал бы в мир, столь же неведомый, как тот, с которым столкнулся экипаж «Слейпнира», вырвавшись во внеселенское пространство.

Только вот обо всех этих фантазиях, пронесившихся в его голове, быстрых, словно настоящий *Слейпнир*, восьминогий конь Прародителя Одина, в которого верили предки Греттира, придется забыть. Ведь Донна Веллингтон — не женская ипостась великана Имира, первого человека, из мертвого тела которого возник мир: из черепа — небесный свод, из крови — море, из плоти — земля, из костей — горы.

Нет, все проще: от сжатия им будет становиться все жарче, пока они не сварятся заживо в своих скафандрах. А что произойдет после — безразлично, все равно они этого не увидят.

— Капитан!

На вспомогательном экране появилось лицо МакКула на фоне двигателей.

— Через минуту можем трогаться.

Греттир видел его лицо смутно: глаза заливал пот, мешаясь со слезами.

— Так и сделаем, — сказал Греттир.

Четыре минуты спустя корабль перестал кувыркаться, повернулся носом вверх и взял курс наружу. Температура внутри его стала падать на один градус Фаренгейта каждые полминуты. В полной темноте забрезжила тонкая серая полоска. Потом полоска расширилась, стала лентой, и, наконец, показались два огромных гребня, один из которых был под ними, а другой нависал сверху.

— На этот раз, — сказал Греттир, — мы проделаем дырку с запасом.

Когда Слейпнир пролетал между губами, на мостике появился Ван Вурден. Греттир сказал:

— Второй раз отверстие затянулось быстрее, чем в первый. Поэтому нам и отрезало нос. Мы не учли, что чем больше отверстие, тем быстрее оно закрывается.

— Да уже прошло сто миллионов лет и даже больше! — сказал Ван Вурден. — К чему нам беспокоиться о том, чтобы вернуться домой, если нашего дома давно нет?

— Возможно, прошло и не так уж много времени, — ответил Греттир. — Вы помните классическое изречение Минковского? *Пространство вне времени, как и время вне пространства, всегда останется тенью, ибо по-настоящему существует только их единство.*

Эти слова относятся к миру внутри сферы, к нашему миру. Возможно, *вне ее* союз пространства и времени нарушился, их единство распалось. Может быть, в нашем мире время остановилось или его прошло совсем немного.'

— Вполне возможно, — сказал Ван Вурден. — Но вы, капитан, не учли кое-чего еще. Если наш мир и не был попорчен временем, пока нас не было, то мы-то были. На нас теперь клеймо вневремени и внепространства. Я не верю, что во вселенной остались старые причинные связи, явления, тот же миропорядок. Я не смогу избавиться от подозрительности и тревоги. Я теперь — потерянный человек.

Греттир открыл было рот, чтобы ответить, но не услышал собственного голоса. Мужчины и женщины на мостике и плакали, всхлипывая, и громко смеялись. Скоро этот прорыв *вовне* станет для них кошмаром, о котором лучше и не вспоминать. А если здесь их ожидают новые кошмары, они, по крайней мере, будут знакомыми.

ЧАША БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗЕМЛЯ

1

Больше не было ни давления, ни боли.

У смерти широкий таз, — подумал он уже гораздо позже, когда у него появилось время для размышлений.

Сейчас он кричал.

Ему показалось, что его подняли со смертного ложа и перебросили через край чаши, большей, чем Земля, которую он видел из космической капсулы. Он приземлился на четвереньки и растянулся недалеко от края, на пологом склоне. Он не поцарапал ни рук, ни коленей — так мягко упал — и стал плавно скользить дальше вниз по огромной горке. Поверхность, по которой он катился все быстрее, не чувствуя никакого трения, была очень похожа на латунную. Хотя сейчас он об этом не думал — он был напуган и пытался осознать, что происходит, — но потом узнал, что эта латуноподобная штука оказывает сопротивление при движении даже меньшее, чем замороженное масло. К тому же эта латунная поверхность — или что-то в этом роде — не имела швов.

Остановка предполагалась только в центре. Там, далеко внизу, стенка чаши круто загибалась кверху.

Он скользил по гигантскому скату все быстрее и быстрее. Попытался приподняться на руках и коленях, но, изогнувшись, чтобы посмотреть вперед, только переместил центр тяжести. Он кувырнулся на бок. Подвывая, он перевернулся и попытался вцепиться в поверхность ногтями. Бесполезно. Сцепления не было — он продолжал катиться. Кувыркаясь, он увидел то место, откуда его толкнули. Ему был виден только край чаши и ясное голубое небо над ним.

Над головой светило солнце, совсем такое же, как на Земле.

Оказавшись на спине, он преуспел в своих попытках перестать кувыркаться. Ему удалось также увидеть собственное

A Bowl Bigger Than Earth

Copyright © 1967 by Philip Jose Farmer

тело. Он снова заорал; первоначальный испуг прошел, но ему на смену — или вдобавок к нему — появился ужас от того, что он оказался в бесполом теле. Оно было гладким. Без всяких отростков. Безволосым. На ногах волос тоже не было. Без пупка. Кожа темно-коричневая, как у апачей. Ощупывая лицо и голову, Морфикс все кричал и кричал. Потом он заголосил еще громче. Это было не его лицо (не было выступавших надбровных валиков и сломанного носа), а голова была гладкой, как яйцо.

Он потерял сознание.

Позже — хотя вряд ли прошло много времени — он пришел в чувство. Над ним было яркое солнце, а под ним — холодная скользкая поверхность.

Повернув голову набок, он увидел все ту же латунь; было незаметно, что он движется, потому что кругом не было никаких ориентиров. На мгновение ему показалось, что он уже находится в конце спуска. Однако, приподняв голову, он увидел, что дно чаши приблизилось и мчится прямо на него. Сердце прыгало в груди так, будто сейчас оно разорвется и он умрет во второй раз. Но этого не произошло. Кровь так шумела в ушах, что заглушала свист ветра.

Он откинул голову и зажмурил глаза от солнца. Никогда в жизни (или в жизнях?) он не чувствовал себя таким беспомощным. А он был беспомощнее новорожденного младенца, который все-таки не знает, что он беспомощен, не умеет думать и о котором позаботятся, если он закричит.

Он вот кричал, но никто не прибежал к нему на помощь. Он скользил все дальше вниз, медно-желтая поверхность убежала назад по сторонам от него, а спине совсем не было горячо, хотя, казалось бы, уже давно должна была сгореть не только кожа, но и мускулы.

Наклон стал более пологим, сходил на нет. Морфикс пересек горизонтальный участок, но так быстро, что не успел оценить его ширину.

Ровная поверхность загибалась кверху. Он почувствовал, что стал скользить медленнее; по крайней мере он на это надеялся. Если он не сбавит скорости, он взлетит вверх и пролетит над центром чаши.

Вот и он! Край!

Он набрал скорость как раз достаточную, чтобы взлететь футов на семь над краем. Потом, уже падая, он мельком увидел латунный город за спинами людей, собравшихся на берегу реки, но город тут же пропал из виду, а прямо под ним оказалась зеленая вода, к которой он стремительно приближался. Он замычал от отчаяния и замолотил руками и ногами, пытаясь выровняться. Напрасно. Морфикс ударился о поверхность

левым боком и, наполовину оглушенный, погрузился в холодную темную воду.

Всплыв на поверхность, он снова обрел способность чувствовать. Ему оставалось только одно. Перед ним возвышалась латунная стена высотой по меньшей мере тридцать футов. Надо было плыть к берегу, до которого было около ста ярдов. А что, если он не доплывет? Может быть, лучше утонуть, чем встретиться с этими незнакомцами на берегу?

Его сомнения разрешило появление лодки. В плоскодонной латунной посудине сидел человек (человек ли?) с коричневой кожей и греб латунными веслами. На носу стояло другое существо, похожее на гребца (похожее? скорее точно такое же) с длинным латунным багром в руках.

Человекоподобное существо на носу крикнуло:

— Цепляйся за борт, я тебя втащу!

Морфикс выругался и поплыл к берегу.

— Эй, нарушитель! У нас здесь не совершают антиобщественных поступков, гражданин! — закричал парень с багром.

При этом он изо всей силы ударил его толстым концом багра. Вот когда Морфикс понял, что он почти неуязвим. Багор, даже если он был полым и состоял из материала, легкого, как алюминий, должен был его оглушить и повредить кожу на голове. Но удар произвел гораздо меньший эффект, чем падение в реку.

— Полезай в лодку, — сказал человек с багром. — *Иначе ты никому здесь не понравишься.*

2

Эта угроза испугала Морфикса. Забравшись в лодку, он уселся на банку перед гребцом и стал разглядывать обоих незнакомцев. Да, они, без сомнения, были близнецами. Такого же роста (теперь оба сидели), как и он сам. Безволосые, если не считать длинных загнутых ресниц. Одинаковые черты лица. Высокий лоб. Безволосые дуги бровей. Прямые носы. Полные губы. Выдающиеся подбородки. Правильные, тонкие, почти классические лица, одновременно похожие и на мужские, и на женские. Глаза имели тот же темно-коричневый оттенок. Кожа была очень загорелой. Тела были стройными и почти человеческими, если не считать непривычного отсутствия половых признаков, пупка и сосков на груди.

— Куда я попал? — спросил Морфикс. — В четвертое измерение?

Он читал об этом в Воскресном приложении и некоторых более легких изданиях.

— Или к чертям в пекло? — добавил он. Этот вопрос он задал бы первым делом, если бы был в человеческом теле. Ибо

все происходящее не оставляло надежды на то, что он на небесах.

Последовал легкий удар багром по губам, и Морфикс подумал, что либо человек с багром умерил свои силы, либо его новая плоть менее чувствительна, чем земная. Скорее всего последнее. Он почувствовал, что его губы онемели, как будто дантист вколол ему новокоина перед тем, как выдрать зуб. Да и его тощие ягодицы не ощущали жесткой латунной скамьи.

Более того, все зубы были на месте. Не чувствовалось ни пломб, ни коронок.

— Не говори *этого* слова, — сказал человек с багром. — Оно не хорошее, и то, что ты сказал, — неправда. Покровители его не любят и примут меры, эффективные на сто процентов, чтобы наказать всякого, кто виновен в оскорблении таким способом общественной нравственности.

— Ты говоришь о слове, которое начинается на букву «ч»? — осторожно спросил Морфикс.

— Быстро соображаешь, гражданин.

— Как называется это... место?

— Дом. Просто дом. Я хотел бы представиться. Я — один из уполномоченных встречать. У меня нет имени; здесь ни у кого нет имен. Все — просто добрые граждане. И то, что я встречающий, не дает мне никаких преимуществ по сравнению с тобой, гражданин. У меня такая работа, только и всего. У нас все работают, и все профессии одинаково важны. У нас все равны, гражданин. Поэтому нет причин завидовать друг другу и ссориться.

— У вас нет имен?

— Забудь об этой ерунде. Если у тебя есть имя, значит, ты хочешь выделиться. Разве было бы хорошо, если бы кто-то считал, что он лучше, чем ты, потому что у него имя, которое много значило Известно-Где, а? Конечно, нет.

— Я здесь... надолго?

— Кто знает?

— Навсегда? — уныло спросил Морфикс.

Он снова получил багром по губам. Его голова откинулась назад, но сильной боли не было.

— Думай только о настоящем, гражданин. Только оно и существует. Прошлого не существует; будущего тоже еще нет. Существует только настоящее.

— Как нет будущего?

Снова легкий удар багром.

— Забудь это слово. Мы им пользуемся на реке, пока воспитываем новоприбывших. А как только приплывем к бе-

регу, больше его не употребляем. Мы здесь — люди практичные. Мы не потворствуем фантазиям.

— Я понял, — сказал Морфикс. Он подавил желание вцепиться в горло человека с багром. Лучше подождать, пока он разберется в местных обычаях и узнает, что можно делать, а чего нельзя.

— Подходим к берегу, гражданин, — сказал гребец.

Морфикс заметил, что у обоих совершенно одинаковые голоса, и подумал, что и у него должен быть такой же. Но, к его тайному удовольствию, для него самого его голос звучал иначе; хоть это давало ему силы внутренне сопротивляться подобравшим его ублюдкам.

Лодка ткнулась в берег, и Морфикс вслед за своими спутниками вылез на песок. Он быстро оглянулся и увидел, что выше и ниже по реке было много других лодок. То тут, то там над краем латунного обрыва взлетали, а потом падали в воду, как он сам несколько минут назад, тела людей.

За краем обрыва уходил вверх латунный склон, по которому он скатился. Этот склон простирался так далеко, что фигур людей, которые, без сомнения, стояли на его краю, как раньше он сам, и которых сзади толкали вниз, не было видно. До этого края было по меньшей мере пять миль — пять миль, которые он проехал на спине.

«Колоссальная постройка», — подумал он.

По другую сторону от латунного города возвышался другой склон. Теперь он понял, что ошибался, думая, будто город находится в середине чашеобразной долины. Насколько он мог судить теперь, река, город, обрывы и склоны тянулись бесконечно. Он предположил, что по другую сторону города была другая река.

Город напомнил ему пригородный район, в котором он жил на Земле. Ряды за рядами прямоугольных латунных домов, похожих друг на друга, как капли воды, были разделены просторными — в двадцать футов шириной — улицами. Каждый дом был квадратом со стороной примерно двенадцать футов. У всех была плоская крыша и двери спереди и сзади, а окна прозрачной полосой опоясывали дома по периметру. Дворов не было. Каждый дом отстоял от соседнего на два фута.

От толпы на берегу отделилось существо. Оно отличалось от остальных только тем, что на предплечье правой руки у него был обод из какого-то темного металла.

— Дежурный инспектор, — сказала оно голосом, точно таким же, как у тех двоих, что были в лодке. — Придет и твой черед занять эту должность. У нас нет привилегий.

Теперь Морфикс понял, что в голосах все-таки могут звучать индивидуальные нотки, по которым их можно различать. Даже если у всех одинаковая гортань, идентичные голосовые связки и носовые пазухи, все равно у каждого свои излюбленные интонации, каждый сам выбирает слова и модулирует тембр голоса. И потом, несмотря на одинаковые тела и ноги, у каждого должны быть свои особые жесты и походка.

— Есть ли жалобы на то, как с вами обращались? — спросил Д. И.

— Есть, — сказал Морфикс. — Этот сопляк три раза ударил меня своим багром.

— Это из любви, — сказал тот, у которого был багор. — Мы стукнули его — кстати, совсем не больно, — чтобы направить на путь истинный. Как отец любя наказывает — извините за выражение — своего ребенка. Или старший брат младшего. Мы же все братья...

— Мы виновны в антиобщественном поведении, — строго сказал Д. И. — Нам очень и очень жаль, но придется доложить об этом случае Покровителям. Поверьте, нам это неприятно...

— Даже больше, чем нам, — вяло закончил тип с багром. — Мы знаем.

— К этому обвинению придется добавить цинизм, — сказал Д. И. — Насколько я знаю Покровителей, это тянет на высшую меру. На несколько месяцев. Ну а если провинность повторится...

Д. И. пригласил Морфикса пройти вместе с ним и по пути стал его инструктировать. Дорога была покрыта каким-то бледно-фиолетовым веществом, напоминающим резину, которое казалось босым ногам едва теплым, хотя нещадно палило солнце. Морфиксу предоставят собственный дом. Там он будет хозяином-барином и может делать все, что пожелает, если не считать действий, нарушающих нормы общественной нравственности.

— То есть я могу приглашать, кого захочу, а кого не хочу, не пускать?

— Да, вы можете приглашать, кого захотите. Но не выгоняйте тех, кто явится без приглашения. То есть пока они не позволяют себе антиобщественных действий. В последнем случае известите Д. И., а мы дадим знать Покровителю.

— Как же я могу быть хозяином в собственном доме, если ко мне будет приходиться каждый, кто захочет? — спросил Морфикс.

— Гражданину так рассуждать не годится, — сказал Д. И. — Гражданин не должен препятствовать тому, чтобы другой гра-

жданин пришел к нему домой. Если гражданин поступает таким образом, значит, он не любит других граждан, как родных братьев и сестер. А это нехорошо. Надо быть хорошим гражданином, верно?

Морфикс ответил, что он всегда был хорошим парнем, и стал слушать дальше. Проходя мимо места, где большой участок земли, покрытый фиолетовой резиной, нарушал однообразие домов, выстроенных в ряды, он заметил:

— Это похоже на детскую площадку для игр. И качели здесь есть, и карусели, и всякие горки и лесенки. Где же дети? И как...

— Что происходит с детьми, которые прибывают Известно-Откуда, знают только Покровители, — сказал Д. И. — И лучше — да, намного лучше не спрашивать их об этом. По правде говоря, лучше вообще не видеть Покровителей и не разговаривать с ними.

Нет, площадки для игр — это для нашего, граждан, развлечения. Но Покровители подумывают о том, чтобы их снести. Граждане слишком часто ссорятся из-за того, кто будет там играть, вместо того чтобы по-дружески распределить время, например, в порядке очередности смертей. Бывает, они осмеливаются драться друг с другом, хотя драки и запрещены. Иногда они даже калечат друг друга. Мы ведь не хотим, чтобы кому-нибудь было больно, правда?

— Я думаю, нет. А как вы еще развлекаетесь?

— Сначала о главном. Мы не любим использовать никакие личные местоимения, ну, конечно, кроме *мы* и *наш*. *Я*, *они*, *вы* — все это подчеркивает индивидуальность. А о личных различиях лучше забыть, так? В конце концов, мы все — одна большая и счастливая семья, так?

— Конечно, — ответил Морфикс. — Но ведь бывают ситуации, когда гражданину приходится указать на кого-то конкретно. Как мне — нам — указать на чью-то провинность или, скажем, антиобщественное поведение?

— Это не нужно, — сказал Д. И. — Указывать на кого бы то ни было. Например, — извиняемся за выражение, — на себя. Наказывают нас всех, поэтому кто виноват — безразлично.

— То есть мне придется нести наказание за чужое преступление? Но это *несправедливо*!

— Поначалу это может нам казаться несправедливым, — сказал Д. И. — Ну сами посудите. Мы не только любим друг друга, как братья, но и похожи во всем. Если совершено преступление, виноватыми считаются все, потому что все за это в ответе. А когда наказывают всех, то все заинтересованы в том, чтобы предотвратить преступление. Просто, верно ведь? И в то же время справедливо.

— Но вы — то есть мы — сказали, что тот парень с багром будет подвергнут смертной казни. Что же, нас всех казнят?

— Мы совершили не уголовное преступление, а только проступок. Вот если мы повторим его, мы станем преступниками. Нас это глубоко огорчает. Единственно правильное решение — это делить все поровну, верно?

Морфиксу это не понравилось. Ведь это именно он получил в зубы — так почему он, жертва, должен понести наказание вместе с обидчиком?

Однако он промолчал. Известно-Где он многого достиг тем, что держал язык за зубами, когда было нужно. Это срабатывало: все считали его прекрасным малым. Он и *был* прекрасным малым.

Казалось, что в их установлениях было одно упущение. Если доносчик тоже оказывался пострадавшим, зачем было кого-то выдавать? Не умней ли будет не высовываться и наказывать обидчика самому?

— Не делай так, гражданин, — сказал Д. И.

Морфикс только рот открыл.

Улыбнувшись, Д. И. пояснил:

— Нет, мыслей мы не читаем. Но когда новоприбывшие слышат о нашей системе, они все думают одно и то же. Не высовываться — значит навлечь на себя двойное наказание. У Покровителей — а граждане никогда их не видели и не стремятся увидеть — есть средства, чтобы уследить за нами. Они знают, когда мы становимся общественно опасными. Нарушителю, конечно, дается некоторое время на то, чтобы доложить о своем проступке. Ну а потом...

Чтобы не впасть в грех огульного обличения системы, Морфикс стал спрашивать дальше.

Да, его передвижения будут ограничены районом проживания. Если он покинет его, он может оказаться в местах, где не говорят на его языке. Поэтому там он, как иностранец, почувствует свою неполноценность и непохожесть на других. Или, что еще хуже, превосходство. Да и зачем куда-то идти? Все места похожи друг на друга.

Да, он был волен обсуждать с другими любую тему, если это не касается Известно-Где. Разговоры об этом месте ведут к обсуждению — извиняемся за выражение — чьей-то былой индивидуальности или положения. Кроме того, в таком разговоре могут всплыть спорные темы, а это ведет к антиобщественному поведению.

Да, это место в физическом плане устроено не так, как Известно-Где. Солнце здесь, по-видимому, маленькое; некото-

рые яйцеголовые считают, что его диаметр составляет всего милю. Оно обращается вокруг прямоугольника, состоящего из скалов, двух рек и города между ними, и все это висит в космическом пространстве. Были еще какие-то предположения о том, что это место находится внутри некоей карманной вселенной, размеры которой не превышали пятидесяти миль в высоту и двадцати в ширину. Она имела форму кишки, один конец которой был замкнут, а другой открыт в бесконечность — может быть. На этом месте своего рассказа Д. И. предостерег Морфикса от опасности высокоумных рассуждений. Это может расцениваться как проступок или преступление. Во всяком случае, зауми надо избегать. Считать себя умнее других, спрашивать о том, что и так ясно, — это недемократично.

— Об этом не стоит беспокоиться, — сказал Морфикс. — Нет ничего более презренного и отвратительного, чем заумные рассуждения.

— Отличное умение обходить персоналии, — сказал Д. И. — Мы прекрасно поладим.

3

Они вошли в огромное здание, в котором граждане сидели на латунных скамейках за латунными столами, тянувшимися вдоль всего помещения, и ели. Д. И. сказал Морфиксу, что ему тоже надо садиться и есть. После этого он может пойти в свой новый дом, № 12634, предварительно спросив, где он находится. Д. И. ушел, а какой-то гражданин, приговоренный к высшей мере, принес Морфиксу суп в большой латунной миске, маленькую порцию жаркого, хлеб с маслом, салат с чесночной приправой и кувшин с водой. Чашка и столовые приборы были тоже из латуни.

Он хотел было спросить, откуда здесь берется пища, но не успел, потому что гражданин справа от него сообщил ему, что он неправильно держит ложку. После нескольких минут разъяснений и наблюдений Морфикс оказался в состоянии соблюдать правила местного этикета.

— Соблюдение за столом общепринятых правил делает гражданина полноценным членом группы, — сказал наставник. — Есть не так, как все, — это невежливо. А невежливость — один из видов антиобщественного поведения. Понятно?

— Понятно, — ответил Морфикс.

Поев, он спросил гражданина, где ему найти № 12634.

— Мы вам покажем, — ответил гражданин. — Мы живем рядом с этим номером.

Они вместе вышли из зала и направились к центру города. Солнце уже склонилось к горизонту. Он подумал, что время здесь, наверное, идет быстрее — у него было чувство, что он провел на новом месте не больше нескольких часов. Возможно, Покровители устроили так, что местное солнце делало оборот быстрее, и от этого дни были короче.

Когда они подошли к № 12634, провожатый Морфикса первым вошел, откинув занавес на двери, в большую комнату со светящимися стенами. Там была широкая кушетка из фиолетового материала, похожего на резину, несколько стульев, высеченных из цельных кусков того же вещества, и латунный стол в середине комнаты. В одном из углов была отгорожена маленькая комнатка, в перегородке была дверь. На поверку она оказалась туалетом. Кроме обычных предметов гигиены, в туалете был душ, мыло и четыре чашки. Полотенец не было.

— После душа можно выйти наружу и обсушиться на солнышке, — сказал провожатый.

Он не отводил от Морфикса взгляда так долго, что тот начал нервничать. Наконец провожатый сказал:

— Я надеюсь, ты окажешься славным парнем. Как тебя звали на Земле?

— Джон Смит, — ответил Морфикс.

— Врешь и не краснеешь, — сказал провожатый. — Но ведь ты был мужчиной? Мужского пола?

Когда Морфикс кивнул, провожатый сказал:

— Я была девушкой. То есть женщиной. Меня звали Билли.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил Морфикс с подозрением.

Билли подошла к Морфиксу совсем близко и положила руки ему на плечи.

— Послушай, Джонни, малыш, — прошептала она. — Эти ублюдки думают, что всех перехитрили, упрятав нас в эти бесполые тела. Но ты-то в это не верь. Есть и другие способы содрать шкурку с кошки, если ты понял, что я имею в виду.

— Нет, я не понял, — сказал Морфикс.

Билли прижалась еще теснее; ее нос почти коснулся его собственного. Лицо — как отражение в зеркале.

— Внутри ты остался прежним, — сказала Билли. — Это единственная вещь, которую Они не могут изменить, без того чтобы заменить твою личность. Если Они это сделают, Они не смогут наказать именно тебя, верно? Тогда ты просто перестанешь существовать, ведь так? А значит, твое пребывание здесь не будет справедливым воздаянием, правильно?

— Я не совсем понял, — сказал Морфикс. Он отступил назад; Билли шагнула вперед.

— Я хочу сказать, что изнутри мы с тобой все еще мужчина и женщина. Когда Они — кем бы Они ни были — соскоблили с нас наши старые тела, Им все-таки пришлось оставить нам наши мозги и нашу нервную систему, верно? Они приспособили нашу нервную систему к этим телам, переделали кое-какие мелочи, где-то укоротили нервные стволы, где-то их удлиннили, чтобы подогнать их в соответствии с ростом — на Земле-то мы все были разные. А если череп, которым они нас снабдили, оказался слишком велик для наших мозгов, Они, наверное, чем-нибудь заполнили пустое пространство.

— Да, наверное, — сказал Морфикс. Он догадался, что хочет ему предложить Билли, а может быть, только думал, что догадался. Он тяжело задышал; по коже пробежала легкая дрожь, а вверх от живота распространилось приятное тепло.

— Да, — сказала Билли, — мне всегда говорили, что все на самом деле происходит у нас в голове. И это правда. Конечно, все будет настолько, насколько ты сам сможешь захотеть, и может быть, так хорошо, как Известно-Где, здесь не будет. Но это все-таки лучше, чем ничего. И потом, как говорится, хуже-то все равно не будет. Уж хорошо-то будет, просто бывает и лучше, — вот и вся разница.

— Что ты хочешь сказать?

— Только закрой глаза, — промурлыкала Билли, — и представь, что я — женщина. Я расскажу тебе, как я выглядела, как была сложена, а ты думай об этом. А потом ты мне расскажи, как ты выглядел, и ничего не скрывай, здесь нечего стесняться, опиши все до последней детали. И тогда я представлю себе, как мне было бы с тобой.

— Думаешь, у нас получится? — спросил Морфикс.

Билли нежно пропела, закрыв глаза:

— Я знаю точно, детка. С тех пор как я попала сюда, я уже это пробовала.

— Да, но если нас накажут?

Билли приоткрыла глаза и сказала презрительно:

— Все это лажа, Джонни, детка; не верь этому. Да даже если Они тебя и поймают, оно того стоит. Поверь мне, что стоит.

— Если бы я только знал, что могу натянуть Им нос, — сказал Морфикс. — Стоило бы рискнуть только ради этого.

Билли ответила поцелуем. Преодолев отвращение, Морфикс включился в игру. В конце концов, от настоящей женщины Билли отличало сейчас только отсутствие волос на голове.

Они тискали друг друга неистово, почти с отчаянием; старались целоваться враскоряку. Неожиданно Морфикс оттолкнул от себя Билли.

— Это хуже, чем ничего, — задыхаясь, сказал он. — Я думал, я хоть что-нибудь почувствую, а на самом деле — ничего. Бесполезно. Отвратительное ощущение.

Билли опять потянулась к нему.

— Не сдавайся так легко, мой сладкий, — говорила она. — Рим тоже не один день строился. Поверь мне, у тебя получится. Надо только захотеть.

— Нет уж, с меня хватит, — сказал Морфикс. — Может быть, если бы ты хоть немного походила на женщину, а не на мое зеркальное отражение. Вот тогда... да нет, все равно не вышло бы ничего хорошего. Во мне просто не предусмотрено этой функции; да и в тебе тоже. Они знали, где наше больное место.

Билли скривилась; с ее лица исчезли последние следы улыбки.

— Ах, больное место! — взвизгнула она. — Должна тебе сказать, Импотент, что, если у тебя не хватает силенок на то, чтобы быть мужчиной со мной, ты можешь реализовать себя, только причиняя кому-нибудь боль! Это почти все, что тебе осталось!

— Что ты имеешь в виду? — не понял Морфикс.

Билли долго и громко смеялась. Справившись с приступом хохота, она сказала:

— Знаешь, в том, что с виду все одинаковы, есть свои преимущества. Никто ведь не знает, кто ты на самом деле. И каким ты был на Земле. Ладно, скажу тебе правду: я был мужчиной!

Морфикс не смог выговорить ни слова. Его кулаки сжались. Он стал наступать на Билли.

Но так ее... или его? — и не ударил.

Вместо этого он сказал, улыбаясь:

— Мне тоже надо кое-что тебе сказать. По-настоящему меня зовут Жуанита.

Билли побледнела, потом стала красной.

— Ты... ах ты...

Следующие несколько дней Морфикс по четыре часа каждое утро работал на строительстве новых домов. Работа была нетрудной. Стены и панели для крыш привозили на латунных повозках, в которые были впряжены граждане. Под руководством прораба рабочие возводили стены, укрепляя их нижнюю часть на латунном основании города при помощи быстросохнущего клея, а потом скрепляли стены между собой, намазывая клеем фиолетовые полосы по углам панелей.

В один прекрасный день, когда он уже успел набраться опыта, пришел его черед быть прорабом. В тот день он спросил

одного гражданина, откуда берется материал для строительства домов, резина и клей.

— И где растет то, из чего делают пищу?

Гражданин оглянулся кругом, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

— По-видимому, необработанные листы латуни и резина происходят из слепого конца этой вселенной, — сказал он. — Все это непрерывно воспроизводится, вытекает, как лава из вулкана.

— Как такое может быть? — спросил Морфикс.

Гражданин пожал плечами:

— Почему мне знать? В одной из онтологических теорий Известно-Откуда, если ты помнишь, предполагается, что материя непрерывно создается из ничего. Ну вот, значит, из ничего может получиться, например, водород. А латунно-резиновая лава чем хуже?

— Но в латуни и резине составные части или элементы упорядочены!

— И что с того? Они расположены в соответствии с законами этой вселенной.

— А как же пища?

— Ее привозят на специальном лифте снизу. Там, гражданин, живут крестьяне, которые выращивают хлеб и разводят некоторые породы скота и птицу.

— Вот это здорово! — сказал Морфикс. — А нельзя ли какнибудь перевестись туда, вниз? Я бы хотел работать на земле. Там, наверное, гораздо интереснее, чем здесь.

— Если бы тебя распределили в крестьяне, ты бы уже давно работал внизу, — ответил ему гражданин. — Нет, ты, братец, горожанин, им и останешься. Ты сам предопределил это своей жизнью Известно-Где.

— У меня были кое-какие обязательства, — сказал Морфикс. — Как ты думаешь, можно ими пренебречь?

— Я уже ни на что не надеюсь, только на то, что в один прекрасный день покину это место.

— Ты думаешь, отсюда можно выбраться? Но как? Как?

— Потише с этим *ты*, — проворчал гражданин. — Ну да, во всяком случае, так говорят. Мы слышали, что кое-кто из нас умирал, хотя никогда не видели трупов. Как бы то ни было, это непростое дело.

— Расскажи мне, как это сделать, — попросил Морфикс. Он схватил гражданина за руку, но тот вырвался от него и поспешно отошел.

Морфикс бросился было за ним, но не смог распознать его среди дюжины других строителей, с которыми тот смешался.

После обеда Морфикс проводил время, катаясь на скейт-борде, играя в бадминтон, плавал, а иногда играл в бридж. Гибкие латунные карты состояли из двух склеенных друг с другом пластинок. Рубашки оставались чистыми, а на другой пластинке были выбиты масть и обозначение карты. Потом, после вечернего приема пищи в общем зале, всегда было собрание жилищного комитета. Они собирались для разрешения споров между жителями близлежащих домов. Их единственным назначением, по мнению Морфикса, было помочь присутствующим убить время и утомить их перед отходом ко сну. После нескольких часов пререканий и словопрений спорщики извещали, что они оба были одинаково не правы. Им надо было простить друг друга, пожать друг другу руки и помириться. На деле там ничего не решалось, и Морфикс был уверен, что спорщики, несмотря на свои торжественные уверения в том, что теперь у них все прекрасно, продолжали кипеть возмущением.

Что Морфиксу показалось особенно интересным, так это общая молитва, — если это так можно назвать, — слова которой Д. И. произносил перед каждым собранием. В ней были намеки на происхождение и оправдание этого места и образа жизни, но слова были слишком обтекаемыми, чтобы удовлетворить его любопытство.

— Восславим Покровителей, даровавших нам эту жизнь. Да будут благословенны свобода, равенство и братство. Восхвалим безопасность, порядок, уверенность в завтрашнем дне. Как страстно желали мы всего этого, о Покровители, как стремились этого достичь, но Известно-Где ничем таким мы не обладали. Теперь все это есть у нас, ибо мы стремились к этому; и вот, мы не миновали этой страны, да воспоем славу ей! Ибо этот космос был уготовлен нам, и когда мы покинули ту зыбкую юдоль, тот ненадежный хаос, нас скроили заново так, чтобы мы смогли протиснуться сквозь стены и преобразиться, вселившись в эти тела — бесполое, безгрешные, как раз по нас. О Всемогушие Покровители, невидимые, но вездесущие, мы знаем, что Известно-Где есть первоначальный космос, фундамент мира, грязный, противоречивый хаос, скрытый под видимостью порядка, насквозь пропитанный злом, но необходимый. Он — лишь яйцо, давшее всему начало, зловонное, но животворное. Теперь, о Покровители, мы навсегда стали тем, о чем мы плакали в той другой вселенной, где не нашли своего счастья...

На этом молитва не кончалась, но остальное было лишь повторением того же самого, хотя и другими словами. Сидя на латунной скамье, Морфикс, задрав голову, поглядывал на купол перекрытия, переходящего в стены и на помост, где стоял Д. И.

Как он понял из слов Д. И., он был обречен на бессмертие и заточен здесь навсегда, — здесь, где каждый день похож на следующий, каждый месяц — почти полное повторение предыдущего, и так год за годом, век за веком.

— О покое просим мы Вас, Незримые Покровители, Чье присутствие чувствуем мы повсюду. О покое! О месте для каждого и о том, чтобы каждый был на своем месте!

Д. И. говорил о «душах» — энергетических субстанциях, очертания которых в точности повторяли контуры человеческого тела Известно-Где. Их нельзя было обнаружить никакими приборами, поэтому многие сомневались в их существовании. Но когда там кто-нибудь умирает, эта энергия освобождается от притяжения тела и каким-то образом попадают из одной вселенной в следующую.

Вселенных были миллиарды, и все они существовали в том же пространстве, что и вселенная, откуда они произошли, но были поляризованы и располагались под определенным углом к ней. «Души» попадали в ту вселенную, к которой их сильнее всего притягивало.

Та вселенная, куда они устремлялись, была создана самими мужчинами и женщинами. Это место создавала сила их совместного, объединенного желания такого миропорядка.

Если Морфикс правильно понял туманные рассуждения Д. И., эта вселенная была устроена таким образом, что, когда «душа», или стабильная конфигурация энергии, проходила сквозь «стены», она естественным образом формировала строение тела, общее для всех граждан.

Однажды Морфикс осмелился спросить об этом гражданина, который утверждал, что провел здесь уже сто лет:

— Д. И. сказал, что все проблемы разрешены, все, мол, ясно и понятно. А что понятно? Я сейчас понимаю, откуда все здесь взялось и почему оно такое, не больше, чем знал об этом Известно-Где.

— Ну и что такого? — ответил гражданин. — Как можно понять то, что недоступно пониманию? Главное отличие этого места в том, что здесь не задают вопросов. На каждый вопрос есть много ответов, и все верные, это место — один из них. Так что кончай свои расспросы. Ты что, хочешь навлечь на меня, — тьфу, то есть на нас — неприятности. Эй, Д. И.!

Морфикс поспешил прочь и затерялся в толпе, пока его не успели опознать. Услышав такое объяснение того, что с ним произошло, он вспыхнул негодованием. Почему он здесь оказался? Конечно, Известно-Где он проработал 20 лет в одной компании, был хорошим семьянином, любимым своими детьми, верным мужем, столпом лучшей церкви в округе, расплатился

по закладным, вступил в Лайонс-клуб*, а также в клубы Олений, Лосей, в масонскую ложу, был членом школьного совета, Киванис**, Молодежной Торговой Палаты*** и, помимо этого, добросовестно работал на демократов. Его отец тоже был членом Демократической партии, и, несмотря на опасения по поводу некоторых политических решений, Морфикс всегда держался линии партии. Тем не менее он был правым демократом, то есть почти что левым республиканцем. Он выписывал «Ридерз дайджест», «Лук», «Лайф», «Тайм», «Уолл-стрит джорнэл», «Сатердей ивнинг пост» и всегда старался выбирать бестселлеры, рекомендованные обозревателем местной газеты. Он делал все это не потому, что ему этого хотелось, а потому, что чувствовал, что так нужно для блага его жены, детей и всего общества. Он всегда надеялся, что «вот тогда» он заслужит право на более свободную жизнь, где у него будут неограниченные возможности делать вещи, о которых он всегда мечтал.

Что это были за вещи? Теперь он уже этого не помнил, но знал наверняка, что здесь их ему бы тоже не позволили.

«Это какая-то ошибка, — думал он. — Я не отсюда. Кто-то направил меня не туда. Мне здесь не место. Но разве можно сбежать отсюда путем иным, чем тот, которым я ушел Известно-Откуда? Там единственным выходом было самоубийство, но я не мог им воспользоваться — ведь я мог опозорить этим свою семью. Да и вряд ли я был тогда на это способен.

И здесь мне не удастся себя убить. У меня слишком крепкое тело, так что покончить с жизнью никак не выйдет, — даже не представляю, как это можно сделать. Броситься в воду? Не получится. Реку слишком хорошо охраняют, и даже если проскользнуть мимо стражников и отплыть достаточно далеко от берега, чтобы можно было утонуть, тебя все равно тут же вытащат и откачают. А потом накажут».

4

На четвертую ночь произошло то, чего он опасался. Его наказали. Он проснулся среди ночи от ноющей зубной боли. В течение ночи боль все усиливалась. К рассвету он уже чуть не кричал.

* Лайонс-клубы — общественная организация бизнесменов, родственная ассоциации клубов на службе общества.

** Киванис — международная организация так называемых клубов на службе общества, ставящая целью содействие развитию профессиональной и деловой этики, а также занимающаяся благотворительностью.

*** Молодежная Торговая Палата — некоммерческая и непартийная организация в США, в рамках которой осуществляется подготовка молодых людей к руководящей деятельности в предпринимательстве и гражданской службе.

Неожиданно занавески в дверном проеме раздвинулись, и у входа в комнату остановился кто-то, как он решил, из его соседей. Сосед(ка) тяжело дышал(а), держась рукой за челюсть.

— Это ты виноват? — спросил он недовольным голосом.

— В чем? — переспросил Морфикс, поднимаясь с кушетки.

— В антиобщественных действиях, — сказал незванный гость. — Если виновный сознается, боль утихнет. Через некоторое время.

— А это не ты? — в свой черед спросил Морфикс. Насколько он понимал, его собеседницей могла быть Билли.

— Не я. Послушай, новоприбывшие часто — даже всегда — совершают преступления, думая, что их не поймают. Но они ошибаются. Все преступления раскрывают.

— Но есть и такие новички, которые по определению не могут стать преступниками, — ответил Морфикс. Несмотря на свои страдания, он тоже не хотел сдаваться.

— Значит, ты — именно *ты* — не хочешь сознаваться?

— Должно быть, боль разъединяет людей. Иначе кое-кто не стал бы обозначать других местоимением в единственном числе.

— В единственном, черт возьми! — сказал гражданин, произнес сразу два запретных слова. — Ладно, какая в самом деле разница, кто это сделал — ты, я или дядя на улице. Но я знаю, как выйти из этой игры.

— И навлечь на нас еще худшее наказание?

— Нет! Слушай, Известно-Где я был ассистентом зубного врача. Я знаю наверняка, что от сильной боли можно излечиться еще более сильной.

Морфикс засмеялся; насколько ему позволили больные зубы, и сказал:

— Чем же новая боль лучше старой?

Гражданин улыбнулся, преодолевая свою зубную боль:

— То, что я собираюсь тебе предложить, причинит боль. Но в конце ты почувствуешь настоящий кайф. Ты насладишься своей болью, затрепещешь от удовольствия.

— Как это? — спросил Морфикс, подумав, что этот гражданин говорит совсем как Билли.

— Наша плоть нечувствительна, поэтому причинить друг другу боль нам нелегко. Но если постараться, это все-таки можно сделать. Правда, тут потребуется настойчивость, но разве что-нибудь стоящее дается нам без труда?

Гражданин толкнул Морфикса на кушетку и, пока тот не успел ничего возразить, вцепился зубами ему в ногу.

— А ты делай то же самое со мной, — промычал гражданин в перерыве между двумя укусами. — Я тебе говорю, это просто здорово! Такого ты еще никогда не испытывал.

Морфикс усталился вниз, на лысую голову и ходившие взад и вперед челюсти. Он почувствовал слабую боль, и ему показалось, что зубы немного прошли.

— Не испытывал чего? — спросил он.

— Вкуса крови, — ответил гражданин. — Если пить ее достаточно долго, от нее пьянеешь.

— Да? По-моему — ай! — тут что-то не так.

Гражданин оторвался от его ноги.

— Ты еще слишком зелен. Ты вот как на это посмотри. Покровители учат нас любить друг друга. Так что тебе надо меня любить. И ты можешь проявить свою любовь, помогая мне избавиться от зубной боли. А я могу помочь тебе. Через некоторое время ты станешь таким же, как все мы. Ты не станешь никого осуждать; ты будешь готов на все, чтобы прекратить боль.

Морфикс устроился поудобнее и с силой сомкнул зубы. Плоть напарника показалась ему резиновой. Потом оторвался и сказал:

— А за такие занятия мы не заработаем назавтра нового приступа зубной боли?

— Что-нибудь у нас уж точно заболит. А ты не думай о завтрашнем дне.

— Ладно, — сказал Морфикс. Боль в ноге стала сильнее. — Ладно. В конце концов, всегда можно сказать, что мы просто старались быть отзывчивыми.

Гражданин засмеялся и сказал:

— Ну покажи, какой ты общительный, а?

Когда изорванная плоть начала кровоточить, Морфикс застонал. Через некоторое время он начал вскрикивать сквозь зубы, но продолжал кусать. Если ему было больно, он старался причинить партнеру еще большую боль.

И что за черт, он почувствовал, что это очень похоже на то, чем он занимался Известно-Где.

НА ПУТИ К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ ГОРОДУ

Рассказ «На пути к Возлюбленному городу» был написан для антологии научно-религиозной литературы Флеминга Х. Ревелла «Чудеса и предзнаменования», изданной под редакцией Роджера Элвуда (1972). Ревелл же представляет издательство, специализирующееся на книгах по религии. «Город» построен по наиболее приемлемому для меня принципу написания научно-фантастической литературы. То есть сначала задается вопрос: «А что, если?..», а затем приводятся строгие выдержки из первоисточников. А что, если все, что написано в Библейском Апокалипсисе, — правда? Что тогда?

Элвуд утверждал, что Ревеллу очень понравился мой лишенный излишних сантиментов рассказ и что сам он до конца не понимал Апокалипсис до тех пор, пока не прочел «На пути к Возлюбленному городу». Всю жизнь Библия была моей настольной книгой, а в детстве мне часто снились яркие и ужасные кошмары о Страшных судах.

Обратите внимание, что я говорю о судах во множественном числе.

Небо на западе было таким красным, словно где-то там, в вышине, лопнул кровеносный сосуд.

«В каком-то смысле это так и есть», — подумал Кельвин Норрис.

Земля раскололась, разверзлась, и из образовавшихся в земной поверхности ран появились кровавые закаты. Берега Тихого океана и Средиземного моря подверглись жестоким землетрясениям, каких не случалось со времен сотворения мира. Извергались старые вулканы, и вслед за этим появлялись новые.

Toward the Beloved City
Copyright © 1972 by Philip Jose Farmer

Пройдет еще, вероятно, лет двадцать, прежде чем осядет вся эта пыль. А если бы не проливные дожди, которые идут каждую ночь, пыль не улеглась бы и за добрую сотню лет. Но даже такие мощные ливни ничуть не увлажнили климат, по крайней мере на средиземноморском берегу. К полудню воздух становился сухим, как старая верблюжья кость, а на закате небо краснело от солнечного света, отражаемого неумирающей вековой пылью.

Понадобится, наверное, тысяча лет, прежде чем уляжется прах, оставшийся от человеческой цивилизации. А пока что развороченная красновато-коричневая почва напоминала тело мертвого льва, растерзанное гиенами. А солнце, встающее после неистового ночного дождя, было похоже на другого льва. Живого, чье дыхание превращало кожу мужчин и женщин в грубую шкуру и добела опаляло кости мертвецов. Даже сейчас, опускаясь к горизонту, своими жгучими лучами солнце жадно поглощало остатки влаги на коже Кельвина Норриса.

Кельвин скакал на коне — единственном живом коне, которого он видел с тех пор, как высадился со своим отрядом на берегах около затопленного Туниса.

Вокруг валялось множество костей лошадей и других животных, погибших во время землетрясений, приливов, бомбежек, перестрелок, эпидемий или же от рук измученных голодом людей, стремившихся добыть хоть какую-то пищу. Земля была усеяна и человеческими костями, над которыми кружили многочисленные стаи ворон и коршунов. Но даже птицам теперь нечего было есть и они быстро теряли силы. Кельвин хорошо знал вкус их жилистой, воняющей падалью плоти.

Отряд пешком прошел от гор Калифорнии через континент. Из каких-то обломков они построили небольшое морское суденышко, установили на нем чудом уцелевший мотор, переплыв Атлантический океан, добрались до Англии, а оттуда двинулись вдоль вновь образовавшихся берегов Франции и Португалии, через Гибралтарский пролив, минуя огромные разрушенные утесы. В конце концов корабль потерпел крушение во время шторма неподалеку от берегов, на которых когда-то располагался Тунис.

Три дня назад Анна Силвич подстрелила костлявую козу, и это позволило всем остальным продержаться и не погибнуть от голода. Затем Кельвин нашел белого жеребца, на удивление здорового и лоснящегося. Присутствие столь хорошо откормленного животного среди мрачного и бесплодного мира казалось настоящим чудом. Некоторые члены отряда и считали появление жеребца чудом. Возможно, это был тот самый конь,

на котором всадник, называемый Верным и Истинным, привел воинства небесные к победе над Зверем и Антихристом.

Кельвин же сказал, что он так не думает, хотя, возможно, им повстречался конь, на котором скакал один из воинов рая, следовавший за Верным и Истинным в финальной битве. Да и вообще, гораздо легче было бы перенести, а еще лучше — просто телепортировать весь отряд к заветной цели, а не заставлять их преодолевать столь страшный и опасный путь на корабле и пешком. Но они были одни. И таким чудесам не суждено было случиться. Увидев, как нахмурились лица товарищей при этих словах, Кельвин поспешил добавить, что, конечно, отряд никогда не останется брошенным на произвол судьбы. Конечно же, ведь Он никогда не оставит детей своих. Может быть, только не стоит просто сидеть и бездействовать, ожидая милости Божьей.

Тем утром Кельвин взял винтовку, все имевшиеся в наличии тридцать пуль тридцать второго калибра, флягу из козьей шкуры с дистиллированной водой (которая стала красной уже спустя два часа), а также кожаную пращу и несколько камней и поскакал к холмам. Все вокруг было разрушено во время катаклизмов, но за последние три года некоторые растения вновь начали пробиваться из-под земли. В этих местах все еще водились зайцы, грызуны, ящерицы и маленькие пустынные лисы. При помощи пращи Кельвин надеялся добыть хоть кого-то из еще сохранившейся живности. Винтовку он взял только для самозащиты или на случай редкого везения — для какой-нибудь крупной дичи.

Кельвин привязал коня к кусту и пешком отправился к разрушенным холмам, испещренным глубокими трещинами. Он подбил пращей ящерицу и бросил тощую тушку пресмыкающегося в прикрепленный к поясу мешок. Спустя несколько минут Кельвину удалось попасть камнем в ворона. А затем под глубоким выступом скалы он обнаружил золу недавно горевшего костра и несколько тщательно обглоданных овечьих и крысиных костей. В этой дикой каменистой местности не было тропинок, по которым Кельвин мог бы пойти, и все же, в поисках следов человека, разжигавшего огонь, он исследовал три длинных ущелья. В конце концов, с неохотой прекратив бесплодные поиски, он вернулся к месту, где оставил жеребца. Бурчание в животе и слабость подсказывали, что придется все-таки разрешить забить коня. Ужасно неприятно убивать такое прекрасное животное, но у отряда появится запас мяса на несколько дней.

Прежде чем выбраться из расщелины, Кельвин услышал топот стучащих по камням подков. Припав к земле, он выглянул из-за валуна. Девушка с короткими выющимися каштановыми

волосами, одетая в изорванный и грязный комбинезон, скакала на коне прочь.

Кельвин прицелился было, но тут же опустил ружье, побоявшись, что конь понесет, услышав выстрел. Он выскочил из-за валуна, подобрал камень и вложил его в пращу. Девушка обернулась в тот самый момент, когда камень вскользь ударил ее в спину, и, вскрикнув, перелетела через голову коня, который встал на дыбы и затем понесся прочь.

Кельвин вскинул ружье и приблизился к незнакомке. Казалось, она была вооружена лишь ножом, но он уже давно научился не доверять первым впечатлениям. Однако в этот момент казалось, что женщина не в состоянии воспользоваться каким-либо спрятанным оружием, даже если бы таковое и имелось. Опираясь на одну руку и издавая жалобные стоны, она попыталась сесть. Кожа на ногах, руках и одной стороне лица была содрана.

— Ну как, кости не переломала? — поинтересовался Кельвин.

Незнакомка покачала головой и простонала:

— Кажется, нет! Но, по-моему, ты чуть не сломал мне спину. Ужасно больно.

— Прощу прощения, — хмыкнул он, — но ты же хотела украсть моего коня. Так, медленно вытащи нож и кинь его в сторону. И поспокойнее.

Женщина подчинилась, а затем медленно поднялась на ноги. Следуя командам, она разделась и дважды повернулась на месте. Убедившись, что другого оружия у нее нет, Кельвин проверил ее комбинезон, бросил одежду к ногам незнакомки, и та снова оделась.

— У тебя есть что-нибудь поесть? — спросила она.

— Ужин убежал, — ответил Кельвин. — Как тебя зовут и что ты тут делаешь? Ты христианка?

Раньше, может, он не стал бы задавать последний вопрос. По его предположениям, все последователи Зверя, позволившие нанести себе метку, были убиты во время серии катаклизмов, которые почти полностью разрушили Землю, или же погибли позднее во время войны. Но уже давно стало очевидным, что он неверно истолковал Откровение Иоанна.

— Меня зовут Дана Вебстер, я из Беверли, Йоркшир, входила в состав отряда, направлявшегося к Возлюбленному городу. К сожалению, никого из моих товарищей не осталось в живых, большинство из них умерли от голода, некоторые были убиты язычниками. Я нашла и забрала коня, потому что хотела убежать как можно дальше от его владельца, кем бы он ни был, — убежать куда-нибудь, где я наконец-то смогла бы наесться мяса и не бояться преследования.

Кельвин заметил, что девушка разговаривала с легким английским акцентом. А ее замечание о язычниках содержало намека на то, что она — христианка. С другой стороны, если бы она поняла, что данный ответ неверен, то могла бы как угодно истолковать свои слова. В конце концов, Дана тоже не знала, кого повстречала — истинного христианина или язычника.

Кельвин передал Данае флягу, та сделала несколько больших глотков и с сожалением отдала остатки живительной жидкости владельцу.

— Какая вкусная вода! — воскликнула девушка. — А выглядит как кровь. Как ты думаешь, вода когда-нибудь приобретет свой настоящий цвет? Ну, то есть станет ли она снова бесцветной и прозрачной?

— Не знаю, — ответил Кельвин.

— На свете так много всего, чего мы не знаем, правда?

— Но узнаем, когда доберемся до Возлюбленного города. Пошли.

Дана повернулась и двинулась вперед. Кельвин зажал ружье под мышкой, но был готов выстрелить в любую минуту.

Они устало и молча тащились по холмам, а солнце неумолимо опускалось сквозь омут красного неба. В какое-то мгновение Кельвину показалось, что восток вдруг начал светлеть. Он остановился и тихонько вскрикнул. Дана тоже остановилась и медленно повернулась, чтобы спутник правильно расценил ее действия.

— Что случилось? — спросила она.

— Я подумал... я надеялся.. но... я ошибся. Мне показалось, что восток озарился Божественным сиянием, предвещающим Его приход. Но у меня просто пошаливают расшатанные нервы. К тому же я голоден.

— Даже если бы сияние озарило весь мир, как бы ты догадался, что это именно Он? — воскликнула Дана. — Как бы ты понял, что это Он, а не Антихрист?

— Но ведь Антихриста и Зверя ввергли в огненное озеро, — удивленно вытаращив глаза, пробормотал Кельвин.

— О каком Звере ты говоришь? Я думала, что Зверь — это мировое правительство. Надеюсь, ты не имеешь в виду мифического монстра, которого Гуретс должен был запереть в одной из комнат своего дворца? А кто-нибудь когда-нибудь видел огненное озеро? Я не знаю ни одного такого человека. А ты? Фактически все, что мы знаем, — лишь пересказанные слухи или же та немногочисленная информация, которую удалось получить по радио, вещающему предположительно из Возлюбленного города. Но где он находится? Возможно, такового вообще не существует. Просто где-то среди гор бывшего Израиля есть место, в

котором соберутся верующие и под наблюдением, я полагаю, ангелов возведут святой город.

Но откуда ты знаешь, что это правда, и почему нас всех, как стадо овец, ведут к Возлюбленному городу? И если даже где-то и есть озеро огненное — видит Бог, таких сейчас множество по всему миру — откуда ты можешь знать, что Антихриста ввергли в него? Почему бы Антихристу, или тому, кого мы принимаем за Антихриста, не распространить эту сказку, чтобы все верующие решили, что безопаснее всего отправиться в Израиль?

— Да ты настоящая язычница! — вскричал Кельвин. — Говоришь такие ужасные вещи!

— Посмотри на мои руки, — велела Дана. — Ты видишь какие-нибудь цифры? Можешь рассмотреть с лупой и мой лоб, но и там не найдешь числа дьявола. А если так уж необходимо — осмотри всю мою голову. Там нет ни одного шрама, потому что никто не вскрывал мне череп и не помещал внутрь передатчик, чтобы Зверь мог управлять мной, когда захочет.

— Это мы еще проверим, когда доберемся до лагеря, — проворчал Кельвин.

— Да не вру я, — сказала девушка. — Просто размышляю, как и следует каждому истинному христианину. Но помни, Дьявол очень коварен, изобретателен и вероломен. Разве есть лучший способ борьбы с верующими в Бога, чем притвориться воскресшим Христом?

Кельвину совершенно не нравился ход его собственных мыслей. Хватит уже неопределенностей, все должно быть неопровержимо и окончательно.

Но жизнь шла не так, как он предполагал. Конечно, он не упрекал в этом Господа, даже мысленно. Но события развивались не так, как следовало бы. А предположения Кельвина были основаны на Священном Писании, которое он читал всю свою сознательную жизнь.

— Так ты одна из мучеников Зверя? — спросил он.

Дана Вебстер снова двинулась вперед. Но на сей раз шла она медленнее, и Кельвин быстро ее догнал.

— Ты спрашиваешь, не была ли я одной из тех, кого подвергли смертельному облучению, а затем воскресили? Нет. Впрочем, если бы я солгала, никто бы не смог опровергнуть мою ложь. Большинство моих братьев и сестер убиты, но мне повезло. Я убежала и спряталась на горе Скидо, в Камберланде. Поисковые партии Зверя подобрались уже очень близко к пещере, в которой я отсиживалась, когда начались землетрясение и метеоритный дождь; все вокруг было буквально разодрано на клочки.

— Это Господь вмешался, — благоговейно промолвил Кельвин. — Без Божьей помощи мы бы все погибли.

— Кто-то вмешался.

— Кого ты имеешь в виду?

— Космических пришельцев, — ответила Дана. — Существ с какой-то далекой-далекой звезды. Существ, значительно обогнавших человека, — по крайней мере в области науки.

— А пришельцы могут воскрешать мертвых? — спросил Кельвин, который не успевал переваривать все новые и новые идеи, подбрасываемые Даной.

— Почему бы и нет, — ответила та. — Ученые говорили, что воскрешение станет возможным для человечества лет через сто, а может, и раньше. Конечно, для подобной процедуры потребуются определенные устройства, записывающие молекулярное строение и структуру электромагнитного излучения человека. Ученые утверждали, что когда-нибудь появление таких приборов станет возможным. И тогда, используя подобные записи, можно будет при помощи преобразователя энергии воспроизвести мертвого человека. Теоретически все это возможно.

— Да, но так можно только воспроизвести, а не воскресить, — возразил Кельвин. — Это будет уже не тот человек, который умер.

— Но сам он будет думать, что это он и есть.

— Ну и что в этом хорошего?

— Откуда я знаю, что думают сверхсущества своими супер-умными мозгами? Знаешь ли ты, например, какая участь уготовлена тебе Господом?

Весь этот разговор ужасно разозлил Кельвина, а ему не хотелось злиться.

— Давай лучше прекратим эту болтовню и побережем силы, — сказал он.

— Кстати, — опять заговорила Дана, — а какой смысл в двух воскрешениях или в тысячелетии между ними? Зачем понадобилось запира́ть Сатану на тысячу лет, а затем освобождать, чтобы он смог возглавить язычников в новой битве с христианами? Только для того, чтобы снова упрятать его и учинить Страшный суд?

Кельвин не ответил, и его спутница также надолго замолчала. Через час они спустились с разрушенных холмов и увидели белого жеребца, жующего какую-то длинную коричневую траву, проросшую сквозь крошечные трещины в скалах. Медленно приблизившись, Кельвин осторожно позвал животное. Но конь, подпустив их на расстояние сорока футов, рысью пустился прочь. Кельвин поднял ружье — нельзя было позволить убежать такому количеству мяса, а шансы поймать коня позднее были слишком невелики.

— Не стреляй! Я поймаю его! — вскрикнула Дана Вебстер и громко позвала жеребца.

Тот развернулся, фыркая, подбежал к девушке и ткнулся мордой в ее руку.

— Я чувствую животных. — Дана похлопала коня и улыбнулась. — Вернее, между мной и животными существует какая-то необъяснимая связь. Что-то вроде ответных реакций, или называй это как хочешь.

— Красавица и чудовище.

— Чудовище? — Улыбка медленно сползла с лица девушки.

— Я совсем не то имел в виду. Но твоя власть над животными...

— Только не говори, что веришь в черную магию. Господи Боже мой! И я не богохульствую, когда упоминаю имя Господа всуе. Ты что, не веришь в любовь? Животное чувствует ее. А я, подозревая жеребца, чувствую себя предательницей — ведь скорее всего он послужит нам ужином.

Через час они въехали в лагерь, разбитый на берегу моря. Конь, тащивший двух седоков, едва передвигал ноги. Назвав пароль, они проехали мимо часовых и попали в низину, расположенную на зазубренном низком холме. В воздухе витали соблазнительные ароматы жареной рыбы, от которых текли слюнки. Четверем мужчинам, отправившимся в красные воды на маленькой легкой складной лодочке, крупно повезло. Или это было Божье провидение. Ведь они вообще не надеялись поймать что-либо, потому что практически все живое в море умерло. Святой Иоанн недооценил масштабы катастроф, когда предсказал, что будет уничтожена треть всех морей. Вернее, предсказания его оказались не совсем полными.

— Так что, нам не придется забивать жеребца? — спросила Дана Вебстер, указывая на тринадцать больших рыб, жарящихся над огнем в дюралевых сковородках.

— По крайней мере, не сейчас, — ответил Кельвин.

— Я очень рада.

Кельвин тоже был рад, но любовь Даны к животным не произвела на него впечатления. Он знал слишком много детоубийц, которых беспокоило жестокое обращение людей с собаками и кошками.

В лагере Кельвина со спутницей встретили мужчины и женщины — худые и загоревшие до черноты под беспощадно палящим солнцем. Черты их лиц заострились, словно куски красного дерева, обточенные песчаными вихрями. Люди эти словно светились от великой силы, порожденной уверенностью. Они прошли сквозь гонения, катаклизмы и битвы со слугами Зверя, после того как силы его иссякли после катастроф.

«Блажен и свят имевший участие в первом воскрешении. Над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать вместе с Ним тысячу лет».

Однако, размышлял Кельвин, утверждение, что вторая смерть не властна над ними, очевидно означает, что те, кто устоял против Зверя во имя любви к Богу, не будут судимы заново. Но они *могут* умереть, а умершие не вернутся на Землю, пока не пройдет тысяча лет. И тогда они восстанут вместе с другими мертвыми в новых телах и будут свидетельствовать на последнем суде. То есть верующим, умершим до пришествия Зверя, будут даны новые тела, всем же прочим придется лишь подчиниться уготовленной им участи. И придет Альфа и Омега, начало и конец, последнее царствование.

Вот такие помыслы и сформировали тела и выражение лиц людей в лагере. Они стали святыми, и ничто уже не могло поколебать их святость. Но и святые могут испытывать жажду и голод, уставать и разочаровываться. И они могут убить, если потребуется.

В отряде не было детей, и во время путешествия через континент и моря никто не видел ни одного ребенка моложе семи лет. Время детей придет в конце тысячелетия.

— Кто это к нам пожаловал? — спросила Анна Силвич.

Анна, высокая сероглазая блондинка, выглядела бы красивой при более благоприятных условиях. Сейчас ее тело иссохло так, что повсюду выпирали кости, а белая кожа потемнела и потрескалась. Несмотря на это, Анна очень нравилась Кельвину, и он собирался сделать ей предложение, как только отряд достигнет Возлюбленного города. Если бы Анна согласилась, они могли бы пожениться и раньше, поскольку любой член отряда мог провести свадебную церемонию. Все они стали священниками. Но Кельвин не хотел предпринимать никаких действий, отвлекающих его разум от самой важной цели — добраться до Возлюбленного города.

— Эта девушка заявляет, что она христианка, — сказал Кельвин.

Анна достала из кармана рубашки какой-то напоминающий карандаш пластиковый предмет, нацелила его на лоб Даны Вебстер и выдвинула вперед одну секцию этого предмета.

— Вот видишь, — хмыкнула Вебстер, — нет у меня дьявольской метки.

Анна шагнула вперед, схватила девушку за волосы и нагнула ее голову. Кельвин хотел было возразить против излишней грубости, но передумал. Ему хотелось посмотреть на реакцию Даны — а вдруг она разозлится и выдаст себя?

— Ни одного рубца, — сказала Анна, отпуская волдыри девушки. — Но это ничего не значит. Если бы у меня был микроскоп или хотя бы лупа...

Дана Вебстер не сказала ни слова и только насмешливо посмотрела по сторонам. Даже если ей и не понравился не слишком любезный прием, это никак не повлияло на ее аппетит. Она с удовольствием съела рыбу, бисквиты и консервированные персики. Персики и бисквиты нашел в развалинах какого-то дома Шерборн, маленький человек с большим чутьем на спрятанную пищу.

Перед едой Кельвин прочел благодарственную молитву, но, после того как присутствующие быстро расправились с пищей, сообразил, что надо еще что-то сказать.

— Господь добр к нам и послал нам сегодня достаточно еды, чтобы мы восстановили силы. И мы можем встретить завтрашний день с уверенностью, что Он даст нам еще пищи. Судя по сегодняшнему улову, в Средиземном море все еще водится рыба. И ее, должно быть, достаточно, чтобы накормить нас на пути к Возлюбленному городу.

Он заметил, что Дана Вебстер вместе со всеми сказала: «Аминь». Это могло не значить ровным счетом ничего, кроме того, что девушка отлично справляется с ролью христианки — если это на самом деле всего лишь роль. А что, если она ведет себя искренне? С другой стороны, по дороге к лагерю Дана позволила себе сделать несколько странных заявлений. И Кельвин спросил, о каких таких *пришельцах* шла речь.

Девушка оглядела обожженные солнцем лица с выдающимися скулами, впалыми щеками и темными кругами вокруг горящих глаз.

— Не стоило мне говорить о своих сомнениях, или, вернее, размышлениях, — сказала она. — Надо было подождать, пока мы доберемся до Возлюбленного города. Тогда бы все, так или иначе, встало на свои места. Правда, к этому времени уже могло бы быть слишком поздно. Я не хочу разговаривать на подобные темы, потому что вы решите, будто я — язычница. Но у меня есть некоторые соображения, и я должна их высказать. Разве не таков путь христианина?

— Мы не слуги Зверя, если ты это имела в виду, — сказала Анна. — И не собираемся никого убивать только потому, что его соображения по теоретическим вопросам отличаются от наших. Конечно, мы не станем слушать богохульства. Но если ты христианка, то не станешь богохульствовать.

— Сразу понятно, что я не нравлюсь тебе, Анна Силвич, — хмыкнула Вебстер. — Конечно, это вовсе не значит, что ты не христианка. Вполне можно любить человечество и при этом, по

той или иной причине, испытывать неприязнь к какому-то конкретному человеку. Даже если этот человек одной с тобой веры. Но и такое объяснение не оправдывает тебя, если ты проверяешь себя и пытаешься выяснить, почему не можешь меня любить.

— Да, ты мне не нравишься. — Гневный голос Анны слегка дрогнул. — Что-то в тебе есть странное — может, запах...

— Запах серы, я полагаю? — съязвила Дана.

— Господи, прости меня, если я ошибаюсь, — вновь заговорила Анна. — Послушай, ты ведь сама знаешь, через какие ужасы мы все прошли. Предатели, шпионы, тюрьмы... Мы видели, как наших детей и товарищей пытали, а затем обезглавливали, как мнимые друзья отворачивались от нас или бросали в самые страшные моменты нашей жизни. Что тут говорить, ты и сама знаешь все это, кем бы ты ни была — христианкой или Иудой. Но в одном ты все же права, упрекая меня. Я не должна была говорить, что от тебя воняет дьяволом, пока у меня нет реальных доказательств. Но...

— Но ты сказала это и тем самым запятнала меня в глазах всех присутствующих. Неужели нельзя было подождать до полной определенности в столь щепетильном вопросе, вместо того чтобы клеймить — злонамеренно и совсем не по-христиански?

— По-моему, мы отклонились от заданного вопроса, — вмешался в перепалку Кельвин. — Про каких таких *пришельцев* ты говорила, Дана?

Девушка посмотрела на лица, освещенные пламенем костра, а затем на тени вокруг, как будто видела что-то в темноте.

— Я знаю, что вы не захотите прислушаться к тому, о чем я собираюсь говорить. Ваши тела и умы слишком устали, вы слишком ошеломлены ужасами гонений, катаклизмов и последовавших за ними войн, чтобы думать еще об одной битве. Может, стоит вам напомнить, что люди ждали Апокалипсиса более двух тысяч лет? И множество раз говорили о том, что конец света не просто близок, а уже начался?

Прошли времена, когда некоторые авторитетно заявляли о близости конца света. Все они ошибались, введенные в заблуждение самими собой или же Врагом. Что, возможно, одно и то же. Я говорю о том, что Враг может находиться внутри нас; возможно, он не существует реально и не является в принципе личностью, объективно существующей вне нас самих. Вопрос в том, не обмануты ли мы снова? Возможно, это не самообман, как раньше. Может, нас ввели в заблуждение какие-то внешние силы? Пришельцы, использующие в борьбе против Земли оружие, которое сильно превосходит наше? А сейчас всех

верующих попросили собраться в так называемом Возлюбленном городе. Но почему? А что, если нам суждено породить грядущие поколения рабов этих неземных существ?

Последовала долгая пауза, которую нарушил крик Анны Силвич:

— Ты вынесла себе приговор, женщина! Ты хочешь внести сомнения в наши сердца, разрушить нашу веру! Ты язычница!

Кельвин поднял руки, призывая к тишине. Это не помогло, и тогда он заорал на Анну, веля ей заткнуться.

— Дана, а у тебя есть какие-нибудь доказательства существования пришельцев? — спросил он, когда шум затих.

— Точно такие же доказательства, которыми вы подтверждаете начало пресловутого тысячелетия, — ответила Дана. — Разница только в интерпретации. Попробуйте объективно посмотреть на ситуацию и наши теории. И вспомните, что Антихрист обдурил многих, возможно, включая присутствующих здесь, когда объявил себя Христом. Но его разоблачили и предположительно уничтожили навеки. Или, по крайней мере, до финальной битвы, которая произойдет через тысячу лет. Но подумайте: а был ли это сам Сатана, который пытался последний раз сыграть с нами в свою дьявольскую игру? Возможно, пришельцы, которые знали о страстной надежде верующих в наступление тысячелетия, и вызвали начало этого псевдотысячелетия? И...

— И во всем виноват Сатана, использующий пришельцев? — презрительно добавила Анна.

— Все может быть, — ответила Дана Вебстер.

— Минуточку, — вмешался Кельвин. — Во имя всей моей жизни, во имя моей души, я должен сказать. А почему эти пришельцы должны возвращать к жизни умерших? Для чего им это надо?

— А ты видел хоть одного воскресшего? — спросила Дана Вебстер. — Видел их хоть кто-нибудь из вашего отряда? Или, может, кто-то из вас погиб или умер, а затем снова ожил?

— Да, действительно, никто из нас не был воскрешен, — ответил Кельвин. — Но неправда, что никто не видел воскрешенных людей. Я лично разговаривал с человеком, который погиб за веру. Хотя у него был шанс отвергнуть Господа и стать слугой Зверя после того, как он видел, как насиловали, пытали и обезглавили его жену и детей. Но этот человек не отрекся от Господа нашего, за что его живьем зажарили над костром и отрезали голову. Позднее он очнулся на дне разверзшейся могилы, выполз наружу и оказался среди нескольких других людей, возвращенных к жизни. Он не встретил среди воскресших жену и детей, но был уверен, что еще найдет их. У меня

нет оснований не доверять этому человеку, поскольку я знаю его с детства.

— Ну и что ты теперь скажешь, Вебстер? — спросила Анна.

— Но ты ведь не видел, как твой знакомый был убит, и не видел, как он воскрес, не так ли? — ответила Вебстер. — Откуда же ты знаешь, что он на самом деле не отрекся от Господа и не стал слугой Зверя? Почему ты решил, что вся эта история о воскрешении — правда и что твой приятель не наврал, чтобы выдать себя за христианина, поскольку оказался среди христиан? На самом деле, кем бы ни был Враг — Сатаной или пришельцем, было бы очень благоразумно с его стороны разослать шпионов, рассказывающих подобные лживые истории с целью ввести христиан в заблуждение.

Кельвину пришлось признать, что у него действительно нет доказательств правдивости истории, услышанной от друга, и то, о чем говорит Вебстер, может оказаться правдой. Но он не думал, что Дана права. В некоторые вещи надо просто верить. С другой стороны, Антихрист обманул очень многих, включая и самого Кельвина.

— Давайте лучше прекратим эту болтовню, — раздраженно махнув рукой, сказал Кельвин. — Мы возьмем тебя с собой в город и, когда доберемся туда — узнаем правду.

— С какой стати мы должны брать ее с собой? — возмутилась Анна. — Отвратительной, гнусной ложью она уже вынесла себе приговор. И зачем нам лишний рот, нам и так есть нечего...

— Анна, — скривился Кельвин, — разве так говорят истинные христиане, любящие ближнего своего?

— Время любить врагов уже давно прошло! — гневноотреагировала Анна. — Наступили новые времена, когда нельзя более с терпимостью относиться к язычникам. А потому мы не можем взять Вебстер с собой, ибо она продолжит рассказывать свои сказки про пришельцев, будет придумывать другие изощренные хитрости и сделает все, чтобы ввести нас в заблуждение. И поскольку нам не у кого спросить, что с ней делать, мы должны все решить сами и выполнить свое решение, каким бы суровым оно ни показалось.

Дана Вебстер слегка вздрогнула. Даже в отблесках костра было заметно, как она побледнела.

— Так, может, вы у него спросите, что делать? — тихо, с дрожью в голосе сказала она, указывая куда-то в темноту мимо Анны.

Нашупывая оружие, сидящие у костра быстро повернулись и увидели высокого человека в белой рясе, с короткими и абсолютно белыми, как свежевystиранная шерстяная пряжа,

волосами. Незнакомец поднял руки высоко над головой, показывая всем, что он безоружен, и улыбнулся, сверкнув неправдоподобно белыми зубами. Глаза его, сиявшие в свете костра, походили более на фосфоресцирующие глаза льва, чем человеческого существа. Да и ни один человек не мог бы незамеченным прокрасться мимо часовых и появиться так неожиданно.

Наверное, тот легкий ветерок, который почувствовал Кельвин перед тем как заговорила Вебстер, возник при появлении этого мужчины... человека... из ниоткуда. Кельвин ощутил, как по спине у него пробежал холодок и волосы встали дыбом. Он был очень напуган, но и очень рад. Наконец-то появился кто-то, кто скажет им, что же происходит и что они должны делать.

Незнакомец медленно опустил руки. Статный, очень опрятный и чистый, пропорционально сложенный, он выглядел совершенной противоположностью грязной, одетой в лохмотья, неряшливой компании, все члены которой были тощими, сплошь покрытыми шрамами и дурно пахли.

Мужчина медленно распахнул рясу, показывая, что под одеждой у него не запрятано оружие, — и присутствующие увидели, что незнакомец не имеет пола. Кельвин понемногу вышел из состояния шока, в которое его ввергло внезапное появление этого человека, и подумал, что его нельзя с уверенностью назвать мужчиной. Черты лица незнакомца были женоподобны, но в общем он все-таки оставлял впечатление скорее мужчины, чем женщины. Поэтому Кельвин продолжал думать об этом человеке в мужском роде.

— Называйте меня Джонс, — заговорил незнакомец. — Я отниму у вас всего несколько минут.

Кельвин узнал этот низкий звучный голос. Это был тот самый голос, который время от времени звучал из динамиков радиоприемников, призывая верующих всего мира отправиться к Возлюбленному городу и рассказывая о том, что их ждет по прибытии на место. Ясно было только одно. Вновь прибывшим жителям города придется еще очень долго и тяжело работать.

— Мы были бы очень благодарны и рады, если бы вы остались с нами подольше... мистер Джонс, — сказал Кельвин. — У нас множество вопросов. К тому же возникла одна безотлагательная проблема.

Продолжая улыбаться, ангел посмотрел на Дану Вебстер.

— Я не знаю, в чем вы не согласны с этой женщиной, но уверен, что вы сумеете правильно разрешить ваши разногласия, — сказал он. — Что же касается ваших вопросов, то большинство из них придется отложить на потом. Сейчас я слишком занят. Мы располагаем тысячей лет, чтобы подготовиться, но для тех, кто сумеет продержаться, они пройдут слишком быстро.

Не каждый отважился бы спорить с ангелом. Но Кельвин никогда не был трусом, именно смелость часто выручала его и помогала остаться в живых. Он решил и заговорил:

— Но почему мы должны сами добираться до Возлюбленного города? Я думаю, мы и так уже натерпелись достаточно; несколько человек из нашего отряда погибли от рук язычников и в катастрофах. Мне кажется, все это не соответствует тому, что мы читали в Откровениях Иоанна Богослова...

Продолжая улыбаться, Джонс поднял длинную тонкую руку, покрытую белым пушком.

— Я не знаю ответа на этот вопрос. Точно так же, как не знаю, почему за первой смертью следует вторая или почему не все язычники были убиты и почему им дана еще одна возможность жить и размножаться. Кстати, как это ни печально, язычниками могут оказаться ваши дети и внуки до двухсотпятидесятого колена, но все же это не продлится бесконечно. Не спрашивайте меня почему. Я знаю больше, чем вы, но не знаю всего. Я смирился и готов ждать до тех пор, пока не прояснятся все неопределенности, неясности и мнимые парадоксы. Вам также придется ждать. Если, конечно вас не убьют, избавив тем самым от необходимости бороться в течение целой тысячи лет.

— Так мы, как и раньше, зависим от капризов переменчивой фортуны! — воскликнул Кельвин. — Я думал...

— Ты думал, что для тебя все будет запрограммировано, определенно и просто, — улыбнулся Джонс. — Конечно, Господь всегда подходил к ведению дел в нашем мире статистически, за исключением некоторых событий и людей. В общем-то, все так и продолжится до второй смерти. Но после нее, другой, Он найдет особый, индивидуальный подход к каждой частице сущего в этом мире и к душам, населяющим определенные формы материи. В этом-то и проявится разница между миром таким, каким он был, и новым, устойчивым и неменяющимся миром, каким он станет после второй смерти. Господь и сейчас ведаёт информацией о судьбе и деяниях каждой малой частицы Вселенной. Но с наступлением грядущей неменяющейся эпохи Он начнет полностью контролировать всю материю и энергию, и ничто не будет эволюционировать или меняться.

Можно сказать, что до сегодняшнего момента и до окончания тысячелетия Господь соблюдает принцип неопределенности Хейнсберга. — Продолжая улыбаться, Джонс пристально оглядел присутствующих и продолжил: — Вообще-то я здесь по долгу службы. Я пришел, чтобы выполнить одно из моих многочисленных дел — забрать вашего коня, который необходим городу.

— А разве вы не можете создать других коней, а этого оставить нам? — спросила Анна. — Он послужит нам пищей.

— Вы найдете другую пищу, — ответил Джонс. — А предназначение этого жеребца — стать отцом сотни тысяч лошадей. Насколько я знаю, новое потомство у животных появится после второй смерти, когда тем из вас, кому повезет, будут даны новые тела. Наподобие моего.

Слова эти послужили ответом на один вопрос. В новом мире и новом раю не останется полов. Да и зачем? Не будет там и детей. А наслаждение от созерцания лица Господа во много раз превзойдет плотские наслаждения. Несмотря на это, Кельвин почувствовал панику. Его кастрируют! Но он тут же приказал себе преодолеть эту реакцию. Ведь вознаграждение, которое он получит, превратит потерю пола в незначительное событие и, возможно, даст иной повод для радости. Ведь он уже не будет не только мужчиной, но и человеческим существом.

— Но вы должны кое-что знать, чтобы доложить об этом своим начальникам, даже если не хотите помочь нам сейчас, — громко сказала Анна.

— Начальникам? — Джонс удивленно поднял пушистые белые брови. — У меня их всего два, и я не должен им ничего докладывать. Они в курсе всего, что происходит в любую секунду.

Эти слова устыдили было Анну, но через минуту она уже овладела собой.

— Простите, если я слишком самонадеянна. Но вам следовало бы знать, что вот эта женщина заявляет, будто все, что происходит, то есть все события последних четырех лет, вызваны пришельцами! Она говорит, что нас обманули! И все это шутки существ из космоса или откуда-то еще! Что вы скажете на столь мерзостные речи?

— Но ведь ангелы и *есть* внеземные существа, хотя и не все пришельцы — ангелы. Как я уже говорил, это ваша проблема. Вы уже повзрослели достаточно, хотя, конечно же, остались детьми Господа. Все, я ухожу. Храни вас Господь.

Джонс взобрался на коня, поскакал вниз по ущелью и вскоре скрылся из виду. Кельвин, поднявшийся на уступ высокого холма и следивший, как тот уезжает, услышал хлопок, словно лопнул воздушный шарик — это воздух устремился в неожиданно образовавшийся в пространстве вакуум.

Через пять минут Кельвин спустился к костру.

— Если Джонсу был нужен жеребец, почему он не мог просто забрать его, ничего не объясняя? — удивилась Анна. — Наверняка он мог бы сделать это, даже не покидая города.

— Наверное, для осуществления телепортации нужно, чтобы телепортер присутствовал физически, — ответила Дана.

— Телепортация? — возмутилась Анна. — Ты дубина, нам же явился ангел. Ангелам не нужно прибегать к телепортации.

— Телепортация — всего лишь термин, используемый для описания феномена, — отмахнулась Дана. — Сущность же феномена не меняется, кто бы его ни осуществлял — ангел или пришелец.

— Нет, ты все-таки язычница, — вспыхнула Анна. — Ангел, должно быть, подумал, что мы — сборище куриных мозгов, если не видим того, что так очевидно. Он просто посмеялся над нашей тупостью.

— А может, он смеялся потому, что я сказала правду, а вы не поверили, — настаивала Дана.

— Но если он на самом деле — одно из твоих внеземных созданий, явившихся из космоса, то почему он просто-напросто не уничтожил нас, — не унималась Анна, — или хотя бы не телепортировал в город? Для него ведь это так просто.

— Не знаю, — сказала Дана Вебстер, — возможно, таким образом они проверяют нас, чтобы решить, какую работу можно нам поручить. Те, кто одолеют столь трудный путь к городу, получают что-то вроде утешительного приза. Или станут племенными жеребцами для выведения новой породы суперрабов. Не знаю.

Кельвину совершенно не понравился эффект, произведенный словами Даны. Похоже, многие члены отряда очень серьезно задумались над ее предположениями.

Той ночью пошел страшный дождь, такой же, как и каждую ночь на протяжении трех лет. Все промокли до нитки, но никто не подхватил насморк и не заболел пневмонией или еще чем-нибудь простудным. Хотя до того как начались катаклизмы, многие часто страдали от насморка, аллергии на цветочную пыльцу или же были подвержены различным степеням эмфиземы. Что-то предохраняло людей, продвигающихся к Возлюбленному городу, от всех болезней, и наступившим утром Кельвин обратил на это особое внимание. Он посчитал сей факт доказательством того, что все они избавлены от телесных немощей и хворей и не будут подвержены старению в течение тысячи лет. С другой стороны, микроорганизмы не прекратили своего воздействия на мертвые тела. Мясо по-прежнему портилось, а мертвая плоть животных и людей гнила. Без сомнения, в таком различном подходе усматривалось провидение Господне. Потому что с какой стати Враг или пришельцы будут даровать человеческим существам иммунитет от болезней?

— Я не знаю, — сказала по этому поводу Дана Вебстер. — Но все должно проясниться. Интересно, а язычникам тоже дарован такой же иммунитет? Если да, то в данном вопросе Бог

ни при чем, то есть Он не отвечает за распределение иммунитета. Конечно же, Он в принципе первично ответствен за все, что происходит, а значит, ничто не может произойти без Его разрешения.

Кельвин подумал, что сейчас Дана поднимет вопрос о том, как хороший Бог вообще допустил существование зла, но она не стала тратить время на пустые обсуждения.

Проходили дни и ночи, люди по-прежнему сгорали под палящим солнцем и мерзли и мокли по ночам. Позади уже осталась тысяча миль пути по пустынным берегам моря, и предстояло пройти еще тысячу.

Дана Вебстер даже превзошла всеобщие ожидания. Ей не было равных в ловле ящериц, она просто гениально находила огромные количества саранчи и стаи великолепных птиц, добывала при помощи пращи маленьких пустынных лис. Добыча, которую Дана приносила в общий котел, выглядела не слишком аппетитно, но была питательной и наполняла желудок. Даже Анна признала, что отряд стал гораздо лучше питаться с тех пор, как к ним присоединилась Вебстер. Но Анна также полагала, что, возможно, охотничий талант Даны вызван ее странной властью над животными. И кто знает, может, все это от того, что Вебстер — одна из слуг Зверя. Или, вернее, одна из бывших слуг, поскольку Зверь сейчас обречен на вечные муки в озере из горячей серы. Но даже бывшие слуги, конечно, оставались преданными злу.

Кельвина раздражала позиция Даны Вебстер, хотя сама она очень нравилась ему. И порой, в порывах честности, Кельвин признавался себе, что влюбился в Дану. Конечно же, он не говорил ей об этом, поскольку не мог жениться на язычнице. Времена, когда христиане женились на язычницах, безвозвратно канули в прошлое и уже не вернутся. Теперь уже не приходилось сомневаться в существовании четкой грани, разделяющей добро и зло. Особенно если речь шла о женитьбе. Но Кельвин все еще колебался, когда вставал вопрос, касающийся честности людей и их устремлений. Он не был уверен в истинной сущности Даны Вебстер. Иногда она говорила вещи настолько близкие к богохульству, что Кельвин чувствовал отвращение. Или неловкость. И ему действительно часто было очень неловко и беспокояно, потому что в словах Даны проскальзывал какой-то смысл. Иногда же Кельвин думал, что Дана истинная христианка, просто она никому не верит на слово, а потому — чересчур подозрительна. Но, с другой стороны, разве в этом мире, где все выглядит столь ненадежным, можно быть таким чрезмерно подозрительным?

Какова бы ни была правда, Кельвин знал, что желает эту женщину, как ни одну раньше, даже Анну, — с тех пор как жена предала его. Может, в нем все еще сидит зло, влекущее к женщине, завербованной Сатаной? Но ведь ему нравилась и Анна, которая уж точно была не на стороне Врага. К тому же не имелось никаких доказательств, что Дана — одна из слуг Зверя.

Кельвин думал, что вряд ли где-то в глубине его души все еще таится остаток зла. Он отказался последовать за Зверем, пережил катаклизмы и низвержение Антихриста, и вторая смерть не имела над ним власти. Приговор ему уже вынесен — раз и навсегда.

Но, возможно, ему все еще необходимо совершенствоваться, может, в нем сохранились какие-то частицы зла, и тысяча лет на то и дана, чтобы очиститься полностью? Может, поэтому и должно было наступить это тысячелетие? Чтобы оставшиеся в живых христиане могли искоренить в себе остатки зла. Но тогда, могут ли очиститься умершие, и кто предстанет на втором Страшном суде, и кому будут даны новые тела? И почему они не должны пройти сквозь огонь этих страшных тысячи лет?

Дана долгое время не заводила разговор о своих теориях по поводу всего происходящего. Но как-то вечером она предложила новую версию.

— Разум пророков, чьи предсказания наиболее близки к реальному развитию событий, содержит врожденный компьютер. И они не являются настоящими пророками, в том смысле, что не могут на самом деле заглянуть в будущее. Напротив, их разум, конечно же, бессознательно, исчисляет наибольшие вероятности и выдает самый подходящий набор событий, который они и предсказывают, или, вернее, выбирают. Ваши истинные пророки наделены талантом, который не является ясновидением, а представляет собой отбор наиболее вероятных вещей. Пророк видит *возможное* как уже реализованное, хотя очень смутно и в общих чертах. Видение его должно быть непременно облечено в символические картинки, потому что он не может понять то, что видит. Не может потому, что он — существо из настоящего времени, а будущее содержит множество неизвестного.

— Но Иоанн увидел то, что открыл ему Господь, — возразила Анна. — Бог не станет показывать то, что всего лишь вероятно, Он откроет только то, что определено.

— Иногда пророк видит две смешанные вероятности будущего, — сказала Дана. — Он не может отличить возможное от очень возможного и видит одну целостную картину. Но на самом деле он свидетельствует о части одного вероятного

будущего, вставленного в целостность другого. Возможно, поэтому Иоанн увидел два воскрешения, тысячелетие между ними и все прочее. Он увидел два или больше перемешанных будущих. Но только реальное развитие событий прояснит, какое же будущее в действительности наиболее вероятно. Ты понимаешь?

— Я полагаю, что он к тому же увидел пришельцев и подумал, что это ангелы, — съехидничала Анна.

— Все может быть.

— Она говорит все это, чтобы запутать нас и сбить с пути истинного! — прокричала Анна, вскакивая.

— Но тебя уже ничто не может сбить с пути, — сказала Вебстер. — С пути может сойти только язычник.

— Нет — если твоя теория верна, — выпалила Анна, в явном замешательстве посмотрев на Дану.

Все люди в отряде были очень расстроены. Видя, что ситуация не исправляется, хотя Вебстер уже и не заикалась о своих теориях, на следующую ночь Кельвин провел совещание. Он посадил Дану немного в стороне и заговорил с остальными.

— Нам следует стать святыми, но мы определенно не ведем себя подобно святым. Я слышал, что некоторые из вас, а именно Анна, настаивают на убийстве Даны. Вы даже не хотите просто выгнать ее из отряда, потому что тогда она сможет найти других язычников и повести их в атаку на нас. Или стать матерью новых язычников, а мы не можем позволить им размножаться. Анна, сможешь ли ты хладнокровно застрелить Дану, если мы приговорим ее к смерти?

— Это не будет сделано хладнокровно, — ответила та.

— Может, тогда ты сделаешь это с ненавистью? Или с нехристианским желанием пролить кровь?

— Когда-то ненависть была грехом, — сказала Анна. — Но пришла первая смерть, старые порядки канули в небытие, и пришли новые порядки. Заблудшие овцы более не возвращаются в стадо. Тот, кто хоть раз показал себя язычником, останется им навсегда. Да будет так.

— Старые порядки не исчезнут до второй смерти, — сказал Кельвин. — Позвольте мне процитировать двадцать первую главу Откровения: «Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло». И не забудьте о том, что сказал Иоанн в главе двадцатой: «И судимы были... сообразно с делами своими». Если мы убьем Дану Вебстер, нас будут судить за то, что мы содеяли, то есть за убийство.

— Но ты же говорил, что наш приговор уже вынесен — раз и навсегда! — возмутилась Анна. — И вспомни, что сказал ангел. Что бы мы ни сделали — все будет правильным!

Кельвин немного помолчал. Все было запутанно и неясно, совсем не так, как предполагалось после низвержения Зверя. Или, может, они неправильно истолковали истинный смысл Апокалипсиса? Но каков же этот смысл на самом деле? Иоанн не сказал этого, даже не намекнул. И Кельвину, как и многим другим, оставалось только строить предположения.

Затем Анна сказала, что им всем придется голодать, если надо будет кормить Дану Вебстер, и что нужно ее убить до того, как она произнесет еще хоть одно слово богохульства.

— Но мы стали лучше питаться с тех пор, как Дана присоединилась к отряду, — возразил Кельвин. — Ты же прекрасно знаешь об этом, Анна. Зачем же ты врешь? Люди, послушайте, среди загадок и неясностей этого раскаленного и пыльного мира есть по крайней мере две совершенно ясные вещи. И во имя них мы должны жить, и во имя них мы должны умереть. Одна — любовь к Богу. Другая — любовь к ближнему своему. Поскольку Дана заявляет, что она христианка, мы должны обращаться с ней соответственно, пока не добудем доказательства обратного.

— Многие из нас попали в руки мучителей и палачей, потому что думали так же, как ты, — сказала Анна.

— Ты права, — ответил Кельвин. — Но все должно быть именно так. Мы возьмем ее с собой в Возлюбленный город, а уж там узнаем всю правду.

Анна отошла в сторону. Остальные члены отряда тоже не очень-то радовались решению Кельвина, но в столь трудные и опасные времена не было возможности для общих дискуссий. Нравилось это кому-то или нет, но судьба всех зависела от оперативного руководства одного надежного человека.

Все еще бледная, но улыбающаяся Дана подошла к Кельвину и поцеловала его в губы. Волна желания накатила на Кельвина, но он осторожно отстранил Дану. Он не может сейчас жениться на ней, и, наверное, этого не случится никогда. Никто не узнает — что разрешено, а что нет, пока отряд не доберется до города. Если же позволить страсти взять верх над здравым смыслом и жениться на Дане сейчас, товарищи подумают, что он ставит себя выше общих интересов. И будут правы.

Ночью Кельвину никак не удавалось заснуть. Он чувствовал, как все его существо сквозь темноту стремится к Дане, будто душа пытается поднять тело и перенести его по воздуху к этой женщине. Лил сильный дождь, и Кельвин, свернувшись

калачиком под выступом скалы, больше всего на свете хотел ощущать теплое тело Даны рядом с собой под одеялом. Спустя некоторое время Кельвин наконец-то уснул.

Он проснулся от выстрелов, криков, ругательств, звяканья стальных клинков, вонзающихся в плоть, затем услышал выстрелы со стороны своих проснувшихся товарищей.

Кельвин успел один раз выстрелить, увидел, как впереди упала темная фигура, и тут почувствовал сильный удар в голову.

Очнулся он сразу после рассвета, связанный по рукам и ногам, ощущая такую жуткую головную боль, что казалось, в мозгу застрял раскаленный камень. Шестеро нападавших, одетых в изорванную черную с золотом униформу солдат Зверя, стояли над уцелевшими членами отряда. Малышка Джессика Кренвел лежала без сознания на спине и стонала — жить ей, очевидно, оставалось очень недолго. Лежавшая рядом с ней Дана Вебстер поднялась и подошла к Кельвину. Выглядела она целой и невредимой. И в руках держала ружье.

— Значит, Анна была права, — подавив стон, сказал Кельвин.

Вопреки его ожиданиям Дана не выразила ни малейшей радости.

— Я тут ни при чем, — ответила она, указывая на угрюмые лица язычников. — По крайней мере, я не просила их идти в атаку. Они разрушили мои планы войти в Возлюбленный город вместе с вашим отрядом. Теперь мне придется искать другую группу глупцов или попытаться втереться в доверие к ангелам-хранителям города, убедив их, что я — та, за кого себя выдаю. А это очень непросто.

— Не понимаю, — пробормотал Кельвин, морщась от боли при каждом слове. — Если ты хотела выдать себя за христианку, то зачем так яростно пыталась доказать, что этот Апокалипсис — ложный? Зачем строила какие-то теории о пришельцах?

— Задолго до того, как мы дошли бы до города, я бы притворилась, что полностью перестроилась на ваш образ мышления. Я бы раскаялась в совершенных ошибках. И вам было бы гораздо легче принять меня, поскольку я сделала бы вид, что удручена своим горьким опытом и что исправилась и знаю теперь путь истинный. И тогда у тебя уже не осталось бы сомнений по поводу женитьбы на мне, правда?

— Честно говоря — да. Я бы порадовался переменам в тебе и ухватился за возможность жениться. Но я бы женился только в том случае, если бы ты ясно дала понять, что хочешь этого так же, как я.

— Ну уж я бы сделала так, чтобы у тебя не оставалось и капли сомнения, — сказала Дана. — И тогда, став твоей женой и членом отряда верующих, я бы начала сеять зернышки сомнений там и сям, тайком орошая их, все время определяя слабые и сильные стороны города и готовясь к тому дню, когда мы пойдем в атаку.

— Мы?

— Новые правители Вселенной назначили нас своими наместниками на Земле. Мы — раса избранных, пастухи человеческого стада. Еще до того, как все это началось, с нами связались, рассказали, как все будет происходить, и объяснили наши обязанности. И все случилось так, как нам и говорили. Новые правители — истинные пророки, а не какие-то полусумасшедшие островитяне. Они знали, что напряжение, накопившееся внутри Земли, вызовет мощнейшие, ранее не виданные землетрясения и что к Земле направляется группа гигантских астероидов. Новые правители запустили астероиды много веков назад, они располагают устройствами для накопления энергии под земной поверхностью и приведения такой энергии в действие в любой желаемый момент.

— Они? — Кельвин поморщился, почувствовав, как камень в мозгу накаляется и становится все больше.

— Да, существа, населяющие планету-спутник одной из звезд в созвездии Андромеда. Они — истинные правители Вселенной, выполняющие свою священную миссию. Они могут передвигаться по межзвездному пространству со скоростью, во много раз превышающей скорость света. Но существует и другая раса, наделенная такими же силами и возможностями, но это — раса зла, враждующая с андромедами с давних времен.

Кельвин застонал — боль, терзавшая душу, была еще мучительней, чем та, от которой раскалывалась голова.

— Где-то я уже слышал нечто подобное, — сказал он. — Я не имею в виду научно-фантастические рассказы, которыми мы частенько увлекались, пока Зверь не запретил подобные книги.

— Все это сказано в Библии, — ответила Дана, — но в несколько искаженной форме. Я не обманула, когда сказала, что некоторые люди могут вычислять наиболее вероятное будущее. Хотя, конечно, лишь в какой-то степени — в общих чертах и неточно. Тем не менее арктуриане собирались захватить Землю и безраздельно властвовать на ней, перебив андромедян. Арктуриане — это те, кого вы принимаете за ангелов. Именно они собираются построить Возлюбленный город, который, как они думают, станет надежной крепостью для удержания власти на Земле.

— Даже если заточить Сатану на веки веков, помощники его останутся на свободе, — сказал Кельвин. — Но и они не смогут долго творить свое зло. Тем более целую тысячу лет.

— Ты все еще веришь в свою дурацкую старую сказку? — засмеялась Дана.

— Нет, это ты веришь в новые сказки, — ответил Кельвин. — Но попытайся поразмыслить логически. Тебе приходится верить, что злые духи на самом деле не духи, а существа с какой-то звезды. И, конечно же, эти существа — добрые, ведь никто не станет вступать в союз с силами, цель которых — зло. Нет, цели и намерения должны быть добрыми, независимо от того, какое зло надо свершить для их осуществления. А мы, христиане, конечно же, плохие. Ведь Врагу всегда приходится думать о себе как об олицетворении добра.

Несколько язычников, держащие в руках ножи и зажигалки, приближались к Кельвину.

— Я должна идти, — сказала Дана Вебстер, — у меня еще много дел. Тебе же придется остаться с ними. Они очень разозлятся, если я убью тебя и сорву их планы. Но эти люди нужны мне, а потому сейчас они получают то, чего хотят. Я даже в некотором смысле расстроена, поскольку не люблю пыток. Но порой без них не обойтись.

— Между мной и тобой, между нами и такими, как ты, существует огромная разница, — проговорил Кельвин. — Мне жаль тебя, Дана Вебстер, жаль от всего сердца. Даже сейчас я хотел бы, чтобы ты увидела свет и узнала Господа так, как знаю его я. Но уже слишком поздно. Тысяча лет началась, и участь твоя predetermined.

И когда я буду молить о пощаде тех, кому неведомо сострадание, и закричу, пытаюсь преодолеть уготовленные мне муки, то какими бы долгими они ни показались — всему придет конец. И я возрожусь в новом теле, и канут в небытие все старые порядки, и не будет более ни смерти, ни печали, ни боли.

— Ты отвратительный, эгоистичный глупец! — крикнула Дана.

— Время покажет, кто из нас глупец. Уже и без того ясно, кто из нас служил людям и Господу.

И когда наступила смерть, по лицу Кельвина пробежала мимолетная улыбка, — улыбка, которую Дана Вебстер не поняла бы, да и не могла бы понять.

ВТОРНИЧНЫЙ ЛОМТИК МИРА

Попасть в Среду почти невозможно.

Как каждый, у кого есть хоть сколько-нибудь воображения, Том Пим часто думал, каково живется в других днях недели. Даже некоторые телешоу спекулируют этим. Том Пим участвовал в нескольких из них, однако у него никогда не возникало настоящего желания покинуть свой мир. А потом сгорел его дом.

Это произошло накануне восьмого дня весны. Он проснулся и увидел пепел и пожарных. Один из них, в белой асбестовой одежде, жестом приказал ему оставаться внутри. Через пятнадцать минут другой человек в таком же костюме дал знать, что опасность миновала. Нажав кнопку, Том Пим открыл дверь — и его ноги на три дюйма погрузились в пепел. При тушении пожара верхний слой пепла намок и превратился в корку, под которой все еще сохранялось тепло.

Он спросил, что случилось, хотя в этом не было никакой необходимости.

— Мы полагаем, короткое замыкание, — ответил пожарный. — Но точно пока не знаем. Это началось сразу после полуночи, как раз между окончанием среды и тем моментом, когда мы заступили на смену.

«Все-таки пожарные и полицейские живут не так, как другие люди, — подумал Том Пим. — Несмотря на то что они, как и все остальные, ограничены рамками полуночи, график жизни у них совсем другой».

Тем временем его соседи вышли из своих каменаторов, или, как их часто называли, «гробов». Еще шестьдесят остались заняты, ожидая своего часа.

Людям нужно было явиться на работу к 8.00, и все проблемы с новой одеждой и жильем следовало решить до начала

рабочего дня, так как телестудия, где они работали, готовила большое шоу, а времени оставалось только сто сорок четыре дня.

Они позавтракали в центре первой помощи. Госорганизации легко нашли бы для Тома вполне благоустроенное жилье, но он решил позаботиться об этом сам и, обратившись к одному из работников центра, спросил, не знает ли он подходящей квартиры.

Тот знал: такая квартира находилась всего в шести кварталах от сгоревшего дома Тома Пима; ее бывший хозяин, гример, недавно умер, и жилье, похоже, еще не было занято. Том тут же побежал звонить, но, как выяснилось, напрасно, поскольку офис открывался только в десять. Об этом его проинформировал автоответчик — рыжеволосая красотка с турмалиновыми глазами и очень сексуальным голосом. Она произвела бы на Тома большое впечатление, если бы они уже не были знакомы — девица играла несколько небольших ролей в двух его шоу. А потому он знал, что этот сводящий с ума голос ей не принадлежит, — как, впрочем, и цвет глаз.

В полдень он позвонил еще раз и попросил ответившую ему через десять минут миссис Белифилд послать запрос на квартиру. Та сделала ему выговор за то, что он не позвонил раньше: мол, такие дела за один день не делаются, и Том, устав объяснять ей свое положение, решил на все плюнуть. Бюрократы!

Этой ночью он пошел в ночлежку, где под действием индукционного поля (час сна в котором заменяет два) проспал необходимые четыре часа, а проснувшись, направился в свой цилиндр. Секунд десять он стоял в нем, вглядываясь сквозь прозрачные двери других цилиндров в серые фигуры внутри, затем нажал кнопку и вскоре уже был без сознания.

В ночлежке ему пришлось провести еще три ночи. Еще три дня весны, а осталось только пять. Правда, в Калифорнии это не имеет никакого значения. А вот когда он жил в Чикаго, зима была похожа на тополиный пух на ветру, весна — на зеленый взрыв; лето несло с собой буйство света и горячее дыхание; осень походила на пьяного шута в ярком костюме, упавшего в грязную лужу.

На четвертый день Том получил извещение о том, что наконец-то может переехать в ту самую квартиру. Это оказалось сюрпризом: он знал с дюжину человек, которые в ожидании жилья по году — сорок восемь дней или около того — прожили в ночлежках.

Том переехал на пятый день; чтобы наслаждаться жизнью, в запасе у него оставалось еще целых три дня весны. Однако два из них пришлось потратить на покупку одежды, продуктов и

других вещей, а также на знакомство с соседями. Иногда он жалел о том, что посвятил свою жизнь искусству. Телевизионщики напряженно работали пять, а то и шесть дней, тогда как сантехник, к примеру, только три из семи.

Его новое жилище оказалось так же велико, как остальные, а дополнительная прогулка протяженностью в шесть кварталов была даже полезна. В доме жили восемь человек в день, включая его самого.

В тот вечер Том попросил Мейбл Курту, невысокую, с пышными формами женщину лет двадцати пяти, работавшую секретарем продюсера, познакомить его с жильцами и порядком дома. А чтобы переезд был окончательно завершен, Тому оставалось лишь убедиться, что его каменатор привезен и установлен, после чего можно было забыть о хлопотах и расслабиться.

Мейбл Курта, взявшая на себя обязанности гида, сопроводила его в каменаторную. Она трижды разводилась, и теперь замужество для нее ничего не значило (до тех пор, конечно, пока не появится мистер Настоящий). Том тоже не раз разводился и в данный момент был не прочь жениться опять, но ей об этом не сказал.

— Пойдем посмотрим на твою спальню, — сказала Мейбл. — Она маленькая, но, слава Богу, звукоизолированная.

Том двинулся было за ней, но вдруг замер на месте.

Мейбл оглянулась:

— В чем дело?

— Эта девушкака... — В каменаторной стояло шестьдесят три высоких серых цилиндра, и Том смотрел на обитательницу ближайшего из них. — О-о!.. Как она прекрасна!

Если Мейбл и ревновала, то ловко скрыла это.

— Да, пожалуй!

У девушки были длинные ноги, лицо, которое поражало бы Тома при каждой встрече, даже если бы они виделись по тысяче раз в день; черные, слегка вьющиеся волосы и стройная фигура. Ее открытые глаза в тусклом свете казались фиолетово-голубыми. Одета она была в тонкое серебристое платье.

Табличка над дверью гласила: «Дженни Марлоу. Родилась в 2031 году, Сан-Марино, Калифорния (следовательно, ей двадцать четыре года). Актриса. Не замужем. Житель Среды».

— В чем дело? — спросила Мейбл.

— Ни в чем.

Как мог он рассказать о сладкой боли в паху, возникающей от страсти, которая не может быть удовлетворена? Боли при виде прекрасного.

— «Желанья наши — прах пред волей Рока. Любовь, не спрашивая нас, разит вслепую».

— Что? — переспросила Мейбл и рассмеялась: — Ты, должно быть, шутишь?

Она не сердилась, поскольку понимала, что Дженни Марлоу не могла соперничать с ней — ведь эта женщина все равно что мертва. И была права: Том жил во Вторнике, а Мейбл недурна, достижима и даже, после нескольких стаканчиков, довольно соблазнительна.

После шести они вернулись в комнату отдыха, где уже находилось большинство жильцов. Одни слушали свои наушники, другие, переговариваясь, смотрели по телевизору сводку новостей. Всем хотелось знать, что случилось в нынешний и прошлый вторник.

Спикер дома вышел в отставку. Причина: истечение срока службы, а также неизлечимая болезнь. Он уже расплатился за фамильное кладбище в Миссисипи, где для него зарезервирован пьедестал. Когда наука откроет секрет омолаживания, он сможет выйти из каменатора.

— Он выйдет, когда рак свистнет! — сказала Мейбл, скривив губы.

— О, я думаю, они решат эту проблему, — заметил Том. — Ученым уже удалось приостановить процесс старения у кроликов.

— Я не это имела в виду, — ответила она. — Я уверена, они придумают, как омолаживать людей. И что тогда? Ты думаешь, всех их действительно собираются раскаменить? С теми, что будут жить тогда, население удвоится, утроится, а то и учетверится! Ты думаешь, их не оставят в каменаторах? — Она рассмеялась и добавила: — А что без них будут делать голуби?

Том обнял Мейбл за талию и представил себе, что обнимает ту девушку. Впрочем, у той на талии наверняка не было ничего лишнего.

«Забудь о ней. Думай о реальном. Смотри новости».

Миссис Уайлдер ударила кухонным ножом сначала своего мужа, а потом себя. Сразу же после приезда полиции оба были закаменены и отправлены в госпиталь... Выясняется причина ухудшения работы окружного правительства. Получены жалобы, что работники Понедельника не установили компьютеры для смены Вторника. Дело направлено в соответствующие инстанции обоих дней... База Ганимеда сообщает, что Большое Красное Пятно на Юпитере испускает слабые, но отчетливые импульсы, в которых прослеживается некая закономерность.

Последние пять минут программы были посвящены выдающимся событиям других дней. Миссис Кутмар, заведующая дома, переключила телевизор на другой канал, где демонстрировали комедию, — никто не возражал.

Том ушел, предварительно сообщив Мейбл, что собирается лечь спать рано и один, поскольку впереди у него трудный день. А сам на цыпочках спустился в холл и направился в каменаторскую.

В помещении, озаренном мягким светом и наполненном множеством теней, было тихо. Шестьдесят цилиндров стояли, как древние колонны подземного зала сгоревшего города. Пятьдесят пять мутно-белых бесстрастных лиц виднелись за светлым металлопластиком. У некоторых глаза были открыты; но большинство их закрыло в ожидании появления поля.

Том посмотрел на Дженни Марлоу и опять затосковал. Она вне его досягаемости, не для него. До среды оставался всего один день. Нет, всего лишь четыре с половиной часа.

Том дотронулся до двери — гладкая и слегка прохладная. Девушка смотрела на него. В ее опущенной правой руке был зажат ремешок портмоне. Когда дверь откроется, она шагнет наружу. Некоторые, перед тем как отправиться в каменатор, принимали душ и приводили в себя в порядок, чтобы после раскаменения не терять времени на туалет.

Тому тоже хотелось выйти из своего «гроба» в то же самое время.

Но он был заперт в Среде.

Том вел себя как шестнадцатилетний мальчишка. Ему было шестнадцать приблизительно сто шесть лет назад, но это не имело значения. Психологически ему было тридцать.

Поднявшись на второй этаж, он чуть было не вернулся, чтобы еще раз взглянуть на девушку, но заставил себя пойти в свою комнату и решил, что сразу же уснет. Может быть, она ему приснится. Говорят, что сны — исполнение желаний. Если это так, то он увидит ее. Правда, до сих пор данное свойство сновидений еще не было доказано, а вот то, что человек, лишенный сна, сходит с ума, сомнений не вызывало. Поле, создаваемое гипномашиной, погружало человека в сон. Ровно через четыре часа спящий пробуждался и отправлялся в каменатор, где иное поле приостанавливало всякую атомную и субатомную активность. В таком состоянии он оставался до появления активирующего поля.

Том спал, но Дженни Марлоу не пришла к нему. А если и приходила, то он этого не помнил.

Проснувшись, Том умылся и решительным шагом направился в каменаторскую, где уже стояло все население дома,

выкуривая последнюю сигарету, разговаривая и смеясь. Скоро они войдут в свои цилиндры, и воцарится тишина.

Том часто думал: а что бы случилось, если бы в один прекрасный день он не вошел в свой каменатор? Как бы он себя чувствовал? Паниковал бы? Вся жизнь Тома состояла из Вторников. Может быть, Среда с грохотом обрушится на него, как приливная волна, подхватит и швырнет на рифы странного времени?

Что, если сейчас найти какую-нибудь причину, подняться наверх и не возвращаться до появления поля? Тогда он не сможет войти в свой цилиндр, двери которого открываются только в строго определенное время. Правда, можно успеть добежать до общественных аварийных каменаторов, что в трех кварталах отсюда. А если он останется в своей комнате и дождется Среды?

Такие происшествия случались. Если у нарушителя не было разумной причины, он шел под суд. «Несоблюдение времени» считалось вторым по тяжести преступлением после убийства, и не имевшего оправдания, будь он в своем уме или нет, приговаривали к закаменению. Или, другими словами, *мананирования*. *Мананированного* преступника, неподвижного и бессознательного, надлежало сохранять невредимым до тех пор, пока наука не найдет способа лечить безумцев, невротиков, преступников и больных. *Манана*.

— Как оно там, в Среде? — спросил Том человека, который однажды из-за аварии вынужден был остаться.

— Откуда мне знать? Меня взяли минут через пятнадцать. Я был в том же городе, но так и не увидел ничего, кроме нескольких медбратьев из «скорой». Они закаменили меня и так оставили до Вторника, а во Вторник меня начали лечить.

«А если бы я потерял сознание?» — подумал Том. Но... даже думать о таких вещах было сумасшествием. Попасть в Среду было почти невозможно. Почти. Но возможно. Это займет много времени, но это можно сделать.

Он в нерешительности стоял у своего каменатора. Соседи уже начали прощаться:

- До встречи! До свидания! До Вторника!
- Спокойной ночи, любимый! — сказала Мейбл.
- Спокойной ночи, — пробормотал Том.
- Что?
- Спокойной ночи!

Том взглянул на прекрасное лицо за прозрачной дверью и улыбнулся: ему вдруг показалось, что *она могла услышать*, как он пожелал спокойной ночи женщине, которая назвала его любимым.

У него оставалось еще десять минут. По всему дому гудел сигнал: «Все собирайтесь! Пора отправляться в шестидневное путешествие! Бегом! Помните о наказании!»

Том помнил, но ему хотелось оставить сообщение для незнакомки. Взяв со стола диктофон, он включил его и сказал: «Дорогая мисс Дженни Марлоу. Меня зовут Том Пим; мой каменатор стоит рядом с вашим. Я тоже актер; мы даже работаем с вами на одной студии. Я знаю, что поступаю несколько самонадеянно, но хочу вам сказать, что никогда не видел столь совершенной красоты. Вы очень красивы и, наверное, очень талантливы. Я бы с удовольствием посмотрел какое-нибудь из ваших выступлений. Не могли бы вы оставить для меня что-нибудь в пятой комнате? Думаю, хозяин не будет возражать. Искренне ваш Том Пим».

Он положил диктофон и задумался. Послание получилось немного нескладным, но, вероятно, это было то, что надо. Чрезмерная лесть или настойчивость могли бы попросту вывести Дженни из себя. Он дважды отметил ее красоту, но не слишком акцентировал на этом внимание. И ей трудно будет противиться проявлению внимания к предмету ее гордости — актерскому мастерству. Никто не знал об этом лучше его.

Том вошел в свой цилиндр, нажал на кнопку и посмотрел на часы. Пять минут до полуночи. Лампочка на огромном экране компьютера в полицейском участке не вспыхнет из-за него. Через десять минут полицейские Среды выйдут из своих каменаторов и приступят к своим обязанностям.

Десять минут между двумя днями. За это короткое время можно разрушить ад, и порою так и происходит. Но за то, чтобы стены времени стояли непоколебимо, приходится платить...

Том открыл глаза. Его ноги немного затекли, а голова качнулась вниз. Активация длится миллионную долю микросекунды, и сердце никогда не узнает, что было остановлено надолго, но мышцы все же не успевают моментально среагировать и удержать тело в прежнем положении.

Том нажал на кнопку и открыл дверь. Всякий раз, когда это происходило, ему казалось, что он включал новый день. Прошлой ночью, перед тем как войти в каменатор, Мейбл сделала макияж и теперь выглядела подчеркнуто свежо. Том сделал ей комплимент, отчего она радостно улыбнулась, и пообещал встретиться с ней за завтраком.

Поднимаясь наверх, Том остановился на полпути, дождался, когда все разбрелись по своим комнатам, затем тихонько вернулся в каменаторную и включил диктофон.

Голос с легкой хрипотцой, но мелодичный, сказал: «Дорогой мистер Пим. Я уже получала сообщения из других дней. Это интересно — общаться через бездну миров, если вы не возражаете против такого преувеличения. Но в подобном общении, если оно не ново, нет никакого смысла. Интерес к обитателю другого дня может принести только разочарование. Ведь этот человек — всего лишь голос и холодное неживое лицо в металлическом гробу. Я слишком поэтична. Извините. Но если человек вас не интересует, чего ради поддерживать отношения? Может, я и красива, но, помимо красоты, у меня есть и чувства.

Я могла бы вообще не ответить на ваше послание, но мне бы не хотелось обидеть вас или показаться невежливой. Так что, пожалуйста, не оставляйте больше сообщений».

Диктофон умолк, но Том ждал. Может быть, она сделала паузу для эффекта? Вот сейчас раздастся игривый смешок, и она скажет: «Но я не люблю огорчать мою публику. Пленка с записью моих выступлений в вашей комнате».

Однако молчание затянулось. Том выключил диктофон и пошел завтракать.

С 14.40 до 14.45 на работе полагалось отдыхать. Том лег в кровать, нажал на кнопку и через минуту уже спал. На сей раз Дженни ему приснилась; она была белой сияющей фигурой, появившейся из темноты и плывшей ему навстречу, и выглядела еще красивей, чем в каменаторе.

На службе Том настолько закрутился, что домой пришел только к ужину. Дольше задерживать его на работе администрация не могла, потому что поужинать на студии возможности не было.

Визгливый голос миссис Кутмар должен был зазвучать в динамике лишь через минуту, и Том еще успел бы сбежать в каменаторную, чтобы еще разок взглянуть на Дженни. Но он не стал этого делать. «Она меня околдовала, — думал он по пути в гостиную. — Нелепость какая. Я взрослый мужик, в конце концов. Может, стоит показаться психиатру?»

Да, напиши заявление и жди, пока психиатр найдет для тебя время, — дней триста, если повезет. А если этот психиатр не поможет, пиши заявление другому и жди еще триста дней.

Заявление... Том замедлил шаг. Заявление. А как насчет запроса, но не психиатру, а о переходе? Почему бы и нет? Что он теряет? Может, конечно, ничего не выйдет, но попытка-то не пытка.

Но даже достать бланк для запроса оказалось не так-то просто. Чтобы заполучить его, Том провел два выходных в очереди в Центральном городском бюро. Сначала ему дали не тот бланк, и пришлось стоять еще раз. Отдельной очереди для

тех, кто хотел поменять день, не было, поскольку не находилось достаточно желающих, которые могли бы ее составить. Таким образом, ему пришлось выстоять очередь в общий отдел Центра передвижения Департамента важных замен и в Бюро переводов. Ни одно из этих учреждений эмиграцией в другие дни не занималось.

Получив наконец вожденный бланк, Том не отошел от окошка, пока не проверил номер его формы и не попросил служащего перепроверить все еще раз. Очередь за спиной кричала и ругалась, но Том ни на что не обращал внимания и, лишь убедившись, что все действительно в порядке, направился в другой конец огромного зала, где снова встал в очередь — на сей раз к компостеру.

Через два часа он уселся за некое подобие школьной парты с вращающимся верхом, над которой размещался большой экран, вставил бланк в прорезь и, глядя на проекцию, принялся нажимать на компостерные кнопки, помечая нужные места против соответствующих вопросов. После чего оставалось только опустить бланк в другую щель и надеяться, что он не затеряется и всю эту муторную процедуру не придется повторять.

В этот вечер Том спустился в каменаторскую, прислонился лбом к металлической стенке цилиндра и, обращаясь к строгому лицу за дверью, пробормотал: «Должно быть, я действительно влюбился по уши, раз уж отважился пройти через все это. А ты ничего не знаешь. Но даже если бы и знала, то вряд ли оценила бы мой подвиг. Ведь я тебе совершенно безразличен».

Чтобы доказать себе, что он все еще владеет своим серым веществом, Том прихватил с собой Мейбл и отправился на вечеринку, которую устраивал продюсер Сол Вoremволф. Он только что сдал государственный экзамен и получил статус «А-13». Это означало, что в свое время — если, конечно, его не покинут удача и трудолюбие, — он сможет стать исполнительным вице-президентом студии.

Вечеринка удалась, и Том с Мейбл вернулись приблизительно за полчаса до каменирования. Том постарался воздержаться от чрезмерного употребления ликера, дабы не стать легкомысленным и не поддаться чарам Мейбл. Впрочем, он знал, что несмотря на предпринятые предосторожности выйдет из каменирования помятым и в полной мере ощутит все последствия вечеринки, а на работе будет выглядеть и чувствовать себя черт знает как.

С извинениями он отстранил Мейбл и направился в каменаторскую первым. И вовсе не потому, что хотел закаменироваться раньше времени. Сделать это в неурочный час было

невозможно, ведь каменаторы активизировались в строго определенный срок.

Том подошел к цилиндру Дженни и постучал по двери: «Я весь вечер старался не думать о тебе. Мне хотелось быть честным по отношению к Мейбл. Ведь это непорядочно — быть с ней и все время думать о тебе».

В любви все справедливо...

Том записал было для Дженни еще одно сообщение, но, подумав, уничтожил его. Зачем? Кроме того, он знал, что сипит с перепоя, а ему хотелось предстать перед ней в лучшем своем виде.

Для чего ему это? Какое ей до него дело?

Просто ему так хотелось. И в этом не было никакой причины или логики: он любил эту запретную, недостижимую, далекую и в то же время такую близкую девушку.

В каменаторную тихонько вошла Мейбл.

— Ты псих!

Том аж подскочил. Почему? Ему нечего стыдиться. Тогда отчего он так зол на нее? Его замешательство было понятно, а вот гнев...

Мейбл рассмеялась, и Том обрадовался: теперь все можно было обратить в шутку. Он принялся недовольно на нее ворчать. Мейбл послушала-послушала и, развернувшись, удалилась, но через минуту вернулась, ведя за собой остальных жителей дома. Приближалась полночь.

К этому моменту Том уже находился в цилиндре. Неожиданно он вышел, откатил на колесиках каменатор Дженни и развернул свой так, чтобы видеть ее, стоя внутри. Затем вернулся обратно и нажал на кнопку. Пара прозрачных дверей слегка исказила лицо Дженни. Казалось, она переместилась больше, чем просто в пространстве, — во времени, в недостижимости.

Тремя днями позже, зимой, Том получил письмо. Проходя мимо почтового ящика у входа, он услышал жужжание и остановился. Ждать пришлось недолго: через несколько секунд письмо напечаталось и выскочило в щель. Это был ответ на его просьбу перейти в Среду.

Отказано. Основание: нет веских причин для перехода.

Это была правда. Но он не мог сообщить им настоящую причину, которая была менее убедительна, чем указанная. Он прокомпостировал клетку напротив номера 12: «Попасть в Среду, где мой талант мог бы лучше реализоваться».

Он ругался, он пришел в ярость: поменять свой день на любой другой — его человеческое, гражданское право! Это должно быть его правом. Ну и что, что процесс перехода

чрезвычайно хлопотен? Ну и что, что необходимо переслать его документы и все записи о нем с момента рождения? Ну и что...

Том мог злиться сколько угодно, но это ничего не меняло. Он прикован к Вторнику.

— Пока нет, — пробормотал он. — Пока нет. К счастью, я могу подать неограниченное количество запросов. Я пошлю еще один. Они думают, что отвязались от меня? Ха! Ладно, я их доконаю! Человек против машины. Человек против системы. Человек против бюрократии, игра без правил.

Прошло двадцать зимних дней, промчались восемь весенних, и опять наступило лето. На второй из двенадцати дней лета он получил ответ на очередной запрос.

Это был не отказ, но и не согласие. В письме говорилось: если он считает, что ему будет психологически лучше в Среде, поскольку так сказал астролог, то ему следует достать заключение психиатра по поводу астрологического анализа.

Том Пим сделал антраша. Слава Богу, что он живет в такое время, когда астрологов уже не считают шарлатанами. Люди — массы — заявили, что астрология необходима и должна быть легализована и уважаема. Таким образом, закон прошел, и у Тома Пима был шанс.

Он спустился в каменаторную, поцеловал дверь цилиндра и рассказал Дженни Марлоу хорошие новости. Та не отреагировала, но Тому показалось, что ее глаза стали чуть-чуть светлее. Это была, конечно, только игра его воображения, но ему нравилось так думать.

На то, чтобы добиться консультации у психиатра и трижды посетить врача, Том потратил еще один год, еще сорок восемь дней. Доктор Зигмунд Трауринг был другом доктора Стелелы, астролога, и для Тома, таким образом, все упрощалось.

— Я тщательно изучил графики доктора Стелелы и внимательно проанализировал вашу навязчивую идею насчет этой женщины, — сказал доктор. — Я согласен с доктором Стелелой в том, что вы всегда будете несчастны во Вторнике, но не уверен, что в Среде вы станете счастливее. Однако, если вас так заклинило на этой мисс Марлоу, думаю, что вам следует отправиться в Среду. Но только в том случае, если вы подпишете соглашение встретиться с психиатром для дополнительного обследования.

Только потом Том Пим осознал, что доктор мог просто отказать ему, сославшись на большое количество пациентов. Но тогда подобная мысль была бы неблагодарностью по отношению к доктору.

Теперь ему оставалось ждать, пока все необходимые бумаги перешлют в инстанции Среды. Его битва была выиграна только

наполовину, поскольку другой чиновник мог запросто прекратить дело. Но если Том добьется своей цели, что тогда? Дженни может отвергнуть его, и второго шанса у него уже не будет.

Думать о том, что это может случиться, было невыносимо, но ведь и такой поворот событий не исключался.

Том погладил дверь и прижался к ней губами.

— Пигмалион мог по крайней мере прикоснуться к Галатее, — сказал он. — Уверен, что боги — великие немые бюрократы — сжалились бы надо мной, потому что я этого сделать не могу. Уверен.

Психиатр сказал, что Том не способен к настоящим и продолжительным отношениям с женщиной, как и множество мужчин этого мира, привыкших к легкопреходящим связям. Он влюбился в Дженни Марлоу по нескольким причинам. Прежде всего она может походить на кого-нибудь из его детства. Скажем, на мать. Нет? Хорошо. Глубокая и важная правда заключается в том, что он любит мисс Марлоу потому, что она не может отвергнуть его, прогнать или стать надоедливой, ворчать, плакать, кричать и тому подобное. Он любит ее потому, что она недосыгаема и безмолвна.

— Я люблю ее так, как, должно быть, Ахиллес любил Елену, которую видел на стене Трои, — сказал Том.

— А я и не знал, что Ахиллес был влюблен в Елену Троянскую, — заметил доктор.

— Хотя у Гомера об этом не сказано, я знаю, что так должно было быть! Кто мог видеть ее и не любить?

— Черт возьми, откуда мне знать? Я ее никогда не видел! Я так и знал, что ваши заблуждения усилятся...

— Я поэт! — сказал Том.

— Вы имеете в виду само совершенство! Хм-м. Должно быть, она действительно нечто экстраординарное. На сегодня у меня нет никаких планов. Вот что я вам скажу: вы меня заинтриговали. Я заскочу к вам вечером и взгляну на эту невероятную красавицу — вашу Елену Троянскую.

Доктор Трауринг явился сразу после ужина, и Том Пим повел его вниз, через холл, в каменаторную, в недра большого дома, будто гид, сопровождающий известного критика к только что обнаруженной картине Рембрандта.

Доктор долго стоял напротив цилиндра, несколько раз хмыкал и проверял табличку над дверью. Затем он обернулся и сказал:

— Я понимаю, что вы имели в виду, мистер Пим. Очень хорошо. Я дам ход этому делу.

— Разве она не особенная? — спросил Том на крыльце. — Она не из этого мира — фигурально выражаясь, конечно.

— Очень красива. Но я считаю, что вы на пороге великого разочарования, возможно, горя, а то и сумасшествия — терпеть не могу такие ненаучные термины!

— Я использую свой шанс, — сказал Том. — Я знаю, это звучит чужаковато, но где бы мы были, если бы в нашем мире не было чужаков? Вспомните человека, изобретшего колесо, Колумба, Джеймса Ватта, братьев Райт, Пастера... Да вы сами можете продолжить список.

— Едва ли корректно сравнивать этих пионеров науки с собой и своим стремлением жениться. Но, как я уже выяснил, она потрясающе красива. Это чрезвычайно любопытно. Почему она не замужем? Что с ней не так?

— Да она дюжину раз могла выйти замуж! — воскликнул Том. — Главное, она не замужем сейчас! Может быть, она разочарована и поклялась дождаться *того самого* мужчину. Может быть...

— Здесь нет никаких «может быть»! Вы просто невзрастеник, — сказал Трауринг. — Но я верю, что для вас опасней оставаться здесь, чем отправиться в Среду.

— Так вы согласны?! — завопил Том, хватая руку доктора и пожимая ее.

— Возможно. Но у меня есть некоторые сомнения... — Доктор был весьма дальновиден.

Том засмеялся, отпустил руку доктора и похлопал его по плечу:

— Скажите «да»! Ведь вы были по-настоящему потрясены! Только покойник устоит против такой красоты!

— Она в порядке, — сказал доктор. — Но вы должны все обдумать. Если вы попадете туда, а она даст вам от ворот поворот, ваш конец может стать очень печальным — о, как я не люблю использовать такие поэтические слова!

— Нет, этого не произойдет. Мне не может быть хуже. Только лучше. Я смогу хотя бы увидеть ее живой.

Пролетели весна и лето. И в одно прекрасное утро, которое Тому никогда уже не забыть, пришло письмо с разрешением и инструкциями по переходу в Среду. Они оказались достаточно просты. Тому предписывалось лишь дождаться техников, которые должны были переналадить таймер в основании цилиндра. Он никак не мог понять, почему ему не разрешили попросту воспользоваться каменатором одну ночь и спокойно перейти в Среду, но вскоре бросил попытки вникнуть в бюрократическую логику.

Сообщать об этом кому-либо в доме он не собирался, главным образом из-за Мейбл. Но она все равно узнала обо всем на студии, заплакала, увидев его за обедом, и убежала к себе в

комнату. Она очень переживала, но никому не позволила утешать себя.

В тот вечер, когда Том открыл дверь своего каменатора, его сердце билось как никогда сильно. К этому моменту остальные обо всем уже знали, ему не удалось сохранить свою тайну. В общем-то он был даже доволен, что проболтался, поскольку соседи, похоже, обрадовались, наташили напитков и наговорили кучу пожеланий. В конце концов спустилась и Мейбл и со слезами на глазах тоже пожелала ему удачи. Она знала, что Том не любил ее по-настоящему, и надеялась, что кто-нибудь влюбит в нее, вот так же взглянув в ее каменатор.

Узнав, что Том ходил на прием к доктору Трауригу, Мейбл сказала:

— Он очень влиятельный специалист. Сол Вoremволф, который тоже посещает его, говорит, что Трауриг пользуется влиянием и в других днях. К тому же доктор Трауриг издает «Psyche Crosscurrents». Ты, наверное, знаешь — это один из тех немногих журналов, что читают другие люди.

Под другими Мейбл, конечно же, подразумевала тех, кто жил в дни со Среды по Понедельник.

Том сказал, что рад встрече с Трауригом, поскольку тот использовал свое влияние, побудив инстанции Среды пропустить так быстро его запрос. Стены между мирами ломаются очень редко, но очень влиятельные люди делают это, когда их очень попросят.

Немного погодя Том опять стоял, трепеща, перед цилиндром Дженни. В предыдущий раз он думал, что всегда будет видеть ее только в каменаторе. Но теперь уже совсем скоро увидит ее реальной, полной жизни.

— Ave atque vale!* — сказал он громко.

Все радостно закивали. Мейбл усмехнулась:

— Как старо!

Они думали, что Том обращался к ним, — хотя, возможно, так оно и было.

Том вошел в цилиндр, закрыл дверь и нажал на кнопку. Он будет держать глаза открытыми, чтобы...

Сегодня была Среда. И хотя все оставалось по-прежнему, он как будто очутился на Марсе.

Том открыл дверь и вышел. Он видел лица семи человек и читал их имена на табличках, но не знал их.

Начал было здороваться, но вдруг застыл на месте.

Цилиндр Дженни Марлоу исчез.

Он схватил ближайшего человека за руку:

* Здравствуй и прощай! (лат.)

— Где Дженни Марлоу?

— Отпустите. Мне больно. Она ушла. Во Вторник.

— *Вторник! Вторник?*

— Да. Она давно хотела уйти. Здесь было что-то такое, что делало ее несчастной. Она была несчастна, это точно. Два дня назад она сказала, что ее документы наконец-таки приняты. Видимо, тот психиатр из Вторника использовал свое влияние. Он приходил и видел ее в каменаторе, брат.

Стены, люди и каменаторы поплыли перед его глазами. Время водило хоровод вокруг Тома. Это не Среда, это не Вторник. Это никакой день. Внутри он был прикован к какой-то сумасшедшей дате, которая никогда не могла существовать.

— Она не могла сделать это!

— Она это сделала!

— Но... ведь больше одного раза перемещаться нельзя!

— Это ее проблема.

Это было также и его проблемой.

— Я не должен был показывать ее ему! — пробормотал Том. — Сволочь! Свинья! Непрофессиональная, неэтичная свинья!

Том Пим долго стоял в каменаторной, затем пошел на кухню. Если не принимать во внимание людей, то все осталось таким, каким было всегда.

Затем он пошел на студию и принял участие в ситуативной игре, точно такой же, как во Вторнике.

Вечером Том посмотрел сводку новостей. Президент Соединенных Штатов имел другое лицо и имя, но слова его речи были такими же, как у президента во Вторнике.

Тома представили секретарю продюсера — ее звали не Мейбл, но с таким же успехом ее имя могло быть и таким.

Разница состояла лишь в том, что теперь Дженни была окончательно недосыгаема для него, и еще, пожалуй, в том, что это в корне изменило его жизнь.

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ С ЛОРДОМ ГРЕЙСТОКОМ

Особенность жанра биографической литературы состоит в том, что некоторые его, якобы вымышленные, герои на самом деле весьма реальны. Яркие примеры тому продемонстрировали: Блейкни в «Сэр Перси Блейкни: действительность или вымысел?» (биография Скарлет Пимпернел), Бэрин-Гоулд в «Шерлок Холмс с Бейкер-стрит» и «Ниро Вульф с Тридцать пятой Западной улицы», Паркинсон — «Жизнь и времена Горацио Хорнблоуэра» и Фрезер — «Записки Флэшмена» (пока что вышли три тома). Некоторые общественные библиотеки хранят подобные произведения в разделе «Б» или в отделе биографий. (Книга Блейкни находится в разделе «Б» публичной библиотеки Пеории, штат Иллинойс.)

Мной написаны два таких «жизнеописания»: «Тарзан жив» и «Док Сэвидж: апокалипсис его жизни» (последнюю из которых можно найти в биографической секции библиотеки города Юма, Калифорния). Я собираюсь написать биографии «Тени», Аллана Квотермейна, Д'Артаньяна, Тревиса Мак-Ги и Фу Манчу, основанную, кстати, на реальной истории вьетнамца по имени Ханой Шан, который, как Рохмер, в начале века наводил ужас на население Франции своими зловещими и фантастическими экспериментами. Мне сообщили об этом после того, как в «Тарзан жив» я заявил, что у Фу Манчу не было реального прототипа.

Написание биографических произведений весьма приятно, но требует упорного труда. Здесь необходимо столько же воображения, как в научной литературе, зато гораздо больше дисциплины. Нельзя игнорировать исторические факты. При написании биографии Холмса Бэрин-Гоулд черпал сведения из многочисленных трудов, статей, опубликованных в «Журнале

An Exclusive Interview with Lord Greystoke
Copyright © 1973 by Philip Jose Farmer

Бейкер-стрит» и другой периодике. Ему пришлось не только прочесть их, но и изучить и проанализировать. Он нашел множество противоречивых теорий, из которых собрал одну наиболее правдоподобную. К тому же там, где теории или предположения отсутствовали, он создал их сам, объяснив многочисленные противоречия, содержащиеся в отчетах Ватсона о жизни Холмса. И я должен добавить, что исследователям полупридуманных повествований Берроуза о судьбе Грейстока придется поломать голову над многочисленными загадками, нераскрытыми автором. Биограф должен заполнить пробелы, встречающиеся в жизни героя, и изучить его генеалогию, которой обычный писатель может и пренебречь.

Иногда биограф делает ничем не аргументированные заявления. Так, Бэрин-Гоулд утверждал, что Холмс приходился кузеном профессору Челленджеру, за что и был раскритикован исследователями Шерлока, так как не представил доказательств из Канона. К счастью, в книге «Тарзан жив» я мог уверенно говорить о родственных связях. Тот факт, что мать Тарзана носила фамилию Резерфорд, дал мне нить к выяснению родства.

Приводимая ниже статья — часть моего интервью с лордом Грейстоком, вышедшая под названием «Тарзан существует» в апреле 1972 года, журнал «Эсквайр». Статью сопровождал портрет Грейстока — фоторепродукция картины Жана-Поля Гуде. Персонал «Эсквайра» пошел на многие жертвы и преодолел массу неприятностей, чтобы заполучить его, — честь и хвала им за это. Проверяются слухи о том, что Гуде получил заказ на эту картину, поскольку приходился родственником адмиралу французского флота Полю д'Арно. Говорят, Гуде, как и Холмс, — потомок Антуана Верне, отца четырех известных французских художников.

Примечание редактора: В течение нескольких лет г-н Фармер, записавший нижеследующее интервью, занимался составлением полной биографии человека, которого Эдгар Райс Берроуз назвал Тарзаном из племени обезьян. Книга Фармера «Тарзан жив», готовящаяся к публикации издательством «Даблдэй» в апреле этого года, похожа по стилю на «Шерлок Холмс с Бейкер-стрит» Бэрин-Гоулда и на «Жизнь и времена Горацио Хорнблоуэра» Паркинсона с той большой разницей, что Фармер настойчиво утверждает, что «лорд Грейсток», или «Тарзан», действительно существует. Возможно, Фармеру удалось выследить своего героя в отеле в Либревилле, Габон, на берегу Западной Африки чуть выше экватора, где он и взял это интервью. «Я встретился с ним в гостиничном номере, — рассказал

нам г-н Фармер, — 1 сентября, — как раз в день рождения Эдгара Райса Берроуза. Его рост 6 футов 3 дюйма, а вес, я полагаю, около 240 фунтов. Разумеется, у меня не было возможности увидеть, как он прыгает по лианам или охотится на львов. Но и в одной лишь манере двигаться по комнате угадывалась неимоверная физическая сила. Как сказал Берроуз, Тарзан больше похож на Аполлона, чем на Геркулеса; его мощь исходит не из количества, а из качества мышц. Не премину заметить, что я испытал трепетное благоговение. Конечно же, меня волновало, что, несмотря на все свои исследования, я все еще оставался жертвой мистификаций; но, с того момента как я постучал в дверь и услышал глубокий бархатный голос, произнесший "Войдите", я понял, что нашел того, кого искал. И я еще более убедился в этом, увидев, что в движении он подобен леопарду, или же — водопаду».

Далее приводится интервью г-на Фармера.

ТАРЗАН: Добрый день, г-н Фармер.

ФАРМЕР: Добрый день, ваша светлость.

Т: Если не возражаете, г-н Фармер, я бы предпочел, чтобы меня называли просто Джоном Клейтоном. У меня довольно много титулов, настоящих и вымышленных, но Джон Клейтон — действительно мое имя. Хотя, как вы, очевидно, знаете, обычно я именую себя иным образом.

Ф: Прошу прощения, сэръ... г-н Клейтон. По телефону вы сказали, что уделите мне только пятнадцать минут, поэтому я бы хотел работать быстрее. Вы не возражаете, если я начну задавать вопросы прямо сейчас?

Т: Прошу вас. У вас нет с собой диктофона, не так ли? Нет? Прекрасно.

Ф: Прежде всего, могу ли я поинтересоваться, почему вы были столь любезны, что согласились на интервью?

Т: Не стану раскрывать вам причин этого, г-н Фармер, но скажу, что доволен теми огромными усилиями, которые вы приложили для исследования подробностей моей жизни. Это очень лестно, и я не могу равнодушно отнестись к этому. Кроме того, возможно, вы располагаете такой информацией о моей семье, которая не известна даже мне. Ваши генеалогические исследования вызывают любопытство, на отсутствие которого я никогда не жаловался. Я и сам могу задать вам пару вопросов.

Ф: Разумеется. Для начала, могу ли я поинтересоваться, как получилось, что в вашей манере разговаривать по-английски проскальзывает американский акцент? Вы говорите так, как будто приехали из Иллинойса, откуда я сам родом. Припоми-

наю, однако, что по телефону вы разговаривали подобно герцогу, с изысканным британским произношением.

Т: Я разговариваю так, как привык. Возможно, вы припомните, что английский не был моим первым разговорным языком, хотя писать, как это ни странно, я начал именно на английском. Он был всего лишь моим первым разговорным европейским языком. В 1909-м, когда мне еще не было 21 года, я впервые посетил англоязычную страну — Соединенные Штаты, в частности Висконсин.

Толком не усвоив английский, я получил большую дозу американского. Тем не менее в Британии я могу говорить на британском. Я обладаю даром имитации, как вы, вероятно, его называете, и приспосабливаюсь к диалекту собеседника. Во время произнесения первой и единственной речи в палате лордов я говорил как герцог — по крайней мере так, как они это себе представляли. По-моему, вы нервничаете. Не хотите ли выпить? Я бы не отказался от стаканчика виски за компанию.

Ф: Благодарю. Удивляюсь, что вы пьете, я думал...

Т: Что я трезвенник? Был им многие годы. С первых же дней жизни в цивилизованном обществе я не только видел результаты неумеренности, но и сам чуть не спился. Однако, надеюсь, необузданные порывы юности уже позади. Я способен быть умеренным, не являясь абсолютным трезвенником. В конце концов, мне уже...

Ф: Вам восемьдесят два года. Когда опубликуют это интервью, вам будет восемьдесят три. Однако на вид вам не дашь больше тридцати пяти. В таком случае подтверждается история о знахаре, в знак признательности подарившем вам эликсир бессмертия.

Т: Это случилось в 1912 году. Мне тогда было двадцать четыре, то есть с тех пор я, по-видимому, состарился на десять лет. Этот эликсир просто замедляет процесс старения. Берроуз слегка преувеличил его эффекты, как он частенько делал. Я стану стариком, когда мне исполнится 150 или около того.

Ф: Я хотел бы вернуться к вашему физическому состоянию. С тех пор как вы представили нам Берроуза и с тех пор как Берроуз стал единственным источником информации о вашей жизни и семье...

Т: Вы хотите обсудить корректность изложения Берроуза? Продолжайте.

Ф: В первой книге о Тарзане «Тарзан из племени обезьян» Берроуз рассказывает, что в 1888 году ваша мать, уже беременная, сопровождала вашего отца в секретной миссии Британского правительства в Африку. Они наняли небольшой корабль, но

команда взбунтовалась и выбросила ваших родителей на берегу Африки. Их оставили на побережье Португальской Анголы, приблизительно на десятом градусе южной широты, в полутора тысячах миль к северу от Кейптауна. Но мне кажется, что многие сцены, описанные в книге, не могли происходить в Анголе.

Т: Верно. На самом деле моих родителей бросили на побережье Габона, который тогда входил в состав Французской Экваториальной Африки. Я родился в 190 милях к югу от этого места, там, где теперь расположен «Национальный парк малого Луанго». Мне кажется, любой исследователь, основываясь на фактах, мог бы сделать такой вывод. В местах, где я родился, водились гориллы, которых нет южнее Конго, а Ангола простирается далеко к югу от Конго. И позднее именно французский крейсер прибыл к берегам Африки для спасения экспедиции профессора Портера, куда входила моя будущая жена Джейн. Первый человек, ставший моим другом, — лейтенант Д'Арно — также был с этого корабля. По-моему, ясно, что французский корабль не мог патрулировать берега Анголы — португальской колонии.

Ф: Более того, в дождевых лесах Габона не водятся львы, зебры и носороги. А действительно ли вы, как пишет Берроуз, применив «нельсон», сломали шею львице, пытавшейся забраться в хижину ваших родителей следом за Джейн?

Т: На самом деле это был один из больших леопардов, называемый туземцами «инджогу» и похожий размерами на львицу. Я действительно сломал ему шею. Как вы, однако, знаете, прием «нельсон» я изобрел сам несколько раньше — во время драки с огромной обезьяной мангани, которую Берроуз назвал Теркоз.

Ф: Как же вы объясните расхождение между словами Берроуза и фактами?

Т: Г-н Фармер, взаимоотношения между моей жизнью и повествованием Берроуза чрезвычайно сложны. По различным причинам я предпочитаю не рассказывать вам о приемах Берроуза или моих собственных; но могу рассказать кое-что о нем, как о писателе. Прежде всего Берроуз — большой фантазер. Ничто не обязывало его придерживаться фактов, и даже если бы я хотел принудить его к этому — пришлось бы начать судебный процесс, где я бы подвергся допросу, а это мне совершенно ни к чему. В этом отношении я полностью разделяю позиции вашего персонажа Ховарда Хьюза. Я связывался с Берроузом после написания «Тарзана из племени обезьян» и просил сделать его повествование еще более выдуманым, почти фантастическим. Так мне посоветовала Джейн, ведь если бы люди обнаружили, что я — не вымышленный герой, они не

дали бы мне спокойно жить. Во-вторых, Берроуз и сам не всегда располагал полной информацией. Впервые он услышал обо мне зимой 1891 года, спустя всего два года как я стал известен цивилизованному миру, а записи о моем существовании, включая дневник отца, который он до конца своих дней хранил в Африке, находились в Англии. Кстати, можете просмотреть копии этого дневника, но с собой я их вам не дам. Берроуз не был в Англии, а тем более в Африке, и располагал лишь устной информацией, пересказанной и приукрашенной множеством раз. Многие пробелы моей истории он заполнял одними только догадками — и точными, и не очень. Чтобы казаться более правдоподобным, Берроуз позволял себе придерживаться не фактов, а своих источников информации.

Также, по определенным соображениям, некоторые факты в книгах изложены иносказательно — ни к чему людям знать о них. Берроуз дает указания, как добраться до затерянного города Опар, с его шпилями и соборами, и подземельями, полными золота и бриллиантов. Но эти указания приведут любопытствующих в никуда. Хотя в данном случае это не имеет значения, так как я потратил очень много времени, чтобы полностью сокрыть руины Опара. Вы можете сегодня отправиться туда, и так и не узнаете, что побывали там. Надеюсь, однако, вы не предпримете такой попытки.

Некоторые из рассказов Берроуза — чистая выдумка. В «Сказках джунглей Тарзана» говорится, что я пускал в небо стрелы, пытаясь остановить лунное затмение. Действие рассказа происходит в 1908 году, но в этот год не было затмения, видимого из той части Африки, где я находился. Суший вымысел.

Ф: В дневнике вашего отца говорится, что он сам принял роды у вашей матери, руководствуясь лишь несколькими книгами по медицине. Вы родились 22 ноября 1888 года, сразу после полуночи, в точке пересечения зодиакальных знаков Стрельца и Скорпиона. Скорпион — это страсть, а Стрелец — охотник.

Т: Я знаю. Я много читал об астрологии, хотя верю астрологам не больше, чем политикам. Тем не менее для того полувека-полуживотного, которым я был, нет лучше символа, чем Стрелец — кентавр с луком. И я действительно очень хороший стрелок. Рожденные под знаком Скорпиона — остроумные, творческие натуры, настоящие друзья и опасные враги, и все это мне присуще. Также полагают, что мы распространяем вокруг себя сексуальную энергию. Хм-м.

Ф: Судя по рассказам Берроуза, женщины неоднократно пытались вас соблазнить. Вы определенно не тот бессловесный обезьяночеловек, каким вас представляют в кино. Кстати, вы

говорите, что прекрасно стреляете, а некоторые критики утверждают, что вам не дано овладеть искусством стрельбы из лука. При этом они ссылаются на тезисы Маршала Мак-Лахана о том, что только грамотные люди могут стать превосходными стрелками.

Т: Я читал «Механическую невесту» и «Как понять средства массовой информации». Мак-Лахан забыл о средневековых английских лучниках — несомненно безграмотных, но при этом великих стрелках. И критики забывают, что я сам научился читать и писать по-английски. Я не был безграмотным, хотя не умел разговаривать по-английски.

Ф: Что вы думаете о фильмах про Тарзана?

Т: Первый из них я видел в 1920 году, с участием Элмо Линкольна. Я чуть было не запрыгнул на сцену, чтобы разорвать экран на части. Эти фальшивые джунгли и одурманенные снотворным тощие цирковые кошки! Линкольн же больше походил на гориллу, чем на меня, и он носил головную повязку, чего я никогда не делал. Да и раскачивание на лианах — такая же выдумка киношников, как и то, что Шита был шимпанзе. Даже Берроуз ни разу не упомянул, что я раскачивался на лианах, хотя и он здорово преувеличил мои способности путешествовать по деревьям. Я слишком тяжелый, чтобы скакать по деревьям, как обезьяна. И шимпанзе никогда мне не доверяли, потому что для них я походил на огромных обезьян, вскормивших меня. Мы, то есть они, считали шимпанзе неплохим обедом, когда удавалось их поймать. Позднее фильмы о Тарзана стали мне казаться скорее забавными, чем отвратительными. Джейн помогла мне привыкнуть к ним.

Ф: Артур Кестлер написал статью, утверждающую, что вы не могли избежать задержек в умственном развитии. Он говорит, что известно несколько достоверных случаев, когда детей, вскормленных бабуинами или волками, затем находили люди. Они не были способны освоить какой-либо язык. По-видимому, если у ребенка нет опыта разговорной речи до определенного возраста, он никогда не научится разговаривать.

Т: Кестлер, наверное, не утомлял себя чтением книг о Тарзана. Иначе он бы знал, что у гигантских обезьян был язык, и, как многим другим, ему следовало понять, что гигантские обезьяны, или манганы, были почти людьми, фактически — гуманоидами. Помните, что я сказал об отрывочности информации, на которой Берроуз основывал свои книги? Отсутствующую информацию он заменял воображением или даже дезинформацией. Он изменил имена, поселил в джунгли Габона таких животных, которые никогда там не водились, описал манганы как

больших обезьян. Мой отец думал, что они обезьяны, и называл их так в дневнике. Но отец не был зоологом или палеонтологом.

Манганы — очень редкий, почти вымерший, даже еще 80 лет назад, род гоминидов, по развитию находящихся на полпути между обезьяной и человеком. Вероятно, они представляли гигантскую разновидность «Аустралопитекус Робустус». Окаменевшие останки этих гуманоидов нашел Лики в Западной Африке. У манганы — я называю гигантских обезьян так же, как Берроуз, их собственное название труднопроизносимо — угловатый череп и массивные челюсти. Они часто используют кулаки своих длинных рук для опоры при ходьбе, но их бедра и кости ног похожи на человеческие, и при желании они могут ходить вертикально.

Позднее Берроуз располагал более точной информацией о гигантских обезьянах, но, чтобы выглядеть последовательным, описывал их так же, как и раньше. И только в шестой книге — «Сказки джунглей о Тарзане» — написал, что манганы ходили вертикально и походили на людей.

Конечно же, я свободно говорю на языке манганы, но у меня не совсем хорошее произношение. Голосовые связки манганы отличаются от человеческих, и многие звуки, произносимые ими, не имеют точных эквивалентов в человеческой речи. И хотя я могу говорить по-английски с любым акцентом — на манганы я всегда разговариваю с акцентом человеческим.

Ф: Правда ли, что большой манганы, Теркоз, похитил Джейн и пытался изнасиловать ее? И вы убили его отцовским охотничьим ножом?

Т: Да. Кстати, вот еще одна причина, почему манганы нельзя классифицировать как обезьян. Они способны изнасиловать человека, а гориллы — нет. В мемуарах торговца Хорна я нашел упоминание о купце из Европы, поместившем в одну клетку гориллу-самца и туземную девушку. Горилла всего лишь мрачно сидел в одном углу клетки, а бедная девушка рыдала в другом. Хорн пишет, что пристрелил этого европейца, когда узнал о его экспериментах. В любом случае у горилл сорок восемь хромосом, а у человека — сорок шесть, поэтому гибрид гориллы с человеком невозможен. Но Берроуз знает примеры потомков от человека и манганы.

Ф: Альберт Швейцер утверждал, что, за исключением некоторых незначительных неточностей, мемуары Хорна весьма достоверны. Известно ли вам, что Швейцер построил себе дом на территории торгового поселения Хорна?

Т: Да, в Адолинанонго, недалеко от Ламбарене на реке Огове. Я хорошо знаю это место, в 1886 году там была основана

Католическая миссия. Именно в Адолинанонго мы с лейтенантом Д'Арно вышли из джунглей, когда отправились искать людей.

Ф: Не расскажете ли вы, как вам удалось самостоятельно научиться читать и писать по-английски? Насколько мне известно, случай этот уникален, тем более что вы никогда не слышали английской речи.

Т: Мне исполнилось 10 лет, когда я понял, как открывается дверь хижины моих родителей, и там, как писал Берроуз, я нашел несколько книг — разумеется, совершенно бессмысленных для меня. Но одна из них — детская азбука — была полна картинок и пояснений к ним, что-то вроде «С — это Стрелок, который стреляет из лука». В конце концов меня осенило, что надписи как-то связаны с картинками, и я потратил массу времени, чтобы разобраться в этом. В семнадцать лет я мог читать детский букварь. Я называл буквы «маленькими жучками» — на языке мангани — и знал, для чего они нужны. Вам, должно быть, покажется забавным, что мне пришлось изобрести собственный метод произнесения английских слов, совершенно, конечно же, не похожий на настоящий английский, и регулируемый правилами грамматики мангани. В языке мангани два рода, обозначаемых приставкой — «бу» для женского рода и «му» — для мужского. Я предположил, что заглавные буквы, поскольку они больше — мужского пола, а остальные — женского. Так же как и все дети, знающие алфавит, но не умеющие читать, я произносил каждую букву отдельно, используя произвольные слоги языка мангани. Вам это кажется слишком сложно? Например, я произносил «б» как «ла», «о» — как «ту», «г» — «мо». То есть слово «бог» звучало, с добавлением приставок — «була-мутумумо», английский эквивалент чему — «он-б-она-о-она-г». Теперь это, конечно, кажется слишком громоздко, но я смог прочесть книги отца и понять прочитанное.

Я понятия не имел, как написать имя, данное мне мангани, но нашел картинку с маленьким белым мальчиком, который на англо-мангани, как вы бы, наверное назвали эту смесь языков, назывался «Бумудомутумуро». Так я себя и назвал.

Ф: Как пишет Берроуз, обнаружив, что незваные гости разгромили хижину ваших родителей, вы написали им угрожающую записку, подписавшись именем «Тарзан». Как вам это удалось, если вы не умели писать по-английски?

Т: Я всего лишь написал перевод своего имени: «Белая Кожа». Берроуз не располагал точным текстом записки, когда писал «Тарзан из племени обезьян». Он выдумал текст, не потрудившись объяснить, что я не мог использовать имя, данное мне мангани. А как вы знаете, он был первым и последним рассказчиком.

Ф: Вероятно, чтение дало вам странное представление о внешнем мире, вы ведь не располагали должными источниками для полного понимания книг.

Т: Трудно сказать, что было более странным — реальный мир или мои представления о нем. Первое столкновение с человеческими существами принесло одни лишь неприятности. Первый человек, которого я увидел, только что убил мою приемную мать. Для него она была обезьяной, а для меня — самым прекрасным, любимым и любящим существом на свете. Когда же я впервые увидел белых людей, один из них убивал другого. К счастью, все это не заставило меня навсегда отвернуться от людей. Иначе я бы никогда не познал человеческой любви.

Ф: Не возникало ли у вас желания присоединиться к племенам туземцев, когда, повзрослев, вы обнаружили, что являетесь человеком, а не обезьяной?

Т: Нет. Я считал их виновными в смерти матери и ненавидел долгое время. К тому же туземцы были каннибалами и ели всех, не принадлежащих к их племени, в том числе белых людей. А их женщины смазывали тела и волосы протухшим пальмовым маслом. Из-за обостренного обоняния они вызывали у меня только отвращение. Хотя если бы не появилась Джейн...

Ф: Берроуз писал, что вам не свойственны расовые предрассудки.

Т: У меня, как у Марка Твена, есть только один предрассудок — против человеческой расы.

Ф: Давайте поговорим о другом. Многие читатели считают ваше поведение в джунглях наедине с Джейн невероятно рыцарским. Берроуз приписывает это наследственности, но сегодня подобное объяснение вряд ли кого-нибудь устроит.

Т: Понимаете, я прочел все викторианские новеллы из библиотеки отца, в том числе и книгу Мэлори о короле Артуре, рыцарях и прекрасных дамах, и очень верил в рыцарство. Я любил Джейн и не хотел обидеть ее. Кроме того, у мангани есть представление об этике, в том числе и о супружеской верности, не всегда, правда, соблюдаемой. Они не обезьяны и не спариваются на публике.

И в случае насилия — если оскорбленная сторона желает того — насильнику грозит смерть. Сложите все факторы, и поймете, что мое поведение весьма вероятно.

Ф: Вы стали вождем чернокожего племени, названного Берроузом «вазири». В биографии В. С. Филдса, написанной Робертом Левисом Тейлором, говорится, что Филдс ездил вместе с Тексом Рикардом в кругосветное путешествие и встретил

обнаженных туземцев вазири. Это было в 1906-м или 1907-м, за несколько лет до вашего столкновения с вазири. Говорили ли они вам когда-нибудь о Филдсе?

Т: Боюсь, мне ничего не известно об этом.

Ф: Насколько правдоподобна история Берроуза «Тарзан и человек-лев»? Мне кажется, Берроуз написал ее как пародию на Голливуд.

Т: Да, практически вся эта книга — выдумка. Но однажды я ездил в Голливуд, разумеется, инкогнито для всех, кроме Берроуза.

Ф: Действительно ли вы участвовали в пробах на роль Тарзана? И продюсер отказал вам на том основании, что вы — неподходящий типаж?

Т: Нет, хотя я бы не удивился, если бы такое случилось. В любом случае я приехал туда слишком поздно, чтобы принять участие в картине Вейсмюллера «Тарзан, человек из обезьян» и слишком рано для фильма Бастера Краббе «Тарзан бесстрашный». Я тайно встретился с Берроузом, который очень мне понравился. Он был любезен, образован и не воспринимал себя или свою работу слишком серьезно. Берроуз видел много неправильного и отвратительного в устройстве общества и высмеивал эти черты в книгах, но стиль его изложения более похож на сатиру Вольтера, чем на насмешки Свифта. Он никогда не был угрюмым или ворчливым. Раз уж мы обсуждаем авторов, позвольте и мне удовлетворить любопытство. По-моему, вы очень целенаправленно шли по моим следам. Не объясните ли, как вы меня вычислили?

Ф: Долгое время я подозревал, что и Берроуз, и Артур Конан Дойл и Джордж Бернард Шоу писали рассказы о вашей семье. Каждый из них, однако, использовал более-менее сложную систему для кодировки имен различных ваших родственников. Если раскрыть эти коды и использовать их как указатели, скажем, в «Родословии английского дворянства» Берка, они бы привели меня прямо к вам. Так оно и было. Поиски мои были долгими и сложными, но, поскольку у нас сегодня мало времени, надеюсь, вы подождете, пока я пришлю вам копию своей книги, чтобы вы смогли понять ход моих мыслей. Достаточно сказать, что я продемонстрировал вашу тесную связь с реальными прототипами дока Сэвиджа, Ниро Вульфа, Бульдога Друммонда, Шерлока Холмса, лорда Питера Вимси, Леопольда Блюма, и Ричарда Вентворта (известного также под именами Г-8, Паук и Тень), а также некоторыми другими выдающимися литературными героями XIX и XX веков.

Т: Неужели!

Ф: Также я нашел объяснение удивительным, почти сверхчеловеческим способностям, свойственным и вам, и членам вашей семьи. Как известно, на месте падения метеорита на нагорье Ньютон в 1795 году, построен монумент. В момент падения метеорита мимо проезжали три экипажа, в которых находились герцог Грейсток Третий с женой, богатый джентльмен Фицвильям Дарси из поместья Пемберли и его жена Элизабет Беннет, героиня книги «Гордость и предубеждения» — родители Шерлока Холмса, и некоторые другие. Все дамы были беременны. Все из них подверглись радиации, сопровождающей падение метеорита, которая, видимо, и вызвала благоприятные мутации. Иначе как вы объясните генетический всплеск величия в потомках этих людей, включая и вас?

Т: Не скажу, что я полностью убежден. Тем не менее ваша теория очень вероятна. Мои кости в полтора раза толще обычных, что могло бы означать, что я — мутант. И хотя мне не с кем было сравнивать себя, я знаю, что развивался очень странно даже до того, как перестал стареть под воздействием эликсира бессмертия. В восемнадцать лет мой рост составлял шесть футов, и за следующие два года я вырос еще на два дюйма. Я не брился до двадцати лет, никогда не болел и не страдал от зубной боли. Возможно, ваша теория о мутации верна. На этом, к сожалению, наше интервью заканчивается. Верните, пожалуйста, копии дневника.

Ф: Время закончилось? Но...

Т: Мне не нужны часы, чтобы следить за временем. До свидания. Больше мы не увидимся. Прошу вас остаться в этой комнате и позволить мне уйти первым. Я уже выписался из гостиницы и должен ее покинуть.

Ф: Могу я поинтересоваться, куда вы идете?

Т: Собираюсь устроить себе небольшую аварию, чтобы завтрашние газеты опубликовали сообщение о моей смерти. Слишком многие люди интересуются, почему я так молодо выгляжу. Одна из причин, по которым я дал вам интервью, состоит в том, что я исчезаю. Ваша книга никому не поможет найти меня. Однако я беру с вас обещание не раскрывать мою личность в течение десяти лет. Я буду жить инкогнито с Джейн в разных странах, под разными именами. Время от времени буду возвращаться в джунгли. В Габоне и Итури еще сохранились обширные дождевые леса, единственное население которых — несколько пигмеев. Когда-нибудь дождевые леса исчезнут. Но я думаю, что скорее всемирное загрязнение окружающей среды приведет к разрушению цивилизации и радикальному уменьшению численности населения. Возможно, в конце концов леса избегнут гибели и вернутся многие разновидности, которым

сейчас угрожает вымирание. В любом случае я намерен выжить. Если же нет, что ж, рано или поздно смерть настигает нас, и я не стану думать о ней раньше срока. Как я уже говорил, я состарюсь приблизительно в 150 лет. Пришлите вашу книгу моим банкирам в Цюрих

Затем, как пишет Фармер, Тарзан покинул комнату.

(Примечание автора: В целях безопасности в интервью я утверждал, что встретился с «лордом Грейстоком» в Африке. Теперь же можно раскрыть, что на самом деле эта встреча произошла в Чикаго.)

Содержание

От издательства	5
Дейра , роман, <i>перевод В. Ватика</i>	7
Повести и рассказы	
Дочь капитана, <i>перевод И. Зивьевой</i>	171
Божий промысел, <i>перевод В. Серебрякова</i>	227
Богохульники, <i>перевод Л. Шабада</i>	288
Тень пространства, <i>перевод Л. Шабада</i>	318
Чаша больше, чем Земля, <i>перевод Л. Шабада</i>	345
На пути к Возлюбленному городу, <i>перевод А. Думеш</i>	363
Вторничный ломтик мира, <i>перевод В. Либрент-Лациса</i>	387
Эксклюзивное интервью с лордом Грейстоком, <i>перевод А. Думеш</i>	402

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том шестнадцатый

Составитель *Д. Смушкович*

Редакторы *А. Александрова, М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,*

А. Хиришфелде

Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*

Оформление шмуцтитлов: *В. Ковалев*

Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 12.05.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антикva. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 662.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Государственного комитета Российской Федерации по печати

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Дейра

Загадочные инопланетяне, поселившие людей на далекой планете Дейра, стремились научить их жить в мире друг с другом. Но даже лишенные металла, дейриане продолжают войну. Назначенный срок близится к концу. Ставка в борьбе — власть над планетой. Но когда посланцы родной Земли прибывают на Дейру, Джек Кейдж должен сделать свой выбор.

Повести и рассказы

Пуританская секта борется со странным паразитом, но их лекарство оказывается хуже самой болезни... Немолодой профессор находит бутылку божественного кузнеца, и река Иллинойс начинает течь пивом... Древняя раса оставляет сфинксов на своем пути — но находит сфинкса, которого высекли не они... Об истоках и следствиях веры размышляет автор в рассказах, составивших эту книгу, — даже веры в героев бульварных романов!

